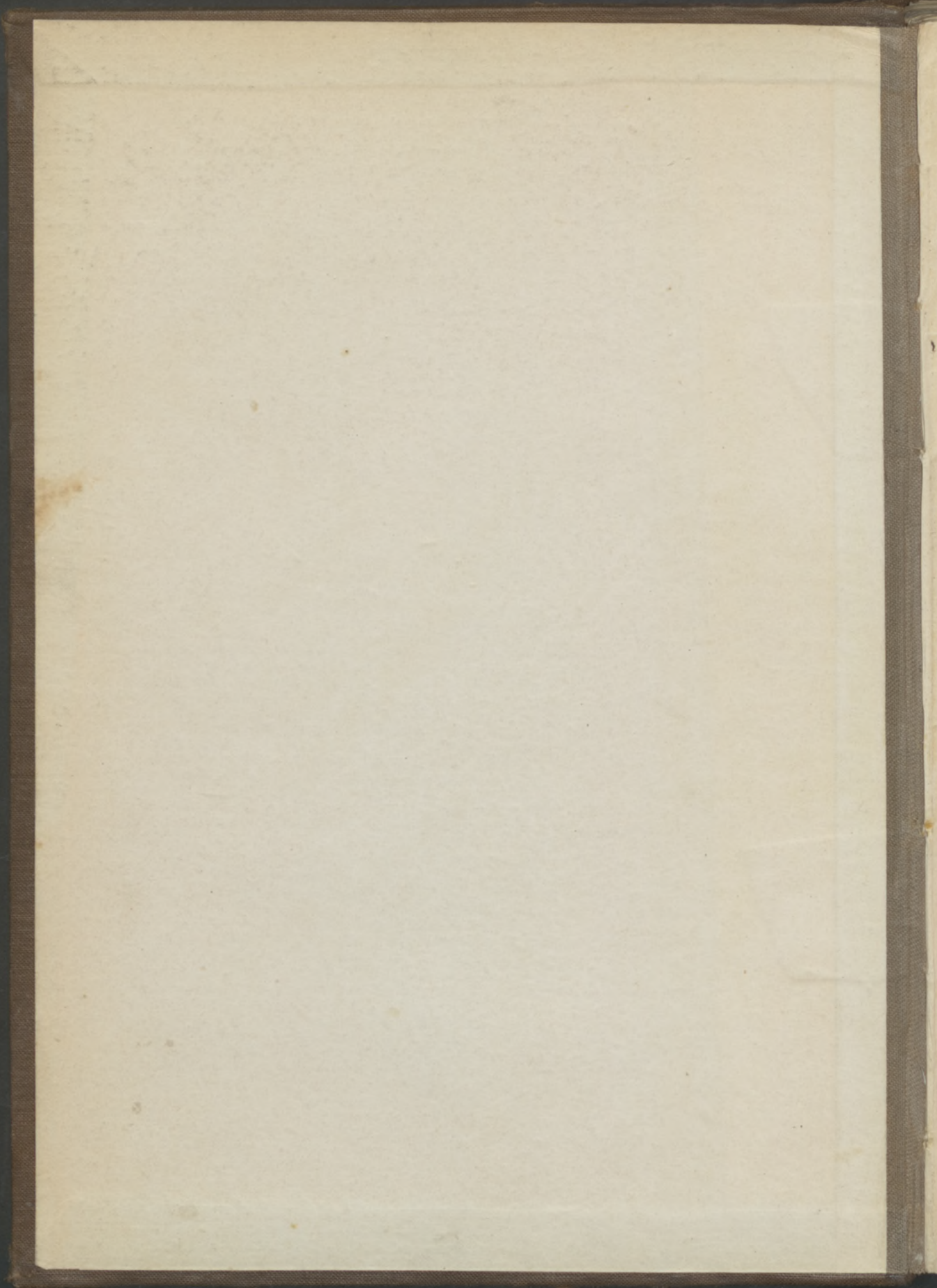
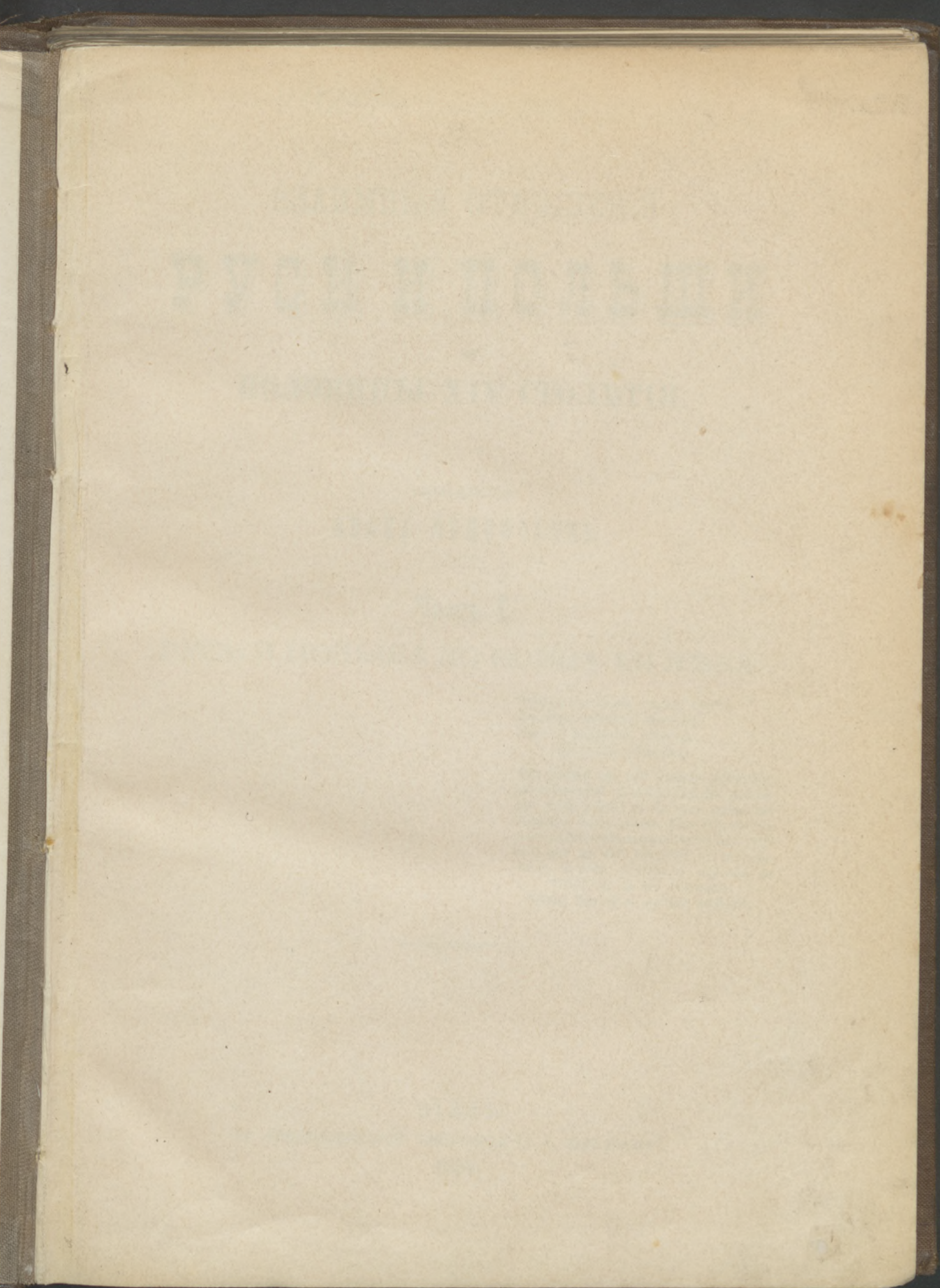

MS
1113
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

2808

Klösel

от 1950 Византизм

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
РУСИ И ПОЛЬШИ

ДО
ПОЛОВИНЫ XIV СТОЛѢТІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ИВАНА ЛИННИЧЕНКА.

Часть I.

РУСЬ И ПОЛЬША ДО КОНЦА XII ВѢКА.

Оттакъ то Ляше, друже, брате,
Несытти ксѣндзы, магнаты
Насъ поризнылы, розвели...
Шевченко (Ляхамъ).

Une nation est une grande solidarité,
constituée par le sentiment des sacrifi-
ces qu'on a faits et de ceux qu'on est
disposé à faire encore. Elle suppose un
passé; elle se résume pourtant dans le pré-
sent par un fait tangible: le consente-
ment, le désir clairement exprimé de
continuer la vie commune.

Renan (Qu'est-ce qu'une nation?).

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (И. И. ЗАВАДЗКАГО).

1884.

ВЪСН И ПОДЪШ
ПОДЪШ ДО КОНЦА XII ВЪКА

(Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1883 года).
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.
Въ университетской типографіи.

Въсн и подѣш
подѣш до конца XII вѣка

431750

K. 165/98

Raro Lectori.

Прошу ученаго читателя, (предполагаю, не безъ вѣроятія, что мой трудъ прочтутъ лишь немногіе спеціалисты) во избѣжаніе хотя одной изъ причинъ неудовольствій на автора, до начала чтенія исправить, по прилагаемому въ концѣ книги обширному списку, хотя главныя опечатки. Mea culpa...

Rare Lectures

It is a pleasure to announce that the first volume of the series has been published. The lectures were given at the University of Cambridge in the year 1885. The second volume is now in the press and will be published in the near future. The third volume is also in the press and will be published in the near future. The fourth volume is also in the press and will be published in the near future. The fifth volume is also in the press and will be published in the near future.

По первоначальному плану работа наша должна была состоять из двух отдѣловъ: въ первомъ предполагался обзоръ взаимныхъ отношеній Руси и Польши за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, т. е. до половины XIV ст. Во второмъ авторъ хотѣлъ прослѣдить постепенную смѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшею русскихъ областяхъ. Къ своему сожалѣнію, автору удалось пока исполнить лишь часть своей задачи, почему предлагаемый трудъ имѣетъ характеръ отрывочный. Многое можетъ показаться недоказаннымъ; но просимъ читателя не забывать, что онъ имѣетъ дѣло только съ частью болѣе обширнаго изслѣдованія, и что недоказанное здѣсь получить свое оправданіе въ послѣдующихъ частяхъ нашего труда.

Считаемъ излишнимъ распространяться относительно важности изученія взаимныхъ отношеній такихъ двухъ государствъ, какъ Русь и Польша, государствъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на судьбу одно другаго. Мы позволимъ себѣ лишь сказать нѣсколько словъ въ оправданіе первыхъ двухъ главъ нашего изслѣдованія, которыя могли бы показаться излишними.

Главу объ источникахъ мы считаемъ необходимой, ибо такой или другой взглядъ на значеніе источниковъ опредѣляетъ и самый характеръ труда, притомъ въ нашей литературѣ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ обзора польско-латинскихъ источниковъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для исторіи южной Руси.

Изслѣдованіе брачныхъ союзовъ между княжескими домами Руси и Польши составляетъ точно также необходимое введеніе къ 3-й главѣ, ибо въ политическихъ отношеніяхъ средневѣковыхъ государствъ брачные союзы играли весьма важную роль.

Въ заключеніе авторъ проситъ критики строгой, но безпристрастной (въ наше время упадка критики счастливъ авторъ, нашедшій хорошаго критика). Самъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи не исходилъ изъ какихъ либо національных симпатій или антипатій; того же онъ ожидаетъ и отъ своихъ критиковъ. Всякій честный изслѣдователь работаетъ для истины, а не для удовлетворенія личныхъ вкусовъ и авторскаго самолюбія, а потому всегда съ благодарностью принимаетъ каждое научное замѣчаніе на свой трудъ.

The first part of the report deals with the general situation of the country and the progress of the work of the Commission. It then goes on to discuss the various aspects of the problem, and finally makes some suggestions for the future.

The second part of the report deals with the results of the work of the Commission. It is divided into two sections, the first of which deals with the results of the work of the Commission in the field of research, and the second with the results of the work of the Commission in the field of practical work.

The third part of the report deals with the conclusions of the Commission. It is divided into two sections, the first of which deals with the conclusions of the Commission in the field of research, and the second with the conclusions of the Commission in the field of practical work.

The fourth part of the report deals with the recommendations of the Commission. It is divided into two sections, the first of which deals with the recommendations of the Commission in the field of research, and the second with the recommendations of the Commission in the field of practical work.

The fifth part of the report deals with the appendixes. It contains a list of the names of the members of the Commission, a list of the names of the members of the various committees, and a list of the names of the members of the various sub-committees.

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ РУСИ И ПОЛЬШИ ДО КОНЦА XII ВѢКА.

I. ИСТОЧНИКИ.

Источники, уясняющіе взаимныя отношенія Руси и Польши въ древній періодъ нашей исторіи, можно расположить весьма удобно въ хронологическомъ порядкѣ, почти соответствующемъ степени ихъ достовѣрности.

Наиболѣе древнимъ источникомъ, изъ котораго мы впервые получаемъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о первыхъ столкновенияхъ Руси и Польши, является *Титмаръ Мерзебургскій* ¹⁾.

Причины, ставящія Титмара какъ историческій источникъ весьма высоко: 1) современность событіямъ; Титмаръ писалъ свою хронику (точнѣ послѣднія книги, конецъ 6-ой, 7 и 8) такъ сказ. по горячимъ слѣдамъ событій ²⁾, 2) возможность, благодаря высокому положенію и приближенію ко двору императора, знать точно и своевременно о ходѣ событій (Титмаръ происходилъ изъ весьма знатнаго саксонскаго рода

¹⁾ О Титмарѣ см. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, 4 Ausg. т. I р. 282—291. Joh. Strebitzki, zur Kritik Thietmars von Merseburg. (Forsch. zur Deutschen Geschichte, XIV). Предисловіе Белевскаго при его изданіи выдержекъ изъ Титмара, касающихся Польши (М. Pol. I); обстоятельный сводъ писаннаго о Титмарѣ см. въ соч. Ф. Я. Фортинскаго *Титмаръ Мерзебургскій*, СПб. 1872. Извѣстія Титмара, касающіяся Руси—въ ст. П. В. Голубовскаго (Сборникъ сочиненій студентовъ унив. св. Влад. I). cf. Wischniewski, Hist. liter. polskiej р. 18—30.

²⁾ Strebitzki, I. с. р. 358; 7 1-ыхъ главъ 8-ой книги, описывающей 1018 г. олъ кончилъ въ маѣ 1018 г., а послѣднія главы этой книги дописалъ за 2 мѣсяца до смерти (Biel. I. с. р. 255).

графовъ Вальбекскихъ, родственнаго со многими княжескими домами и даже съ самими Оттонами; какъ епископъ Мерзебургскій, онъ принадлежалъ къ совѣту императора¹⁾; 3) правдивость которой онъ отличается въ значительной степени²⁾.

Что касается отрицательныхъ сторонъ авторской дѣятельности Титмара, то, помимо нѣкоторыхъ недостатковъ, (какъ то — легковѣрія, извѣстныхъ предразсудковъ) общихъ всѣмъ средневѣковымъ писателямъ, важное значеніе имѣетъ для насъ слѣдующее обстоятельство: источниками Титмару служили какъ разныя современныя сочиненія³⁾, такъ, съ другой стороны, — рассказы очевидцевъ и собственный опытъ⁴⁾. Трудно бываетъ (особенно въ послѣднихъ книгахъ) отличить, что собственно принадлежитъ личному опыту автора, что записано со слуховъ. Впрочемъ, что касается польскихъ и особенно польско-русскихъ отношеній, то нѣтъ сомнѣній, что большая часть извѣстій о нихъ (польско-русскія дѣла — исключительно) записана съ чужихъ словъ; это отнимаетъ извѣстную цѣну у его извѣстій, на столько разумѣется, на сколько рассказы по слухамъ уступаютъ личному опыту. Если и бываетъ, что подобные рассказы не

¹⁾ Wattenbach I. c.

²⁾ „Нѣтъ причинъ заподозрить его любви къ истинѣ, онъ самъ себя не щадитъ, съ трогательной скромностью сознается въ своихъ ошибкахъ“ Wattenbach, 291. Безпристрастнымъ Титмара однако нельзя назвать; его сочиненіе походитъ скорѣе на мемуары, нежели на хронику въ собственномъ смыслѣ; описывая событія главнымъ образомъ своего времени, онъ вноситъ въ изложеніе свои симпатіи и антипатіи; такъ онъ питаетъ отвращеніе къ Славянамъ — язычникамъ и врагамъ нѣмецкой имперіи, онъ ненавидитъ Болеслава Храбраго, постоянно воевавшего съ императоромъ и заслывшаго польскіе отряды даже въ глубь Мерзебургской епархіи; Титмаръ не щадитъ неслестныхъ эпитетовъ для Болеслава и тѣмъ не менѣе въ рассказѣ о его дѣятельности нигдѣ не отступаетъ отъ истины, такъ что, помимо своей воли, рисуетъ яркими красками грандіозный образъ Болеслава. (Bielowski I. c.).

³⁾ См. Wattenbach, I. c.; Фортинскій, гл. 17. Большая часть письменныхъ источниковъ Титмара дошла до насъ.

⁴⁾ По мнѣнію Стребицкаго (Forsch. p. 359), начиная съ V-ой книги, Титмаръ пользуется исключительно одними устными источниками (рассказы очевидцевъ и собственный опытъ), Wattenbach выражается нѣсколько осторожнѣе.

противорѣчать дѣйствительному ходу событій, то за то всегда бываютъ при этомъ утеряны живость красокъ и многія важныя частности.

Современныя польскія дѣла были извѣстны Титмару частью по рассказамъ и частью по личному опыту. Титмаръ имѣлъ и самъ нѣкоторыя столкновенія съ Поляками, которые забѣгали въ самую его Мерзебургскую епархію. Два раза онъ участвуетъ въ походѣ противъ Поляковъ, но въ первомъ походѣ ему не удалось и видѣть польскаго войска, такъ какъ нѣмецкое войско не перешло польскія границы и вернулось назадъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Титмаръ. Въ другой разъ Титмаръ участвовалъ въ походѣ нѣмецкаго войска на вырчку маркграфу мисненскому Герману, осажденному Поляками¹⁾.

Но конечно эти факты вовсе не даютъ права предполагать, какъ это дѣлаетъ Белевскій²⁾, чтобы Титмаръ былъ знакомъ съ польскимъ языкомъ³⁾.

Столѣтіемъ позже Титмара писана наша лѣтопись (по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее имѣемъ). Для занимающаго насъ періода важна особенно южная ея редакція (сводъ Сильвестра и Кіевская лѣтопись; 3-я часть Ип. лѣтописи,—лѣтопись Галицко-Волынская, списываетъ событія исключительно XIII в.). Древняя наша лѣтопись вызвала столько ученыхъ работъ, что мы ограничимся ссыл-

¹⁾ Подробный *itinerarium* Титмара см. въ указанномъ сочиненіи Стребицкаго, *Forsch. zur Deutch. Gesch.* XIV.

²⁾ I. с. 231, *Wischniewski* II, p. 18; О. Я. Фортинскій (Титмаръ Мерзебургскій), p. 60—1 уклоняется отъ рѣшенія этого вопроса, признавая однако за Титмаромъ знакомство съ славянскимъ языкомъ (?). То, что Титмаръ понималъ значеніе нѣкоторыхъ славянскихъ именъ (напр. Болеславъ, Владимиръ) не рѣшаетъ вопроса, какое нарѣчіе ему могло быть извѣстно; притомъ же знаніе нѣсколькихъ словъ не есть еще знаніе языка.

³⁾ Древнѣйшая рукопись хроники Титмара если не автографъ, то, по крайней мѣрѣ, носитъ несомнѣнные слѣды его собственноручныхъ исправленій и дополненій. Последнимъ обстоятельствомъ объявляются нѣкоторыя противорѣчія въ его хроникѣ. Немногія извѣстія Титмара о польско-русскихъ отношеніяхъ будутъ разобраны ниже, при разборѣ извѣстій о столкновеніяхъ Руси и Польши при Болеславѣ Храбромъ.

кою на нихъ, а постараемся охарактеризовать нашу лѣтопись только со стороны ея свѣденій о польско-русскихъ дѣлахъ¹⁾.

Составитель древнѣйшаго лѣтописнаго свода пользовался при своей сводной работѣ какъ туземными источниками (отдѣльными сказаніями и лѣтописными замѣтками), такъ и нѣкоторыми Византійскими хрониками (Георгія Амартола, Малалы, Меѳодія Патарскаго); но знакомства съ западными источниками въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ не видно²⁾.

Объясняется это конечно совершенно спеціальнымъ греко-византійскимъ образованіемъ какъ составителя свода, такъ и авторовъ тѣхъ отдѣльныхъ источниковъ, которыми воспользовался сводчикъ (авторы эти по большей части были духовные); съ другой стороны и центръ нашей лѣтописной дѣятельности, Кіевъ, только въ исключительныхъ случаяхъ вступалъ въ непосредственное столкновеніе съ латинскимъ западомъ. (Къ такимъ исключительнымъ случаямъ слѣдуетъ отнести двукратное занятіе Кіева Поляками въ XI ст., но занятіе это продолжалось очень короткое время). Перевѣсъ культуры западной надъ той культурой, которая шла къ намъ изъ Византіи, замѣтенъ только въ

¹⁾ Изъ изслѣдованій о лѣтописи особенно важны: Н. И. Костомарова лекціи по Русской Исторіи; Вѣляевъ, о разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей (Врем. М. Об. ист. и др. V. 1850): статья въ Правосл. Собесѣдники 1860 г. книга 4; Срезневскаго, Чт. о др. лѣт. (Зап. Ак. Н. т. II); Сухомлинова, о древн. Русск. лѣт. какъ памятникѣ литерат. (Уч. Зап. II отд. Ак. Н. кн. III); послѣднія два сочиненія легли главн. обр. въ основу труда г. Бестужева-Рюмина—о составѣ русск. лѣтописей до конца XIV ст. (Лѣт. Занятій Археогр. Ком. вып. IV). Подробный анализъ Кіевской лѣтописи см. преимущественно въ указанномъ сочиненіи г. Бестужева-Рюмина. Мнѣе другихъ изслѣдована Гал. Вол. лѣтопись; въ трудѣ г. Бестужева Рюмина ей посвящено всего нѣсколько страницъ. О послѣдней лѣтописи см. также предисловіе А. Петрушевича въ его изданіи Галицко-Волынской лѣтописи и замѣчанія Н. П. Дашкевича въ соч. Данилъ Галицкій; Szaranie-wicz, die Hupatios chronik als Quellen—Beitrag zur Oesterreich. Gesch; Lemberg 1872.

²⁾ Конечно, здѣсь не можетъ бытъ и рѣчи о польско-латинскихъ хроникахъ, которыхъ тогда еще не существовало (Древнѣйшая польско-латинская хроника т. наз. Мартына Галла писана нѣсколькими годами позже свода Сильвестра).

пограничныхъ съ западомъ областяхъ—такими были области Галицко-Волынскія. Знакомство съ латинскимъ языкомъ и съ западной письменностью должно было начаться здѣсь довольно рано. Этому могли способствовать здѣсь смѣшанные браки, весьма рано обратившіе на себя вниманіе западнаго духовенства. (Смѣшанные браки являлись въ Гал. Вол. области не только результатомъ насильственнаго перелива польскаго населенія въ пограничную русскія области и обратно, но и происходили совершенно естественно, какъ результатъ частыхъ сношеній двухъ пограничныхъ племенъ). Обозначить степень распространенія западной письменности въ Галицко-Волынской области до XIII вѣка нѣтъ возможности, по недостатку данныхъ; но извѣстное распространеніе ея въ XIII вѣкѣ уже не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть доказано. Во всѣхъ южныхъ спискахъ Кіевской лѣтописи сохранилась подѣ 1190 г. похвала крестоносцамъ, заимствованная, какъ предполагалъ издатель Ип. лѣтописи, изъ какой нибудь латинской легенды¹⁾. Конечно, въ такомъ случаѣ это позднѣйшая вставка и, вѣроятно, сдѣланная въ XIII ст. на югѣ, тамъ же, гдѣ составленъ и весь южно-русскій лѣтописный сводъ. Что касается автора (или авторовъ) собственно Галицко-Волынской лѣтописи, то знакомство его съ языками Польскимъ (м. б. и Венгерскимъ) и латинскимъ весьма вѣроятно. На это указываютъ сохранившіяся въ этой лѣтописи слова и выраженія,—кромѣ указанныхъ въ предисловіи къ 2-му изданію Ип. лѣтописи (деряжде, дна, Ведень),—каришь²⁾, названія: пробоць³⁾, вицькій⁴⁾, керльшь (=kurie eleison⁵⁾. Бѣла постоянно наз. ривьсь (т. е. рекесь)⁶⁾. Въ описаніи событій⁷⁾ приводятся нерѣдко подлинныя слова Ляховъ,

¹⁾ П. С. Л. II, стр. 139 прим. ²⁾ Ип. 568, ³⁾ Ип. 542, и 571. ⁴⁾ Ип. 537. ⁵⁾ Ип. 533. ⁶⁾ Ип. 507.

⁷⁾ Напр. Ип. 505, переговоры Данила съ жителями Калиша; это мѣсто весьма характерно по способу перелачи на русскій языкъ словъ Ляховъ. При осадѣ Калиша вмѣстѣ съ Конрадомъ, Даниль надѣваетъ шлемъ польскаго воеводы Пакослава и идетъ вмѣстѣ съ парламентарями Конрада къ городу; граждане просятъ не губить ихъ города, не сдавать его русскимъ войскамъ; Пакославъ отвѣчаетъ: „Кондрать бы радъ милость учинилъ вамъ, Даниль люгъ зѣло есть, насъ не хочеть отойти прочь, не приемъ града“, розсмѣявся рче: „а се стоитъ самъ, молвьте с нимъ“; князь же тѣче его скѣпшищемъ, и сняя себе шлемъ. Они же кликнуша с града „имѣи службу

Венгровъ¹⁾. За это говорятъ и весьма близкое знаніе польскихъ дѣлъ. Современность событіямъ автора лѣтописи не позволяетъ думать, чтобы извѣстія о польскихъ событіяхъ были заимствованы изъ письменныхъ польскихъ (польско-латинскихъ) источниковъ; изложеніе лѣтописи такъ живо и ярко, что, видно, событія записывались авторомъ непосредственно послѣ ихъ совершенія. (Авторъ, какъ кажется былъ человѣкомъ свѣтскимъ и принималъ непосредственное участіе въ событіяхъ)²⁾. Знакомство автора съ нѣкоторыми западными хрониками видно изъ мѣста лѣтописи объ убіеніи Филиппа, царя Римскаго³⁾. Это мѣсто безъ сомнѣнія позднѣйшая вставка (не ранѣе конца 2-ой 1/2 XIII в. — см. доказат. въ соч. Н. П. Дашкевича, Давидъ Гал.⁴⁾; если не авторъ слѣд., то редакторъ XIII в. имѣлъ подъ руками какую нибудь западную хронику или житіе⁵⁾.

Что касается отношенія разбираемыхъ лѣтописей къ Полякамъ и къ польско-русскимъ дѣламъ, то въ этомъ отношеніи всѣ 3 указанныя лѣтописи (древнѣйшій сводъ, Кіевская лѣтопись и лѣтопись Га-

нашу, молимся, створи миръ. Оному же много слѣдывшуся и много вѣстовавшу с ними, и поя отъ нихъ 2 мужа и приѣха Кондратови.

¹⁾ Ип. 485, 492, 507.

²⁾ Къ доказательствамъ автора статьи въ Правосл. Собес. (1860 № 4) и Н. П. Дашкевича Княж. Давида Галицкаго, р. 4, прим.), прибавимъ еще слѣд.: 2 раза у поляковъ упоминаются: попы, діаконы, игумены (Ип. 565 и 591)—такъ бы не выразился духовный.

³⁾ Ип. 484, Филиппъ Гогенштауфенъ † 1208.

⁴⁾ Р. 5.

⁵⁾ Быть можетъ къ числу позднѣйшихъ вставокъ принадлежитъ и мѣсто лѣтописи объ ослѣпленіи Петра Власта (Ип. 228), фактъ, о которомъ ничего не говорятъ древнѣйшіе источники свѣденій объ этомъ польскомъ вельможѣ. (*Chronicon Ortliebi Zuifaltensis, Herbordi Vita Ottonis, Кадлубежъ*). По мнѣнію Малецкаго (*Testament Bolesława Krzyw., см. цитату у Семковича, kr. Piotra Wlasta, М. Р. III. 747*), эта легенда появилась въ письменныхъ источникахъ не ранѣе XIII в. Въ такомъ случаѣ и мѣсто лѣтописи объ ослѣпленіи Петра, могло быть припискою какого нибудь читателя. (Но см. возраженія Малецкому Семковича, М. Р. III. 761). Интересно, что наша лѣтопись, вспоминая, какъ Петръ захватилъ лестью Володаря, говорить, что объ этомъ было „въ заднихъ лѣтахъ писано“, но раньше о Петрѣ нѣтъ ни слова.

лицко-Волинская) существенной разницы не представляют; разница, если хотите, только количественная, а не качественная. Древняя наша лѣтопись нигдѣ не представляет намъ враждебнаго отношенія къ Ляхамъ, нигдѣ даже не называетъ ихъ еретиками; два случая весьма острыхъ столкновений Руси съ Ляхами—занятіе Болеславомъ Храбрымъ и Болеславомъ Смѣлымъ Кіева (Ляхи конечно не щадили Кіевлянъ, но получили и жестокую оплату—значительную часть ихъ перебили) рассказаны въ лѣтописи замѣчательно объективно, мало того, однажды даже проглядываетъ извѣстное сочувствіе если не къ Ляхамъ, то къ Болеславу Храброму,—несмотря на чудовищную толщину, говоритъ лѣтопись, онъ смысленъ бѣ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ лѣтопись называетъ его великимъ²⁾.

(Въ данномъ случаѣ впрочемъ лѣтопись, кажется, имѣла въ виду укорить Ярослава за безпечность и излишнюю самоувѣренность; едва ли не слѣдуетъ въ рассказѣ о борьбѣ Ярослава со Святополкомъ видѣть пересказа народнаго преданія; что этотъ рассказъ вошелъ въ лѣтопись не изъ письменнаго источника, на это указываетъ и краткость самаго рассказа и отсутствіе подробностей въ описаніи занятія Болеславомъ Храбрымъ Кіева и нѣкоторое несочувствіе къ Ярославу—безъ сомнѣнія отраженіе возрѣній Кіевлянъ, среди которыхъ Ярославу приходилось завоевывать себѣ симпатіи. Будь рассказъ записанъ монахомъ, онъ бы конечно явился совершенно въ другомъ видѣ, такъ какъ среди монашества Ярославъ пользовался большой популярностью³⁾. Что рассказъ записанъ съ чужихъ словъ (можетъ быть, по рассказамъ Яна Вышатича—слѣд. уже изъ 2-хъ рукъ, ибо Янъ род. ок. 1016 г. (+1106 90 лѣтъ) на это указываетъ еще невѣрность въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. (см. ниже).

Эта объективность и терпимость лѣтописнаго изложенія, которое въ данномъ случаѣ вѣрно отражало народное возрѣніе, не успѣвшее еще проникнуться монашеской враждой къ латинству, особенно бросается въ глаза по сравненію какъ съ другими современными произ-

¹⁾ Ип. 100.

²⁾ Ип. 105. В се же время умершу Болеславу великому в Ляхѣхъ, и бысть мятежь великъ в лядской земли.

³⁾ См. похвалу ему подъ 1037 г. „взлиха же бѣ любяче черноризци. (Ип. 106); ср. ниже главу III.

веденіями исключительно монашескаго происхожденія, дошедшими до насъ помимо лѣтописи (напр. поученіе Θεодосія—слово о вѣрѣ крестьянской и о латинской, или посланіе митр. Леонтія объ опрѣсновахъ) такъ и съ нѣкоторыми частями лѣтописи, существовавшими отдѣльно и написанными со спеціальною богословскою цѣлью; таковы—политическая статья противъ Латинянъ и отчасти сказаніе о Печерскомъ монастырѣ, вошедшее въ лѣтопись; въ послѣднемъ произведеніи есть одна черта, рисующая отношеніе духовенства къ Латинянамъ и спеціально-латинянамъ Ляхамъ. Описывая жизнь одного изъ Печерскихъ подвижниковъ, Матвѣя прозорливца, авторъ сказанія объ Успѣніи св. Θεодосія приводитъ слѣд. случай его прозорливости: „однажды въ церкви Матвѣй взглянулъ на братію, стоящую по обѣимъ сторонамъ, и увидѣлъ бѣса, въ образѣ Ляха, въ лудѣ, обходившаго братію и рассыпавшаго передъ него цвѣты, которые онъ бралъ изъ припола (согнутой поли); къ кому приставалъ цвѣтокъ, тотъ уходилъ изъ церкви въ келью и тамъ предавался сну, но къ нѣкоторымъ, болѣе крѣпкимъ, цвѣтокъ не приставалъ, и они оставались въ церкви¹⁾. Разсказъ несомнѣнно тенденціозно представляетъ бѣса въ образѣ Ляха, написанъ онъ совершенно въ духѣ основателя и учителя Печерской обители св. Θεодосія, воззрѣнія котораго по отношенію къ Латинянамъ отличались крайней нетерпимостью²⁾.

Въ XII в. сношенія наши съ западомъ—преимущественно съ

¹⁾ Ип. 134.

²⁾ Хотя видѣніе Матвѣя прозорливца и не имѣетъ въ лѣтописи хронологической даты, но происхожденіе его станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что въ 1069 г. (Ип. 121) Кіевъ былъ занятъ войсками Болеслава Храбраго, и Ляхи прожили въ немъ около года. Какъ кажется, въ это же время было написано и поученіе преп. Θεодосія къ вел. князю Изяславу; на это указываютъ его слова „ты же чадо, блюди кривоверныхъ и всѣхъ ихъ дѣль, потому что и наша земля наполнилась людьми этой вѣры“. Эти слова посланія вполне понятны, если вспомнить, что Ляхи, занявъ Кіевъ, пробыли въ немъ довольно долго; нѣтъ поэтому вовсе нужды предполагать, какъ это дѣлаетъ Порфирьевъ (Ист. Русск. Слов. ч. I р. 356), что рѣзкость тона посланія зависѣла стѣ тѣхъ усилій, съ какими латиняне старались распространить свое ученіе между православными; эти усилія могли быть только усиліями дипломатическими со стороны папъ.

Польшей и Венгріей, значительно усилились; южные князья постоянно приглашаютъ въ своихъ междуособіяхъ на помощь Венгровъ, Поляковъ, Чеховъ, сами принимаютъ участіе въ домашнихъ дѣлахъ этихъ странъ; браки русскихъ князей съ иностранными князнями и обратно становятся весьма часты (см. ниже главу о бракахъ). Очень многіе изъ южныхъ князей этого времени имѣли матерями Полекъ (точно также большинство польскихъ князей родилось отъ браковъ съ русскими князнями). Естественно, что тонъ лѣтописи по отношенію къ этимъ племенамъ, находившимся въ столь дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ, становится еще мягче. Это особенно замѣтно въ той части Кіевской лѣтописи, которая занимается судьбою одного изъ выдающихся потомковъ Мономаха, Изяслава II-го. Изяславъ, первый изъ Мономаховичей крѣпко засѣвшій на Волыни, болѣе другихъ пользуется помощью Угровъ и Поляковъ въ своихъ попыткахъ завладѣть Кіевомъ; описаніе его княженія въ лѣтописи, составленное, по весьма вѣроятному предположенію, однимъ изъ его свѣтскихъ сподвижниковъ, весьма сочувственно относится къ этимъ иноплеменникамъ, такъ много помогавшимъ успѣхамъ любимаго князя. Отсутствіе малѣйшаго намека на разницу вѣроисповѣданія болѣе всего утверждаетъ насъ въ той мысли, что эта часть лѣтописи писана лицомъ свѣтскимъ, и въ тоже время ясно показываетъ, какъ неглубоко проникалъ въ жизнь исключительный монашескій духъ того времени, запрещавшій всякое сообщеніе съ еретиками. Нѣсколько позже однако мы встрѣчаемъ на страницахъ лѣтописи названіе Ляховъ безбожными¹⁾, но это именно въ той части описанія княженія Всеволода Ольговича, которая составлена изъ краткихъ отрывочныхъ извѣстій, вѣроятно веденныхъ въ монастырѣ (на это указываетъ обиліе церковныхъ подробностей); замѣчательно, что это прозваніе Ляховъ безбожными относится къ тому періоду, когда, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, наступившихъ въ Польшѣ послѣ смерти Болеслава Кривоустаго, сношенія польскихъ князей съ русскими особенно усилились, и въ очень короткій промежутокъ времени нѣсколько русскихъ князейшло замужъ за польскихъ князей; постоянное пребываніе Ляховъ въ Кіевѣ (то въ качествѣ пословъ, то въ качествѣ почетныхъ гостей на свадьбѣ) оскорбляло пуританскій взглядъ монаха, который

¹⁾ Ип. 224 (1143 г.).

гнушался всякаго сношенія съ еретиками, и свое оскорбленное чувство строгаго ревнителя православія онъ выразилъ этой фразой.

1233
Иск

Что касается лѣтописи Галицко-Волынской, то ея сочувственное отношеніе къ Польшѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію; писанная въ той области, гдѣ сношенія съ Польшей, самыя разнообразныя—политическія, экономическія, культурныя, были непрерывны, лѣтопись эта знакома съ польскими дѣлами такъ же хорошо, какъ и съ русскими и не разъ отзывается съ большой похвалой о польскихъ князьяхъ. Политическое вліяніе Руси на Польшу и обратно было особенно сильно въ этомъ періодѣ (XIII в.); по смерти Казимира Справедливаго началась въ Польшѣ борьба между его братьями и малолѣтними дѣтьми Казимира; Романъ Мстиславичъ сталъ рѣшительно на сторону дѣтей Казимира и не разъ предпринималъ походы въ Польшу на защиту ихъ правъ (позже впрочемъ онъ переѣхалъ политику). Въ свою очередь дѣти Романа, изгнанные изъ Галича, находятъ пріютъ въ Польшѣ. Подобнаго рода дружественныя сношенія продолжались во весь періодъ Даниила и его преемниковъ. Нисколько поэтому не удивительно, если мы встрѣчаемъ напр. такой теплый отзывъ о князѣ польскомъ Болеславѣ Стыдливомъ: „того же лѣта (по лѣт. 1279¹) преставися великий князь Краковскій Болеславъ, добрый, тихий, кроткий, смиренный, незлобивый; поживъ же лѣта многа, и тако во старости добръ отиде ко Господу, тѣло же его спрятавшѣ положиша е въ божницѣ святаго Францѣшка, в городѣ Краковѣ²)“. „Время есть христьяномъ на поганѣе“ говоритъ Даниилъ польскимъ князьямъ, приглашая ихъ въ походъ на Литву³).

Такимъ образомъ, благодаря объективному отношенію къ иновѣрнымъ сосѣдямъ, наша лѣтопись представляетъ первостепенный источникъ для выясненія польско-русскихъ отношеній за древнѣйшій періодъ, оправдывая и въ данномъ случаѣ то почетное положеніе,

¹) Годъ лѣтописи правиленъ, см. М. Р. II, р. 845, III, 79. (Но Roczn. Kar. krak.—1278 г., а Roczn Sędziwoja 1280, cf. Roepell, Gesch. Polens, I 534 пр. 102).

²) Ип. 581. Интересно, что въ Ип. списокѣ Галицко-Волынской лѣтописи сначала вмѣсто божницы стояло „въ церкви“, но потомъ второе зачеркнуто (см. ib. въ примѣч.).

³) Ип. 541.

которое она занимаетъ въ ряду средневѣковыхъ источниковъ. Цѣнность ея еще болѣе возвышается при сравненіи съ современными польско-латинскими источниками.

Но необыкновенно цѣнныя въ отношеніи качественномъ, т. е. въ способѣ передачи событій вообще и польско-русскихъ въ частности, въ отношеніи количественномъ извѣстія всѣхъ 3 лѣтописей представляютъ значительную разницу. Первые двѣ лѣтописи (древнѣйшій сводъ и Кіевская лѣтопись) говорятъ о польско-русскихъ дѣлахъ весьма отрывочно; извѣстія о собственно польскихъ дѣлахъ попадаютъ въ нихъ рѣдко (таково напр. извѣстіе о смерти Болеслава Храбраго и о замѣшательствѣ въ Польшѣ послѣ его смерти¹⁾; притомъ древнѣйшій сводъ группируетъ свое изложеніе около Кіева, сообщая о другихъ южныхъ областяхъ, Волынской и Галицкой, самыя скудныя извѣстія, а эти именно области и находились въ наиболѣе частыхъ сношеніяхъ съ Польшей; Кіевская лѣтопись занимается Югомъ несравненно больше, но преимущественно въ той части, которая описываетъ княженіе Изяслава, поэтому и въ ней мы имѣемъ немного свѣдѣній о польско-русскихъ отношеніяхъ. Что же касается лѣтописи Галицко-Волынской, то она представляетъ богатѣйшій матеріалъ не только для польско-русскихъ отношеній въ XIII в., но и для спеціально-польской исторіи, для которой она во многихъ случаяхъ является единственнымъ источникомъ.

Переходя къ характеристикѣ польско-латинскихъ источниковъ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній, прежде чѣмъ станемъ разбирать каждый источникъ отдѣльно.

Туземные источники польской исторіи раздѣляются на 1) анналы 2) хроники. Между этими 2 родами источниковъ лежитъ громадная разница. Анналы представляютъ собою краткія погодныя замѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ, при чемъ, конечно, важность событій опредѣлялась міровоззрѣніемъ и положеніемъ лицъ, ведшихъ эти записки; въ средніе вѣка анналы вездѣ на Западѣ, а слѣдовательно и въ Польшѣ, гдѣ анналистика явилась подражаніемъ Германской²⁾, велись

¹⁾ Подъ 1030 г., хотя годъ здѣсь стоитъ неправильно; Болеславъ умеръ въ 1025 г. а языческая реакція, о которой говоритъ наша лѣтопись („и воставше людье избыша епископы и попы и бояры свои“ см. ниже) случилась нѣсколько позже.

²⁾ А. Bielowski, Wstęp Krytyczny, p. 17.

печти исключительно духовными и преимущественно въ монастыряхъ; этимъ опредѣляется ихъ содержаніе: замѣтки о построеніи церквей и монастырей, о назначеніи и смерти епископовъ и аббатовъ, о рожденіи и смерти князей и значительныхъ лицъ, преимущественно тѣхъ, которые имѣли какое-нибудь отношеніе къ тому монастырю, гдѣ велись анналы, замѣтки о рѣзкихъ климатическихъ явленіяхъ, знаменіяхъ и пр. Событія чисто политическаго характера заносились въ нихъ совершенно случайно, при чемъ часто мелкія событія, но почему либо обратившія на себя вниманіе анналиста (напр. относившіяся къ мѣстности монастыря) заносились въ анналы, а событія иногда весьма крупныя вовсе не упоминаются. Замѣтки эти притомъ весьма кратки и состоятъ часто лишь изъ 2—3 словъ.

Съ совершенно инымъ характеромъ являются хроники; это уже цѣльныя литературныя произведенія, написанныя съ извѣстнымъ искусствомъ, съ заботой о слогѣ, объединенныя часто одною какою-нибудь мыслью, сочиненныя съ опредѣленною цѣлью. Образцами для всѣхъ средневѣковыхъ хроникъ служили историческія произведенія классической древности (преим. Саллюстій, Юстинъ, Светоній), но послужили чисто внѣшнимъ образомъ; настоящая родина ложноклассицизма, подражанія одной лишь формѣ классическихъ произведеній—средневѣковая литература; изложенія ея отличается напыщенностью, стремленіемъ къ изысканности, желаніемъ блеснуть ученостью, знакомствомъ съ произведеніями классической древности, которые цитуются кстати и не кстати, однимъ словомъ тѣмъ, стремленіемъ, которое Поляки удачно характеризуютъ фразой: *rokażae swoje edukacjē*. Риторическія обороты, искусственность въ описаніи, раціонализмъ самаго дурнаго пошиба, состоящій въ прибавленіи *возможныхъ* подробностей къ краткимъ извѣстіямъ для сообщенія округленности и красоты разсказу, отсутствіе вкуса къ народной поэзіи и народнымъ преданіямъ, которыя если и передаются, то въ переработкѣ автора, старающагося подыскать въ классической древности соотвѣтственные примѣры, и лишаящагося эти разсказы мѣстнаго колорита, который они теряютъ и безъ того при передачѣ на иностранномъ языкѣ—всѣми этими отличительными чертами большинства средневѣковыхъ хроникъ въ сильнѣйшей степени отличаются польско-латинскія хроники древнѣйшаго времени (хроника т. наз. Мартына Галла, хроника Кадлубка, хроника т. наз. Богухвала¹⁾).

¹⁾ Къ этому слѣдуетъ прибавить еще извѣстнаго рода литературный

Древнѣйшіе Польскіе анналы до насъ не дошли, древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ анналовъ (въ современномъ спискѣ) составлены въ XII в. ¹⁾ и нѣсколько позже хроники т. наз. Мартына Галла, которая является наиболѣе древнимъ произведеніемъ польско-латинской литературы (если не считать болѣе ранней *Possio S. Adalberti*). Древнѣйшая польская историографія сразу перешла отъ безыскусственныхъ краткихъ погодныхъ записей къ хроникѣ; она не знаетъ такой переходной ступени отъ анналовъ къ хроникамъ, какую представляетъ наша древнѣйшая лѣтопись; можетъ быть причиною этому было то, что она возникла по образцу германской историографіи, гдѣ уже издавна существовали оба рода произведеній, притомъ же древнѣйшая хроника польская писана не Полякомъ.

Хроника такъ наз. *Мартына Галла* ²⁾ не дошла до насъ въ подлинникѣ XII ст., а лишь въ позднѣйшихъ рукописяхъ XIV и XV в. Ни имя автора, ни его національность неизвѣстны, достоверно то лишь, что авторъ былъ иностранецъ и монахъ и, быть можетъ, (какъ думаетъ *Wattenbach*) ³⁾ капелланъ Болеслава Кривоустаго. Задача хрониста—возвеличеніе этого князя, а потому время до Болеслава описано кратко (въ 1-ой книгѣ), между тѣмъ какъ времени Болеслава посвящены остальные двѣ книги хроники. Въ прошедшемъ польской исторіи авторъ останавливается нѣсколько больше на тѣхъ лично-

плагіатъ и приуроченіе чужихъ преданій къ собственной странѣ (см. напр. статью Шайнохи *Walgiez Wdaly, hrabia na Tyncu*. въ *Dodatek do gaz. Lwowsk.* 1855 № 5—6), а также стремленіе связать древнѣйшую исторію собственной страны съ исторіей классической древности.

¹⁾ Что касается польскихъ анналовъ вообще, то они отличаются крайней скудностью данныхъ, и въ средневѣковой анналистикѣ, по признанію одного изъ изслѣдователей древнѣйшей польской историографіи, занимаютъ весьма не высокое мѣсто (см. *Tad. Wojciechowski, o rocznikach i chronikach Polskich*, въ *Pamiętniki Wydz. hist. filol. Akademii umiętn. w Krakowie*, IV. (1880).

²⁾ О ней см. *Zeissberg, die Poln. Geschichtschr. des Mittelalters*, p. 26—29; *Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen* 4 изд.,—II p. 157; *Bielowski* въ предисловіи къ его изданію *M. Галла* (*Mon. Pol. I*); cf. также *Lelewel Polska Wiekow Srednich* т. I, *Bielowski Wstep. Krytyczny do dziejow Polski*, p. 32—55; *Wizniewski, hist. liter. polsk.* II p. 46—60.

³⁾ *L. c.* p. 157.

стяхъ, которыхъ дѣятельность могла послужить примѣромъ молодому Болеславу, его герою (таковы Болеславъ Храбрый и Болеславъ Смѣлый). Писана хроника ок. 1113, или нѣсколько позже. Источниками автору служили народныя преданія, рассказы очевидцевъ и собственный опытъ ¹⁾.

Хотя изложеніе этой древнѣйшей хроники проще, нежели изложеніе послѣдующихъ польскихъ историковъ (Кадлубка и Богуфала), но знакомство съ классической древностью (авторъ знакомъ съ Саллюстіемъ, Лукавомъ) не только лишило его изложеніе свѣжести и яркости красокъ, но и затрудняетъ часто изслѣдователя, желающаго опредѣлить, что въ описаніи подробностей даннаго событія принадлежитъ дѣйствительно событію, и что составляетъ домыслъ автора, желающаго сблизить описываемое событіе съ аналогичнымъ въ древности ²⁾.

Извѣстія Мартына Галла о Руси отличаются краткостью, неопредѣленностью и тенденціозной окраской. Вѣрный своей цѣли братъ изъ прошлаго преимущественно примѣры для подражанія, онъ не любитъ говорить о неудачахъ польскаго оружія; Поляки у него вездѣ являются побѣдителями и съ блескомъ выходятъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Достоверность его извѣстій подлежитъ часто сомнѣнію, вслѣдствіи присущаго автору рационализма. Напр. описаніе похода Болеслава Храбраго на Русь онъ окончиваетъ фразой: съ этого времени Русь надолго стала данницею Польши ³⁾. Извѣстіемъ этимъ (совершенно невѣрнымъ) авторъ однако пользуется и позже; черезъ нѣсколько главъ послѣ описанія похода Болеслава II (Смѣлаго) на Русь ⁴⁾ который, какъ мы знаемъ, кончился для Болеслава неудачей (его войско стали избивать на Руси, откуда онъ долженъ былъ бѣжать) рассказанъ анекдотъ о щедрости Болеслава II ⁵⁾; суц-

¹⁾ О письменныхъ источникахъ (германскихъ) см. у Белевскаго. М. Р. I, р. 384.

²⁾ См. напр. I. I с. 19 возмущеніе рабовъ въ Польнѣ по смерти Мечислава II-го, — картина, напоминающая извѣстную картину возмущенія Скионскихъ рабовъ у Геродота.

³⁾ Chr. M. G. I. I с. 7 (Monum. Pol. I).

⁴⁾ L. I, с. 23.

⁵⁾ E. I, с. 26.

ность разказа 1) состоитъ въ томъ, что Болеславъ, сжалившись надъ бѣднымъ клирикомъ, не могшимъ сдержать вздоховъ зависти при видѣ драгоцѣнностей, полученныхъ Болеславомъ въ *видъ дани изъ Руси* и отъ другихъ народовъ, даетъ ему столько золота, что бѣднякъ едва не изнемогъ подъ его тяжестью. Совершенно логично вытекающее изъ изложенія М. Галла извѣстie о Русской дани, поставленное непосредственно послѣ разказа о побѣдоносномъ походѣ Болеслава въ Русь, гдѣ Болеславъ *cunctos sibi rebelles destituit* 2), и гдѣ русскій князь заплатилъ ему большую сумму денегъ за подалуй 3), извѣстie это теряетъ всякую достовѣрность, разъ мы знаемъ, что Болеславъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева. И тѣмъ не менѣе самый фактъ прибитія драгоцѣнностей изъ Руси Болеславу не только возможенъ, но и подтверждается нашей лѣтописью, которая говоритъ, что изгнанный братьями Изяславъ Ярославичъ съ большими богатствами отправился въ Польшу, но Ляхи богатство то отъ него взяли, а сами „показаша ему путь отъ себе 4)“; эти подарки М. Г. обратилъ въ дань.

Съ другой стороны, помимо раціонализма, извѣстія М. Галла о Руси отличаются часто неопредѣленностію; такъ онъ нерѣдко сообщаетъ о бракахъ польскихъ князей съ русскими княжнами и обратно, но не называетъ ни имени, ни происхожденія русскихъ княженъ 5); конечно, описывая прошедшее Польши частью по народнымъ преда-

1) По правдѣ сказать, напоминающаго разные случаи изъ жизни Карла Великаго, сохранившіеся въ сочиненіи монаха Сангалленскаго (*de vita et gestis Karoli Magni*); объ отношеніи М. Галла къ Санъ-Галленскому монастырю см. Bielewski М. Р. I р. 583—4.

2) L. I с. 26.

3) Значеніе подалуя мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

4) Ип. 128 подъ 1073 г.

5) L. I с. 7. Русскій князь, которому помогаль сѣсть въ Кіевѣ Болеславъ Храбрый, не называется по имени, а лишь *gener* Болеслава; завладѣвъ Польшей, Казимиръ (такъ наз. *Restaurator* или *mpich*) женится на русской (*de Russia nobilem cum magnis divitiis uxorem accepit*, l. I с. 19); Мѣшка III, сына Болеслава Смѣлаго, женятъ на *Ruthena puella* (l. I с. 29); дочь Владислава Германна идетъ замужъ въ Русь (*in Russia viro nupsit*) l. II, с. 1.

ніямъ, частью по рассказамъ очевидцевъ, М. Галль иногда и самъ не могъ знать точно этихъ фактовъ (польскіе анналы, которыми, безъ сомнѣнія также пользовался М. Галль, подобно ему, крайне неопредѣленно сообщаютъ о подобныхъ фактахъ), но въ иныхъ случаяхъ М. Галль неопредѣленно говоритъ о такихъ событіяхъ, которыя ему навѣрно были хороши извѣстны. Такъ онъ говоритъ, что для разрѣшенія брака на родственницѣ Болеславъ III долженъ былъ обращаться къ папѣ, но не говоритъ ни о происхожденіи, ни о имени жены Болеслава, а мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что это была Сбыслава, дочь Святополка Изяславича¹⁾. Такимъ образомъ тенденціозность и риторизмъ въ описаніи однихъ событій, неопредѣленность и краткость въ описаніи другихъ, наконецъ частыя умолчанія о подробностяхъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ²⁾, перенесеніе подробностей съ однихъ событій на другія³⁾—отличительныя черты извѣстій М. Галла о польско-русскихъ отношеніяхъ, лишаютъ его извѣстія почти всякой цѣны, и пользоваться его свѣдѣніями можно лишь при тщательной провѣркѣ ихъ извѣстіями современныхъ, болѣе достовѣрныхъ писателей⁴⁾.

Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ хроникѣ такъ наз. Мартына Галла

¹⁾ Ип. 182. См. ниже главу о бракахъ.

²⁾ М. Галль напр. ничего не говоритъ о помощи, которую оказали Казимиру такъ наз. Мниху Ярославъ при покореніи Мазовіи, не говоритъ объ участіи Руси въ борьбѣ между Владиславомъ Германомъ съ его незаконнымъ сыномъ Збигнѣвомъ и пр.

³⁾ Походъ Болеслава Смѣлаго въ Русь описанъ почти буквально тѣми же словами, что и походъ Болеслава Храбраго.

⁴⁾ Не понимаю, какъ могъ Шайноха ставить М. Галла на одну доску съ нашей лѣтописью, по достовѣрности сообщаемыхъ извѣстій (см. его *Boleslaw Chrobry*, 245. (Въ разборѣ извѣстій М. Галла и лѣтописи о походѣ Болеслава I на Русь онъ говоритъ: оба (М. Галль и авторъ лѣтописи) писали 100 л. спустя послѣ событія, оба выхваляютъ только своихъ; трудно по этому понять, почему чужой источникъ. Нестора мы бы должны предпочесть своему). Совершенно правъ за то Wattenbach, говоря; *dass er kein unbefangener Zeuge war und die dunkleren Seiten im Leben seines Helden* (Болеслава III) *nur leicht berührt, bedarf wohl kaum einer Erwähnung.*

отъ другой дошедшей до насъ древней польской хроники, краковскаго епископа *Винцентія Кадлубка* ¹⁾.

Кадлубекъ ²⁾, сначала пробоць въ Сендомирѣ, а съ 1208—1218 епископъ Краковскій, жилъ во 2-ой половинѣ XII и 1-ой четверти XIII в. (†1223 г. монахомъ цистеріанскаго монастыря Jędrzejów). Замѣчательно по своему времени образованный человѣкъ, онъ задумалъ (б. м. по предложенію Казимира Справедливаго ³⁾) написать исторію Польши, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до своего времени. Время написанія хроники до сихъ поръ въ точности неопредѣлено ⁴⁾. Хроника Кадлубка разбита на 4 книги, изъ которыхъ первыя три написаны въ формѣ діалога между двумя польскими епископами—Матвѣемъ архіепископомъ Гнѣзненскимъ и Іоанномъ, епископомъ Краковскимъ (оба †1165 г.), 4-ая книга лишена формы діалога ⁵⁾.

По содержанію хроники Кадлубка гораздо полнѣе хроники такъ

¹⁾ Хроника Кадлубка едва ли не лучше всѣхъ остальныхъ дошедшихъ до насъ польскихъ хроникъ разработана. О ней см. весьма обстоятельное сочиненіе Цейсберга: *Vincentius Kadlubek* (*Archiv für Oesterr. Gesch.* Bd. XLII) и его же *Die Polnische Geschichtsschr. des Mittelalters*, p. 48—75; А. Bielowski, критическая статья на изданіе хроники Кадлубка Мулковскаго (*Bibl. Ossolinskich, poczet nowy*, VI), его же предисловіе къ изданію Кадлубка во II томѣ *Mon. Pol.* p. 193—248.

²⁾ Это имя появляется лишь въ XV в.; болѣе раннія рукописи наз. его только *Vincentius* или *Magister Vincentius*; о формѣ Кадлубекъ (въ рукописяхъ—*Vinc. Katlubonis* или *Cadlubowicz*) см. *Zeissberg* l. c. и *Bielowski* M. P. II p. 196; но мы будемъ называть автора *Chronicon Polonorum* общепринятымъ именемъ Кадлубекъ.

³⁾ См. *Biel.* l. c.

⁴⁾ *Bielowski* (который разбиваетъ всю хронику по времени написанія на 2 части и думаетъ, что первая—книги I, II, III и часть 4-ой до 17 раздѣла, писана еще при жизни Казимира) осталная же часть 4-й книги уже послѣ его смерти) полагаетъ, что хроника писана до 1207 г.; *Gütschmidt* (*Arch. für Oester. Gesch.* 17 Bd.) считаетъ временемъ написанія епископство Кадлубка; *Zeissberg* (*Die Poln. Geschichtsschr.*) считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ предположеніе, что авторъ занялся своей хроникой только удалившись на покой въ монастырь.

⁵⁾ Споръ о принадлежности 1-ыхъ книгъ Матвѣю см. у *Zeissb.* l. c. *Bielowski* l. c., *Lelewel*, *Polska Wiekow Srednich*, I, p. 80—104.

наз. Мартына Галла и не только потому, что обнимаетъ болѣе значительный періодъ. Вся 1-ая книга содержитъ въ себѣ древнѣйшую исторію Польши, источникомъ для которой послужили народныя преданія¹⁾. Для 2-ой книги Кадлубекъ пользовался М. Галломъ, но не стѣснялся передѣлывать его изложеніе и дополнять его своими собственными соображеніями, хотя нѣкоторыя извѣстія взяты кажется изъ другихъ источниковъ. Источники 3-й книги — преданія, рассказы очевидцевъ и м. б. (какъ бумаеть Zeissberg) пѣсни. Важнѣе всѣхъ книга 4-ая, гдѣ Кадлубекъ могъ уже писать какъ очевидецъ²⁾.

Какъ исторической источникъ Кадлубекъ стоитъ довольно низко. Заботясь главнымъ образомъ о слогѣ, стараясь блеснуть ученостью, начитанностью въ древнихъ авторахъ³⁾, онъ жертвуетъ содержаніемъ формъ, заимствуя краски у классическихъ писателей. Способъ обработки источниковъ у Кадлубка можно видѣть изъ передачи имъ содержанія хроники Галла; онъ не только замѣняетъ болѣе простой слогъ своего предшественника языкомъ вычурнымъ, но иногда просто искажаетъ его извѣстія. Самостоятельныя извѣстія Кадлубка о Руси касаются почти исключительно Галича и Волыни. Они были бы очень важны, не будь двухъ обстоятельствъ, наводящихъ часто сомнѣніе при чтеніи его извѣстія о русскихъ дѣлахъ. Не говоря уже о свойствен-

¹⁾ Критику этой части хроники Кадлубка см. у Guttschmidt'a (Arch. für Oesterr. Gesch., Bd.17).

²⁾ К. хорошо знакомъ съ Галицкими дѣлами конца XIII в., поэтому вѣроятно предположеніе, что онъ (какъ сообщаетъ Длугошъ) участвовалъ въ коронованіи въ Галичѣ Коломана, сына Венгерскаго короля, женатаго на дочери Лешка, Саломеѣ. Въ первомъ своемъ сочиненіи (Vinc. Kadlubek, Archiv für Oester. Gesch. XIII p. 41) Zeissberge читаетъ это участіе Кадлубка весьма вѣроятнымъ, (коронованіе происходило въ 1214 г.) но въ Poln. Gesch. des Mittel. p. 50 онъ уже не вѣритъ извѣстію Длугоша, считая его тенденціознымъ, и полагаетъ, что Кадлубекъ могъ знать о Галицкихъ дѣлахъ отъ жены Казимира, дочери Всеволода Белзскаго; (что женою Казимира не могла быть дочь Всеволода, см. ниже главу о бракахъ).

³⁾ Начитанность его въ древнихъ авторахъ дѣйствительно значительна. Выборка мѣстъ, заимствованныхъ Кадлубкомъ у классическихъ писателей, а также изъ библіи и римскаго права, сдѣлана Цейсбергомъ въ указанномъ сочиненіи—Vinc. Kadlubek.

ной Кадлубку манерѣ красить изложеніе риторическими подробностями, не слѣдуетъ упускать изъ виду цѣли его послѣднихъ книгъ—возвеличенія Казимира и его сына Лешка, а также и сильной испорченности, которою отличается дошедшій до насъ текстъ Кадлубка ¹⁾. Хроника его, составлявшая любимый предметъ чтенія въ средневѣковой Польшѣ ²⁾, передѣлывалась и дополнялась читателями и переписчиками, такъ что теперь часто бываетъ невозможно опредѣлить, что именно въ текстѣ принадлежитъ перу Кадлубка, что составляетъ вставку ³⁾.

Что касается хроники такъ наз. *Dziersw'ы* или *Mierzw'ы* ⁴⁾ то внимательное чтеніе ея убѣдило меня въ совершенной правильности

¹⁾ Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ рукописей Кадлубка относятся къ XIV в.

²⁾ До насъ дошло болѣе 30 рукописей хроники Кадлубка. Она употреблялась даже въ школахъ какъ учебникъ.

³⁾ Нельзя сказать, чтобы такое свободное отношеніе къ Кадлубку было только грѣхомъ древности, и теперешніе издатели иногда довольно обращаются съ его текстомъ, желая доказать какую нибудь излюбленную гипотезу.

Что касается слишкомъ свободной переработки источниковъ у Кадлубка, то подробно объ этомъ мы будемъ говорить дальше, въ изложеніи и критическомъ разборѣ дошедшихъ до насъ извѣстій о древнѣйшихъ польско-русскихъ отношеніяхъ, приведемъ однако нѣсколько примѣровъ. Въ изложеніи подробностей похода Болеслава Храбраго на Русь, рассказанномъ по Мартыну Галлу, но со многими риторическими украшеніями, есть подробность о взятіи въ плѣнъ русскаго князя, чего нѣтъ у Мартына Галла. (См. примѣчаніе Белевскаго, М. Р. II р. 281, ср. ib. 234, который указываетъ на весьма вѣроятное происхожденіе этой подробности, рационалистически выведенной изъ фразы М. Галла, что Болеславъ успѣшно двинулся на Кіевъ „ut arcem regni simul et regem caperet (Galli chr. I, 7). Весьма подозрительна также аналогія въ разказахъ о плѣнѣ Володаря Петромъ Властомъ, вкравшимся въ довѣренность этого князя, и о Венгерцѣ, овладѣвшемъ довѣренностью польскаго князя и сдавшемъ Владимиру Вислицу. I. III, с. 20 и 22).

⁴⁾ См. о ней Zeissberg, die Poln. Gesch. d. Mittel p. 75—78, Bielowski, М. Р. II р. 145—162 и М. Р. III р. 46.

мнѣніе Цейсберга ¹⁾, принимающаго ее за компиляцію конца XIII или начала XIV в. 1-ая часть ея (древнѣйшая мѣстическая исторія Польши) составлена частью по Кадлубку, частью по *chronica Romanorum* (?) и какимъ то анналамъ (?), но затѣмъ компиляторъ просто переписалъ хроникѣ Кадлубка, лишивъ ее только формы діалога, снабдивъ хронологіей и объяснивъ по своему нѣкоторыя темныя мѣста у автора *chronicon Polonorum* ²⁾. Тамъ, гдѣ кончается хроника Кадлубка, и компиляція *Dzięsw*'ы переходитъ въ лѣтописныя замѣтки, продолжающіяся до 1288 г. ³⁾.

Древнѣйшія польскія хроники подвергались въ средніе вѣка (особенно въ XIII и XIV ст.) сильному искаженію; ихъ сокращали, дополняли, объясняли темныя мѣста и вносили эти комментаріи въ текстъ, вообще передѣлывали всячески. Въ весьма испорченномъ видѣ дошла до насъ хроника Кадлубка, но еще болѣе потерпѣла хроника продолжателя Кадлубка, извѣстная подъ именемъ хроники *Богухвала* или *Годислава Пашка* ⁴⁾. Что данная хроника не представляетъ цѣль-

¹⁾ Высказаннаго впрочемъ еще раньше Оссолинскимъ, Лелевелемъ, Реппель (Gesch. Polens, I, 200; помѣщаетъ компиляцію въ XV в.

²⁾ Zeissberg, l. c. p. 76.

³⁾ Bielowski, различающій наоборотъ въ данной хроникѣ 3 части (1-ю, древнѣйшую исторію Польши, то чего нѣтъ у Кадлубка и время до Казимира, затѣмъ дополненіе къ этой части и 3—анналы Краковскаго Францисканскаго монастыря) и считающій авторомъ 1-ой части *Mierzw*'у, жившаго будто бы въ XI в., напечаталъ эти 3 части въ разныхъ мѣстахъ; 1-ую отдѣльно, какъ самостоятельное сочиненіе (M. P. II 163—190), затѣмъ 2 ую en regard вмѣстѣ съ хроникой Кадлубка, наконецъ 3-ю въ III т. M. P. p. 46—52 подъ заглавіемъ: *Rocznik Franciskanski Krakowski*.

⁴⁾ См. о ней А. Mosbach, Ueber Godyslaw-Paul, einen polnischen Chronisten des dreizehnten Jahrhunderts. Zeissberg, Die Poln. Geschichtschr. des Mittelalters, p. 99—106; (почти вездѣ придерживается выводовъ Мосбаха); предисловіе Белевскаго къ изданію этой хроники (обработанной Мацѣевскимъ) во II-мъ томѣ *Mon. Pol.* (p. 454—466). G. Krüger, Die Polen-Chronik des Boguchwal. Göttingen, 1874. M. St. Warmiski. Die grosspolnische Chronik. Krakau 1879. (Съ выводами этого труда мы познакомились изъ критической статьи Кетражинскаго въ *Przewodnik naukowy i literacki*, 1880, мартъ, p. 269—280.

наго труда, а есть уже компиляція¹⁾, это не подлежит сомнѣнію, вопросъ только о времени компиляціи—одни относятъ составленіе хроники къ концу XIII в. другіе къ XIV и даже XV. Источники даннаго свода частью письменные, частью устные и собственныя наблюденія авторовъ его. До 1203 переписывается хроника Кадлубка, хотя иногда въ этой части и встрѣчаются извѣстія, которыхъ у Кадлубка нѣтъ, самъ авторъ компиляціи говорить, что онъ ихъ извлекъ изъ *diversa diversarum ecclesiarum metrica* (м. б. древнѣйшіе Польскіе анналы). Гораздо болѣе важны 2-ая и 3-я часть свода (до 1249 и до 1272), гдѣ на ряду съ нѣкоторыми письменными трудами, источниками служили рассказы очевидцевъ и личный опытъ авторовъ. 1-ая часть отличается притомъ большой тяжеловатостью, стремленіемъ показывать ученость и особенной любовью къ самымъ курьезнымъ словопроизведеніямъ; слогъ остальныхъ 2 частей несравненно проще.

Къ сожалѣнію сводъ этотъ, представляющій для середины XIII в. почти единственный источникъ, дошелъ до насъ въ сильно искаженномъ видѣ, съ массою вставокъ и сокращеній, опредѣлить которыя часто совершенно невозможно²⁾.

Что касается извѣстій этого свода о Руси и о русско-польскихъ

¹⁾ По мнѣнію Мосбаха, котораго держится и Цейсбергъ, единственнымъ авторомъ хроники былъ Годиславъ Пашекъ (сокращ. Павелъ) *custos* Познанской соборной церкви (*Domcustos*), жившій во 2-ой половинѣ XIII в. и писавшій эту хронику въ концѣ XIII в., въ краткое правленіе короля Премыслава II (1295—1296). По мнѣнію Белевскаго, данная хроника есть сводъ хроники Богухвала II, епископа Познанскаго († 1253), доведшаго свой трудъ до 1250 г., и продолженія ея Годиславомъ Пашкомъ, отчасти дополнившимъ и первую часть свода; Крюгеръ считаетъ дошедшій до насъ сводъ составленнымъ компиляторомъ конца XIV или начала XV в. (м. 1346—1430), соединившимъ въ одно хронику Богухвала (идущую до 1249), дополнившимъ ее извѣстіями позднѣйшихъ произведеній (напр. *Vita S. Stanislai*), продолжившимъ ее извѣстіями, которыя нашелъ въ анналахъ Годислава, по большей части ихъ сокративши, и раздѣлившимъ всю компиляцію на главы, которымъ онъ придалъ часто несоответственнае заглавіе. Въ такомъ искаженномъ видѣ мы и имѣемъ то, что извѣстно подъ именемъ хроники Богухвала.

²⁾ Нѣкоторыя изъ вставокъ пытаются опредѣлить Мосбахъ, (*Ueb. God. Pawel*, Прим. 69), Крюгеръ (р. 19—25).

отношеніяхъ, то они представляютъ слѣдующія особенности: наиболѣе важная часть свода (съ 1203—1272) содержитъ въ себѣ самыя скудныя данныя о Руси¹⁾, не всегда притомъ вѣрныя (первыя 30 лѣтъ послѣ 1203 вообще изложено крайне сжато въ этомъ сводѣ). Свѣденія о Руси въ 1-ой части представляютъ значительныя отклоненія отъ Кадлубка, но далеко не всегда достовѣрныя; иногда можно видѣть, сравнивая извѣстія этого свода съ данными Кадлубка, какъ авторъ свода соединялъ въ одно извѣстія Кадлубка, находящіяся у послѣдняго въ разныхъ мѣстахъ, и тѣмъ создавалъ совсѣмъ небывалыя факты²⁾.

¹⁾ Вотъ эти извѣстія; подъ 1240 г.: Батый черезъ Русь идетъ въ Венгрію, а часть войска посылаетъ на Польшу. 1254. Болеславъ Стыдливый и Владиславъ Опольскій опустошаютъ вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ Опавскую землю. 1259. Boleslaus Poloniae, Болеславъ Стыдливый и Семовитъ Мазовецкій вмѣстѣ съ Романомъ, сыномъ Даниила regis Russiae, опустошаютъ область брата Семовита, Казимира. 1259. Татары опустошали cum Pruthenis, *Ruthenis*, Comanis et aliis gentibus terram Sandomiriae; участниками похода упоминаются Василько frater Daniilis regis Russiae, Leoque et Romanus filii; по ихъ убѣжденію, жители Сандомира сдаются на милость Татарамъ, но послѣдніе ихъ перебиваютъ; 1262 Русскіе вмѣстѣ съ Литвою нападаютъ на Черскую область (in terram Czirnensem Mazoviae); здѣсь въ одномъ мѣстѣ (quandam villam Jazden nomine intrantes) находятъ Семовита, Мазовецкаго князя, и его сына Конрада; ихъ берутъ въ плѣнъ, при чемъ Шварнъ (который здѣсь называется filius sororis Danielis regis Russiae) собственноручно обезглавливаетъ Семовита, а Конрада уводитъ въ плѣнъ (объ этомъ походѣ говорить и Гал.-Вол. лѣтопись, но не упоминаетъ объ участіи въ немъ Шварна, Ип. 565). 1266—смерть Даниила (онъ наз. rex Russiae, Leonis et Romani pater). Въ томъ же году войско Болеслава Стыдливаго опустошаетъ terram Russiae, ducatum Swarnonis. (Подробно объ этомъ говор. Гал.-Вол. лѣтопись подъ 1268 г. Ип. 571). Наконецъ сюда же относится слѣдующее спорное мѣсто Богухвала: (§ 61. М. Р. II р. 556). Iste namque Henricus (Генрихъ Бородатый) monasterium Opatoviense, cujus monasterii abbas Gerhardus *Ruthenorum episcopus* pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit, omnia bona episcopatus Russiae, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia, incorporando ecclesiae Lubucensi praedicto de facto.

²⁾ Подобныя грѣхи сводчика станутъ совершенно понятными при сравненіи съ тѣми же приемами и нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдовате-

Сводомъ, извѣстнымъ подъ именемъ хроники Богухвала или Пашка, открывается цѣлый рядъ подобныхъ сводныхъ работъ, составленныхъ хотя по источникамъ болѣе древнимъ, но передѣланныхъ позднѣйшими сводчиками такъ сильно, что пользоваться ими нужно крайне осторожно.

Къ такимъ позднѣйшимъ сводамъ принадлежать слѣдующія, имѣющія для значенія, произведенія: такъ наз. *Венгеро-Польская хроника*, *хроника Петра Власта* и сводъ краковскаго каноника *Юанна Длугоша*.

Такъ наз. *Венгеро-Польская хроника*¹⁾, несомнѣнно невѣжественная компиляція конца XIII или начала XIV в., представляетъ крайне мутный источникъ какъ для исторіи Венгріи и Польши, такъ и для Руси, въ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя она о ней сообщаетъ. Хотя извѣстія ея о Руси касаются венгеро-русскихъ, а не польско-русскихъ отношеній, но мы приведемъ эти извѣстія, въ которыхъ въ высшей степени невѣжественнымъ образомъ соединены разновременныя событія изъ венгерской и русской исторіи XI—XIII в., въ виду того, что почтенный издатель *Mon. Pol.* Авг. Белевскій основывалъ свою теорію существованія Словацкаго Галицкаго княжества между прочимъ на мѣстѣ этой хроники, которую онъ относилъ къ XI в.

Пятый сынъ Бѣлы I наз. Владиславъ: *Hunc autem (Владислава) dux Rusiae Misciszlaus de civitate Galicz in adoptivum filium accepit, et ei cum filia sua eo quod unicum haberet et filio careret, Galiciae regnum perpetuo possidendum tradidit et juramento corroboravit.* Послѣ смерти Бѣлы правилъ впродолженіи 5 лѣтъ старшій сынъ его Альбертъ, умершій бездѣтнымъ.... *Remansit autem dux Ladislaus in Galicia, Salomon vero frater ejus Slavoniam regebat. Habito vero consilio epis-*

лей. Развѣ не придумалъ почтенный, но слишкомъ увлекавшійся собственными домыслами, Авг. Белевскій небывалаго Словацкаго Галицкаго княжества, читая по своему текстъ Кадлубка и Богухвала?

¹⁾ См. о ней предисловіе Станислава Пилата въ *M. P. I* p. 485—494, Swieżawski, *Zarysy badan krytycznych*, Warszawa, 1871. *Zeissberg*, *die Poln. Geschichtschr. des Mittelalt.* p. 87, nr. 1; *Ант. Петрушевичъ*, *Наук. сб. I* и *Bielowski Bibl. Oss. I*, p. 22 sq.

Издана эта хроника 3 раза: Ипполитомъ Ковнацкимъ, у *St. Lad. Endlicher'a*, *Rerum Hungaricarum Monumenta*, 1849, p. 69—82, безъ всякаго предисловія и у *Bielowski. Mon. P. I* p. 455—515, съ предисловіемъ Ст. Пилата.

copi cum principibus, Dei disponente clementia Rusiae civitatem Galliciam properaverunt, et beatum principem Ladislaum in regem Ungariae acceperunt. (M. P. I p. 514).

Не трудно замѣтить, что здѣсь перепутаны дѣйствительныя событія, но разныхъ временъ и къ разнымъ лицамъ относяшіяся. Въ XIII в. дѣйствительно временно овладѣвшій Галичемъ Мстиславъ Храбрый выдалъ свою дочь за Венгерскаго принца Андрея, младшаго сына короля того же имени (см. Ип. 501), и посадилъ его въ Галичѣ, (этотъ Галицко-Венгерскій принцъ умеръ въ 1234 г.). Почему авторъ хроники перенесъ это событіе въ XI вѣкъ и отнесъ его къ Владиславу, сказать трудно, можетъ быть просто по невѣжеству, а можетъ быть (какъ предполагаетъ почтенный А. Петрушевичъ)¹⁾ изъ желанія доказать весьма древнія права Венгровъ на Галичъ, но во всякомъ случаѣ невѣрность факта настолько ясна, что нѣтъ никакой нужды, какъ это дѣлаетъ Свежавскій²⁾ примѣшивать сюда еще боярина Володислава, одно время вогняжившагося въ Галичѣ, и предполагать, что Мстиславъ могъ усыновить этого Володислава (?).

Хроника о *Петрѣ Власть*³⁾, повѣствующая судьбы этого вельможи, извѣстнаго въ южно-русской исторіи фактомъ похищенія Володаря Ростиславича, есть несомнѣнно компиляція XVI в., составленная притомъ по источникамъ намъ извѣстнымъ⁴⁾ (за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ). Извѣстіе о захватѣ Володаря рассказано весьма кратко и, кажется, заимствовано изъ Chr. Polon. Такимъ образомъ и эта, сравнительно недавно изданная, хроника (впервые изданная Мосбахомъ въ 1865 г. въ его сочиненіи Piotr, syn Włodzimierza) не даетъ ничего важнаго для исторіи Галицкой Руси XII в., какъ можно

¹⁾ Наук. сб. I, 1865.

²⁾ Zarysy badań krytycznych, p. 141-2.

³⁾ О ней см. А. Mosbach, Piotr, syn Włodzimierza, Ostrow, 1865. Smolka, Tradycya o mnichostwie Kazimierza Spraw. (Rozpr. i sprawozd. z posiedzen wydz. hist. Akad. umiętn. VI). Критическую замѣтку на это сочиненіе въ Przegląd krytyczny 1877 (А. Семковича). Весьма обстоятельное изслѣдованіе А. Семковича—предисловіе къ изданію этой хроники въ Mon. Pol. III p. 745—761. Тутъ же приведена и вся литература о Петрѣ Власть.

⁴⁾ Mon. P. III 758.

бы было предполагать, и единственными достоверными источниками для исторіи похищенія Володаря остаются біографія Оттона Бамбергскаго, писанная Гербортомъ (М. Р. II 75) и извѣстіе хроники Зви-фальтенскаго монастыря.

Къ концу XV в. относится громадная компилятивная работа Краковскаго каноника *Іоанна Длугоша*¹⁾ (1415—1480). Въ этомъ трудѣ впервые мы находимъ подробныя извѣстія о русскихъ дѣлахъ, изложенныя на основаніи русскихъ лѣтописей. Изложеніе русскихъ событій идетъ у Длугоша параллельно съ изложеніемъ событій польскихъ.

Тенденціозность и риторизмъ изложенія Длугоша вошли почти въ поговорку. Еще Нарушевичъ, сравнительно много взявшій изъ Длугоша, часто однако критикуетъ его извѣстія; въ нынѣшнемъ вѣкѣ кредитъ Длугоша какъ историческаго источника сталъ быстро падать. Реппель²⁾ въ предисловіи къ „Исторіи Польши“ замѣчаетъ, что послѣ тщательной работы надъ извѣстіями Длугоша, онъ вынесъ убѣжденіе, что, за исключеніемъ архивнаго матеріала, Длугошъ въ сущности не пользовался никакими иными хрониками и анналами, кромѣ дошедшихъ до насъ, а только прагматически-поэтически распространилъ эти извѣстія, по обычаю времени. Нѣкоторые изъ изслѣдователей³⁾ счи-

1) Наиболѣе полныя изданія—1711 г. *Ioannis Dlugossi seu Longini Canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII*, Lipsiae 1711 и новѣйшее—Пржездецкаго; послѣднее положило въ основу изданія автографную рукопись Длугоша; о жизни и сочиненіяхъ Длугоша см. Zeissberg, *die Poln. Gesch. des Mitt.* 197—343, Szujski, *Stanowisko Dlugosza w historiografii europejskiej*. Сочиненія Caro, *Ioannes Longinus*, мы не могли достать. Превосходный разборъ извѣстій Длугоша находится у Реппели въ его исторіи Польши въ разныхъ мѣстахъ. Извѣстія Длугоша о Руси напечатаны въ приложеніи къ сочиненію г. Бестужева-Рюмина о составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV ст. (Лѣт. зап. Арх. ком. IV). Обширное изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Длугоша готовится къ печати Смолкою и Бобржинскимъ; главные выводы этого будущаго изслѣдованія напечатаны въ статьѣ Смолки *Dlugosz*, помѣщенной въ его *Szkice historyczne*, Warszawa 1882, p. 67—123; см. также J. Girgensohn, *kritische Untersuchung über das VII Buch der Historia Polonica des Dlugosch*, Göttingen, 1872.

2) *Geschicht Polens* I, p. 17.

3) Girgensohn, *Das VII Buch der Hist. Pol. des Dlugosch*, p. 4.

таютъ вполне доказанною непригодность древнѣйшей части свода Длугоша вплоть до XV в.

Выводы эти впрочемъ слишкомъ рѣзки¹⁾ и объясняются дѣйствительно убійственной манерой изложенія Длугоша, который довелъ почти до апогея всѣ дурныя стороны историческаго изложенія своихъ предшественниковъ, прибавивъ къ нимъ нѣсколько своеобразныхъ примесей, еще болѣе обезобразившихъ его повѣствованіе. Какія бы смягчающія обстоятельства не придумывали для оправданія недостатковъ изложенія у Длугоша, сколько бы намъ не указывали на общее направленіе вѣка, въ которомъ онъ жилъ, на его патріотическое увлеченіе и пр., все же остается несомнѣннымъ, что огромный трудъ Длугоша не отмѣчаетъ первому и самому важному условію для всякаго историческаго труда—исторической правды въ изложеніи.

Поэтому восторженное отношеніе къ памяти этого „отца польской исторіи“, такъ шумно выразившееся недавно, по случаю 400

¹⁾ Слѣды пользованія источниками, не дошедшими до насъ, несомнѣнны у Длугоша, съ этимъ согласны позднѣйшіе изслѣдователи его исторіи, въ этомъ убѣдимся и мы при критическомъ разборѣ его свѣдѣній о русско-польскихъ дѣлахъ. См. также Zeissberg, p. 305; Smolka (*Szkice hist.* p. 16)); послѣдній замѣчаетъ, что „1 я книги труда Длугоша, несмотря на всѣ ихъ недостатки останутся не только замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ, но всегда сохранять значеніе неоцѣненнаго источника свѣдѣній, которыя, благодаря неустанному трудолюбію автора, съ потерей первоначальныхъ источниковъ, сохранились до нашего времени только у него“. Вопросъ этотъ будетъ окончательно рѣшенъ только послѣ тщательнаго критическаго анализа всѣхъ извѣстій Длугоша. Въ настоящее время такому анализу подвергнуты лишь нѣкоторыя книги обширнаго труда Длугоша, именно 4, 5, 7, 9 и 10. (См. *Czasopismo nauk. Księgobioru im. Ossolinskich*, 1831, I. *Rozbiór księgi IV i V historyi Długoszewey*; J. Girgensohn, *Kritische Untersuchung über das VII Buch der Hist. Polonica des Długosch*, Gött. 1872. B. Herda, *Quaestiones de fontibus, quibus Długossius usus sit in componenda hist. Pol. in disputationem adhibito libro decimo*. Vratisl. 1865. A. Semkowicz, *Krytyczny rozbiór IX księgi Długosza*, Krak. 1874). Въ 1880 парижское литературное общество предложило премию за критическій анализъ первыхъ 7 книгъ Длугоша; главной задачей изслѣдованія должно быть опредѣленіе, какія изъ извѣстій Длугоша основаны на недошедшихъ до насъ источникахъ (см. *Bibl. Warsz.* 1880, IV 543).

лѣтней годовщины смерти Длугоша, вовсе не является результатомъ признанія ученыхъ заслугъ этого польскаго историка; Длугоша чествовали какъ великаго патріота, какъ великаго гражданина, принесшаго свое колоссальное трудолюбіе на алтарь отечества. Но эти то именно качества—любовь къ отечеству, ревнивое охраненіе его славы, и повліяли въ значительной степени на искаженіе исторической правды въ исторіи Длугоша.

Правда, несомнѣнно, что увлекательно написанное историческое сочиненіе, проникнутое, всецѣло идеей, встрѣчающей откликъ во многихъ сердцахъ, способствуетъ распространенію историческихъ свѣдѣній гораздо больше, нежели трудъ хотя бы и огромной важности по тщательной и безпристрастной обработкѣ матеріала, но сухой и объективный въ изложеніи. Но польза для исторической науки отъ трудовъ перваго рода только косвенная: привлеченная ими къ занятіямъ исторіей силы пріобрѣтаютъ вмѣстѣ съ историческими знаніями и критическіе пріемы и съ ними обращаются въ концѣ концовъ и къ источнику первыхъ своихъ историческихъ познаній. Такова неизмѣнно судьба всякаго историческаго труда, писаннаго болѣе въ интересахъ минуты, нежели въ интересахъ объективной исторической правды; потомки современниковъ писателя, благоговѣвшихъ передъ его именемъ, воспитанные въ иной умственной и политической атмосферѣ—не могутъ понять восторговъ своихъ предковъ, какъ мы не въ состояніи оцѣнить таланта тѣхъ артистовъ, которыми восторгались наши отцы....

Дѣйствительно, *Historia Polonica* Длугоша, не смотря на массу собраннаго матеріала и на колоссальное трудолюбіе автора, слишкомъ много отразила на себѣ современную политическую и умственную атмосферу.

Въ манерѣ изложенія Длугошъ слѣдуетъ классическимъ образцамъ, преимущественно Ливію; у него онъ перенялъ амплификацію простыхъ извѣстій анналистовъ красками, почерпнутыми исключительно изъ собственнаго воображенія, раскрашиваніе разсказа *возможными* подробностями; эта, свойственная всѣмъ польско-латинскимъ писателямъ, черта риторическихъ прикрасъ особенно ярка у Длугоша; онъ измышляетъ не только рѣчи дѣйствующихъ лицъ, *возможныя общія* подробности событій, но доходитъ до измышленія лицъ, которые, по его соображеніямъ, *могли* принимать участіе въ описываемыхъ событіяхъ, въ стремленіи ка точности и картинности доходятъ до топографическихъ

измышлений (такъ, встрѣтивъ въ своемъ источникѣ неопредѣленное указаніе на осаду какого-либо города, онъ не колеблется назвать этотъ городъ на основаніи собственныхъ соображеній) и пр.; онъ не скрываетъ того, что нерѣдко умалчиваетъ о событіяхъ, вредящихъ по его мнѣнію, славу польскаго имени; онъ переноситъ учрежденія и понятія своего времени въ древность, онъ доходитъ иногда даже до прямой фальсификаціи извѣстій. Несмотря на стремленіе къ точности, онъ иногда настолько небреженъ въ изложеніи, что передаетъ дошедшій до него рассказъ какъ разъ на выворотъ, одно и тоже событіе описываетъ 2 и 3 раза.

Все это заставляетъ относиться къ изложенію Длугоша съ крайней осторожностью; полнота его рассказа — полнота обманчивая, зависящая не отъ обилія свѣдѣній, а отъ присущей Длугошу манеры изложенія. Поэтому для критики извѣстій Длугоша необходимо т. ск. *считаться* въ его способъ передачи извѣстій источниковъ и имѣть всегда въ виду политическіе, религіозные и т. д. взгляды автора. Сравненіе рассказа Длугоша съ рассказомъ его источника, извѣстнаго и намъ, даетъ ясное понятіе о его способѣ обработки источниковъ. Цѣлыя страницы картиннаго и, повидимому, подробнаго рассказа сводятся нерѣдко къ 2, 3 словамъ первоначальнаго источника.

Тѣмъ не менѣе исторія Длугоша будетъ всегда привлекать къ себѣ вниманіе и историка Польши и историка сосѣднихъ Польшѣ государствъ, судьба которыхъ вошла въ рамки Длугошева повѣствованія. Дѣло въ томъ, что, на ряду съ извѣстными намъ источниками, Длугошъ несомнѣнно пользовался и такими хрониками и анналами, которые погибли для насъ б. м. безвозвратно; оттого, не смотря на всю трудность критической работы надъ исторіей Длугоша, (въ виду всѣхъ указанныхъ особенностей его манеры изложенія) извѣстій его невозможно обойти. Правда, критическое изслѣдованіе рассказовъ Длугоша позволяетъ въ большинствѣ случаевъ взять изъ его пространнаго изложенія лишь одинъ голый фактъ, но и такая добыча имѣетъ большую цѣну для историка.

Это особенно вѣрно для историка Руси вообще и русско-польскихъ отношеній въ частности. Длугошъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, несомнѣнно пользовался такимъ спискомъ лѣтописи южнаго извода, какого мы теперь больше не имѣемъ. Нѣкоторыя изъ самостоятельныхъ его свѣдѣній о Руси (конечно, если отдѣлить отъ нихъ по-

монью критическаго анализа все лишнее), подтверждаются путем комбинацій извѣстныхъ намъ болѣе достовѣрныхъ данныхъ, иныя приходится принимать на вѣру.

При критикѣ извѣстїи Длугоша о Руси необходимо, помимо общихъ свойствъ его изложенїя, считается еще съ его нелюбовью къ Русскимъ и съ его политическими мечтанїями о возвращенїи Польшѣ всѣхъ областей, когда либо ей принадлежавшихъ. Оттого онъ пользуется малѣйшимъ намекомъ для того, чтобы доказать исконныя права Польши на разныя области, частью принадлежавшія Польшѣ нѣкогда, частью составлявшїя предметъ спора между Польшей и другими государствами. Къ числу такихъ спорныхъ областей принадлежали Галичь, на который (особенно въ XIV в.) предъявляла свои права Венгрія, Волынь и Подоля, которыя въ XV в. Польша оспаривала у Великаго княжества Литовскаго.

Длугошемъ мы покончимъ обзоръ польско-латинскихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о взаимныхъ отношенїяхъ Руси и Польши до половины XIV ст. Позднѣйшіе польско-латинскїе историки, (Кромеръ, Гвагинъ и пр.) важные иногда для болѣе поздняго времени, ровно ничего не прибавляютъ къ свѣденїямъ своихъ предшественниковъ, что касается древняго періода; по большей части они только перефразируютъ Длугоша¹⁾.

Многіе частныя вопросы (годы рожденїя и смерти разныхъ князей, время заключенїя браковъ м. русскими и польскими княжескими домами и пр.) разрѣшаются краткими польскими анналами, собранными во II и III т. Monumenta Poloniae Historica.

¹⁾ Извѣстно, что трудъ Длугоша долго не появлялся въ печати, (первое изданїе его относится къ 1614 г.) а расходился въ рукописныхъ спискахъ (о причинахъ этого факта см. Szujski, Opowiadania hist., p. 344, хотя онъ, кажется слишкомъ идеализируетъ эти причины). Поэтому, хотя послѣдующїе за Длугошемъ историки и пользовались въ весьма широкихъ размѣрахъ его трудомъ, но самъ онъ былъ мало извѣстенъ, (такъ напр. польско-латинскїй поэтъ XVI в. Себастьянъ Кленовичъ хотя и упоминаетъ о Длугошѣ, но называетъ его только *правдивымъ* (?), между тѣмъ какъ Кромера, попросту переписавшаго въ первой части своей хроники Польши Длугоша, приравниваетъ къ Ливїю, Гомеру и Фукидиду. См. А. В. Стороженко, Себаст. Фаб. Кленовичъ, Унив. Изв. 1882 № 1 p. 28).

Изъ сдѣланнаго обзора польско-латинскихъ источниковъ мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Древнѣйшіе польско-латинскіе историки (за исключеніемъ развѣ иногда Длугоша), вообще говоря, не выдумываютъ совершенно безпочвенно извѣстій, а только передаютъ ихъ, если можно такъ выразиться, въ особомъ одѣяніи, матерія и покровъ котораго представляютъ у всѣхъ ихъ много общаго, но у каждаго нѣсколько видоизмѣняются, соотвѣтственно образованію, міровоззрѣнію и политической обстановкѣ, среди которой жилъ авторъ.

2) Основные черты общей всѣмъ польско-латинскимъ историкамъ манеры изложенія состоятъ въ измысленіи такъ сказать *общихъ*, возможныхъ, по мнѣнію писателя, подробностей событій; сюда принадлежатъ подробности битвъ, осадъ, рѣчи дѣйствующихъ лицъ, которыя послѣдніе, по мнѣнію автора, могли сказать при данныхъ обстоятельствахъ и пр. Путемъ нехитрой комбинаціи данныхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, выводятся якобы историческіе факты ¹⁾, событія передаются нерѣдко въ политической окраскѣ, отражающей на себѣ политическіе вопросы времени. Необходимо еще считаться съ національнымъ тщеславіемъ и съ заимствованіемъ (иногда цѣликомъ) красокъ у классическихъ писателей, особенно тамъ, гдѣ авторъ усмотрѣлъ сходство между описываемымъ событіемъ и какимъ либо событіемъ древности.

3) Чѣмъ позже писатель, тѣмъ интенсивнѣе проявляются у него всѣ эти особенности изложенія.

4) При критикѣ извѣстій польско-латинскихъ писателей необходимо имѣть въ виду какъ общія всѣмъ имъ свойства изложенія, такъ и въ частности особенности каждаго отдѣльнаго писателя; необходимо *вчитаться* въ него, освоиться съ его способомъ передачи событій путемъ сравненія его разсказа съ данными болѣе достовѣрныхъ источниковъ.

Что касается другихъ иностранныхъ источниковъ, то кое что даютъ Венгерскія лѣтописи ²⁾ (преимущественно такъ наз. хроника

¹⁾ Это тоже, что мы называемъ научными гипотезами, только въ первобытной формѣ.

²⁾ О Венгерскихъ лѣтописяхъ см. прекрасное изслѣдованіе: *Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden* von Heinrich Mar-

Туроца). Во весь удѣльно-вѣчевой періодъ Венгры стояли почти въ такихъ уже тѣсныхъ сношеніяхъ съ Русью, какъ и Поляки. Русскія княжны выходятъ за венгерскихъ принцевъ и королей, русскіе князья берутъ себѣ женъ изъ Венгріи (напр. Владимиръ Мстиславичъ, братъ Изяслава Мстиславича, женится на дочери бана венгерскаго, уя короля) ¹⁾, венгерскія войска почти также часто, какъ и польскія, являлись въ русскіе предѣлы въ помощь однимъ князьямъ противъ другихъ; даже Кіевляне видали въ своихъ стѣнахъ союзниковъ Изяслава, Венгровъ, и удивлялись ихъ ловкому наѣздничеству; русскіе князья, въ свою очередь, часто помогали Венгерскимъ королямъ въ ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ военныхъ дѣлахъ ²⁾. Въ Венгерскихъ лѣтописяхъ поэтому часты упоминанія о Руси, хотя почти исключительно по случаю внѣшнихъ сношеній Венгріи съ Русью. Но такъ какъ въ русскихъ дѣлахъ Венгры нерѣдко участвовали вмѣстѣ съ Поляками, то извѣстія Венгерскихъ лѣтописей (пополняющія и подтверждающія извѣстія русскихъ и польскихъ лѣтописей), имѣютъ нѣкоторое значеніе и для исторіи польско-русскихъ отношеній ³⁾.

czali, Berlin 1882, важное въ двухъ отношеніяхъ: какъ сводъ всего сдѣланнаго въ венгерской исторіографіи, (недоступнаго большинству европейцевъ, незнакомыхъ съ варварскимъ Венгерскимъ языкомъ) и по самостоятельной критической обработкѣ.

1) Ип. 283 стр. Карамзинъ II, пр. 284.

2) Сводъ извѣстій (преимущественно русскихъ лѣтописей) о русско-венгерскихъ отношеніяхъ см. у Sczaraniewicz, die Hupatios-Chronik, Lemberg, 1872.

3) Сами Венгры дѣлаютъ крайне затруднительнымъ изученіе своей исторіи для европейцевъ, издавая свои труды на малоизвѣстномъ азіатскомъ языкѣ. Научное движеніе въ Венгріи довольно значительно, и однако сами Венгры нисколько не заботятся объ облегченіи европейцамъ изысканій въ области хотябы отношеній Венгріи къ другимъ странамъ. Такъ, въ новомъ изданіи венгерскихъ грамотъ (писанныхъ почти исключительно по латыни) Венгры не дѣлаютъ даже простой ученой любезности: они не даютъ содержанія каждаго акта на какомъ нибудь изъ европейскихъ языковъ, (хотя бы на латинскомъ), а передаютъ его по венгерски.

Отрывочныя извѣстія о русско-польскихъ отношеніяхъ встрѣчаемъ въ разныхъ нѣмецкихъ анналахъ, хроникахъ и даже житіяхъ святыхъ: какъ то въ *Annales Quedlinburgenses*, *Ann. Hildesheim.*, у *Wipo (vita Chuonradi imperatoris)*, у *Annalista Saxo*, въ житіяхъ Оттона Бамбергскаго и пр. Извѣстія эти будутъ разобраны въ своемъ мѣстѣ ¹⁾.

Что касается грамотъ и актовъ, то для даннаго періода ихъ существуетъ вообще весьма немного, а тѣмъ болѣе такихъ, которые относились бы къ исторіи русско-польскихъ отношеній. Древнѣйшія грамоты, имѣющія значеніе для польской исторіи, собраны у Белевскаго, въ *Mon. Pol.* Важное значеніе имѣютъ папскія буллы—онѣ собраны у Тейнера и у Тургенева. (*Monum. Poloniae et Lithuanie, Hist. Russiae Monumenta et Supplementum ad Hist. Russiae Monum.*)

Прежде чѣмъ закончимъ эту главу, остановимся нѣсколько на извѣстіяхъ исторіи Россійской Татищева.

Лѣтописный сводъ Татищева ²⁾ много разъ подвергался разнымъ несправедливымъ наерканіямъ; самостоятельныя извѣстія Татищева, не дошедшія ни въ какихъ лѣтописныхъ спискахъ, обыкновенно заподозрѣвались; если ихъ и приводили, то такъ сказать лишь для полноты, и не придавая имъ особенной вѣры. Особенно же досталось почтенному

¹⁾ Едва ли не лучший до сихъ поръ сводъ извѣстій западныхъ лѣтописей о Руси представляютъ примѣчанія къ исторіи государства Россійскаго Карамзина. См. также Петро Скобельскій, згадки о Руси въ жерелахъ нѣмецкихъ X и XI столѣтія. (Справозданѣ дирекціи ц. к. гимназіи Академичной во Львовѣ на рокъ школьный 18⁸⁰/₈₁, Львовъ, 1881), и разборъ этой статьи Н. П. Дашкевича (Новости иностранной литературы по русской исторіи и исторіи русской словесности, Кіевск. Унив. Изв. 1882 г. № 4).

²⁾ О Татищевѣ см. П. Лавровскій, объ Іоакимовской лѣтописи (Уч. Зап. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 1-й), ст. Лыжина, два памфлета времени Анны Іоанновны (Изв. Ак. Наукъ, т. VII, в. 1-й). С. М. Соловьевъ, писателя Русской исторіи XVIII в. (Архивъ истор. юридич. свѣдѣній Калачева, т. II кн. 1-я). Н. А. Поповъ, Татищевъ и его время, Москва 1861; К. Н. Бестужевъ—Рюминъ, Очерки и характеристики, Спб. 1882; Е. Е. Голубинскій, объ Іоакимовской лѣтописи (Прибавл. къ Твор. св. отц. изд. при Моск. Дух. Акад. 1881 г. № 4).

труженику за его такъ наз. Иоакимовскую лѣтопись ¹⁾; отрицательное мнѣніе, справедливо составившееся относительно этого отрывка ²⁾, перенесли и на другія извѣстія Татищева, сохранившіяся только у него. По нашему мнѣнію, скептическое отношеніе къ извѣстіямъ Татищева вполне несправедливо. Тщательное сличеніе извѣстій Татищевского свода съ данными нашихъ лѣтописей привело насъ къ положительному убѣжденію въ самой строгой добросовѣстности Татищева при передачѣ лѣтописныхъ данныхъ. Въ своемъ сводѣ Татищевъ употребляетъ тотъ методъ, что передаетъ въ текстѣ лишь данныя нашихъ лѣтописей, данныя же иностранныхъ источниковъ и собственныя критическія замѣчанія онъ помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ. При передачѣ лѣтописныхъ данныхъ онъ строго придерживается лѣтописнаго текста, позволяя себѣ только переводъ этихъ данныхъ на болѣе современный языкъ, отчасти (далеко не вездѣ) распространяя лѣтописныя рѣчи (почти никогда не вставляя въ нихъ какихъ либо фактовъ—распространенія его чисто риторическія) ³⁾; нѣкоторыя невѣрныя данныя у Татищева приходится отнести частью къ плохимъ спискамъ лѣтописей, бывшимъ у него, частью къ невѣрному чтенію или пониманію рукописнаго текста лѣтописей ⁴⁾. Не забудемъ притомъ, что печатный

¹⁾ Еще въ самое послѣднее время Е. Е. Голубинскій въ указанной въ пр. 2 статьѣ снова возвращается къ мнѣнію Карамзина, считавшаго этотъ отрывокъ шуткой Татищева.

²⁾ По нашему убѣжденію, вытекающему изъ внимательнаго изученія извѣстій Татищева вообще, почтенный историографъ ни сколько неповиненъ въ авторствѣ этого отрывка.

³⁾ Риторическихъ прибавленій у Татищева вообще немного (особенно сравнительно съ польскими хронистами), и они рѣдко измѣняютъ точный смыслъ лѣтописей.

⁴⁾ Такъ напр., описывая пребываніе Венгровъ (помогавшихъ Изяславу Мстиславичу) въ Кіевѣ, Татищевъ гов., что Изяславъ далъ имъ пирь, на которомъ играли венгерскіе скомоніи (музыканты)... множество кіевлянъ съ удивленіемъ смотрѣли игры и слушали скомоніи венгерскія (III, 34). Здѣсь Татищевъ очевидно не понялъ лѣтописи, которая говор. что „угре на фарехъ (коняхъ) и на скокохъ играхуть.... Кіяне же двяхутся Угромъ множеству и кметьства ихъ и комонемъ

текстъ Ист. Росс. Татищева изданъ съ весьма неисправнаго списка ¹⁾. Поэтому, вмѣсто того, чтобы продолжать оскорблять память почтеннаго труженика, воздадимъ ему глубокую благодарность за сохраненіе множества извѣстій, которыя безъ него погибли бы безвозвратно.

ихъ“ (Ип. 289). Играть на фарехъ здѣсь значить показывать ловкость наѣздническую. Но развѣ и теперь знатоки чтенія рукописей не ошибаются? Вѣдь П. М. Строевъ, одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ рукописей, прочелъ въ Соф. Врем. онисій вм. оньси, на что извительно указываетъ Бередниковъ. И въ новомъ изданіи лѣтописей до сихъ поръ стоитъ о Варяжскомъ князѣ Ягунѣ, помогавшемъ Ярославу въ Лиственской битвѣ: и бѣ Ягунъ *славъ* (Ип. 104 изд. 1871) вм. правильнаго—се (съ) лѣпъ, т. е. красивъ.

¹⁾ Болѣе столѣтія уже тщетно ожидаетъ Русская наука новаго, болѣе исправнаго изданія Татищевскаго свода, ставшаго притомъ библиографической рѣдкостью. (Первая книга Ист. Росс. изд. 1768 г.).

II. БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ.

Въ ряду тѣхъ обстоятельствъ, которыми выражаются взаимныя отношенія двухъ народовъ, весьма важное мѣсто занимаютъ брачныя союзы. Въ исторіи двухъ народовъ брачныя союзы могутъ имѣть во первыхъ значеніе чисто политическое—и такое ихъ значеніе возможно между народами самыми отдаленными другъ отъ друга; брачныя союзы между правящими лицами разныхъ народовъ во всѣ времена играли огромную политическую роль, но едва-ли когда нибудь они имѣли такое значеніе, какъ въ средніе вѣка въ Европѣ. Области закруглялись,

¹⁾ Специальнаго изслѣдованія о брачныхъ союзахъ русскаго княжескаго дома съ иностранными мы не имѣемъ; до сихъ поръ наиболее полнымъ и цѣннымъ сводомъ отдѣльныхъ извѣстій о такихъ брачныхъ союзахъ остается Исторія Россійская Карамзина (passim въ примѣчаніяхъ); см. также Арцыбышева, повѣствованіе о Россіи; Погодина, Изслѣдованія замѣчанія и лекціи т. 5-й; для браковъ съ польскими князьями еще Joh. Hübner, Genealogische Tabellen, Leipzig, 1737; (I, Tab. 93—103). Naruszewicz, Hist narodu polskiego; Genealogia Książąt u królów polskich od roku 880—1195 Aug. Bielowskiego i Jana Wągiłowicza (Bibl. Ossolinskich, poczet nowy, t. IX, Lwów 1866). Последнее сочиненіе весьма мало удовлетворительно со стороны критической и содержитъ много ошибокъ. Мало критична также генеалогическая таблица русскихъ и польскихъ князей XII в., приложенная къ сочиненію Smolka, Mieszko Stary i jego Wiek, Warszawa 1881.

увеличивались, цѣлыя новыя государства возникали путемъ браковъ между владѣтельными особами (вспомнимъ Австрію и знаменитую поговорку—*bella gerant alii, tu felix Austria nube*). Правда, путемъ брачныхъ союзовъ быстро сложившіяся государства также легко и распадались. Тѣмъ не менѣе весьма важное политическое значеніе брачныхъ союзовъ несомнѣнно.

Но въ отношеніяхъ двухъ сосѣднихъ народовъ брачные союзы играютъ менѣе замѣтную, но болѣе глубокую и прочную роль. Кромѣ чисто случайныхъ политическихъ союзовъ, здѣсь возможны браки въ глубинѣ самаго населенія, особенно въ смежныхъ областяхъ. Браки являются здѣсь результатомъ частыхъ сношеній двухъ пограничныхъ народовъ и, въ свою очередь, обратно, самымъ кореннымъ образомъ содѣйствуютъ ихъ сближенію. Путемъ браковъ у сосѣднихъ народовъ устанавливается солидарность интересовъ, сглаживаются національныя особенности, отношенія принимаютъ болѣе теплый характеръ. Соединеніе двухъ народовъ въ одно государственное тѣло упрочивается только браками и тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ расовыя, религіозныя, или какія нибудь иныя причины ставятъ препятствія къ частымъ брачнымъ союзамъ (какъ это напр. относительно евреевъ у насъ), тамъ никогда не возможно органическое соединеніе, оно будетъ механическимъ и держится или силой или выгодой.

Весьма частый историческій фактъ полного сліянія двухъ народовъ, образованія изъ нихъ новаго—соединившаго основныя черты своихъ составныхъ частей, есть единственно результатъ брачныхъ сношеній. (Нѣтъ нужды вспоминать примѣры).

Такое же значеніе, какъ и вездѣ, имѣли брачные союзы и на Руси. Русскій княжескій домъ заключалъ въ удѣльный періодъ брачные союзы почти со всеми владѣтельными домами Европы (греческимъ, польскимъ, венгерскимъ, германскимъ, французскимъ, англійскимъ, датскимъ, шведскимъ, и пр.); русскіе князья нерѣдко брали себѣ женъ и изъ среды нѣкоторыхъ азіатскихъ племенъ, какъ кочевавшихъ на территоріи нынѣшней Руси (Половцы), такъ и изъ самой Азіи (Кавказскія племена). Съ другой стороны, часты бывали брачныя сношенія самаго населенія Руси съ другими племенами; не говоря уже о бракахъ русскихъ славянъ съ финскими и тюркскими инородцами, составившими значительную примѣсь въ нынѣшнемъ составѣ Руси, бывали и очень

частыя брачныя сношенія съ пограничными народами—Ляхами, Венграми ¹⁾.

Брачныя союзы русскаго княжескаго дома съ иностранными владѣтельными домами имѣли, конечно, какъ и вездѣ важное политическое значеніе; они заключались или для скрѣпленія союза двухъ государствъ, или имѣли въ виду вызвать болѣе близкое участіе одного государства въ судьбахъ другаго; почти всякій миръ, всякая попытка къ болѣе тѣсному сближенію между правящими домами завершалась брачными союзами. Но въ исторіи брачныхъ союзовъ нашего удѣльнаго періода есть одна черта, значительно отличающая ихъ отъ браковъ на западѣ Европы. Политическое значеніе княжескихъ браковъ было у насъ слабѣе, чѣмъ на западѣ. Къ числу особенностей нашей жизни удѣльнаго періода принадлежало отсутствіе у насъ вотчиннаго права князей на территорію. Земля принадлежала не князю, а общинѣ, князю выдѣлялись только извѣстные доходы за его дѣятельность въ пользу общины и часть земли въ его пользованіе,—но такія земли составляли не его личную собственность, а представляли лишь регалии,—князь ими пользовался, пока былъ княземъ данной области; если община изгоняла князя, то такія земли переходили къ новому приглашенному князю, слѣд. составляли принадлежность (кормленіе) княжеской власти. Князья, правда, имѣли въ княжествахъ и собственныя земли, составлявшія ихъ личное имущество, но такія земли они приобрѣтали покупкой, и онѣ вообще не бывали значительны. По этимъ то причинамъ князья и не могли отчуждать ни пяди земли изъ той территоріи, въ которой они княжили; княжества измѣнялись въ границахъ только путемъ насильственнаго захвата, путемъ войнъ. Неотчуждаемость территорій русскихъ земель имѣла большое значеніе по от-

¹⁾ Международные браки на окраинахъ государства дѣлаютъ весьма труднымъ изслѣдованіе границъ двухъ государствъ и запутываютъ вопросъ объ этнографическомъ разселеніи племенъ. Когда мы встрѣчаемъ въ предѣлахъ одного государства мѣстности, населенныя племенемъ другаго, сосѣдняго, (напр. Русины въ Венгріи), то трудно бываетъ рѣшить (если нѣтъ твердыхъ историческихъ данныхъ), какимъ образомъ появилось здѣсь чужое племя—путемъ-ли древней колонизаціи или же путемъ позднѣйшихъ брачныхъ сношеній.

ношенію къ бракамъ русскаго княжескаго дома съ другими владѣтельными домами; выходящія за иностранныхъ принцевъ русскія княжны получали въ приданое одно только движимое имущество, но за ними не давали никакихъ земель, и иностранные государи не могли надѣяться и представлять наслѣдственныхъ правъ на русскія земли, такъ какъ князья русскіе не имѣли права распоряжаться землями своихъ княженій по усмотрѣнію ¹⁾.

Такой порядокъ имѣлъ особенно значеніе въ нашихъ отношеніяхъ къ ближайшимъ сосѣдямъ—Полякамъ и Венграмъ. Несмотря на весьма частые браки польскихъ князей съ русскими князьями, мы ни разу не видимъ уступки какихъ либо земель даже на границахъ, что конечно было бы очень важно для Польши ²⁾.

За исключеніемъ этого столь важнаго обстоятельства, браки Русскаго княжескаго дома съ иностранными владѣльческими домами (въ частности съ Польскимъ) имѣли свое обычное значеніе; они способствовали болѣе живому культурному общенію обоихъ племенъ; въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ знатные русскіе могли бывать приглашае-

¹⁾ Вдвойнѣ невѣрнымъ поэтому является увѣреніе нѣкоторыхъ писателей, (см. статью А. Н. Д. (Добрянскаго), о западн. границахъ подкарпатской Руси со времени Владимира св., Ж. М. Нар. Просв. 1880 г. кн. III) якобы 1102 г. Перемышльская земля была уступлена Святополкомъ II Польскому князю Болеславу въ видѣ приданого за дочьрью; 1) до XIII вѣка мы вовсе почти не встрѣчаемъ земельныхъ уступокъ въ приданое 2) Святополкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ распоряжаться Перемышльской землей, ибо она имѣла въ это время собственныхъ князей (Ростиславичей). Мнѣніе это основано на недоразумѣніи, которое мы постараемся разрѣшить въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Едвали не единственный фактъ, свидѣтельствующій о добровольной, по договору, территоріальной уступкѣ, сохранился у Татищева: онъ говоритъ объ уступкѣ Василькомъ Дорогицкимъ тестю своему всѣхъ своихъ владѣній по своей смерти (Ист. Росс. кн. III стр. 247); но фактъ этотъ не совсѣмъ ясенъ (см. ниже). Если Длугошъ (III, р. 260) говоритъ что женѣ Болеслава Смѣлаго, „*magna pars Russiae ex successione paterna debebatur*“, то это его собственная тенденціозная прибавка.

мыми въ Польшу и обратно (такъ на брачномъ торжествѣ сына Всеволода Ольговича съ дочерью Полоцкаго князя видимъ и *безбожныхъ* Ляховъ); отдавая своихъ дочерей въ чужую сторону, русскіе и польскіе князья не могли не заботиться знать, какъ имъ живетъ, и помимо всякихъ политическихъ дѣлъ, вѣроятно, не рѣдко сносились посольствами; подобныя частыя сношенія облегчали русскимъ и польскимъ дружинникамъ, недовольнымъ чѣмъ нибудь на родинѣ, переходъ на службу въ сосѣднюю страну: такъ видимъ Володислава Ляха на службѣ у Ростислава ¹⁾; Петръ Власть, по свидѣтельству нашейлѣтописи, преслѣдуемый княземъ Володиславомъ, бѣжитъ въ Русь ²⁾.

Русскіе и польскіе князья конечно научались отъ своихъ матерей первые польскому, вторые русскому языку; могли узнавать и перенимать и нѣкоторые обычаи. Въ политическихъ сношеніяхъ родственныя отношенія конечно играли также важную роль, помимо разныхъ политическихъ расчетовъ, до извѣстной степени парализуя ихъ (конечно, бывали князья, которые, какъ напр. Романъ Мстиславичъ, мало обращали вниманія на всякія родственныя связи).

При заключеніи брачныхъ союзовъ какъ польскіе такъ и русскіе князья зорко слѣдили за политическими отношеніями внутри обоихъ государствъ; исключительно политической характеръ княжескихъ брачныхъ союзовъ заставлялъ искать такихъ союзовъ преимущественно съ наиболѣе сильными князьями. Успѣхи которой либо изъ вѣтвей княжескаго дома, боровшихся за преобладаніе, опредѣляли и брачныя симпатіи сосѣднихъ князей. Такъ, когда на Руси были сильны Мономаховичи, польскій княжескій домъ вступаетъ съ ними въ тѣсныя сношенія, закрѣпляя ихъ браками. Одолѣли Ольговичи (при Всеволодѣ Ольговичѣ), Мономаховичи оставлены, за то учащаются брачныя сношенія съ Ольговичами. Снова одолѣли Мономаховичи (Ростиславъ), и къ нимъ повернулись брачныя симпатіи польскихъ князей.

При брачныхъ союзахъ русскаго и польскаго княжескихъ домовъ замѣчаемъ также тотъ фактъ, что инициатива предложенія брачнаго со-

¹⁾ Ип. 350.

²⁾ Ип. 228.

юза идетъ чаще со стороны Польши въ Русь, нежели со стороны Руси въ Польшу. Это легко объяснимо. Польскіе князья болѣе нуждались въ чужой помощи въ своихъ внутреннихъ раздорахъ и внѣшнихъ предпріятіяхъ, нежели русскіе; княжескій домъ на Руси разросся несравненно шире, чѣмъ польскій, поэтому всегда легко было найти союзника у себя на Руси; притомъ русскіе князья имѣли всегда готовыхъ союзниковъ въ лицѣ Половцевъ и другихъ инородцевъ; южные князья часто получали помощь изъ Венгріи. Иначе было въ Польшѣ; найти поддержку дома было трудно, вслѣдствіе малочисленности княжеской семьи и удѣловъ; такого готоваго всегда на бой элемента, какимъ обладали Русскіе князья въ лицѣ инородцевъ, кочевавшихъ въ степной полосѣ Руси, вблизи Польши не было. Съ сосѣдними странами (Венгріей, Германіей, Полабскими Славянами) Польша находилась весьма часто во враждебныхъ отношеніяхъ. Весьма частое критическое положеніе Польши, тѣснимой Нѣмцами, вѣчно борющейся съ Поморянами, значительно парализовало ея стремленія къ завладѣнію русской западной украины и, наоборотъ, заставляло ее постоянно обращаться за помощью въ Русь. Поэтому то въ числѣ иностранныхъ княженъ, выходившихъ замужъ въ Польшу, на долю Русскаго княжескаго дома падаетъ самый большій процентъ.

Что касается международныхъ браковъ въ глубинѣ самаго населенія, то особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ польская окраина; мы имѣемъ данныя о весьма частыхъ бракахъ между русскимъ и польскимъ населеніями.

Съ одной стороны, частыя войны и нѣкоторыя другія причины содѣйствовали переливу населенія изъ Польши въ Русь и обратно; Болеславъ Храбрый уводитъ съ собою изъ Кіева 800 плѣнныхъ; (при Ярославѣ, правда, эти плѣнники вернулись въ Русь); Ярославъ вмѣстѣ съ братомъ Мстиславомъ вывели много плѣнныхъ изъ Польши и расселили ихъ по степнымъ окраинамъ своихъ княженій ¹⁾; Радимичи сохранили смутное преданіе о своемъ выходѣ изъ Польши. Эти выходцы, вѣроятно, скоро сливались съ мѣстнымъ населеніемъ ²⁾; плѣнники впро-

¹⁾ Не для этихъ ли Ляховъ существовала въ Переяславлѣ Ляцкая божница?

²⁾ Лѣтопись, правда, говоритъ о поселенныхъ на Руси Ляхахъ

чемъ не могутъ здѣсь идти въ счетъ, ибо они необходимо должны были брать себѣ женъ изъ туземнаго населенія. Вполнѣ добровольный характеръ имѣли за то браки на границахъ Руси съ Польшой—въ Галицкой украинѣ. Смѣшанные браки стали здѣсь явленіемъ на столько обычнымъ, что обратили на себя вниманіе самихъ папъ, которые въ своихъ буллахъ къ епископамъ запрещаютъ подобныя браки на томъ основаніи, что Русскіе перекрещиваютъ своихъ женъ въ греческую вѣру ¹⁾. И въ нашихъ полемическихъ посланіяхъ противъ Латинянъ находимъ неоднократно осужденіе браковъ съ Латинянами—ясно, что такіе браки происходили часто ²⁾.

(плѣненныхъ Ярославомъ): „суть и до сего дне,“ какъ бы указывая этимъ на ихъ отличіе отъ туземнаго населенія; но 1) если Ляхи здѣсь сохранили свои особенности, то этому могло способствовать ихъ отдѣльное отъ остальнаго населенія окраинное положеніе и близкое сожителство съ инородцами поросскаго удѣла; 2) замѣтка лѣтописная не ясна—нельзя съ достовѣрностью сказать, какому редактору принадлежитъ эта приписка, и что собственно хотѣлъ сказать этимъ авторъ приписки—указать ли на отличіе этихъ поселенцевъ отъ туземнаго населенія, отличіе замѣтное и въ его время, или просто констатировать фактъ, что Ляхи не ушли изъ этихъ мѣстъ.

Съ увеличеніемъ шляхетскихъ правъ, польскіе крестьяне, тѣснимые на родинѣ, весьма рано стали убѣгать въ Русь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ папская булла 1232 (Turgeniew. Hist. Russ. Mon. p. 32).

¹⁾ Hist. Russ. Mon. p. 31. Accepimus.... quod Ruthenorum perfidia... qui sunt in eorum vicinia constituti mulieres catholicas, quas sibi aliquando copulant in uxores,.... secundum ritum ipsorum baptizari faciunt et eorum errores dampnabiles observare. cf. ibid. p. 13 буллу—1222 judicibus in Livonia, кт. жалуется, что Русскіе греческаго обряда приходятъ въ Ливонію, „contracta inter Neophitos matrimonia dissolventes.“ Тоже говоритъ и краковскій епископъ Матвей въ письмѣ къ знаменитому клервосскому аббату св. Бернарду. „Gens autem illa Ruthenica... in conjugiiis repudiandis et rebaptizandis atque aliis alisque ecclesiae sacramentis turpiter claudicare cognoscitur. (Mon. Pol. II, p. 16).“

²⁾ См. правило митр. Іоанна къ Іакову черноризцу (Русск. До-

Хотя разрѣшеніе было—но тѣмъ же священникомъ
обрадуютъ—вѣрны—а между тѣмъ тѣмъ въ
тогда браки обрѣдности различны—

Такимъ обр. не только одни князья вступали въ родственные союзы съ Ляхами, но и среди населенія (особенно пограничнаго) такіе браки были не рѣдки; „кромѣ князей... и по ихъ примѣру, (говорить Е. Е. Голубинскій, Ист. Русской церкви, ч. II, р. 698) это могли дѣлать бояре, разыскивая выгодныхъ невѣстъ если не по всей Европѣ, какъ первые, то по крайней мѣрѣ въ сосѣднихъ Венгріи и Польшѣ; могли выдавать за Русскихъ своихъ дочерей иностранные католическіе купцы, торговавшіе въ Россіи и таковыя же жившіе въ ней въ немаломъ числѣ художники и ремесленники; наконецъ, могли заключать и, какъ мы имѣемъ свидѣтельства, дѣйствительно заключали браки пограничныя Русскіе съ своими заграничными сосѣдями.“ (О послѣднемъ см. выше).

Есть и другіе частныя факты, подтверждающіе это; такъ, по одному извѣстію, знаменитый въ польской исторіи вельможа, Петръ Власть, былъ женатъ на дочери Русскаго князя ¹⁾.

Западъ Европы представлялъ въ первый періодъ среднихъ вѣковъ бол. или мен. однородную массу въ отношеніи религіозномъ, поэтому тамъ не могло возникать вопроса религіознаго при заключеніи международныхъ браковъ. Но иначе было дѣло у насъ. Принявъ христіанство изъ Византіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приняли и вѣковую тяжбу Византійской церкви съ Римской, и, конечно, стали на сторонѣ Византіи, объявившей западныхъ христіанъ еретиками. По каноническимъ же правиламъ вступать въ бракъ съ еретичкой можно было только подъ условіемъ ея отказа отъ ереси и присоединеніемъ къ церкви.

Спрашивается поэтому, перемѣняли ли вѣру иностранки, выходившія замужъ въ Русь и Русскія—отданныя за католика? Выше мы видѣли свидѣтельства, что Русскіе перекрещивали своихъ католическихъ супруговъ; обратное могли дѣлать и католики, женатыя на православныхъ. Е. Е. Голубинскій замѣчаетъ (Ист. Русск. церкви, ч. II, р. 648): „мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, чтобы католи-

стоп. I, р. 94) и поученіе Θεодосія,—послѣдній запрещаетъ имѣть всякое близкое сношеніе съ Латинянами „своихъ дочерей не давати за нѣ, ни поимати у нихъ.“ Е. Е. Голубинскій, Ист. Русск. церкви, ч. II р. 695.

¹⁾ Chr. Ortliebi Zwifaltensis, (Mon. P. II р. 2—3); хр. Годислава Пашка (с. 27).

Это не
вступило
внѣ
были
для
а браки
латин.

ческія княжны, которыхъ брали замужъ наши князья, а также и всѣ католички, выходившія замужъ за Русскихъ, должны были отказываться отъ латинства и присоединяться къ православію; но это необходимо предполагать по тѣмъ общимъ каноническимъ указоненіямъ, что православный не иначе можетъ вступить въ бракъ съ еретичкой—а латинянь у насъ принимали за еретиковъ, какъ если послѣдняя откажется отъ ереси и присоединится къ церкви.“ Выше онъ говор., что и рускія княжны, по всей вѣроятности, должны были принимать католичество, становясь женами католическихъ принцевъ (ib.).

Позволимъ себѣ не вполне согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Есть факты, которые заставляютъ думать, что перемена религіи при выходѣ замужъ (особенно въ началѣ удѣльнаго період) не всегда происходила. За это говоритъ прежде всего та терпимость у насъ къ иностраннымъ вѣроисповѣданіямъ, на которую указываетъ и самъ Е. Е. Голубинскій; что такая вѣротерпимость (со стороны князей и народа) существовала и въ Польшѣ въ первое время послѣ принятія христіанства, на это указываетъ несомнѣнный фактъ существованія славянскаго обряда въ богослуженіи въ Польшѣ по крайней мѣрѣ до XII вѣка ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ городахъ на Руси точно также существовали католическія церкви (вѣроятно, для проживавшихъ тамъ купцовъ—такія Ляцкія божницы были въ Кіевѣ и Переяславлѣ, Новгородѣ, Ладогѣ, Смоленскѣ). Такимъ образомъ и рускія княжны въ Польшѣ и польскія на Руси могли (по крайней мѣрѣ въ первое время) оставаться въ своей религіи. (Есть и отдѣльныя извѣстія, подтверждающія это; вмѣстѣ съ дочерью Болеслава Храбраго, вышедшей замужъ за Святополка (окаяннаго) прибылъ въ Туровъ и Колобержскій епископъ (католическій) Рейнбернъ и оставался при ней, пока всѣ вмѣстѣ не были посажены въ темницу по обвиненію въ какомъ то заговорѣ) ²⁾. Но

*Это не
натураль
была одна
не противъ
патриарх
ноты*

¹⁾ См. А. Malecki, kościelne stosunki w pierwotnej Polsce, Przewodnik naukowy i literacki, 1875 г. Май. Подробнѣе объ этомъ поговоримъ ниже. См. ib. (р. 440) о храмѣ въ честь св. Спаса, въ которомъ богослуженіе производилось на славянскомъ языкѣ. По преданію, храмъ этотъ основанъ Петромъ Властомъ (б. м. для его жены Маріи, русской княжны).

²⁾ Thietmari Chr. VII, 52.

Гвишан-
ттильто
лу зриси
лпн

скоро противъ смѣшанныхъ въ религіозномъ отношеніи браковъ стали подниматься голоса изъ среды духовенства, какъ у насъ на Руси, такъ и въ Польшѣ, а потому нужно думать, что со 2-й половины XII в. переѣзна религіи при выходѣ замужъ стала уже фактомъ обычнымъ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣд. выводы:

1) Политическое значеніе брачныхъ союзовъ русскаго княжескаго дома съ иностранными владѣльческими домами въ періодъ домонгольскій слабѣ значенія между княжескихъ союзовъ на западѣ, вельдствіе неотчуждаемости территорій русскихъ земель и отсутствія у насъ земельного приданого.

2) Тѣмъ не менѣе политическое значеніе между княжескихъ браковъ весьма значительно, хотя оно и обусловливалось лишь тѣми личными отношеніями, которыя возникали между владѣтельными домами въ силу родственныхъ связей.

3) Какъ польскіе такъ и русскіе князья при взаимныхъ брачныхъ союзахъ зорко слѣдили за политическими отношеніями въ Руси и Польшѣ и старались заключать брачные союзы преимущественно съ наиболѣе сильными князьями.

4) Инициатива брачнаго предложенія шла чаще изъ Польши въ Русь, чѣмъ наоборотъ.

5) Международные браки происходили особенно часто на русскихъ украиннахъ и запутываютъ вопросъ объ этнографическомъ расселеніи Руси.

¹⁾ Но что касается времени болѣе поздняго, то см. извѣстіе въ нѣкоторыхъ польскихъ анналахъ (*Rocznik Traski*, *Mon Pol.* II 853 и 879). Anno 1302 Swetoslawa filia magni principis Russiae ordinis sanctae Clarae obiit. Это была дочь Льва Даниловича и Венгерской принцессы Констанціи.

Мы знаемъ случаи возвращенія на родину нѣкоторыхъ Русскихъ князей, отданныхъ замужъ въ западныя страны; онѣ иногда оканчивали жизнь въ монастырѣ (такъ дочь Всеволода Ярославича, Евпраксія, бывшая замужемъ за императоромъ Генрихомъ IV, постриглась на Руси 1106 г. Ип. лѣт. стр. 186). Приходится слѣд. предполагать, что ихъ въ третій разъ перекрещивали, или, что естественнѣе, что онѣ держались и въ замужествѣ родной религіи.

6) Переменная религия при брачныхъ союзахъ съ западными христианами не составляла въ первое время удѣльно-вѣчеваго періода conditio sine qua non.

Перечислимъ теперь извѣстные намъ брачные союзы русскаго княжескаго дома съ польскимъ до конца XII вѣка въ связи съ политическими событіями, ихъ вызвавшими; — подробное изложеніе дошедшихъ до насъ данныхъ объ этихъ союзахъ подкрѣпить сдѣланные нами выводы.

Святополкъ Владимировичъ — жена — дочь Болеслава Храбраго.

Извѣстіе объ этомъ бракѣ сохранилось у одного только Титмара (IV, 37; VII, 52 и VIII, 16). Перечисляя потомство Болеслава Храбраго (IV, 37), онъ говоритъ, что 3-я дочь Болеслава отъ его третьяго брака съ Эмнильдою, дочерью Добремира, вышла замужъ за сына князя (regis) Владимира, *sicut dicturus sum*. Обѣщаніе свое рассказать объ этомъ бракѣ Титмаръ исполняетъ въ 7-й книгѣ (с. 52). Здѣсь рассказана исторія заключенія въ темницу сына Владимира (и здѣсь Титмаръ не называетъ его по имени), его жены, дочери Болеслава, и бывшаго при ней Колоберезскаго епископа, Рейнберна. Книга 7-я хроника Титмара описываетъ 1017 г. „Прежде чѣмъ закончу этотъ годъ, гов. Титмаръ, вставлю здѣсь рассказъ о случаѣ съ русскимъ княземъ Владимиромъ ¹⁾. Владимиръ имѣлъ 3-хъ сыновей ²⁾ и одного изъ нихъ женилъ на дочери Болеслава (*Bolizlai ducis nostrique persecutoris*). вмѣстѣ съ дочерью Болеславъ отправилъ въ Русь епископа Колоберезскаго, Рейнберна ³⁾. Но Владимиръ, узнавъ, что Рейнбернъ, по наущенію Болеслава, возбуждаетъ сына противъ него, заключилъ всѣхъ трехъ (Святополка, его жену и Рейнберна) въ темницу. Рейн-

1) *Sed antequam hujus anni conclusionem faciam, quaedam in hoc dicenda interseram.*

Amplius progrediar disputando, regisque Ruscorum Wlodemiri actionem iniquam perstringendo.

2) Конечно, ошибочное извѣстіе.

3) *Cum qua missus est a Polenis Reinbernus, presul Salsae cholbergensis.*

бернъ и умеръ въ заключеніи. Узнавъ объ всемъ этомъ, Болеславъ на сколько могъ мстилъ Владимиру (*in quantum potuit vindicare non desistit*) ¹⁾. Непосредственно за этимъ Титмаръ рассказываетъ о смерти Владимира ²⁾.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести бракъ Святополка съ дочерью Болеслава? Только что переданный эпизодъ рассказанъ у Титмара подъ 1017 г., но въ видѣ вставки, на что онъ самъ указываетъ (*quaedam interseram*). Изъ этого его рассказа можно только извлечь, что описанное событіе случилось незадолго до смерти Владимира.

Святополкъ род. 978 г. ³⁾ или 979. Времени рожденія его жены мы не знаемъ, но если она, какъ говоритъ Титмаръ, была дочерью Болеслава отъ его третьяго брака, то не могла родиться раньше конца X или начала XI в. ⁴⁾ Подъ 1013 г. у Титмара ⁵⁾ находимъ извѣстіе о неудачномъ походѣ Болеслава въ Русь—онъ опустошилъ значительную часть Руси, но въ его лагерѣ произошла ссора съ союзниками Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ ихъ всѣхъ перебить. Репель ⁶⁾ приводитъ это извѣстіе въ связь съ фразой Титмара, (I. VII, с. 52) что Болеславъ, узнавъ о судьбѣ своей дочери на Руси, старался мстить Владимиру. Такимъ образомъ, по мнѣнію Репеля, походъ 1013 года былъ направленъ Болеславомъ въ Русь съ цѣлью отомстить за свою дочь. Бракъ Святополка поэтому долженъ былъ произойти раньше

¹⁾ Мы сократили рассказъ Титмара; онъ говоритъ еще о дѣятельности Рейнберна по уничтоженіи язычества,—что вѣроятно относится къ его Колобережской епархіи и о его тайной (миссіонерской?) дѣятельности изъ тюрьмы; объ этомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ *Post haec rex ille plenus dierum obiit.*

³⁾ Онъ былъ сынъ Ярополка и грекини, ибо лѣтопись замѣчаетъ, что когда послѣднею овладѣлъ Владимиръ, она была уже беременна (бѣ непрадна); побѣду Владимира надъ Ярополкомъ лѣтопись относитъ къ 980 г., но Е. Е. Голубинскій доказываетъ основательно, что ее слѣдуетъ отнести къ 978 г.

⁴⁾ Титмаръ наз. ее 3-ю дочерью Болеслава отъ Эмнильды, т. е. младшей?

⁵⁾ L. VI, с. 55.

⁶⁾ *Gesch. Polens I, 146 пр. 12.*

1013 г. Намъ кажется однако, что обстоятельства могли происходить и иначе. Возможно, что, помирившись съ императоромъ, Болеславъ предпринялъ въ 1013 г. походъ на Русь (быть можетъ для возвращенія Червенскихъ городовъ, занятыхъ Владимиромъ еще въ 981 г.); неудачный исходъ этого похода заставилъ его искать союза съ Владимиромъ и выдать дочь за Святополка ¹⁾. Въ такомъ случаѣ бракъ этотъ придется отнести къ концу 1013 или началу 1014 года, слѣд. дѣйствительно не задолго до смерти Владимира (15 іюля 1015). Въ такомъ случаѣ объясняется и фактъ нахождения Святополка въ Кіевѣ во время смерти Владимира—онъ, вѣроятно, находился тамъ подъ стражей, отчего легко было и скрывать отъ него нѣкоторое время смерть Владимира (умершаго въ Берестовомъ) ²⁾.

Что касается дальнѣйшей судьбы дочери Болеслава, то изъ Титмара извѣстно только, что послѣдняя находилась въ рукахъ Ярослава, когда Болеславъ явился въ Кіевъ съ цѣлью посадить тамъ снова Святополка. Занявъ Кіевъ, Болеславъ предлагаетъ Ярославу замѣнить своей дочери отдать ему плѣнныхъ мачиху и сестеръ Ярослава. Но состоялся ли такой обмѣнъ, неизвѣстно, кажется однако, что нѣтъ, ибо, по извѣстію нашей лѣтописи, Болеславъ увелъ съ собою сестеръ Ярослава ³⁾.

¹⁾ Перечисляя потомство Болеслава въ IV книгѣ (с. 37), Титмаръ обѣщаетъ рассказать о бракѣ дочери Болеслава съ сыномъ Владимира; значитъ, онъ зналъ обстоятельства этого брака уже во время писанія IV-й книги (это м. прочимъ говорить и противъ мнѣнія Бетмана, что Титмаръ почти 6 книгъ своей хроники написалъ еще въ 1012 г., см. О. Я. Фортинскій, Титмаръ Мерзеб. р. 67. Развѣ предположить, что это позднѣйшая приписка самого Титмара?) Странно поэтому, что эти обстоятельства онъ передаетъ только въ 7-й книгѣ. Если бы онъ самъ ставилъ походъ 1013 г. въ связь съ заключеніемъ жены Святополка, то ему естественнѣе было бы упомянуть объ этомъ именно подъ 1013 г.

²⁾ Титмаръ говоритъ, (I. VII, с. 52) что во время смерти Владимира Святополкъ находился въ темницѣ, но послѣ бѣжалъ къ Болеславу, оставивъ жену. (*Postea elapsus conjuge ibidem relicta, ad socerum fugit*). Первое вѣроятно, но второе невѣрно, ибо Святополкъ по смерти Владимира „нача княжити въ Кіевѣ.“

³⁾ Ип. 101.

Были ли дѣти у Святополка отъ дочери Болеслава, также неизвѣстно.

Казимиръ, сынъ Мѣшка II, жена—дочь Владимира Св.

Подъ 1043 г. находимъ въ нашей лѣтописи: „Въ сии же времена въдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и въдасть Казимиръ за вѣно людей 800, еже бѣ положилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава“¹⁾. Объ этомъ бракѣ гов. и Мартынь Галль, называя жену Казимира только знатной Русской²⁾. Другіе источники знаютъ и ея имя, при чемъ одни называютъ ее Маріей, другіе Доброгнѣвой (или Добронѣгой), 3-е—двойнымъ именемъ—Маріей Доброгнѣвой³⁾.

Сестра Ярослава, вѣроятно, носила два имени: княжеское—Доброгнѣва и церковное—Марія⁴⁾. Не зная обычая носить два имени, Длугошъ

¹⁾ Ип. 108. Казимиръ этотъ извѣстенъ въ польской исторіи подъ именемъ Казимира мниха. См. о немъ Smolka, Tradycia o Kaz. mnichu, Rospr. i Sprawozd. Akad. umiejętn. w Krakowie, t. VI; Tad. Wojciechowski, o Kaz. mnichu, Krakow 1881.

²⁾de Rusia nobilem cum magnis divitiis uxorem accepit, de qua filios quatuor, unamque filiam regi Bohemiae disponendam procreavit.

³⁾ Марія—Ann. Crac. Maj. (Roepell. 182, пр. 11), Roczn. Malop. (M. Pol. III, 144), Ann. Siles. comp. (M. P. III, 672). Доброгнѣва—Chr. princ. Pol. (M. P. III, 446), Chr. Polon. (M. P. III, 621). Добронѣга—vita S. Stan (Smolka, Trad. o Kaz. mnichu), Chr. Cap. Crac. (M. P. II, 796), Rod. ks. polsk. (M. P. III, 281); Марія—Доброгнѣва—Ann. S. Crucis. (M. P. III, 65), Густ. лѣтопись (П. Собр. Лѣт. II, 250 и 267), Длугошъ (L. III, р. 218). R. Mazow. (M. P. III, 203)—Dobrouka, alias Maria Ruthena. Хр. Годислава Пашка—наз. жену Казимира filiam Romani principis Russiae filii Odonis, nomine Dobronegam, alias dictam Mariam. Annal. Saxo наз. ее только regis Russiae filiam. Въ буллѣ къ архіепископу Краковскому Аарону (1046 г.) папа Бенедиктъ IX наз. жену Казимира Маріей. (M. P. I, 358—359).

⁴⁾ Обычай носить два имени, мірское и церковное, распространялся у насъ какъ на мужчинъ такъ и на женщинъ; напр., дочь Всеволода Юрьевича носила два имени—во святѣмъ крещеніи Полагья, а

придумываетъ здѣсь перемѣну имени при перекрещиваніи сестры Ярослава въ католическій обрядъ и, подробно рассказывая о ея перекрещиваніи, прибавляетъ, что она при этомъ переименована была изъ Маріи въ Доброгнѣву (т. е. изъ церковнаго въ мірское имя!) ¹⁾.

Наша лѣтопись рассказываетъ объ этомъ бракѣ подъ 1043; но фраза лѣтописная „въ сии же времена“ неопредѣленна. Дѣло въ томъ, что извѣстіе о бракѣ Казимира съ сестрой Ярослава стоитъ въ лѣтописи въ концѣ разказа о походѣ сына Ярослава, Владимира, на Грековъ; разказъ этотъ (вѣроятно, существовавшій отдѣльно отъ лѣтописи) заканчивается извѣстіемъ о мирѣ съ Греками „по 3-хъ лѣтѣхъ.“ Непосредственно за этимъ стоитъ и извѣстіе о бракѣ. Такимъ обр. фраза „въ сии же времена“ указываетъ на періодъ 1043—46 года. Что бракъ этотъ произошелъ раньше 1046, это видно изъ буллы папы Бенедикта отъ 1046 г. къ Краковск. архіеп. Аарону, въ которой упоминается жена Казимира, Марія, и ихъ сынъ Болеславъ. Годъ рожденія Болеслава (старшаго сына Казимира и Маріи) точно неизвѣстенъ, только въ одномъ источникѣ ²⁾ годъ его рожденія показанъ 1039, что

княже Сбыслава (Ип. 415). Нельзя однако думать, чтобы обычай носить два имени былъ исключительно княжеской привилегіей; вѣдь и простые дружинники, какъ и князья, фигурируютъ въ лѣтописи преимущественно подъ мірскими именами, но такъ к. всѣ они были крещены, то, конечно, имѣли и церковное имя. Обиходнымъ было мірское имя, т. что лѣтопись рѣдко приводитъ второе, церковное имя князей, да и то преимущественно упоминаетъ о немъ въ разказахъ о ихъ смерти. Обычай этотъ существовалъ и въ Польшѣ, такъ Мѣшко II наз. еще Ламбертомъ (Lewicki, Mieszko II, p. 113).

¹⁾ L. III, p. 218.

²⁾ Rocznik krasinski, (Mon. Pol. III, 130). Белевскій признаетъ вѣрнымъ этотъ годъ, хотя самъ сознается, что послѣдующее о Болеславѣ въ этихъ анналахъ взято изъ Мартына Галла, но онъ думаетъ, что и Мартынъ Галлъ и авторъ анналовъ черпали изъ одного и того же источника. Въ одной изъ позднѣйшихъ хроникъ (Rodowod książąt polskich, Mon. Pol. III, 381) обозначены годы рожденія дѣтей Казимира: Kazimirus (?) 1043, Mescho 1046, (въ Ann. Car. Crac., M. P. II, 794—1045) Odo 1048. Длугошъ (L. III, p. 223) относитъ рожденіе Болеслава къ 1042 г., а бракъ Казимира съ Маріей къ 1041.

однако не можетъ быть вѣрнымъ, ибо Казимиръ, по смерти отца бѣжавшій изъ Польши, вернулся на родину не раньше 1039 или 1040 года ¹⁾

Вернувшись на родину, Казимиръ засталъ въ Польшѣ какъ весьма серьезную социальную неурядицу, такъ и возстаніе отдѣльныхъ областей. Особенно опасно было возстаніе Мазовіи; Казимиръ обратился за помощью къ Ярославу, и наши лѣтописи действительно упоминаютъ о цѣломъ рядѣ походовъ Ярослава на Мазовію въ помощь Казимиру. Первый походъ Ярослава упоминается подъ 1041 г., окончательное подчиненіе Мазовіи Казимиру 1047 (Ип. 108—109. Ник. Соф. и Воскр. лѣтописи говорятъ о 3-хъ походахъ Ярослава). Такимъ обр. можно предположить, что Казимиръ, желая заручиться помощью Ярослава, тотчасъ по возвращеніи завелъ переговоры о бракѣ—слѣд. время заключенія брака слѣдуетъ отнести къ періоду 1041—1045. Вѣроятно же всего, что помощь Ярослава Казимиру (первый походъ) на Мазовію явилась уже какъ результатъ брака Казимира съ его сестрой.

Нѣкоторыя изъ лѣтописей наз. жену Казимира дочерью Владимира отъ Анны ²⁾, а какъ Анна † 1011, то Марія была старше Казимира (который род. 1016 г.). Древнѣйшіе источники (Мартынъ Галль, Ann. S. Crucis) говорятъ, что Казимиръ имѣлъ отъ Маріи 4-хъ сыновей и одну дочь. Нѣкоторые позднѣйшіе источники (а за ними и нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи) называютъ двухъ женъ Казимира и даютъ каждой изъ нихъ 2 сына отъ Казимира. Что Казимиръ имѣлъ только одну жену, это доказываетъ извѣстіе Ann. Sap. Crac. (Mon. Pol. II 796) подъ 1087 г.: „Dobronega uxor Kazimiri obiit,“ а выше мы видѣли, что Доброгнѣва (или Добронѣга) и Марія одно лице.

Въ одномъ источникѣ (хроника Годислава Пашка) жена

¹⁾ Roepell, I, 182, пр. 10; Wojciechowski, o Kaz. mnichu, p. 1 и 2, пр. 1.

²⁾ Это гов. Густ. лѣтопись: 6-я жена Владимира Грекия „отъ нея же роди дщерь Марію, яже потомъ отдана бысть за перваго Казимера Мниха, короля полскаго и роди Болеслава Смѣлаго, иже убить Станислава, бискупа Краковскаго (П. С. Л. II, 250). Анной, сестрой Василия и Константина, греческихъ императоровъ, наз. мать Марія Длугошъ (Л. III, p. 218).

Казимира наз. *filia Romani principis Russiae filii Odonis nomine Dobronega alias dicta Maria, ex qua genuit quatuor filios* (с. 12). Откуда такая ошибочная генеалогія у Годислава, сказать трудно; Белевскій, упуская изъ виду, что остальные подробности (имя Добронѣга—Марія и 4-ро сыновей) сходны съ извѣстіями древнѣйшихъ источниковъ, не задумался дать Казимиру 2 жены, утверждая, что первой женою его была дочь Романа, сына Безбрайма Оттона, старшаго сына Мѣшка II-го, князя Словацкой Руси. Но 1) Казимиръ тогда былъ бы женатъ на своей внучатной племянницѣ¹⁾, 2) ни откуда неизвѣстно, чтобы потомство Оттона княжило на Руси Словацкой (притомъ Словацкая Русь еще при Мѣшкѣ II отошла къ Венгрии), 3) наконецъ, если бы была у Романа дочь, то она не могла быть взрослою къ этому времени²⁾.

Въ биографіи Петра Власта жена Казимира наз. *filia Heinrici imperatoris* и отъ нея Казимиръ имѣлъ 2-хъ сыновей. По мнѣнію Смольки³⁾ въ текстѣ первоначально стояло: *K. ab imperatore Henrico pio coronatus duxit uxorem nomine Dobronegam*, а переписчики или редакторы позднѣйшіе испортили текстъ. Несомнѣнно однако, что уже довольно рано составилось мнѣніе о 2-хъ женахъ Казимира,—такъ *Chr. ks. polskich* (М. Pol. III 446), писанная въ концѣ XIV в., гов., что *Casimirus coronatus a Henrico imperatore pio* (см. выше)... *duxit uxorem Dobrognewam, ex qua genuit secundum unam cronicam duos filios, Boleslaum secundum et Wladislaum primum.... secundum autem cronicam aliam ex uxore, quam de Russia duxisse dicitur, quatuor gene-*

¹⁾ А не внукъ, какъ гов. Левицкій, *Mieszko II*, p. 190.

²⁾ Что Безбраймъ и Оттонъ не одно лице, а 2, см. у *Lewicky, Mieszko II* (*Rozpr. i sprawozd. z pos. wydz. hist. filolog. Akad. umięjetn. w Krakowie*, V, p. 187).

³⁾ Титмаръ наз. Безбрайма сыномъ Болеслава Храбраго отъ второй его жены, Венгерской княжны. Бракъ Болеслава съ Юдиною Венгерской былъ заключенъ въ 986 г. (*Lewicky, Mieszko II*, p. 99), слѣд. Безбраймъ не могъ родиться раньше 987, слѣд. если у Безбрайма б. сынъ Романъ, то онъ не могъ родиться раньше конца перваго десятилѣтія XI вѣка.

⁴⁾ Trad. о Kaz. Mnichu. (*Rozpr. i sprawozd. t. VI*).

ravit filios: Boleslaum, Wladislaum, Mesconem et Ottonem unamque filiam duci Bohemiae postea desponsatam ¹⁾.

Намъ кажется, что извѣстіе о 2-хъ женахъ Казимира составилось слѣдующимъ образомъ: выше мы видѣли, что одни источники наз. жену Казимира только Маріей, другіе только Доброгнѣвой. Какому нибудь хронисту попались оба извѣстія, и онъ, разумѣется, увидѣлъ здѣсь 2 разныхъ лица, а такъ какъ зналъ число дѣтей Казимира, то и раздѣлилъ ихъ по ровну между обѣими женами ²⁾.

Изяславъ Ярославичъ, жена—дочь Мѣшка II (сестра Казимира).

Древняя наша лѣтопись не называетъ ни имени, ни происхожденія жены Изяслава; мы знаемъ изъ нея только то, что, изгнанный изъ Кіева братьями, Изяславъ бѣжалъ въ Польшу вмѣстѣ съ женою. Древняя лѣтопись даетъ еще годъ смерти жены Изяслава—1107 (Ип. 187). Март. Галль назыв. Изяслава родственникомъ Болеслава Смѣлаго (*quendam sui generis in sede regali constituit*, I. I, с. 21), впрочемъ рассказъ М. Галла о походѣ Болеслава II въ Русь часто дословно повторяетъ описаніе знаменитаго похода Болеслава I (*1 1 с. 7—loco sui quondam ibi Rutheno sni generis in dominium constituto*). По свидѣтельству Карамзина (II, пр. 46) въ рукописномъ патерикѣ жена Изяслава названа Ляховицею, а въ печатномъ—дочерью Болеслава Храбраго. Последнее едва ли вѣрно. Позднѣйшія наши лѣтописи (Густ. П. С. Л. II, 271, Никон. Воскр.) наз. жену Изяслава сестрой

¹⁾ Источниками для этого свода служили между пр. Март. Галль и Chr. Polon. Дѣйствительно, 2-е извѣстіе буквально взято изъ М. Галла, 1-е изъ Chr. Pol.

²⁾ О Казимирѣ сохранилась легенда, что онъ нѣсколько лѣтъ пробылъ въ монашествѣ и, по просьбѣ польскихъ пословъ, получилъ отъ папы разрѣшеніе снять рясу и вступить въ бракъ. Вопросъ о монашествѣ Казимира до сихъ поръ нельзя считать рѣшеннымъ (последняя попытка—Войцѣховскаго—рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, покоится на весьма шаткомъ основаніи), но въ виду родства между Казимиромъ и Маріей, первому, вѣроятно, пришлось испрашивать у папы разрѣшеніе на этотъ бракъ.

Казимпра. Бракъ Изяслава былъ вѣроятно заключенъ раньше 1049 г., ибо сынъ его Святополкъ род. 1050 г. (Новг. I, 2) ¹⁾.

Болеславъ Смѣлый, жена—дочь Русскаго князя.

Объ этомъ бракѣ нѣтъ извѣстій ни въ нашей древней лѣтописи, ни въ древнѣйшихъ польскихъ хроникахъ (М. Галла, Кадл. Годислава Пашка). Длугошъ (I. III, p. 260) наз. ее Вышеславой, дочерью Русскаго князя (Principis Russiae filia.... Wiszeslava); она у него „*patris sui unica, cui magna pars Russiae ex successione paterna debatur*. Болеславъ беретъ ее въ жены за красоту и добродѣтель et quod *Russiam justius subigeret*. Все это, конечно, собственныя прибавки Длугоша, который всегда знаетъ больше своихъ источниковъ. Нѣкоторые историки, основываясь на словахъ Длугоша, подыскиваютъ соотвѣтствующую его описанію княжну и, безъ всякихъ основаній, предлагаютъ считать ее княжной Галицкой ²⁾.

Густ. лѣтопись наз. ее дочерью Вячеслава, сестричной Ярославичевъ Русскихъ ³⁾. Вячеславъ Ярославичъ род. 1034, а † 1057, слѣд. отъ него не могло быть взрослой дочери къ 1065 г., въ которомъ по Татищеву совершился этотъ бракъ ⁴⁾.

У Татищева подъ 1065 г. стоитъ извѣстіе: „сего года выдана Вышеслава, дочь Святослава черниговскаго за Болеслава польскаго.“

Извѣстіе Татищева наиболѣе вѣроятно. Вспомнимъ при этомъ отказъ Болеслава помогать Изяславу, когда его выгнали изъ Кіева братья. Болеславъ не только не вступился за Изяслава, но пограбилъ его имущество и не обратилъ никакого вниманія на увѣщанія папы, хлопотавшаго за Изяслава. Послѣдній получилъ помощь отъ Болеслава толь-

¹⁾ 1047 г. при помощи Ярослава Мазовія была окончательно подчинена Казимиру.

²⁾ Bobrżynski, Dz. Polski. 121.

³⁾ П. С. Л. т. II, 271.

⁴⁾ Ист. Росс. II, 119, пр. 277. Притомъ Вячеславъ былъ весьма мало значительнымъ княземъ, а польскіе князья вообще старались заключать брачныя союзы только съ наиболѣе сильными русскими княжескими вѣтвями.

ко въ 1077 г. (Ип. 139), когда послѣ смерти Святослава въ Кіевѣ сѣлъ Всеволодъ.

Мечиславъ, сынъ Болеслава Смѣлаго, жена—дочь Русскаго князя.

По изгнаніи Болеслава Смѣлаго изъ Польши, польскій престолъ занялъ братъ его Владиславъ Германнъ, но оставался еще сынъ Болеслава, Мечиславъ, вмѣстѣ съ отцемъ бѣжавшій въ Венгрію. Владиславъ Венгерскій полюбилъ Мечислава и старался возстановить его права въ Польшѣ, или по крайней мѣрѣ доставить ему тамъ какой нибудь удѣлъ. Подробности столкновения Польши съ Венгріей изъ за Мечислава неизвѣстны, знаемъ лишь, что Мечиславъ возвратился въ Польшу, женился на русской княжнѣ, но вскорѣ умеръ, какъ полагаютъ, отъ оравы ¹⁾.

Марг. Галль наз. жену Мечислава только русской дѣвушкой (Ruthena puella) ²⁾. Длугошъ ³⁾ наз. ее Евдоксіей, сестрой Святополка Кіевскаго и относитъ бракъ къ 1088 г. ⁴⁾. Белевскій ⁵⁾ изъ словъ Длугоша, что по смерти Мечислава русскія области, принадлежавшія ему по праву наслѣдства и по праву женитьбы, отложились отъ Польши, выводитъ, что жена Мечислава имѣла какія то права на Червенскія земли и могла быть сестрою Галицкихъ Ростиславичей. Но подъ terraе Russiae Длугошъ здѣсь разумѣетъ вовсе не Червенскую землю, а всю Русь, которая, по его мнѣнію, была подчинена Болеславомъ

¹⁾ Roepell. I, 209.

²⁾ L. I, с. 29.

³⁾ L. IV, р. 312.

⁴⁾ Хотя говорить о немъ послѣ разсказа о заключеніи мира съ Тугорканомъ, что было въ 1094 г. (Ип. 157). Къ 1088 г. относятъ бракъ Мечислава и другіе источники (Ann. Car. Crac. M. P. II, 796; Ann. S. crucis, M. P. II, 773); годъ рожденія Мѣшка 1069, (ib.), годъ смерти—1089.

⁵⁾ Mon. Pol. I, 424, пр. 2.

Смѣлымъ ¹⁾; притомъ Длугошъ вѣдь прямо называетъ жену Мечислава сестрой Святополка, князя Кіевскаго ²⁾.

Дочь Владислава Германна за русскимъ княземъ.

У Март. Галла ³⁾ встрѣчаемъ извѣстіе, что одна изъ трехъ до-

¹⁾ Вотъ текстъ Длугоша: *Accepit et tunc Miecslaus princeps Boleslai regis Poloniae filius, ephorum aetatem parum transgressus Swantopelki Kioviensis Ducis sororem germanam Eudoxiam nomine, Wladislao patruo suo Polonorum duce ordinante uxorem quatenus Russiae regiones a patre suo subactae hac affinitate magis sinceriores et devotae in fide persisterent.* (L. IV, p. 312). *Ducis Miecslai morte sequuta et apud Ruthenos vulgata, cui terrae illae ex jure consortis nuper ductae et paterno et materno jure debebantur, in rebellionem prodierunt apertam.* (ib p. 316—17)

²⁾ На ложной канвѣ Белевскаго нѣкоторые изъ его послѣдователей нарисовали цѣлые узоры: такъ L. Swiklinsky (Mon. Pol. III, p. 624, пр. е) знаетъ даже, что Владиславъ далъ Мѣшку въ управление Червоную Русь (Powierzył mu zdaje się rządu Czerwonej Rusi ożeniwszy go z Eudoxją, córka Świętopelka księcia Ruskiego) и ссылается при этомъ на прим. Белевскаго (M. P. I, 424). Здѣсь что ни слово, то ложь и небрежность, которой остается только удивляться. Белевскій въ указанномъ прим. гов., что жена Мечислава имѣла какія то права на Червоную Русь, что Ростиславичи заняли ее по смерти Мечислава и мстили за него Польшѣ. Что единственный источникъ Белевскаго, Длугошъ, говорить совсѣмъ другое, на это мы указали въ текстѣ. Ростиславичи вовсе не отняли Червоной Руси отъ Польши, а получили ее отъ Всеволода (Ип. 167 cf. Татищевъ, II 189). Г. Цвиклинскій не потрудился даже заглянуть въ Длугоша, который наз. жену Мечислава сестрой, а не дочерью Святополка. Wagilewicz (Bibl. oss. IX, 45) вслѣдъ за Белевскимъ объясняетъ нападеніе Ростиславичей на Польшу мстью за отравленіе Мечислава!

³⁾ L. II, с. 1.

черей Владислава (отъ его второй жены, сестры императора Генриха III) была отдана за русскаго князя (*una quatum in Russia viro nupsit*). Карамзинъ ¹⁾ предполагалъ, что мужемъ дочери Владислава могъ быть Давидъ Игоревичъ, дважды искавшій помощи Владислава, но это едва ли вѣрно: первая жена Владислава умерла въ 1085, слѣд. его бракъ съ Юдиною (вдовой Саломона венгерскаго) могъ состояться лишь въ слѣд. 1086 г.; если дочь Владислава, вышедшая за русскаго князя, и была старшей, то ей въ эпоху борьбы Давида Игоревича со Святополкомъ могло быть всего около 10 лѣтъ ²⁾. Мужемъ дочери Владислава могъ быть Ярославъ Ярополчичъ или Ярославъ Святополчичъ (сынъ Святополка II) ³⁾.

Болеславъ Кривоустый, жена Сбыслава, дочь Святополка Изяславича.

Въ 1102 г. говорить наша лѣтопись, „ведена бысть дщи Святополчи Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день (Ип. 182).“ Между Болеславомъ и Сбыславой существовало родство въ 4-ой степени, поэтому для этого брака потребовалось разрѣшеніе папы ⁴⁾.

¹⁾ П, пр. 190 и 209.

²⁾ Давидъ род. до 1060 г. ибо въ этомъ году † его отецъ (Ип. 114). Сынъ Давида Игоревича, Всеволодъ, въ 1116 женился на дочери Владимира Мономаха, слѣд. ему тогда, вѣроятно, было около 20 л. Давидъ Игоревичъ былъ женатъ уже въ 1097 г., ибо въ этомъ году онъ оставляетъ у Василька свою жену, вернувшись безъ помощи изъ Польши.

³⁾ Ярославъ Святополчичъ впрочемъ въ 1112 г. женился на дочери Мстислава Владимировича, но это могла быть его вторая жена, ибо въ 1097 г. онъ уже дѣятельно помогалъ отцу.

⁴⁾ Объ этомъ гов. Март. Галль, не указывая однако, на комъ женился Болеславъ, I. П, с. 23; Март. Галл. гов. только, что между женихомъ и невѣстой существовало родство, не опредѣляя его точнѣе (*qualiter hoc autem a Paschali papa secundo concessum fuerit, quod nuptias initas de consanguinitate licuerit, Balduinus Cracoviensis episcopus... hoc conjugium misericorditer, non canonice nec usualiter,*

Отец Болеслава, Владиславъ, умеръ въ 1102; желая заключить тѣсный союзъ съ кievскимъ княземъ, Болеславъ еще въ томъ же году сватаетъ дочь Святополка. Бракъ былъ вѣроятно совершенъ или въ концѣ 1102 (Сбыслава въ концѣ ноября 1102 г. отправилась въ Польшу) или въ началѣ 1103 ¹⁾. Март. Галль подробно описываетъ торжество по случаю бракосочетанія, длившееся цѣлую недѣлю.

Сбыслава скоро умерла, ибо во 1110 г. Болеславъ женился во 2-й разъ на Саломеѣ, дочери графа де Берге ²⁾. Отъ Сбыславы Болеславъ имѣлъ сына Владислава и дочь (Юдию?) ³⁾

sed singulariter collaudavit). Родство опредѣляетъ Длугошъ (L. IV, p. 350: *quamvis alter alterum quarto consanguinitatis gradu aequae contingeret*). Если Длугошъ вѣрно обозначилъ степень родства Болеслава и Сбыславы, то это поддерживаетъ наше предположеніе, что дочь Владислава Германа была за однимъ изъ сыновей Святополка II, ибо въ такомъ случаѣ между Болеславомъ и Сбыславой дѣйствительно существовало свойство въ 4-й степени.

¹⁾ Въ *Roczn. Świętokr. dawny* (M. P. II, 773) подъ 1103—*Bolezlaus tercius duxit uxorem*. Въ *Roczn. Kamien.* (M. P. II, 778) Anno 1104 *Bolezlaus tercius duxit uxorem Rutenam, de qua genuit Wladizlaum*; но въ *Roczn. Traski* годъ рожденія Владислава—1104. (M. P. II, 831). Татищевъ рассказываетъ, что бракъ между Сбыславой и Болеславомъ былъ рѣшенъ еще въ 1098 г. во время свиданія Владислава со Святополкомъ на р. Бугѣ (см. Ип. 176), но что заключеніе брака было отложено на 5 лѣтъ по малолѣтству жениха и невѣсты (Ист. Рос. II, 187). Это извѣстіе весьма вѣроятно; Святополкъ въ 1098 году вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Владиславомъ такъ что тотъ, обѣщавъ сначала помощь Давиду Игоревичу противъ Святополка, оставилъ перваго послѣ свиданія со Святополкомъ. Когда род. Сбыслава—не извѣстно, но Владиславу въ 1098 г. было всего 12, 13 лѣтъ (онъ род. 1085 г. см. *Wagilewicz, Bibl. Oss IX, 47* пр. 1).

²⁾ *Filia Henrici, comitis de Berge. Chr. Ortliebi. Zwifalt.* M. P. II, 3.

³⁾ *Herbordi dialogus* L. II, c. 4, (*Bibl. rerum Germanic ed. Iaffe, t. V, p. 847*) *post paucos annos Ruthenissa, uxor Bolezlai moritur, unum tantum ei filium relinquens.* Хр. Годислава Пашка гов. что

Всеволодъ Давидовичъ (сынъ Давида Святославича Черниговскаго)—жена **Ляховица**. Въ нашей лѣтописи подъ 1124 г. (Ип. 207): ведоша Ляховицю Мюрому за Давидовича Всеволода. “ Болѣе никакъхъ извѣстій объ этомъ бракѣ не имѣемъ; не знаемъ, кто былъ отцемъ жены Всеволода. Дочери Болеслава Крив. всѣ вышли замужъ на западъ. Притомъ польскіе князья старались обыкновенно выдавать дочерей своихъ за наиболѣе значительныхъ русскихъ князей, поэтому нѣсколько страненъ былъ бы бракъ польской княжны съ такимъ отдаленнымъ и маленькимъ княземъ, какимъ былъ Всеволодъ Д—чь. Но жена его могла быть и не княжескаго рода.

По смерти Болеслава Кривоустаго, ¹⁾ (1138 г.). Польша осталась раздѣленной на 4 удѣла; сыновья Б—ва, раздѣлившіе между собою Польшу, очень скоро вступили другъ съ другомъ во враждебныя отношенія; нуждаясь въ чужой помощи, они обращаются въ Русь и наперерывъ стараются заключать браки съ дочерьми сильнѣйшихъ изъ русскихъ князей.

На Руси какъ разъ въ то же время происходила ожесточенная борьба между Мономаховичами и Ольговичами. Поэтому и русскіе князья стараются, въ свою очередь, заручиться помощью польскихъ князей.

Еще при жизни Болеслава Кривоустаго, когда на Руси еще былъ перевѣсъ Мономаховичей, былъ заключенъ бракъ между сыномъ Бо-

Болеславъ выдалъ свою дочь de Ruthena genitam за сына Коломана венг. короля, с. 17 и 27. Хроника эта ошибочно наз. жену Болеслава дочерью Галицкаго князя. Кажется, тоже думалъ и Гербортъ, писавшій значительно позже заключеніе этого брака (ок. 1158 или 1159) и плохо знакомый съ тогдашними обстоятельствами Польши; у него бракъ Болеслава является результатомъ побѣды Болеслава надъ русскими, которые искали мира съ Польшей. По смерти жены Болеслава непріязненные отношенія снова возобновились—и Петръ (Власть) предлагаетъ доставить Болеславу безкровную побѣду, чего и достигаетъ, захвативъ въ плѣнъ русскаго князя. Гербортъ и отца жены Болеслава и обманомъ похищеннаго Петромъ русскаго князя наз. rex Ruthenorum.

¹⁾ Этотъ годъ, кажется вѣрнѣе, нежели 1139 (у Репеля). Chr. Orbliebi, М. Р. II, 3 пр. 2.

дслава Крив.—Болеславомъ Кудрявымъ и дочерью Всеволода, Верхуславою. ¹⁾

Изъ хроники Ортлиба мы также узнаемъ, что на Ленчицкомъ съѣздѣ порѣшили обручить 3-лѣтнюю дочь Болеслава Агнесу за русскаго князя. Эту дочь вдова Болеслава хотѣла сначала отдать въ Звифальтенскій монастырь (подобно другой своей дочери, Гертрудѣ),

¹⁾ Это ясно изъ сопоставленія извѣстій хроники Ортлиба Звифальтенскаго и нашей лѣтописи. Ортлибъ рассказываетъ, что на съѣздѣ въ Ленчицѣ 1140 г. прибыли два сына Болеслава Крив, Болеславъ и Мѣшко, женатые на дочеряхъ венгерскаго и русскаго королей (М. Р. II, 4). Наша лѣтопись гов. подъ 1137 г. „Всеволодъ Мъстиславичъ отда дѣбрь свою въ Ляхы Верхуславу (Ип. 215).“ (Въ Ип. годъ стоитъ неправильно, должно быть въ 1135, ибо изгнаніе Всеволода изъ Новг. въ Ип. подъ 1138, а въ Новг. I подъ 1136). Что именно Болеславъ, а не Мѣшко, былъ женатъ на Верхуславѣ, ясно изъ того, что Из—въ Мст—чь наз. перваго сватомъ (Ип. 268), Юрій и Вячеславъ называютъ Болеслава своимъ зятемъ, а Генриха сыномъ (Ип. 271). Всеволодъ былъ въ то время Новгородскимъ княземъ, но, кажется, по уговору съ Мстиславомъ Владимировичемъ, ему должно было перейти кievское княженіе. Это объясняетъ причину заключенія брака. Первая жена Б—ва Кудр. † до 1166 г., ибо изъ одного акта (М. Р. II, р. 376 пр.) видно, что въ этомъ году онъ уже былъ женатъ во второй разъ на Маріи. Длугошъ (L. V, 484) наз. первую жену Б—ва Кудр. Анастасіей, дочерью Владимирка (Wsewoldimiri) Галицкаго. Бракъ по Длугошу въ 1151 г.; Анастасія умираетъ въ 1156 г., а въ 1160 г. Б—въ женится на Еленѣ, дочери Перемышльскаго князя Ростислава (Præmislensis Rosislai, L. V, р. 499). Все это, конечно, невѣрно—быть м. первая жена Б—ва и наз. церковнымъ именемъ Анастасія, но она была дочерью Вс—да М—ча (Ошибка Длугоша понятна—изъ Вс—да онъ сдѣлалъ Всеволодимера и отнесъ это къ Владимиру). Что касается второй жены Бол—ва, то она несомнѣнно наз. Маріей, а не Еленой (Длугошъ самъ р. 521 наз. ее Маріей!) Smolka (Mieszko Stary, р. 461 пр. 1) предполагаетъ, что первая жена Болеслава была дочерью кого нибудь изъ Мономаховичей, но предполагать тутъ вовсе лишнее, когда намъ извѣстно, чья она была дочь.

но, опасаясь союза старшаго сына Болеслава, Владислава (своего пасынка) съ Русью, рѣшила предвосхитить этотъ союзъ въ свою пользу и скрѣпить его бракомъ ¹⁾. Изъ словъ Ортлиба можно заключить, что вдова и сыновья Б—ва узнали о переговорахъ Владислава съ Русью; послѣдующія обстоятельства подтверждаютъ это и доказываютъ, что Владиславъ дѣйствительно успѣлъ предвосхитить союзъ съ Русью. Въ Кіевѣ по смерти Ярополка усѣлся Всеволодъ Ольговичъ (въ самомъ началѣ 1139 г. въ мартѣ). Въ началѣ слѣдующаго 1140 (въ Ип. 1141 г.) находимъ извѣстіе, что дочь его выдана въ Ляхи, она, какъ кажется, была обручена съ сыномъ Владислава, Болеславомъ (Высокимъ). (Болеславъ постоянно называется въ лѣтописи зятемъ Всеволода, но это не могъ быть Болеславъ Кудрявый, ибо онъ уже въ 1140 г. былъ женатъ—на дочери Вс—да М—ча). Вѣроятно, Всеволодъ одновременно получилъ два предложенія—одно женить сына (б. м. Святослава) на дочери Саломей, другое отъ Владислава—выдать дочь за сына Вл—ва. Второе предложеніе было, вѣроятно, выгоднѣе для Вс—да ²⁾ и онъ, принявъ его, всю жизнь оставался вѣрнымъ союзникомъ Владислава ³⁾. Что же касается Агнесы, то мы дѣйствительно знаемъ, что она была замужемъ за Оттономъ Бранденбургскимъ, сыномъ Альберта Медвѣдя ⁴⁾.

¹⁾ *Sed quia suspectum habebant fratrem suum ex alia matre ortum natiq̄ue majorem ducem Ladizlaum, ne forte preoccuparet eos in amicitia gentis, cuidam filio regis Ruzziae decreverunt eam causa foederis vix triennem in consortium dare.*

²⁾ При томъ Владиславъ былъ въ родствѣ съ русскими князьями, ибо матерью его была Сбыслава, дочь Святополка Изяславича.

³⁾ Chr. Saxo ad. ann. 1149.

⁴⁾ Изъ нашей лѣтописи можно бы заключить, что двѣ дочери Всеволода были выданы замужъ въ Польшу, ибо подъ 1141 она гов.: „приведена быть дщи Всеволожа въ Ляхы“ а подъ 1142 „отда Всеволодъ дчѣрь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава.“ Но, кажется, здѣсь стоитъ подъ разными годами одиъ и тотъ же фактъ. Во 1-хъ, изъ братьевъ Владислава неженатыми оставались лишь двое—Генрихъ и Казимиръ, но оба были еще очень малы и не участвовали въ событіяхъ этого періода. Во 2-хъ, открытый разладъ между Болеславичами начался тот-

Есть извѣстіе, что **Мѣшко Старый** былъ женатъ на какой то русской княжнѣ. Кадлубекъ выразительно наз. двѣ жены Мѣшка— одну дочь Венгерскаго короля, другую русскаго (regis Ruthenorum ¹⁾. Длугошъ ²⁾ называетъ жену Мѣшка Евдоксіей, дочерью Всеволодимера галицкаго и гов., что Мѣшко и Болеславъ Кудр. женились на родныхъ сестрахъ. Выше мы видѣли, что Б—въ не могъ быть женатъ на дочери Владимирка. Вторую жену Б—ва Длугошъ точно также невѣрно назвалъ дочерью Ростислава Перемышльскаго. Но если здѣсь имя Ростиславъ (какъ выше—Всеволодимеръ—ибо 1-я жена Б—ва была дочь Всеволода М—ча) стоитъ правильно, то можно предположить, что Мѣшко и Болеславъ оженились дочерьми Ростислава Мстиславича. Политическія событія на Руси говорятъ за вѣроятность

часть почти послѣ Ленчицкаго съѣзда, поэтому странно было бы со стороны Всеволода выдавать дочь за непріятелей своего зятя. Къ тому же Всеволодъ постоянно стоитъ на сторонѣ Владислава противъ его братьевъ. Есть кромѣ того указанія, что дочь Всеволода была дѣйствительно за Болеславомъ Высокимъ, а не за Б—мъ Кудрявымъ. Въ одной силезской хроникѣ жена Б—ва Высокаго наз. Wenczlawa, что по мнѣнію Бартошевича и Смольки (Miesko Stary, p. 461, пр. 1) есть испорченное нѣмецкимъ хронистомъ Звенислава. Двойное упоминаніе нашей лѣтописи объ одномъ и томъ же бракѣ могло произойти вслѣдствіе того, что сводчикъ лѣтописи встрѣтилъ въ одномъ спискѣ 1-е краткое извѣстіе, въ другомъ болѣе полное (съ означеніемъ имени мужа дочери Вс—да), эти извѣстія онъ призналъ за разные. На тождество обоихъ извѣстій указывалъ уже Татищевъ.

¹⁾ L. IV, с. 2; изъ 5 сыновей двухъ онъ „ex filia regis Ungarorum, reliquos ex filia regis Ruthenorum suscepit.

²⁾ L. V, p. 484. Вторую жену Болеслава Кудр. онъ наз. то Еленой, то Маріей. Впрочемъ Длугошъ противорѣчитъ себѣ постоянно. Первый бракъ Б—ва у Длугоша подъ 1151, 2-й подъ 1159. Первую жену Мѣшка Длугошъ наз. Евдоксіей (484) вторую Аделаидой (496 подъ 1158), а подъ 1163 (р. 506) снова наз. жену Мѣшка Евдоксіей. Но р. 485 онъ наз. жену Мѣшка Гертрудой, дочерью Бѣлы Венгерскаго! Первая жена Мѣшка дѣйствительно была дочерью Венгерскаго короля, что видно изъ хроники Ортлиба.

этихъ браковъ; по смерти Юрія, Смоленскій князь Ростиславъ сѣлъ въ Кіевѣ, изгнавъ оттуда Из—ва Дав—ча, и оставался въ немъ до смерти (1160—1168). Так. обр. Мономаховичи снова одержали побѣду надъ Ольговичами. Естественно было польскимъ князьямъ искать съ ними тѣснаго союза.

Сынъ Мѣшка Стараго, жена—дочь Галицкаго князя. Извѣстіе это сохранилъ Кадлубекъ ¹⁾, но не называя ни имени сына Мѣшка, ни имени Галицкаго князя. Кадл. хорошо зналъ терминъ—Галицкій, поэтому извѣстіе его заслуживаетъ вѣры; вѣроятно, сынъ Мѣшка былъ женатъ на дочери Ярослава Осмомысла, при которомъ особенно усилился Галичь ²⁾.

Крайне запутаны, благодаря состоянію источниковъ, родственныя отношенія **Романа Мстиславича и Казимира Справедливаго.** Кадлубекъ, правда, выразительно называетъ Романа М—ча и Казимира двоюродными братьями ³⁾; наша лѣтопись называетъ Мѣшка Стараго, брата Казимира, уемъ Роману ⁴⁾, но вопросъ этимъ не разрѣшается, ибо по однимъ извѣстіямъ мать Романа была сестрой Казимира, по другимъ самъ Казимиръ былъ женатъ на дочери русскаго князя.

Первое извѣстіе находимъ у Годислава, онъ рассказываетъ, будто Болеславъ Кривоустый отдалъ свою дочь за сына Коломана, Венгерскаго короля; по смерти перваго мужа, Б—въ выдаетъ эту же дочь за русскаго князя (*cuidam principi Russiae*); отъ послѣдняго она имѣла *plures filios in Haliciensī principatu existens* ⁵⁾. Изъ послѣдующаго

¹⁾ *Dux Galiciae socer filii, IV, 2.*

²⁾ Кадл. просто гов., что нѣкоторые изъ сыновей Мѣшка (*quidam filiorum*) умерли неженатыми; Годиславъ, переписавшій весь рассказъ о Мѣшкѣ изъ Кадл., знаетъ однако, что неженатыми † Стефанъ, Болеславъ и Мѣшко (с. 35). Вторую жену Мѣшка онъ называетъ родственницей императора Фридриха. Тоже гов. и Длугошъ (L. VI, p. 523). Онъ же наз. сына Мѣшка, женатаго на дочери Галицкаго князя, Оттономъ.

³⁾ М. Р. II, 438: *secundo consanguinitatis gradu.* Годиславъ наз. Романа и Всеволода племянниками Казимира.

⁴⁾ Ип. 445.

⁵⁾ *Chr. Godisl. c. 39.*

у Годислава ¹⁾ видно, что Романъ былъ, по его мнѣнію, однимъ изъ сыновей дочери Б—ва Крив. отъ ея втораго брака. Комментарь Кадлубка ²⁾ говоритъ что это была дочь Б—ва отъ его перваго брака (съ Сбыславой Святополковной).

Уже Шараневичъ ³⁾ замѣчаетъ, что эта дочь Б—ва была бы слишкомъ стара для матери Романа, ибо Романъ въ 1205 г. былъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ ⁴⁾, а первый бракъ дочери Б—ва съ Борисомъ Венгерскимъ относится къ 30-мъ годамъ XII ст. ⁵⁾.

Что касается жены Казимира, то Длугошъ ⁶⁾ называетъ ее Еленой, дочерью Всеволода Бельзскаго и относитъ бракъ къ 1168 г. Но

¹⁾ С. 40.

²⁾ Кадлубекъ, edit. Dobrom. p. 486. Белевскій (М. Р. II, p. 408 прим.) приводитъ текстъ этого отрывка комментатора Кадлубка по нѣсколькимъ рукописямъ; въ его редакціи находится даже названіе втораго мужа дочери Б—ва—Мстиславъ.

³⁾ Die Nурat. Chr. p. 30.

⁴⁾ Годъ рожденія Романа Мстиславича неизвѣстенъ, но въ эпоху смерти отца (1170) онъ не былъ еще взрослымъ (Мст—въ Из—чь, умирая, поручаетъ своихъ дѣтей брату Ярославу; очевидно, они были еще малолѣтны); время его рожденія вѣроятно, можно отнести къ началу 60-хъ или къ концу 50 хъ годовъ XII в. притомъ Романъ имѣлъ еще младшихъ братьевъ. Длугошъ (L. IV, p. 360) наз. дочь Б—ва отъ Сбыславы Святославой и относитъ рожденіе ея къ 1106 г. 12 апр.

⁵⁾ Gorski (Bogys, ustep z dz. dwunast. wieku) принимаетъ 1136 г. p. 21, Wagilewicz, Bibl. oss. IX, p. 48—1133; не знаю, откуда взялъ Вагилевичъ, что обрученіе дочери Б—ва и Коломана произошло еще въ 1113 (ib). Въ первомъ своемъ сочиненіи (Stosunki Kazim. Spraw. z Rusią) К. Gorski считалъ женою Бориса дочь Б—ва отъ перваго брака, но во второмъ (Bogys, p. 19) онъ считаетъ ее дочерью Б—ва отъ его 2-й жены. Онъ основывается на хроникѣ Ортлиба Звифальтенскаго, но послѣдній могъ сообщить неточное свѣдѣніе—притомъ онъ вѣдь не перечисляетъ всѣхъ дѣтей Б—ва. Замѣтимъ, что первая жена Б—ва Крив., Сбыслава, † до 1110, ибо въ 1110 г. Б—въ оженился дочерью графа де Берге.

⁶⁾ L. V, p. 513.

и то и другое невѣрно: Всеволоду въ 1168 могло быть всего нѣсколько лѣтъ; бракъ Казимира не можетъ относиться къ 1168 г., ибо еще въ 1159 г. у него род. сынъ, Болеславъ ¹⁾. Лѣтопись по Кенигсб. списку ²⁾ называетъ мать Лешка братаничною Романа, но въ виду указанныхъ только что несообразностей принять этого извѣстія нельзя ³⁾.

Между тѣмъ близкія родственныя отношенія между Романомъ и Казимиромъ несомнѣнны; выше мы уже указывали, что лѣтопись наз. брата Казимира умъ Романа; Кадлубекъ опредѣляетъ родство Романа и Лешка—*secundo consanguinitatis gradu* и вспоминаетъ, что Романъ чуть не отъ колыбели воспитывался при дворѣ Казимира ⁴⁾.

Позволимъ себѣ слѣд. гипотезу: не былъ ли скорѣе Казимиръ женатъ на сестрѣ Мстислава Изяславича? И въ такомъ случаѣ Лешекъ и Романъ были бы двоюродными братьями и Мѣшко могъ называться умъ Романа.

Всеволодъ Святославичъ, жена—дочь Казимира Справедливаго.

Въ Ипат. подъ 1179 „приведе Святотославъ за Всеволода, за середняго сына, жену изъ Ляховъ Казмѣрну во Филиново говѣнье“ Подъ тѣмъ же годомъ „Того же лѣта преставися княгини Всеволожая, приемши на ся чернечскую схиму, и положена бысть въ Києвѣ у святаго Кюрила, юже бѣ сама создала.“ Эти 2 рядомъ стоящія извѣстія ввели въ заблужденіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводчиковъ и полусис-

¹⁾ App. Crac. Maj. (Wagil p. 60).

²⁾ Библ. Росс. Ист. р. 300.

³⁾ Дочь Всеволода Мст—ча не могла бы быть и второю женою Казимира, ибо послѣдній † 1194, а Всеволодъ былъ малолѣтенъ во время смерти отца (1170 по Лавр., 1172 по Ип.; первая дата вѣрнѣе, ибо и въ Новг. I смерть Мст—ва отнесена къ 1170 г.).

⁴⁾ L. IV, c. 24; „nam quo pacto extraneus dici potest cum quo secundo consanguinitatis gradu reperitur“ говорятъ Лешку вельможи, убѣждая его помочь Роману овладѣть Галичемъ по смерти Владимира Ярославича; c. 23 „Meminit namque idem Romanus, quanta erga se Casimiri fuerint beneficia, apud quem paene a cunabulis educatus.

ториковъ. Такъ, въ синопсисѣ читаемъ ¹⁾. „Въ лѣто отъ созданія міра 6686, отъ Рождества Христова 1172 ²⁾, преставися благовѣрная княгиня Марія, жена князя Всеволода Святославича, а дщи короля польскаго Казимира, совершена инокиня сущи, и погребена бысть въ церкви монастыря святаго живоначальныя Тройцы, идѣже и придѣлъ святаго Кирилла въ Кіевѣ каменной, юже церковь и монастырь, нынѣ зовомый Кирилльскій, сама построила.“

У Татищева ³⁾ подъ 1179 г. „преставися княгиня Марія Казимировна, супруга Всеволода Святославича, постригшися въ болѣзни въ схиму Августа 6 дня, и положена въ церкви святаго Кирилла, которую сама создала. Болѣзнь же ея приключися отъ тяжкаго рожденія сына Михаила, которой по ней остался.“

Но уже самъ Татищевъ сомнѣвался въ точности этого извѣстія — его смущало построеніе церкви въ одинъ годъ ⁴⁾.

Что извѣстія лѣтописныя о бракѣ Всеволода Святославича и о кончинѣ создательницы храма Кирилловскаго относятся къ разнымъ лицамъ, это превосходно доказано М. А. Максимовичемъ ⁵⁾. По его убѣдительнымъ доказательствамъ, умершая въ 1179 г. княгиня Всеволодая была жена Всеволода Ольговича, Марія Мстиславна (дочь Мстислава Владимировича). Она то, а не жена Всеволода Святославича, была создательницей Кирилловскаго храма.

¹⁾ 2-е кievское изд. (1823) р. 81.

²⁾ 6686 г. = не 1172 отъ Р. Х., а 1178.

³⁾ Ист. Росс. ч. III, р. 235.

⁴⁾ Въ прим. 526 онъ гов. „Марія имѣеть быть дочь Казимира II, короля польскаго, но въ польскихъ то семь не упомянуто и въ русскихъ въ иномъ токмо бракъ, въ другомъ кончина, въ иномъ никоего. Но какъ манускрипты въ лѣтахъ не согласны, такъ здѣсь бракъ и кончина въ одномъ году пришло, чему видится для построенія церкви и ея переѣмности совершенной быть нельзя.“

⁵⁾ „О созданіи кievской церкви св. Кирилла“ Собр. соч. т. II, р. 161—171.

Василько Ярполковичъ Дорогичинскій, жена—дочь польскаго князя.

Это извѣстіе находится у одного только Татищева ¹⁾. Онъ рассказываетъ о борьбѣ Василька съ Владимиромъ минскимъ и о помощи, которую оказывали первому Мазовшане, при чемъ называетъ Мазовецкаго князя, Лешка, тестемъ Василька. Но Лешко не могъ быть его тестемъ ибо род. лишь 1158 г. ²⁾, а Татищевъ описываетъ борьбу Василька съ Владимиромъ минскимъ подъ 1182 г. Вагилевичъ ³⁾ и Белевскій ⁴⁾ считаютъ женою Василька дочь Болеслава Кудряваго (отца Лешка) отъ его втораго брака (Вагилевичъ 1. с.) И самъ Татищевъ противорѣчитъ себѣ—онъ то назыв. князя Мазовецкаго братомъ жены, то рассказываетъ о бѣгствѣ Василька къ своему тестю Лешку ⁵⁾. Бракъ Василька на дочери мазовецкаго князя (вѣроятно Болеслава Кудр.) объясняется тѣми общими интересами, которые имѣли князья Мазовіи и князья Подляхій—оба княжества терпѣли отъ нападений сосѣднихъ Ятвяговъ ⁶⁾. Бракъ Василька Ярополчича съ дочерью Б—ва Кудр., вѣроятно, былъ заключенъ не раньше 1170 г. ⁷⁾.

¹⁾ Кн. III, р. 247.

²⁾ Длугошъ L. V, 496; онъ † бездѣтнымъ, см. Chr. Mierzw'ы, М. Р. II, р. 389. Кадлубекъ, IV, 13.

³⁾ Bibl. Oссol. IX, р. 55.

⁴⁾ М. Р. II, р. 398, прим.

⁵⁾ Отецъ Лешка † 1173 г.

⁶⁾ Отношенія Польши къ Подляхій и Ятвягамъ разберемъ въ своемъ мѣстѣ.

⁷⁾ Василько Ярополчичъ (сынъ Ярополка Изяславича) былъ сначала княземъ поросскаго удѣла (Ип. 359 и 376); изъ Михайлова Василько былъ изгнанъ 1170 (по Ип. 1172) Глѣбомъ Юрьевичемъ и пошелъ въ Черниговъ. Подляхія первоначально тянула къ кievскому княжеству, но со 2-й половины XII в. она утверждается за Волынью. Вѣроятно, Василько (державшійся и прежде волинскихъ Мономаховичей) получилъ Подляхію по смерти младшаго брата Романа (Владимира?), т. е. ок. 1173, (смерть брата Романа въ Ип. 1173, но хронологія этой лѣтописи ошибочна).

Что касается второй жены **Романа Мстиславича**, то она, кажется, была скорѣе венгерской, чѣмъ польской княжной. Правда, Лешекъ называетъ ее „ятровъ“ ¹⁾, т. е. невѣсткой, но ятровью называетъ жену Романа и венгерскій король ²⁾; по отношенію къ Лешку жена Романа дѣйствительно была невѣсткой, ибо Романъ и Лешекъ были двоюродными братьями. Однако родство венгерскаго короля съ Романомъ весьма вѣроятно въ виду того близкаго участія, которое Андрей венгерскій принималъ въ женѣ и дѣтяхъ Романа послѣ его смерти. Въ какомъ родствѣ находились Романъ и Андрей, невозможно сказать за недостаткомъ данныхъ ³⁾.

Выше мы указывали, что не одни только польскіе и русскіе князья вступали между собою въ брачныя союзы, что такіе союзы происходили и въ глубинѣ самаго населенія. Между прочимъ мы указывали, что и бояре обѣихъ странъ могли искать себѣ невѣсть за предѣлами своей родины. Что касается такихъ между народныхъ браковъ польскаго и русскаго боярства, то источники сохранили намъ свѣдѣніе объ одномъ изъ такихъ браковъ, именно о бракѣ знаменитаго польскаго вельможи, **Петра Власта, на дочери русскаго князя.**

Извѣстіе объ этомъ бракѣ находимъ въ хроникѣ Мартына Звифальтенскаго ⁴⁾ и у Годислава Пашка ⁵⁾. Вотъ что рассказываетъ Мартынъ Звиф. ⁶⁾: „Во времена Генриха IV и славнаго польскаго

1) Ип. 482.

2) Ип. 480, 487.

3) Fessler, Gesch. Ungarns. p. 306 наз. жену Андрея Гертрудою.

4) М. Р. П, р. 2—3.

5) С. 27.

6) Ортлибъ, монахъ Звифальтенскаго монастыря (въ нын. Виртембергѣ, недалеко отъ Дуная) написалъ хроникѣ своего монастыря въ двухъ книгахъ, во 2-й книгѣ описано между прочемъ путешествіе въ Польшу трехъ монаховъ Звиф. монастыря, приглашенныхъ въ Польшу вдовой Б—ва Крив. По мнѣнію Абеля (Mon. Germ. XII, p. 66) описаніе этого путешествія принадлежитъ не самому Ортлибу, а одному изъ бывшихъ въ Польшѣ монаховъ; но онъ думаетъ, что это описаніе составлено не позже 1141 г. Белевскій (М. Р. П, 1) замѣчаетъ, что, хотя отрывокъ этотъ и весьма важенъ, какъ исходящій отъ очевидца, но нѣ-

князя Болеслава, одинъ изъ знатнѣйшихъ владѣтелей Греціи (*quidam ex nobilissimis principibus Graecorum*) выдалъ свою дочь за русскаго князя (*cuidam regi Ruthenorum*) и кромѣ богатѣйшаго приданого, состоявшаго изъ великолѣпныхъ одеждъ, золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ удивительной работы и безмѣрнаго вѣса, и всевозможныхъ драгоценностей, подарилъ и священные рельефы, между которыми самую драгоценною была рука св. первомученика Стефана. Упомянутая жена родила своему мужу прелестную дочь, которую отецъ, когда она пришла въ возрастъ, рѣшилъ выдать за одного изъ знатнѣйшихъ князей Польши (*cuidam nobilissimorum Poloniae tyrannorum in conjugium dare decrevit*). Сватомъ (*paranimphus*—собств. дружка, *Brautführer*) со стороны польскаго князя былъ богатѣйшій польскій вельможа (*princeps*) по имени Патрицій (?), но какъ потомъ оказалось, этотъ послѣдній рѣшилъ самъ овладѣть невѣстой и ея приданымъ....“ затѣмъ хроника рассказываетъ о другомъ проступкѣ этого вельможи, похищеніи Русскаго князя (Володаря—о чемъ въ своемъ мѣстѣ), и какъ папа велѣлъ ему въ наказаніе за его преступленія, роздать все свое имущество на богоугодныхъ дѣла. Между прочимъ онъ отдаетъ Болеславу руку св. Стефана въ замѣнъ богатаго имѣнія, которое и дарить одному монастырю.

Таковъ довольно неопредѣленный рассказъ Мартына Звиѣ.

Хроника Годислава Пашка называетъ жену Петра Власта разъ только родственницей жены Болеслава Кривоустаго ¹⁾, другой разъ прямо теткой Владислава, сына Б—ва ²⁾.

Белевскій ³⁾ на этомъ основаніи считаетъ женою Петру Власта дочь Святополка, который, говоритъ онъ, былъ во второмъ бракѣ женатъ на Варварѣ, дочери или родственницѣ Алексѣя Комнена.

которыя неточности показываютъ, что онъ писанъ уже по возвращеніи путниковъ изъ Польши, когда многія подробности (какъ напр. имена описываемыхъ лицъ) успѣли изгладиться изъ памяти.

¹⁾ С. 27 *Cujusdam principis Ruthenorum filia, uxoris Boleslai consanguinea.*

²⁾ С. 32 *Piotrko magnus ille vir, qui Wladislai *amitam* habebat uxorem.*

³⁾ М. Р. II, р. 2. Тоже и у Strahl, *Gesch des russ. Staates*, (I,

Что второю женою Святополка II была греческая принцесса, на это находимъ указаніе въ житіи св. Варвары, составленномъ въ XVII вѣкѣ ¹⁾. И. И. Малышевскій остроумно доказываетъ, что это извѣстіе позднѣйшаго источника заслуживаетъ вѣры, но ему, какъ кажется, осталось неизвѣстнымъ мѣсто хроники Мартына Звиф., сопоставленіе котораго съ извѣстіемъ житія св. Варвары возводитъ гипотезу о второй женѣ ²⁾ Святополка въ несомнѣнный фактъ.

Когда состоялся бракъ Петра Власта на дочери Святополка?

Есть возможность установить дату этого брака. Обратимъ вниманіе на извѣстіе Март. Звиф., что Петръ былъ сватомъ какого то польскаго князя. Этотъ князь не могъ быть самъ Болеславъ Кривоустый, ибо онъ женился на Сбыславѣ 1102 или 1103 г., во время возвышенія Петра Власта при польскомъ дворѣ относится лишь къ 20-мъ

202), и у Мосбаха (Piotr, syn Włodzimerza, p. 91). Ни одинъ изъ трехъ не указываетъ источника этого извѣстія. Въ жизнеописаніи Петра Власта, дошедшемъ до насъ въ переработкѣ XVI в., жена Петра наз. дочерью взятаго Петромъ въ плѣнъ русскаго князя, т. е. Володаря Ростиславича, но, какъ замѣчаетъ Мосбахъ (I. с. 92) это кажется прибавлено составителемъ для приданія большаго блеска подвигу Петра (с. ib. p. 23). Жена Петра наз. Маріей (ib.) Сынъ ихъ—Святославомъ (другіе источники наз. его Идзіемъ (Aegidius?) нкт. Константиномъ, М. Р. II, 520) дочь—Беатрисой (Włogosława).

¹⁾ См. Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго, Кіевъ, 1880 р. IX, примѣчаніе (Введеніе къ изданію твореній св. Кирилла—о туровскихъ князьяхъ—принадлежитъ И. И. Малышевскому).

²⁾ Вѣрнѣе—третьей; только о Мстиславѣ лѣтопись гов., что онъ былъ сыномъ Святополка отъ наложницы; Ярославъ и 2 дочери могли родиться отъ неизвѣстной первой жены Святополка. Трудно думать, чтобы Святополкъ не былъ женатъ до 1094 г. когда онъ женился на дочери половецкаго хана, Тугоркана. Въ 1104 дочь Володаря Ростиславича вышла за сына Алексѣя Комнена, около этого времени (или нѣсколько раньше) могъ состояться и бракъ Святополка на греческой принцессѣ, ибо сынъ его Брячиславъ род. въ 1104 г.

годамъ XII вѣка ¹⁾. Но въ 1135 года (слѣд. еще при жизни Б—ва Крив.), Болеславъ Кудрявый, сынъ Болеслава Кривоустаго оженился дочерью Всеволода Мстиславича, Верхулавою. Сватою по заключенію этого брака и могъ быть Петръ Власть; тогда же онъ и могъ жениться на дочери Святополка; въ это время уже вымерло все мужское потомство Святополка, да и родъ Святополка былъ оттѣсненъ Мономаховичами въ Туровъ, так. обр. выдача захудалой княжны за польскаго боярина была вполнѣ возможна. Что касается разсказа Март. Звиѳ. о громаднхъ богатствахъ и священнхъ реликвіяхъ, составлявшихъ приданое жены Петра Власта, то это конечно сильно преувеличено; какъ видно, свѣденія о бракѣ Петра Власта и о приданомъ за его женою монахи Звиѳ. монастыря получили отъ монаховъ одного изъ монастырей, щедро одаренныхъ Петромъ; естественно было послѣднимъ прикрасить разсказъ о своемъ щедромъ покровителѣ и о его женѣ. Притомъ извѣстіе о мощахъ св. Стефана, составившихъ часть приданого жены Петра Власта, оказывается невѣрнымъ, ибо мощи св. Стефана были въ это время въ Цареградѣ, а по взятіи Цареграда Венеціанами, по одному преданію, были перевезены въ Венецію ²⁾.

Въ XIII в. при самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ Галича съ Польшею браки Галичанъ съ Поляками (особенно бояръ обѣихъ странъ, часто для своихъ аристократическихъ тенденцій заводившихъ тѣсныя сношенія какъ съ князьями, такъ и съ боярами сосѣдней страны), вѣроятно, стали довольно частыми. На это указываютъ нѣкоторыя боярскія имена, общія Польнѣ и Галичу, но не употребительныя въ остальной Руси, какъ Володиславъ ³⁾, Станиславъ ⁴⁾, Воротиславъ

¹⁾ Петръ Власть бѣжалъ изъ Польши въ Русь въ 1145 г. и † въ 1153 г. (Мосбахъ р. 136).

²⁾ См. мѣсяцесловъ архимандрита Сергія подъ 2-мъ августомъ (р. 226). Фальсификація мощей была впрочемъ дѣломъ весьма обычнымъ въ средневѣковой Европѣ.

³⁾ Ип. 484.

⁴⁾ С. 504. Впрочемъ имя Станислава было изрѣдка употребительно и въ Руси; такъ одинъ изъ сыновей Владимира наз. Станиславомъ, Ип. 83.

(Вратиславъ) ¹⁾, Избыгнѣвъ ²⁾, Вить ³⁾. Впрочемъ многія изъ этихъ именъ могли принадлежать и польскимъ боярамъ, перешедшимъ на службу въ Русь ⁴⁾.

¹⁾ Ип. 485 и 503 (Воротиславъ Петровичъ. Впрочемъ имя Воротислава встрѣчаемъ и раньше (Ип. 211), у Андрея Владимировича былъ тысящій этого имени, но это могъ быть перешедшій на русскую службу Ляхъ, ибо Андрей былъ тогда во Владимирѣ.

²⁾ Ип. 310, 341.

³⁾ Витановичи Юрій, Ип. 484, Володиславъ—Ип. 491.

⁴⁾ Къ такимъ мож. быть принадлежали Володиславъ Воротиславичъ, Володиславъ Витовичъ (не братъ ли его былъ Юрій Витовичъ?).

III. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Съ конца 9 в. славянскія племена, заселявшія нынѣшнюю Русь, жившія отдѣльною жизнью, враждовавшія между собою, чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ болѣе обособленныя и разрозненныя, а потому лишенныя всякой возможности дать отпоръ болѣе сплоченнымъ завоевателямъ, будь то цѣлый народъ—войско (какъ Хозары или Авары), будь то просто сколько нибудь стройная дружинная толпа (какъ Варяги), племена эти начинаютъ группироваться вокругъ сильнаго кievскаго князя, которому окрестныя племена подчинились также легко, какъ подчинялись они Хозарамъ и Аварамъ.

Подчинивъ себѣ племена восточной Руси, кievскіе князья перенесли свои завоевательныя стремленія и на западъ, гдѣ обитали многочисленныя племена Дулѣбовъ или Бужанъ, Хорватовъ, Уличей и Тиверцевъ. Племена эти, хотя достигшія уже стадіи городской жизни, представляли еще менѣе внутренней сплоченности, чѣмъ племена восточной Руси. Городскіе центры у нихъ быстро возвышаются, но также быстро и падаютъ. Поэтому то и на западѣ, какъ и на востокѣ, славянскія племена легко переходили изъ подъ власти одного сосѣда подъ власть другаго. Въ этомъ отношеніи особенно характерна судьба Хорватовъ.

Къ сожалѣнію, источники древней судьбы славянскихъ племенъ настолько скудны, что часто не даютъ даже возможности опредѣлить сколько нибудь точно мѣста ихъ расселенія. Что касается Хорватіи,

то почти невозможно сказать, гдѣ она начиналась и гдѣ оканчивалась ¹⁾. Еще менѣе извѣстій о ея древней судьбѣ до завоеванія Червенскихъ городовъ Владимиромъ съ., однако, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что Хорваты поочередно были подчиняемы сосѣдними племенами, то Чехами, то Ляхами, быть можетъ и Венграми ²⁾.

¹⁾ По мнѣнію г. Барсова, (Оч. Русск. Ист. Геогр. р. 80) названіе Хорватовъ даетъ основаніе думать, что это племя расселилось по склонамъ Татранскихъ Карпатъ, которые до сихъ поръ у галицкихъ Русскихъ наз. Горбы (Хорбы, Хрипы), и составляло, вѣроятно, отрасль великаго племени Бѣлохорватовъ, о которыхъ говорить и сама начальная лѣтопись и Константинъ Порфирородный. Распространенію Хорватовъ г. Барсовъ даетъ обширный районъ, отъ истоковъ Вислока, Бѣлой и Сана на югъ до Тиссы и по притокамъ до Прута, на востокъ до Днѣстра, на сѣверъ до Вислы (ів.) Слѣды Хорватовъ г. Барсовъ видитъ даже до области зап. Буга и Припяти.

²⁾ Весьма спорнымъ представляется до сихъ поръ вопросъ объ объемѣ Чешскаго и Польскаго государствъ въ X в. и объ отношеніи того и другаго къ Хорватіи. Палацкій (Gesch. Böhmens, I, 226) предполагалъ, что Хорватія въ X в. принадлежала Чехіи, и что Владимиръ отвоевалъ ее у Чеховъ; (по его мнѣнію, Чехамъ принадлежали и собств. черв. земли и самая Волянь, ибо онъ гов., что и дикіе Ятвяги въ Подляхін, равно какъ и могучіе владетели Руси въ Кіевѣ были непосредственными сосѣдями Б—ва II Чешскаго). Репелль, (Gesch. Polens, I, р. 144, пр. 8) опровергая Палацкаго, замѣчаетъ, что нашъ лѣтописецъ умѣлъ хорошо отличать Чеховъ отъ Ляховъ; Репелль притомъ сомнѣвается, чтобы чешское государство въ X в. простиралось такъ далеко на востокъ, какъ думаетъ Палацкій (по Бугъ и Стырь, см. ниже), основывающійся на учредительной грамотѣ пражскаго епископства, сохранившейся въ хроникѣ Космы Пражскаго; что касается Польши, то онъ думаетъ, что и ея границы при Болеславѣ I не переходили за Вислу на востокъ. Поэтому Р. полагаетъ, что Владимиръ не отнималъ Хорватіи ни у Чеховъ, ни у Ляховъ, а подчинилъ до того свободныя Хорватскія племена и только тогда сталъ граничить съ Чехами (на что указываютъ слова лѣтописи: „и бѣ живя с князи околными его миромъ съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ и

Въ концѣ X в. на Хорватовъ обратился и кievскій князь; походъ Руси изъ Кіева шель, кажется, по направленію юго-западному отъ Припяти, изъ земли Древлянской. Сѣверо-западная часть Хорватіи въ то время была подчинена Польшею (по всей вѣроятности, очень не задолго до перехода ея подъ власть кievскаго князя); покоря Хорватію, Русь въ первый разъ (по крайней мѣрѣ на сколько намъ извѣстно) столкнулась съ Польшею.

съ Ондроникомъ Чешскимъ, и бѣ миръ межи има и любви“ Ип. 87). Учредительная грамота пражскаго епископства съ того времени не разъ подвергалась критикѣ (см. Zeissberg, *Miseco* I, 80, и Loserth, *Der Umfang des Böhmisches Reiches unter Boleslaw II, Mitth. d. Inst. für Oesterr. Gesch.* II Bd. I Heft; послѣдній въ значительной степени повторяетъ доводы Цейсберга) и признана подложною. Но этимъ вопросъ далеко не разрѣшается. Откуда въ этой грамотѣ, (см. текстъ ея въ М. Р. I, р. 147) если она и подложна, названія *Chroucati et alia Chrovatia* и границы пражскаго епископства по Бугъ и Стырь (я, вмѣстѣ съ Н. П. Дашкевичемъ (Нов. иностр. литературы, К. Ун. Изв. 1882 г. № 4) полагаю здѣсь правильнымъ Стырь, а не Стрый какъ у Белевскаго,—почему, см. дальше). Предположеніе Репелля, что этими рѣками обозначались границы пражскаго епископства на востокъ *in partes infidelium*, и что поэтому границы епископства могли быть обширнѣе дѣйствительныхъ границъ чешскаго государства, падаютъ, разъ эта грамота признана подложной. Притомъ же странно было бы опредѣлять такими узкими рамками *partes infidelium*—въ этихъ случаяхъ границы могли опредѣляться только ревностью епископа-миссіонера. Если грамота эта и фальсификована въ XI в. (какъ думаетъ Лозертъ), то во всякомъ случаѣ на основаніи какихъ либо давнихъ, а данныя эти были довольно опредѣленны, ибо сохранились названія двухъ Хорватій, въ XI в. замѣненныхъ уже другими терминами (земли червенская и перемышльская), и точное названіе 2 рѣкъ. На этомъ основаніи, мнѣ кажется вѣроятнымъ предположеніе, что часть Хорватіи (быть мож. одна лишь подгорная область) была хотя временно подчинена Чехами. Изъ нѣк. лѣтописныхъ данныхъ можно заключить, что Русь при Владимирѣ находилась въ

Цѣлымъ столѣтіемъ позже становится исторически извѣстнымъ польское государство. Темны его древнія судьбы, какъ темны всякія origines; но можно думать, что въ возвышеніи польскаго государства участвовали тотъ же процессъ, что и въ возвышеніи русскаго. Среди мелкихъ племенныхъ группъ, на которыя дробились привислянскіе Славяне, возвысилась одна, жилище которой опредѣляютъ въ Великой Польшѣ (у Гнѣзна), и объединила вокругъ себя сосѣднія группы. Быть можетъ, возвышенію одной племенной группы надъ другими содѣйствовало усиленіе въ первой дружиннаго элемента—подобное явленіе, какъ кажется, дало перевѣсъ полянскому племени и на Руси.

Трудно сказать, когда собственно произошло это объединеніе племенъ польскихъ Славянъ подъ властью одной племенной группы; но, по всей вѣроятности, весьма не задолго до перваго появленія Польши на сцену историческаго дѣйствія въ качествѣ самостоятельнаго актера (ок. 960). Въ исторіи весьма обычнымъ является тотъ фактъ, что лишь только какія нибудь разрозненныя племенные группы объединяются подъ власть одной центральной, онѣ тотчасъ же стремятся проявить

довольно оживленныхъ политическихъ сношеній съ Чехіей. Такъ, еще Палацкій придавалъ значеніе тому обстоятельству, что одна изъ женъ Владимира до принятія христіанства была Чехиня. Татищевъ подъ 992 г. говоритъ о послахъ къ Владимиру отъ Андроника чешскаго; подъ 1014 г. онъ снова говоритъ о послахъ чешскихъ съ предложеніемъ выдать одну изъ дочерей Владимира за чешскаго князя. Никон. лѣт. подъ 1000 годомъ гов. о приходѣ пословъ чешскихъ и Угорскихъ. Въ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи Руси находимъ замѣтку, что Владимиръ жилъ въ мирѣ съ околными князьями, между проч. съ Андроникомъ чешскимъ (что здѣсь Андроникъ=Ольдрихъ является анахронизмомъ, ибо Ольдрихъ княжилъ съ 1012 по 1037 г., это доказываетъ только то, что этотъ, вошедшій въ лѣтопись разсказъ, писанъ уже послѣ смерти Владимира, но б. м. не позже 1037 года).

Поэтому то я полагаю вѣроятнымъ, что въ концѣ X в., когда на Хорватію обратился Владимиръ, эта область была временно подчинена частью Польшѣ (сѣверо-зап. часть), частью Чехіи (при карпатская часть). Замѣтимъ притомъ же, что Краковъ до 999 г. принадлежалъ Чехіи.

себя во внѣ напоромъ на сосѣдніе народы, какъ бы стремясь дать услышать и свой голосъ въ хорѣ другихъ народовъ.

Для Польши было большимъ счастьемъ то обстоятельство, что объединеніе ея племенныхъ группъ завершилось хотя отчасти къ срединѣ X в., т. е. къ тому времени, когда Нѣмцы уже побѣдоносно придвигались къ ея предѣламъ; иначе Польшу ожидала участь полабскихъ Славянъ, не достигшихъ крѣпкой внутренней организаціи, а потому поглощенныхъ Нѣмцами. Быть можетъ, печальный примѣръ сосѣдей значительно облегчилъ задачу польскихъ князей—объединителей, показавъ народному сознанию необходимость крѣпкой внутренней организаціи.

Мы не знаемъ объема польскаго государства при первомъ ея исторически извѣстномъ князѣ объединителѣ, Мѣшкѣ I; но оно, кажется, не достигало еще даже предѣловъ собственной Польши. Нѣкоторые данныя указываютъ, что даже Краковъ съ его областью до конца X в. не принадлежалъ Польшѣ; не принадлежала ей кажется и Силезія. Распространенію предѣловъ польскихъ на юго-западъ ставила препятствіе окрѣпшая къ тому же времени Чехія. Въ своихъ стремленіяхъ подчинить сѣверо-западныхъ славянъ (Поморянъ) Польша встрѣтила на первыхъ же порахъ соперника въ лицѣ Германіи и должна была, по крайней мѣрѣ на первое время, не только отказаться отъ попытокъ объединенія Поморянъ подъ свою власть, но даже помогать Нѣмцамъ въ ихъ походахъ на эти несчастныя славянскія племена.

За то былъ свободенъ путь на востокъ, въ область Хорватовъ.

Изъ нашей лѣтописи мы не много узнаемъ о судьбѣ Хорватовъ до завоеванія Владимиромъ св. въ 981 г. Червенскихъ город. Лѣтопись не вспоминаетъ даже о походахъ первыхъ кіевскихъ князей въ области Воляннъ и Хорватовъ (относительно ихъ сосѣдей, Уличей и Тиверцовъ, она замѣчаетъ, что Олегъ съ ними „имаше рать.“) Тѣмъ не менѣе въ походѣ Олега на Грековъ видимъ Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ, которыхъ (но всѣхъ ли трехъ?) лѣтопись называетъ загадочнымъ прозваніемъ—*толзовины* и прибавляетъ, что „си вси звахуться Великая Скуоѣ“ (Лавр. 14). Въ какомъ положеніи по отношенію къ кіевскимъ князьямъ находились эти племена, были ли они ими подчинены, и надолго ли, невозможно сказать за отсутствіемъ данныхъ ¹⁾, но

¹⁾ Предположеніе, что эти племена были только добровольными

если въ началѣ X в. они и подчинялись кievскому князю, то, кажется, къ срединѣ этого вѣка снова отъ него отдѣлились. По крайней мѣрѣ, въ походѣ Игоря на Грековъ Хорватовъ уже не видимъ. Такъ какъ сплоченіе племенъ русскихъ Славянъ подъ властью Кіева держалось только силой, то при смѣнѣ князей, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, тотчасъ же происходило и отпаденіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ подчиненныхъ племенъ, такъ что каждый новый князь долженъ былъ начинать опять чуть не съ начала,—такъ ск. перепокорять подчиненныя его предшественникомъ племена. Поэтому весьма вѣроятно, что если Хорваты и были подчинены Олегомъ, то при возбужденіи Игоря они могли отпасть отъ Кіева (подобно тому какъ по смерти Олега „заратипаса“ Древяне отъ Игоря).

Къ эпохѣ то отъ смерти Олега и до вокняженія Владимира и можно положить подпаденіе Хорваторъ (б. м. только части ихъ) подъ власть Польши.

При вокняженіи Владимира, ¹⁾ власть Кіевского князя уже сильнѣе, чѣмъ прежде, связывала (лучше сказать, сдерживала) русскихъ Славянъ, хотя связывающими мотивами былъ только страхъ и примѣры неудачныхъ попытокъ возстанія (каково Древянское при Игорѣ, жестоко усмиренное Ольгой). Возстаютъ при Владимирѣ только недавно покоренные (Святославомъ) и отдаленные Вятичи.

Владимиръ поэтому свободно могъ обратиться на западъ. И вотъ въ 981 ²⁾ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи краткую замѣтку объ отвоеваніи Владимиромъ Червенскихъ городовъ у Ляховъ. Весьма возможно, что Владимиръ воспользовался при походѣ на Червенскіе города тѣми натянутыми отношеніями, которыя въ это время существовали между Польшей и Германіей. По нѣкоторымъ предположеніямъ, ³⁾ ок. 979 г. Оттонъ II предпринималъ походъ на Польшу. Есть основаніе и походъ Владимира отнести не къ 981, а къ 979 г. ⁴⁾

союзниками Олега, падаетъ, разъ мы не можемъ признать правильности перевода слова толковины—союзниками.

¹⁾ Оно случилось въ 978 г.

²⁾ Ип. 54, Иде Володимеръ к Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью.

³⁾ Zeissberg, Miseco I, 87.

⁴⁾ Побѣда Владимира надъ Ярополкомъ отнесена въ лѣтописи къ

Но если это первое завоеваніе Владимира могло достаться ему безъ особенныхъ усилій, то трудно предположить, чтобы Ляхи безъ борьбы отказались отъ такого заманчиваго куска, какимъ была Хорватія. Дѣйствительно, есть нѣкоторыя, правда позднѣйшія, данныя, что Владимиръ нѣсколько разъ долженъ былъ предпринимать походы для удержанія за собою Хорватіи ¹⁾. Изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ намековъ можно даже заключить, что Владимиръ переходилъ Вислу и проникалъ въ глубь Польши, воюя за Хорватію.

980 г., но Е. Е. Голубинскій (Ист. Р. Церкви) основательно доказываетъ, что ее нужно относить къ 978 г. А извѣстіе о походѣ на Черв. города находится въ лѣтописи непосредственно послѣ вставочнаго эпизода о побѣдѣ надъ Ярополкомъ и характеристики Владимира — язычника. Только въ одномъ спискѣ лѣтописи (Арх. см. Лейбовичъ, Сводн. Лѣт. 67) взятіе Владимиромъ Кіева отнесено къ 978 г.

¹⁾ Опуская извѣстіе Длугоша о борьбѣ Мѣшка съ Вл—мъ (*bellum varie Marte gestum*), ибо оно представляетъ простой перифразъ лѣтописнаго извѣстія объ отвоеваніи Червенскихъ городовъ у Ляховъ, приведемъ извѣстія Татищева. Послѣдній говоритъ о борьбѣ Владимира съ Польшей въ 3-хъ мѣстахъ: подъ 981 (буквально тоже, что и въ лѣтописи), подъ 990 (II, 77) и въ отрывкѣ т. наз. Иоакимовской лѣтописи (I 38). Послѣднія два извѣстія у Татищева весьма сходны (кажется, что извѣстіе 990 г. и внесено въ текстъ изъ отрывка Иоак. лѣт.), но содержатъ нѣеот. отмѣны. Подъ 990 г.: „Владимиръ за многія противности польскаго князя Мечислава, собравъ войска, на него пошелъ и нашедъ на него за Вислою побѣдилъ такъ, что едва не все войско и съ воеводами побилъ, или въ плѣнъ взялъ, и самъ Мечиславъ едва въ Краковъ ушелъ, и приславъ пословъ съ великими дары, о мирѣ просилъ, и Владимиръ, учиня миръ, въ Кіевъ возвратился.“ Въ отрывкѣ Иоак. лѣт.: „Владимиръ имѣя съ Мещемъ (Мѣшкомъ) княземъ Ляховъ и Ленчанъ войну, и аще воеводы Владимира двакратъ побѣдиша ихъ, но онъ не престая воюя земли даже до Горыни. Сего ради Владимиръ шедъ самъ и при рѣцѣ Висѣ (мню Вислѣ) тако побѣди, что Мещъ все воинство погуби, едва самъ спасеся, а предніи его мужи всѣ плѣнены быша, и Владимиръ вся грады Ляцкія взялъ. Мещъ же испроси миръ у Владимира, отдавъ ему пять градовъ, Вла-

Въ 992 г. умеръ Мѣшко, и въ Польшѣ сталъ княжить его знаменитыи сынъ, Болеславъ Храбрый.

Эпоха Болеслава I представляетъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій въ исторіи Польши. Едва народившееся государство, только при помощи ловкой политики и особыхъ условій средневѣковой жизни отстоявшее свою самостоятельность, принимаетъ при Болеславѣ, второмъ изъ извѣстныхъ исторически польскихъ князей, наступательный характеръ и стремится сдѣлать Польшу центромъ обширнаго славянскаго государства.

димиръ же даде ему миръ, и дань погодну на Ляхи возложи.“ Въ прим. къ послѣднему мѣсту (I, 49, пр. 41) Тат. говоритъ, что „о войнѣ Вл—ра съ Мечиславомъ или Мешкомъ Несторъ кратко упомянулъ, шедъ на Ляхи, зая грады Червенскіе, Польскіе сихъ временъ своихъ историковъ не имѣли, а брали изъ Рускихъ, какъ Стрык. говоритъ, что они сію троекратную побѣду согласно кладутъ, а о положеніи дани не вспоминаютъ, но токмо миръ тяжкій учинилъ.“ Стрыковскій (Кг. Polska, ed. 1846, I, 151) дѣйствительно замѣчаетъ, что: „Ruskie Kroniki żadnej wyprawy Włodzimierzowej przeciw Polakom niewspominają, okrom naszego Długossa i Miechviussa, którzy o jego wtarczkach do Polski często na różnych miejscach piszą;“ cf. ib. 126 изъ Меховита о занятіи Вл—ромъ Черв. городовъ и наложеніи на нихъ дани, которую онѣ прежде платили Полякамъ.

Разсказъ Татищева (мы не касаемся его частныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напр. бѣгство Мѣшка въ Краковъ, который тогда ему еще не принадлежалъ, невѣрны, другія преувеличены) по всей вѣроятности относится къ столкновенію Руси съ Польшей въ 991 или 992 г. Лѣтопись подъ 992 г. (годъ не во всѣхъ спискахъ одинъ и тотъ же—въ Лавр. 992, Ип. 993, Ник. 995, Соф. 991. Наиболѣе вѣрнымъ будетъ 992, что видно изъ сопоставленія съ Ann. Hildesh.) весьма кратко гов.: иде Володимиръ на Хорваты (въ одномъ спискѣ, Тверск., прибавлено: и побѣди я). Что въ этотъ году было серьезное столкновеніе съ Польшей (конечно изъ за Черв. городовъ) на это указываетъ извѣстіе Ann. Hildesh. (M. P. II, 760) подъ 992 г., что Болеславъ Misachonis filius не могъ явиться на помощь Оттону лично: *imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum* а прислалъ

Никогда Польшѣ не удавалось позже распространять такъ далеко на западъ своихъ владѣній, никогда Польша не запомнитъ въ своей исторіи болѣе сильнаго подъема духа народнаго, безъ котораго конечно невозможно было бы такой блестящій успѣхъ польскаго оружія. Естественно, что на этомъ періодѣ польской исторіи съ особенной любовью останавливаются національные историки и стараются начертить величавый образъ героя-монарха, за которымъ послѣ Лелевеля осталось въ польской историографіи названіе великаго ¹⁾. Выставляя на видъ панславистическія стремленія Болеслава, оцѣнивая его дѣятельность между прочимъ какъ блестящую попытку дать отпоръ дальнѣйшему движенію на востокъ нѣмецкаго оружія, польскіе историки

лишь вспомогательный отрядъ. Чѣмъ кончилось это столкновеніе, неизвѣстно, но, вѣроятно, не въ пользу Болеслава (Мѣшко † въ 992 г.), ибо Черв. города до 1019 г. оставались за Русью; Татищевъ подъ 992 г. упоминаетъ о польскихъ послахъ „съ любовью и миромъ.“ Въ Никон. подъ 989 г. „того же лѣта придоша послы къ Володимеру отъ Болеслава Лятцкаго“ (годъ невѣренъ, ибо 989 еще жилъ Мѣшко). Что походъ 992 на Хорватовъ стоялъ въ связи съ стремленіемъ Польши вернуть эту область, это кажется, на основаніи приведенныхъ фактовъ, вѣроятнѣе мнѣнія г. Барсова (Оч. Русск. Ист. Геогр., 89), что походъ Вл—ра былъ вызванъ возстаніемъ Хорватовъ, съ возвышеніемъ Владимира Волынскаго потерявшихъ свою земельную самостоятельность. Впрочемъ возстанія подчиненныхъ племенъ были въ то время весьма часты, и Поляки могли воспользоваться стремленіемъ Хорватовъ къ независимости.

Что Владимиръ, воюя съ Ляхами изъ за Черв. городовъ, проникъ за Вислу въ глубь Польши, объ этомъ сохранялось еще въ XIII в. воспоминаніе въ Галичѣ; такъ Гал. Вол. лѣтопись, рассказывая объ осадѣ Даниломъ Романовичемъ Калиша, замѣчаетъ, что „иный бо князь не входилъ бѣ в землю Лядску толь глубоко, *проче Володимера великаго*, иже бѣ землю крестилъ.“ (Ип. 505). Быть можетъ это извѣстіе находилось въ недодшедшей до насъ части Гал. Вол. лѣтописи.

¹⁾ Nigdy juz ani między Piastami, ani między Jagiellonami, maż tak dzielnego ramienia i z tak otworzystem okiem rozumu nie zjawil się. Wischniewski, Hist. lit. Polsk. II, p. 29.

жалѣють о неудачѣ Болеслава образовать изъ Польши и окружающихъ славянскихъ племенъ могучее и обширное государство и въ нѣкоторомъ недоумѣніи останавливаются передъ фактомъ эфемернаго могущества Польши, исчезнушаго тотчасъ послѣ смерти Храбраго. До послѣдняго времени одну изъ главныхъ причинъ потери большей части завоеваній Польшею и вмѣстѣ съ тѣмъ и того значенія, которое она приобрѣла на западѣ видѣли въ неспособности сына и преемника Болеслава, Мечислава II, котораго даже заклеили названіемъ Гнуснаго. Только въ самое послѣднее время поднялись и въ польской исторіографіи голоса въ защиту Мечислава ¹⁾, доказывающіе, что, хотя этотъ князь и не отличался геніальностью отца, но тѣмъ не менѣе до извѣстной степени стоялъ на высотѣ своего положенія, и дѣлающіе этимъ шагъ впередъ къ объясненію упадка польскаго могущества изъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій.

Намъ кажется, что одна изъ главныхъ причинъ неуспѣха Болеслава въ его попыткахъ создать папславистскую монархію заключалась въ неблагоприятныхъ условіяхъ Польши, затѣявшей эту попытку. Болеславъ на полвѣка опоздалъ; конечно, не дѣло историка угадывать, что бы *могло быть*, но если одною изъ главныхъ задачъ историческаго изслѣдованія слѣдуетъ признать отвѣтъ на вопросъ, почему удалось или не удалось извѣстное историческое предпріятіе, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что задача Болеслава была бы значительно облегчена за полвѣка до его грандіозной попытки.

Дѣло въ томъ, что принятіе христіанства, которое для Польши было актомъ самосохраненія, вовлекло ее въ задачи Римской Имперіи и христіанскаго запада и тѣмъ отдалило отъ нея прочихъ Славянъ. Принявъ христіанство и первые зачатки западной культуры, Польша явилась для остальныхъ славянскихъ племенъ носительницей чуждыхъ имъ понятій и притомъ сама еще болѣе утвердила ихъ въ томъ, помогая нѣмецкому оружію при онѣмеченіи полабскихъ Славянъ. Между тѣмъ какъ на Руси христіанство явилось уже послѣ того, какъ отдѣльныя славянскія племена болѣе или менѣе продолжительное время были объединены подъ властью одного племени, Полянскаго, Польша приносила тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя она

¹⁾ См. напр. А. Lewicky, Mieszko II (Rozpr. i Sprawozd. z posiedzen wydz. Hist.-filos. Akad. umiejętn. w Krakowie, t. V, 1876 г.)

старалась подчинить, вмѣстѣ съ подчиненіемъ и чуждую религію, то есть огромный внутренній переворотъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, которыя стремились подчинить Польша, напр. Славяне Поморскіе, обладали весьма значительно выработанной религіозной культурой. Но что всего болѣе повредило Польшѣ, такъ это союзъ и завоевательская дѣятельность рука объ руку съ Нѣмцами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по смерти Болеслава, въ Польшѣ возникаетъ сильная языческая реакція противъ неокрѣпшаго еще христіанства и реакція социальная, указывающая ясно на глубокой разладъ, существовавшей уже тогда между разными классами польскаго общества. Къ сожалѣнію, мы знаемъ очень мало подробностей этого весьма интереснаго явленія въ древней польской исторіи.

Борьба изъ за Черв. городовъ, вызвавшая въ концѣ правленія Мѣшка походъ Владимира къ предѣламъ Польши, продолжалась, кажется, нѣкоторое время въ первый годъ правленія Болеслава 1). По видимому эта борьба кончилась безъ серьезныхъ результатовъ. Подъ тѣмъ же 992 годомъ находимъ у Татищева 2) извѣстіе о приходѣ къ Владимиру пословъ отъ Б—ва польскаго. Во всякомъ случаѣ, перевѣсъ остался на сторонѣ Руси, ибо, какъ мы знаемъ изъ дальнѣйшихъ событій, Черв. города остались за Русью.

Съ этого времени въ теченіи двухъ десятилѣтій мы не находимъ никакихъ свѣденій объ отношеніяхъ между Польшею и Русью. Б—въ былъ занятъ своими дѣлами на западѣ, гдѣ онъ пытался объединить подъ свою власть сосѣднія славянскія племена и дать достойный отпоръ нѣмецкому Drang nach Osten. В—ръ занялся болѣе мирнымъ, но и болѣе плодотворнымъ дѣломъ насажденія на Руси христіанства съ его культурой.

Только въ послѣднее десятилѣтіе своего правленія Б—въ снова обращаетъ взоры на Русь. Завершивъ блестящимъ образомъ свои дѣла

1) Такимъ вѣроятнымъ образомъ примиряетъ извѣстія Татищева (о борьбѣ Вл—ра съ Мѣшкомъ), лѣтописи (о походѣ на Хорватовъ) и Ann. Hildesh. (о войнѣ Б—ва съ Русскими) Соловьевъ (I, 182). Онъ предполагаетъ, что Вл—ръ могъ воевать съ Бол—мъ польскимъ въ союзѣ съ Б—мъ II чешскимъ.

2) Ц, 78.

на западѣ невыгоднымъ для Нѣмцевъ миромъ, Б—въ въ 1013 г. предпринимаетъ походъ на Русь ¹⁾. Трудно предположить, чтобы Б—въ могъ мечтать о включеніи Руси въ число подручныхъ ему государствъ; вѣроятнѣе всего, дѣло шло опять о спорныхъ Черв. городахъ. Походъ Болеслава (въ союзѣ съ Нѣмцами и Печенѣгами) былъ неудаченъ; приглашенные имъ въ качествѣ союзниковъ, Печенѣги стали буйствовать въ его лагерьѣ, такъ что онъ велѣлъ ихъ всѣхъ перебить ²⁾ и, какъ кажется, вернулся ни съ чѣмъ. У Татищева подь 1014 г. находимъ извѣстіе о приходѣ къ Вл—ру пословъ отъ Б—ва польскаго ³⁾.

Не совсѣмъ ясна для насъ исторія отношеній Бол—ва и Святополка. Мы уже выше приводили извѣстіе Титмара о какомъ то заговорѣ Святополка, подучаемаго Болеславомъ, и о карѣ заговорщиковъ (Святополка, его жены и приставленнаго къ ней Болеславомъ, посредника между нимъ и Святополкомъ, епископа Колобережскаго, Рейнберна). Неопредѣленность разсказа Титмара и его эпизодичность не даютъ точнаго представленія о дѣлѣ и даже не позволяютъ правильно установить хронологическое теченіе разсказанныхъ имъ происшествій.

¹⁾ Thietm., L. V c. 55. Post haec vero (послѣ свиданія съ императоромъ) Ruciam nostris ad hoc auxiliantibus petiit et magna regionis illius parte vastata, cum commotio inter suos et hospites Pezineigos fieret, eosdem quamvis suimet fautores jussit interfici omnes.

²⁾ Ок. 1006 г. епископъ Брунонъ отправился черезъ Русь къ Печенѣгамъ съ миссіонерскою цѣлью П. Скобельскій (Згадки о Руси, Спр. дир. ц. в. Акад. во Львовѣ, р. 15) высказываетъ догадку, что миссія Брунона могла имѣть и политическую цѣль—утвердить союзъ между Б—мъ и Вл—ромъ и поставить Печенѣговъ на сторожѣ послѣдняго „а въ данномъ случаѣ ужити ихъ противъ Руси, щобъ въ войнѣ зъ Генрихомъ забезпечити ся воедъ можливою диверзією зъ стороны Володимира.“ При этомъ г. Скобельскій указываетъ на союзъ Печенѣговъ съ Б—мъ въ его походахъ 1013 и 1018 г. на Русь. Такому предположенію однако противорѣчить дѣятельное участіе, которое принималъ Брунонъ (какъ онъ это сообщаетъ въ письмѣ къ Генриху II, см. М. Р. I, 225) въ заключеніи мира между Владимиромъ и Печенѣгами.

³⁾ II, 90.

Впрочемъ, нѣкоторые лѣтописные намеки какъ будто нѣсколько проясняютъ это темное дѣло (замѣтимъ однако, что весь рассказъ лѣтописи о Святополкѣ написанъ крайне тенденціозно, — рѣшительно не въ пользу Святополка ¹⁾).

Лѣтопись замѣчаетъ, что Владимиръ не любилъ Святополка, что и подтверждается его княженіемъ не въ богатомъ Новгородѣ, а въ малозначительномъ Туровѣ. Святополкъ могъ поэтому бояться, что по смерти отца ему не удастся сѣсть въ Кіевѣ ²⁾. Этимъ опасеніемъ его и могъ воспользоваться Болеславъ, подбивая его на возстаніе противъ отца.

¹⁾ Весьма оригиналенъ приемъ лѣтописца въ біографіи Святополка; онъ напоминаетъ обычные приемы жизнеописателей святыхъ; какъ тѣ съ малолѣтства отличались христіанскими добродѣтелями и происходили отъ „кореня честна“ — добродѣтельныхъ родителей, такъ въ Святополкѣ наоборотъ уже самое грѣховное рожденіе (отъ черницы Грекини, жены Ярополка) предвѣщало злодѣя. Лѣтописецъ сомнѣвается даже, былъ ли Святополкъ сыномъ Владимира, ибо жена Ярополка, когда ею овладѣлъ Владимиръ, была уже беременна („бѣ не праздна“), такъ что Святополкъ былъ „отъ двою отцю“ и „прелюбодѣйчиць“, такъ какъ Владимиръ „залече“ жену брата „не по браку.“ Поэтому то, замѣчаетъ лѣтопись, Владимиръ и не любилъ Святополка. Очевидно, во время лѣтописца ходилъ слухъ, что Святополкъ былъ сыномъ Ярополка, но что это былъ лишь слухъ, доказываетъ то, что лѣтопись далѣе называетъ Святополка не разъ сыномъ Владимира. Это повело нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ къ предположенію, что Владимиръ усыновилъ Святополка, но что послѣдній сознавалъ себя сыномъ Ярополка и на сыновьяхъ Владимира мстилъ насильственную смертью отца. Искусственность такого объясненія слишкомъ ясна. Стремленіе къ единой державѣ устраненіемъ родственниковъ отъ совладѣнія было тогда общимъ явленіемъ въ славянскихъ земляхъ (Польшѣ, Чехіи). Святополка могла соблазнить, конечно извѣстная ему, удачная попытка въ этомъ отношеніи Болеслава Храбраго.

²⁾ Замѣтимъ при этомъ, что смерть Владимира дѣлала открытою вакансію на столѣ Кіевскій. До этого времени по смерти князя столѣ этотъ переходилъ къ его наслѣднику или потому, что другаго князя

Мы выше (см. главу о бракахъ) высказали наши соображенія, къ какому времени слѣдуетъ отнести бракъ Святополка, но, при данномъ состояніи источниковъ, всякія соображенія будутъ только гаданіями. Если принять, что бракъ Святополка съ дочерью Болеслава произошелъ раньше 1013 г., то можно бы поставить походъ Болеслава въ Русь 1013 г. въ связи съ возстаніемъ Святополка противъ отца. Думаю, что это предположеніе наиболѣе естественно и лучше всего объясняетъ строгія мѣры Владимира противъ сына и невѣстки—при паденіи извнѣ, измѣна внутри была весьма опасна.

Титмаръ (L. VII, с. 52) неправильно сообщаетъ, что въ эпоху смерти Владимира Святополкъ находился въ темницѣ, но затѣмъ бѣжалъ къ зятю. Святополка однако видимъ въ Кіевѣ во время смерти отца. Вѣроятно, Владимиръ держалъ его при себѣ, не довѣряя ему. Быть можетъ, Владимиръ посадилъ его въ близкомъ отъ Кіева Вышгородѣ, на что намекаютъ близкія сношенія Святополка съ Вышегородцами.

Обстоятельства, наступившія въ Руси по смерти Владимира, дали Болеславу снова возможность вмѣшаться въ русскія дѣла и вызвали его знаменитый походъ 1018 г. въ Русь.

Польскіе историки придаютъ походу Болеслава Храбраго въ Русь весьма важное значеніе и не только видятъ въ немъ т. ск. послѣднее звено въ панславистскихъ стремленіяхъ Болеслава, но готовы при-

вовсе не было на лицо, (какъ по смерти Игоря) или занимался силою. Поэтому то народное участіе въ выборѣ князя и не могло проявляться; но по смерти Владимира, при многочисленности его семьи, этому старому порядку замѣщенія стола княжескаго открывался полный просторъ. Святополкъ могъ сомнѣваться, чтобы народный выборъ остановился на немъ, и не безъ основанія, ибо мы видимъ, что Кіевляне предлагали Борису, младшему сыну Владимира, сѣсть въ Кіевѣ (рѣша ему дружина отня „се дружина у тебѣ отня и вои (т. е. земское ополченіе): поиди, сяди въ Кіевѣ на столѣ отнѣ;“ услышавъ его отказъ вои разидашася отъ него (Ип. 92). Что эти вои были Кіевляне, это ясно изъ словъ лѣтописи, что Кіевляне принимали дары отъ Святополка „и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ быша с Борисомъ.“ См. Вѣче въ Кіевской области, р. 14.

знать за послѣднимъ еще какія то цивилизаторскія стремленія ¹⁾, совершенно забывая, что въ отношеніи культуры Польша Болеслава, лишь полвѣка вступившая въ болѣе живыя сношенія съ культурнымъ западомъ, стояла навѣрное значительно ниже Руси, которая уже болѣе столѣтія находилась въ весьма оживленныхъ сношеніяхъ съ Византіей. Постараемся поэтому разсмотрѣть извѣстія о походѣ Болеслава въ Русь, опредѣлить ихъ источники, критически провѣрить дошедшія до насъ данныя, отдѣлить въ нихъ примѣси легендарныя отъ дѣйствительныхъ фактовъ и уяснить настоящей смыслъ похода Болеслава въ Русь.

Разсказъ о походѣ Болеслава въ Русь дошелъ до насъ въ описаніи современника—Титмара Мерзебургскаго и въ двухъ другихъ источникахъ, въ хроникѣ т. наз. Мартына Галла и въ нашей лѣтописи,—записавшихъ это извѣстіе столѣтіемъ позже. Что касается описанія Титмара, то оно конечно было бы наиболѣе важнымъ, если бы Титмаръ самъ былъ очевидцемъ событія, но онъ записалъ разсказъ о походѣ Болеслава на Русь и о взятіи Кіева по слухамъ, со словъ участниковъ похода, саксонскихъ воиновъ, помогавшихъ Болеславу; поэтому то подробности хода военныхъ событій, въ которыхъ саксонскіе воины были непосредственными участниками, слѣдуетъ признать вполнѣ вѣрными (что частью подтверждается и другими источниками), прочія подробности, далеко не столь интересныя для лицъ, разсказы которыхъ послужили источникомъ для Титмарова описанія, вѣрны только въ общемъ, но грѣшатъ иногда въ частности.

1) См. напр. Szujski, Dzieje Polski, Krakow, т. I р. 667 въ концѣ разсказа о походѣ Болеслава на Кіевъ (переданнаго крайне некритично и тенденціозно) онъ замѣчаетъ: „Kijow dostal się w ręce Jarosława, ale myśl szerzenia cywilizacyi na wschodzie pozostała w Polsce jako tradycya czasow Boleslawowych, a później w życie przeszła.“ cf. Levicki, Mieszko II, (Rozpr. i sprawozd. Akad. Um. т. V, р. 89) который называетъ Болеслава источникомъ и началомъ цивилизаціи въ Польшѣ. Болеслава считаютъ устройтеlemъ государства, организаторомъ войска и администраціи, суда и повинностей (ib. 88).

Мы передали выше рассказ Титмара о столкновѣніяхъ Польши съ Русью до похода Болеслава на Кіевъ въ 1018 г. ¹⁾

Собственно походъ Болеслава на Кіевъ (въ помощь Святополку) описанъ у Титмара въ концѣ VIII книги (этимъ рассказомъ и заканчивается его хроника). Титмаръ не говоритъ о причинѣ похода Болеслава на Русь, но даетъ ее предполагать, рассказавъ раньше, что по смерти Владимира вся Русь перешла къ его двумъ сыновьямъ, (Титмаръ ошибочно передаетъ, что Владимиръ имѣлъ 3-хъ сыновей), 3-й же оставался въ темницѣ, но ему удалось бѣжать къ тестю, при чемъ однако жена его осталась въ Руси, (и здѣсь, какъ мы знаемъ, Титмаръ невѣрно передаетъ ходъ событій ²⁾); далѣе (въ VIII книгѣ) рассказавъ о завладѣніи Кіева Болеславомъ, Титмаръ прибавляетъ, что Кіевъ: *quem diu amiserat Zentepulcum senioreм suum.... suscepit*. Такимъ образомъ (хотя это ясно и не выражено) для Титмара причиною похода Болеслава было желаніе возстановить (или посадить) въ Кіевѣ своего зятя.

Описаніе первыхъ военныхъ дѣйствій у Титмара совершенно согласно съ изображеніемъ ихъ въ нашей лѣтописи, даже въ подробностяхъ: Болеславъ приходитъ къ какой то рѣкѣ (Титмаръ не знаетъ ея названія: *ad quendam fluvium*), на другой сторонѣ ея стоятъ русскій князь. Болеславъ располагается лагеремъ и строитъ мосты. Сраженіе начинается стычкой польскаго отряда съ русскимъ, при чемъ столкновение вызвали перебранки со стороны Поляковъ (Титмаръ—*provocatione Poleniogum*—у насъ въ лѣтописи упоминается тоже перебранка и подраиваніе, только начинаютъ ихъ Русскіе—воевода Блудъ); видя успѣхъ этой стычки, польское войско быстро переходитъ (*etsi laboriose*) рѣку и разбиваетъ на голову русское войско;—все это совершенно со-

¹⁾ Во время борьбы между Святополкомъ и Ярославомъ Болеславъ воевалъ еще съ императоромъ; непосредственно послѣ бѣгства Святополка изъ Кіева къ Болеславу, Ярославъ, по свидѣтельству Титмара (L. VII, с.), заводитъ сношенія съ императоромъ и, помогая ему, осаждаеть какой то польскій городъ. Соловьевъ (I, 201) думаетъ, что это былъ Брестъ, по Брестъ былъ пограничнымъ городомъ со стороны русской а не польской.

²⁾ L. VII с. 52.

гласно съ нашей лѣтописью, даже фраза Титмара, что со стороны Поляковъ пало мало въ сраженіи, со стороны русской множество, эта фраза не есть риторическое украшеніе, а находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ лѣтописи, что Ярославъ самъ пять убѣжалъ въ Новгородъ. Но затѣмъ Титмаръ сообщаетъ нѣсколько такихъ подробностей, которыхъ вовсе не знаетъ наша лѣтопись: Болеславъ, побѣдивъ Ярослава, идетъ дальше, и вездѣ его радостно встрѣчаютъ жители. Между тѣмъ Ярославъ овладѣваетъ какимъ то городомъ, признававшимъ власть его брата (*fratri suo tunc obediens*) и уводитъ его жителей. Болеславъ сначала высылаетъ на Кіевъ Печенѣговъ, которые осаждаютъ его и поджигаютъ (*incendio gravi minoratur*)¹⁾. Жители храбро защищаются, но, оставленные своимъ княземъ, открываютъ ворота Болеславу и Святополку. Пришельцамъ выходить на встрѣчу архіепископъ со священными реликвіями въ монастырѣ св. Софіи, недавно горѣвшемъ (*prigiti anno*). Въ Кіевѣ Болеславъ находитъ мачиху Ярослава, его жену и 9 сестеръ; изъ нихъ одну, руки которой онъ раньше добивался, Болеславъ дѣлаетъ своей наложницей.

Первая изъ этихъ подробностей—радостная встрѣча Болеслава и Святополка въ попутныхъ городахъ и въ Кіевѣ—станетъ для насъ весьма вѣроятною, когда мы примемъ во вниманіе, (о чемъ ниже) что Ярославъ вовсе не пользовался популярностью среди Кіевлянъ: въ немъ кіевская Русь видѣла чужаго Новгородскаго князя и предпочтала, конечно, Святополка, какъ своего князя.

Лѣтопись наша заставляетъ Ярослава прямо съ поля битвы бѣжать въ Новгородъ и ничего не говоритъ о томъ, чтобы Ярославъ осаждалъ какой нибудь городъ. Но это вовсе не мѣшаетъ намъ отдать въ данномъ случаѣ предпочтеніе извѣстію Титмара,—лѣтопись слишкомъ въ общихъ чертахъ рассказываютъ все дѣло и могла о многомъ умолчать. Позволимъ себѣ сдѣлать предположеніе, что разбитый Ярославъ или бѣжалъ сначала въ Кіевъ, но не былъ тамъ принятъ Кіевлянами, или, что вѣроятнѣе, опасаясь вернуться въ Кіевъ, гдѣ не надѣялся, особенно послѣ пораженія, встрѣтить благосклоннаго пріема, бѣжалъ прямо въ Новгородъ, но какъ это обыкновенно въ то время

¹⁾ Соловьевъ (I, 201) относитъ осаду Печенѣгами Кіева ко времени, предшествовавшему походу Болеслава, но изъ Титмара этого не

случалось, считая свое дѣло на югѣ проиграннымъ и желая хотя чѣмъ-нибудь воспользоваться, взялъ на щитъ какой-нибудь изъ попутныхъ городовъ (быть можетъ, Туровъ), плѣненныхъ жителей котораго и увелъ съ собою.

Слѣдующее извѣстіе Титмара, что Болеславъ захватилъ въ Кіевѣ мачиху Ярослава, жену его и 9 сестеръ, не совсемъ точно: жена Владимира (царевна Анна), какъ намъ извѣстно по лѣтописи, умерла въ 1011 г., притомъ самъ Титмаръ раньше сообщаетъ, что гробница Владимира стояла рядомъ съ гробницею его жены въ церкви св. Климента (это ошибочно: Владимиръ былъ погребенъ въ Десятинной церкви въ честь Богородицы, см. Ип. 90 ¹). Что касается извѣстія о захватѣ жены и сестеръ Ярослава, то это подтверждается и лѣтописью (который впрочемъ не говоритъ о плѣнѣ жены, а только сестеръ) ². Цифру 9 для сестеръ Ярослава оставляемъ на совѣсти Титмара; мы знаемъ по лѣтописи только двухъ сестеръ Ярослава—Предславу и жену Казимира т. наз. Мниха, по имени Марію (Доброгнѣву) ³.

Продолжимъ теперь рассказъ Титмара.

Разсказавъ о занятіи Кіева Болеславомъ и Святополкомъ, Титмаръ прибавляетъ еще нѣсколько подробностей о пребываніи Болеслава въ Кіевѣ. Здѣсь, говоритъ онъ, Болеславъ получилъ большія богатства (такъ я перевожу—*indefabilis ibi pecunia ei ostenditur*), изъ которыхъ большую часть онъ роздалъ своимъ сподвижникамъ (а ему помогали—300 германскихъ воиновъ (*ex nostra parte*, говоритъ Титмаръ), 500 венгерскихъ и 1000 Поченѣговъ) а часть отослалъ домой;—затѣмъ онъ отсылаетъ назадъ иностранныхъ участниковъ по-

видно; Новг. III (р. 179 2-го изданія) говоритъ объ осадѣ Кіева Печенѣгами подъ 1017 г., но вѣдь эта лѣтопись о приходѣ Болеслава ничего не говоритъ.

¹) Развѣ предположить, что Владимиръ послѣ смерти Анны еще разъ женился,

²) Это извѣстіе указываетъ на то, что Ярославъ, вѣроятно, не заходилъ въ Кіевъ, убѣгая съ несчастной битвы при р. Бугѣ.

³) Также подтверждается и нашей лѣтописью извѣстіе Титмара о пожарѣ въ Софійскомъ храмѣ;—подъ 1017—„Ярославъ ввойде въ Кыевъ, и погорѣша церкви.“

хода, т. какъ туземцы изъявляли полную покорность Святополку (*Senior praefatus letabatur*—я отношу, по сравненіи съ предъидущимъ, къ Святополку—Святополка и выше Титмаръ называетъ *senior*). Въ нѣсколькихъ словахъ Титмаръ описываетъ Кіевъ (его онъ наз. *Kitava*): это столица, огромный городъ съ 400 церквей и 8 рынками; населенія въ немъ безчисленное множество; оно, какъ и населенія всей области, составилось изъ бѣглыхъ отовсюда рабовъ и преимущественно изъ быстрыхъ Нормановъ (*velocibus Danis*); населеніе давало до сихъ поръ сильный отпоръ налегавшимъ на него (*multum se nocentibus*) Печенѣгамъ и покорило другіе народы. Болеславъ изъ Кіева посылаетъ къ Ярославу архіепископа для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ сестеръ и мачихи Ярослава на находившуюся у послѣдняго дочь Болеслава, жену Святополка. Затѣмъ Болеславъ посылаетъ къ императору своего любимца, аббата Туни, съ богатыми подарками и съ изъявленіями преданности. Кромѣ того онъ посылаетъ въ Грецію къ императору—послѣднему онъ можетъ быть какъ вѣрнымъ другомъ, такъ и непримиримымъ и могучимъ врагомъ.

Этимъ заканчивается у Титмара описаніе похода Болеслава въ Русь, но, какъ справедливо выводитъ Карловичъ ¹⁾, Титмаръ зналъ о возвращеніи Болеслава изъ Руси и, пересматривая свое сочиненіе незадолго до смерти и дѣлая къ нему разныя дополненія и поправки, внесъ и это извѣстіе въ свой трудъ, но раньше, въ 48 гл. 7-й книги—гдѣ онъ рассказываетъ, что русскій князь помогаль императору противъ Болеслава, но безуспѣшно осаждалъ какой то городъ. „Выше-сказанный князь (Болеславъ) прибавляетъ затѣмъ Титмаръ, вошелъ потомъ съ войскомъ въ область перваго, посадилъ на княжескомъ престолѣ своего зятя, а того брата, долго находившагося въ изгнаніи (*diu expulsus*) и побѣдоносно вернулся домой (*hilaris rediit*).

Всѣ приведенныя подробности Титмара о Кіевѣ и о пребываніи въ немъ Болеслава опять вѣрны въ общемъ, но частью ошибочны, частью неопредѣленны въ частностяхъ. Такъ, изъ описанія Кіева можно только взять одно, что это былъ большой, богатый и торговый городъ, въ который для торговли стекались жители разныхъ странъ такъ можно истолковать извѣстіе о заселеніи Кіева бѣглыми рабами).

¹⁾ Wyprawa Kijowska.

Подробность же о 400 церквей въ Кіевѣ представляетъ только круглую цифру, никто конечно ихъ не пересчитывалъ. Извѣстіе о значительномъ количествѣ Нормановъ въ Кіевѣ и о борьбѣ жителей съ кочевниками заслуживаетъ полнаго довѣрія. Тоже самое можемъ сказать и о 3 посольствахъ Болеслава, только что свѣденіе о посольствѣ въ Грецію слишкомъ неопредѣленно.

Обратимся теперь къ разсказу нашей лѣтописи.

При внимательномъ чтеніи лѣтописнаго разсказа о времени Ярослава нельзя не замѣтить въ этомъ разсказѣ двухъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на этого князя. Для перваго это князь благочестивый, мудрый, достойный преемникъ и продолжатель дѣла Владимира,—какъ усердный покровитель христіанства и насадитель просвѣщенія въ Руси. Но въ томъ же лѣтописномъ разсказѣ сквозить и скептическое отношеніе къ дѣятельности Ярослава—онъ презрительно называется хоромцемъ. Эти противоположные отзывы происходятъ изъ совершенно разныхъ источниковъ. Источникъ восторженнаго отношенія лѣтописнаго разсказа къ Ярославу есть несомнѣнно монашеская традиція,—среди монашества Ярославъ пользовался громадною популярностью за свою христіанскую ревность и уваженіе къ монашескому сану („излиха бѣ любя черноризцы“). Отрицательный взглядъ на дѣятельность Ярослава представляетъ, кажется намъ, отраженіе современнаго отношенія къ нему дружины, и специально дружины кіевской. Дружина уважала князя за его военные таланты, его отвагу, предприимчивость, а этихъ то качествъ и не доставало у Ярослава, который постоянно терпѣлъ пораженія на полѣ брани и предпочиталъ мирную дѣятельность внутри государства военнымъ предпріятіямъ. Кіевская дружина имѣла еще чисто мѣстныя причины нерасположенія къ Ярославу,—онъ былъ Кіевлянамъ чужой князь и овладѣлъ Кіевомъ силою, завоевалъ его Новгородскою дружиною. Особенную любовь къ Новгороду и Новгородцамъ, виновникамъ своего возвышенія, сохранилъ Ярославъ и послѣ того, какъ сталъ кіевскимъ княземъ; естественно при всемъ этомъ, что Ярославъ больше любилъ и довѣрялъ своей, приведенной имъ изъ Новгорода, дружинѣ, нежели дружинѣ мѣстной кіевской и давалъ первой вездѣ предпочтеніе, раздавалъ ей административныя мѣста, доходныя статьи. Кіевская дружина не могла равнодушно относиться къ своему умаленію и, понятно, не любила за это Ярослава. Оттого то при всякой неудачѣ Ярославъ бѣ-

жить за помощью въ Новгородъ, не надѣясь, конечно, на Кіевлянъ, которыми въ его отсутствіе управляютъ его мужи, вѣроятно Новгородцы. Этимъ недружелюбнымъ отношеніемъ кіевской дружины къ Ярославу объясняется и подтверждается вѣрность извѣстія Титмара, что при походѣ Болеслава со Святополкомъ на Кіевъ послѣ пораженія Ярослава, города, лежавшіе по пути похода, радостно отворяютъ Святополку и Болеславу ворота. Населеніе кіевской Руси конечно предпочитало Святополка, своего князя, князю Новгородскому, Ярославу. Правда, мы видимъ въ Кіевѣ партію, враждебную Святополку, но эта партія стояла противъ Святополка за Бориса, а не за Ярослава.

Недружелюбное отношеніе къ Ярославу особенно проявляется въ той части лѣтописнаго разсказа о времени Ярослава, которая описываетъ его борьбу со Святополкомъ.

Такимъ образомъ однимъ изъ источниковъ лѣтописнаго разсказа о борьбѣ Ярослава со Святополкомъ, кажется, слѣдуетъ признать устное преданіе, сохранившееся среди кіевской дружины. Что лѣтописецъ пользовался при своемъ изложеніи преданіемъ устнымъ, а не имѣлъ письменнаго современнаго источника, это доказывается краткостью сообщаемыхъ имъ свѣденій и перенесеніемъ нѣкоторыхъ чертъ изъ похода Болеслава II, Смѣлаго, на походъ Болеслава I. Но лѣтописецъ имѣлъ еще одинъ источникъ для своего изложенія, и этимъ источникомъ была по всей вѣроятности, пѣсня или былина о борьбѣ между Святополкомъ и Ярославомъ, и притомъ пѣсня скорѣе происхожденія новгородскаго, нежели кіевскаго; послѣднее доказывается тѣмъ, что въ новгородской лѣтописи описаніе битвы Ярослава со Святополкомъ у Днѣпра гораздо полнѣе изложенія того же въ кіевской лѣтописи и содержитъ болѣе эпическихъ подробностей (сношенія Ярослава съ кіевскимъ измѣнникомъ, переговоры съ которымъ идутъ на условномъ языкѣ, повязаніе головъ Новгородцева убрусомъ). Что лѣтописцу кіевскому была извѣстна пѣсня, сочиненная Новгородцами, гордившимися успѣхами своего князя, это доказывается тѣмъ, что въ разсказѣ кіевской и новгородской лѣтописей о сраженіи у Днѣпра много почти дословно сходнаго, только, какъ мы сказали, разсказъ лѣтописи Новг. полнѣе и содержитъ болѣе эпическихъ чертъ.

Замѣчательно, что новг. лѣтопись ничего не говоритъ о дальнѣйшей борьбѣ Ярослава со Святополкомъ, о походѣ Болеслава и пораженіи Ярослава. Она сообщаетъ, что Ярославъ, одаривъ Новгород-

цевъ послѣ перваго занятія Кіева, отпустилъ ихъ всѣхъ домой, между тѣмъ какъ кіевская лѣтопись называетъ въ числѣ войска, съ которымъ Ярославъ вышелъ на встрѣчу Болеславу, и Словенъ, т. е. Новгородцевъ. Это, кажется намъ, даетъ возможность опредѣлить, на чемъ кончалась сочиненная Новгородцами пѣсня,—повидимому она прерывалась на побѣдѣ Ярослава надъ Святополкомъ и на занятіи первымъ Кіева: въ Новг. лѣтописи только два слова о борьбѣ Ярослава съ Болеславомъ, кажется поэтому, что похода Болеслава въ Русь она не касалась.

Поэтому, кажется намъ, источникомъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Болеслава на Русь слѣдуетъ признать исключительно устную традицію, сохранившуюся среди кіевской дружины.

При разборѣ лѣтописнаго разсказа о походѣ Болеслава въ Русь слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду какъ источникъ этого разсказа—по всей вѣроятности исходящаго изъ преданія, сохраненнаго въ кіевской дружинѣ, такъ и ясно различаемое двойное отношеніе къ Ярославу въ лѣтописи.

Лѣтописный разсказъ о пораженіи Святополка Ярославомъ и Новгородцами, о бѣгствѣ Святополка въ Ляхи и возвращенія его съ Болеславомъ отличается краткостью, не только сдержанностью по отношенію къ Ярославу, но даже нѣкоторымъ сочувствіемъ къ Святополку и Болеславу. Въ описаніи сраженія при Днѣпрѣ и Бугѣ однѣ и тѣ же подробности,—въ первомъ воевода Святополка оскорбляетъ Новгородцевъ и Ярослава, называя ихъ плотниками, а Ярослава хоромцемъ, и тѣмъ побуждаетъ Новгородцевъ перейти изъ выжидательнаго положенія къ наступательному, во второмъ,—такое же оскорбленіе Болеслава со стороны воеводы Ярослава съ тѣми же послѣдствіями. Но въ первомъ разсказѣ видно какъ бы желаніе оправдать неудачу Святополка: его союзники Печенѣги, не могли дать ему помощи, поэтому онъ былъ разбитъ ¹⁾. Наоборотъ, во второмъ разсказѣ лѣтопись даже становится на защиту Болеслава противъ оскорбленія его воеводой Ярослава, осмѣивавшимъ толщину Болеслава: правда, говоритъ лѣтопись, Болеславъ былъ толстъ, за то уменъ. (При нашемъ теперешнемъ способѣ писанія мы бы поставили послѣ этой фразы многоточіе).

Разсказъ вообще сухъ и содержитъ мало эпическихъ подробностей.

¹⁾ Въ Новг. лѣт. этой подробности нѣтъ.

Разбитый Ярославъ самъ пять убѣгаетъ въ Новгородъ и собирается бѣжать еще дальше, за море, но его не пускаютъ Новгородцы, изсѣкаютъ его ладьи и собираютъ ему деньги для продолженія борьбы. Между тѣмъ Болеславъ со Святополкомъ занимаютъ Кіевъ, войско Болеслава разводять „на кормъ“ по городамъ; Скоро однако, по приказанію Святополка, Ляховъ избиваютъ, Болеславъ бѣжитъ изъ Кіева, но захватываетъ съ собою имѣніе и бояръ Ярослава, его сестеръ и много жество людей; съ нимъ бѣжитъ и курсунскій измѣнникъ Анастасъ; по дорогѣ Болеславъ захватываетъ Червенскіе города.

Еще Шайноха указывалъ на нѣкоторыя несообразности въ этомъ разсказѣ: такъ, лѣтопись заставляеть Болеслава бѣгствомъ спастись изъ Кіева, а между тѣмъ онъ успѣваетъ захватить множество людей и большія богатства; Шайноха пытается поэтому примирить эти извѣстія такимъ образомъ, что заставляеть Болеслава спокойно уйдти изъ Кіева, оставивъ въ Руси гарнизоны по городамъ, эти то гарнизоны и стали избивать по его уходѣ. Нечего и говорить, что такое объясненіе неудачно,—Болеславъ вовсе не имѣлъ и не могъ имѣть намѣренія завоевывать Руси, его походъ былъ просто дружеской помощью изгнанному зятю; дружина его была по городамъ, какъ ясно говоритъ лѣтопись, на кормъ; уйти съ частью только войска (гарнизоны предполагали бы оставленіе въ Руси значительной части войска) было не безопасно. Удачнѣе объясняетъ дѣло Карловичъ ¹⁾: онъ предполагаетъ, что на походъ Болеслава I лѣтопись перенесла дѣйствительную черту изъ похода Болеслава II объ избіеніи войска, такъ какъ Титмаръ ясно говоритъ, что Болеславъ *hilaris rediit*; вмѣстѣ съ тѣмъ Карловичъ изъ этого извѣстія Титмара выводитъ, что Болеславъ пробылъ въ Кіевѣ всего около мѣсяца, а не 10 мѣсяцевъ, какъ говоритъ Галль ²⁾; (наша лѣтопись не означаетъ количества времени, проведеннаго Болеславомъ въ Кіевѣ).

Съ этимъ можно было бы вполне согласиться, еслибы не одно обстоятельство: подъ 1043 годомъ лѣтопись говоритъ о бракѣ Казимира (такъ наз. Мниха или Реставратора) на сестрѣ Ярослава и прибавляетъ, что Казимиръ далъ при этомъ за вѣно Ярославу 800 душъ, „еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.“

1) Wyprawa Kijowska Bolesława.

2) Ибо Титмаръ умеръ въ концѣ 1018 г.

Так. обр. фактъ увода Болеславомъ значительнаго числа плѣнныхъ остается несомнѣннымъ. Его можно истолковать разнo. Или предположивъ, что эти плѣнники были Новгородцы, захваченные Болеславомъ въ несчастной для Ярослава битвѣ при р. Бугѣ, и потому Святополкъ не препятствовалъ Болеславу увести ихъ, какъ враговъ Руси кievской и своихъ; или можно принять извѣстiе Галла, что Болеславъ на возвратномъ пути еще разъ разбилъ Ярослава: тогда эти плѣнники могли быть захвачены въ этомъ 2-мъ сраженiи.

Разберемъ извѣстiя М. Галла.

Разсказъ М. Галла о походѣ Болеслава Храбраго въ Русь представляетъ, кажется намъ, одинъ изъ эпизодовъ эпическаго произведенiя, воспѣвавшаго подвиги этого короля—героя, эпизодъ ¹⁾, быть можетъ нѣсколько подновленный воспоминанiемъ о другомъ походѣ въ Русь—Болеслава II, Смѣлаго На первое указываютъ нѣкоторыя подробности сказочнаго характера, весьма понятнаго въ эпическомъ произведенiи (какъ напр. ударъ Болеслава въ кievскiя Золотыя Ворота ²⁾), въ этомъ насъ убѣждаетъ еще то, что количество легендарныхъ подробностей значительно увеличилось въ позднѣйшихъ источникахъ, такъ уже у Годислава ³⁾ мечъ Болеслава, которымъ онъ наноситъ ударъ въ Золотыя Ворота называется „щербецъ“, и передается преданiе, что онъ данъ Болеславу ангеломъ ⁴⁾. Что въ преданiи, переданномъ М.

) Cf. Karłowicz, Wyprawa Kijowska Bolesława, p. 24.

²⁾ На легендарный характеръ этой подробности особенно указываетъ Zeissberg, (Wurf und Hieb, въ Germania, ed. Pfeiffer) приводящiй массу аналогическихъ примѣровъ изъ полуполегендарныхъ эпохъ другихъ народовъ.

³⁾ М. Р. II, 483.

⁴⁾ Годиславъ прибавляетъ, что мечъ этотъ еще въ его время хранился въ казнохранилицѣ краковской церкви. Интересно, что Оад. Чацкiй въ концѣ прошлаго вѣка (1792 г.) видѣлъ въ краковскомъ казнохранилицѣ мечъ съ ущербомъ, но не по лезвию, а по срединѣ клинка; мечъ этотъ имѣлъ надпись, изъ которой видно, что онъ подаренъ Оттономъ III Болеславу Храброму (Naruszewicz, Hist. Nar. Polsk, т. II (ed. 1803) p. 338 пр.). Быть можетъ, дѣйствительное существованiе ущербленнаго меча и подало поводъ къ легендѣ о зарубкѣ Бо-

Галломъ, слиты оба Болеслава, на это указываетъ именно легенда о зарубкѣ на Золотыхъ Воротахъ, между тѣмъ какъ эти ворота во времена Болеслава I еще не существовали. Притомъ у М. Галла походъ Болеслава II въ Русь переданъ почти тѣми же словами, что и рассказъ о походѣ Болеслава I. А такое нарастаніе подробностей и слитіе во едино нѣсколькихъ лицъ, жившихъ разновременно, и составляетъ отличительную черту эпического произведенія ¹⁾.

М. Галль рассказываетъ о столкновеніи Польши съ Русью при Болеславѣ Храбромъ въ двухъ мѣстахъ первой книги своей хроники, — главахъ 7-й и 10-й. Заглавіе 7-й главы: „quomodo terram potenter Boleslavus Russiae intravit.“ М. Галль называетъ причину похода Болеслава въ Русь, — это желаніе смыть нанесенное ему русскимъ княземъ оскорбленіе отказомъ въ рукѣ дочери. Онъ входитъ въ Русь, рассеиваетъ, словно вѣтеръ пыль, вышедшихъ на встрѣчу Русскихъ и прямо, не останавливаясь для захвата городовъ или грабежа, идетъ на Кіевъ (nec statim cum hostili more civitates capiendo vel pecuniam congregando suum iter ritardavit). Между тѣмъ рус-

леслава на Золотыхъ Воротахъ. Годиславъ говоритъ, что мечъ этотъ носили передъ князьями польскими въ сраженіяхъ. Нарушевичъ гов., что имъ опоясывались польскіе князья при воцѣленіи. Вѣроятно, народная фантазія, стараясь объяснить происхожденіе ущерба на мечѣ, и придумала легенду о зарубкахъ Болеслава этимъ мечемъ на границахъ своихъ владѣній.

По мнѣнію г. Кентржинскаго (Przewodnik naukowy, 1880, III, p. 27) мѣсто Годислава о мечѣ щербцѣ есть приписка на поляхъ рукописи этой хроники. Намъ кажется, что такая приписка могла скорѣе принадлежать какому нибудь читателю, а не самому автору, какъ полагаетъ г. Кентржинскій.

¹⁾ Абель говоритъ: (см Zeissberg, Die Poln. Geschichtschr. des Mittel p. 83) „Es liegt nun einmal im Wesen der Tradition, dass sie im Gegensatze zu der Geschichte um so genauer und ausführlicher zu erzählen weiss, je weiter sie sich von der Zeit der betreffenden Personen und Ereignisse entfernt.“ Абель говоритъ это по поводу нарастанія подробностей въ церковной легендѣ, но это еще болѣе примѣнимо къ преданію, дошедшему въ пѣснѣ.

скій князь въ это время безопасно занимается ловлей рыбы и съ ужасомъ узнаеть о приближеніи Болеслава, чему долго не хочетъ вѣрить. Увѣрившись однако въ дѣйствительности близости Болеслава, бросаетъ уду и, произнеся самъ себѣ приговоръ за нерадивость, бѣжитъ. Болеславъ безпрепятственно занимаетъ богатый и огромный городъ; при вѣздѣ въ него онъ ударяетъ мечемъ въ Золотыя Ворота, сопровождая свой поступокъ аллегорическими словами по адресу русской княжны, въ рукѣ которой ему было отказано. 10 мѣсяцевъ пробывъ въ Киевѣ, постоянно посылая оттуда богатства въ Польшу, онъ на одиннадцатомъ мѣсяцѣ возвращается въ покинутую Польшу съ остальными захваченными богатствами, а въ Киевѣ садитъ своего родственника (*quendam sui generis*). Между тѣмъ бѣжавшій изъ Кіева русскій князь собираетъ помощь другихъ русскихъ князей, Половцевъ и Печенѣговъ, нападаетъ при р. Бугѣ на возвращающихся съ награбленными богатствами Поляковъ разчитывая на ихъ безопасность при триумфальномъ возвращеніи. Дѣйствительно, большая часть войска, безъ вѣдома короля, успѣла уже перейти рѣку. Однако Болеславъ ободряетъ то не многочисленное войско, которое съ нимъ осталось и наноситъ такое страшное пораженіе русскому войску, что, какъ рассказывали потомъ родственники убитыхъ, пришедшіе на поле брани, все поле было усѣяно трупами и залито кровью, а рѣка Бугъ перемѣнила свой цвѣтъ. Съ этого времени Русь стала на долго данницей Польши.

Въ 10 й главѣ (озаглавленной *de proeliis Boleslai cum Ruthenis*) рассказанъ эпизодъ о битвѣ Болеслава съ русскимъ войскомъ; цѣль рассказа правоучительная—показать превосходство скромности надъ заносчивостью.

Случилось однажды, что два князя,—Болеславъ польскій и князь русскій, зашли одинъ во владѣнія другаго и расположились лагеремъ на противоположныхъ берегахъ рѣки, каждый во владѣніяхъ врага. Узнавъ о близости врага и считая его въ своихъ рукахъ, русскій князь посылаетъ къ Болеславу высококомѣрно сказать, что тотъ окружень его войскомъ словно вепръ засадой. Въ томъ же духѣ отвѣчаетъ ему и Болеславъ. Слѣдующій день былъ праздникъ, а потому Болеславъ не хотѣлъ начинать сраженія; въ его лагерьъ происходить приготовленія къ празднику; между тѣмъ Русскіе съ другаго берега под-

дразнивали обозныхъ, приготовлявшихъ пищу; тогда тѣ схватываютъ оружіе воиновъ и перейдя рѣку удачно сражаются съ Русскими; это было въ полдень, когда Болеславъ съ войскомъ предавались сну. Схватившись отъ сна, воины Болеслава принимаютъ участіе въ битвѣ и доканчиваютъ поражение Русскихъ.

Мы уже указывали выше на вѣроятный источникъ разсказа М. Галла—народную пѣсню, подновленную позднѣйшими легендами и рационализмомъ автора.

Разсказъ о походѣ Болеслава въ Русь, состоитъ у М. Галла изъ 3-хъ эпизодовъ: побѣды надъ вышедшимъ при вступленіи въ Русь войскомъ, занятія Кіева и другой побѣды надъ русскимъ войскомъ при возвращеніи въ Польшу. Эпизодъ главы 10-й стоитъ совершенно отдѣльно отъ похода въ Русь.

Сравнивая эти подробности съ подробностями того же событія у Титмара и въ лѣтописи, легко замѣтить, что въ общемъ они сходны, но значительно разнятся въ частностяхъ. Эпизодъ главы 10-й, при сравненіи съ разсказомъ Титмара и лѣтописи о сраженіи при р. Бугѣ, оказывается съ ними тождественнымъ,—совершенно тѣже подробности, (расположеніе лагеремъ на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки, подразниваніе неприятельскаго войска, начало сраженія стычкой польскаго отряда съ русскимъ) только нѣсколько разукрашены съ цѣлью еще болѣе возвысить блескъ побѣды Болеслава.

Ходъ военныхъ событій у М. Галла: разбитіе войска русскаго на Бугѣ и послѣшное движеніе на Кіевъ, безъ остановки для захвата русскихъ городовъ—подтверждается изъ 2-хъ другихъ источниковъ ¹⁾. Извѣстіе о разбитіи русскаго войска на возвратномъ пути Болеслава изъ Руси въ Польшу находится у одного лишь М. Галла, но извѣстіе это довольно вѣроятно (умолчаніе объ этомъ Титмара понятно—онъ оставляетъ Болеслава въ Кіевѣ и только въ позднѣйшей припискѣ въ двухъ словахъ говоритъ о его возвращеніи; лѣтописное описаніе вообще весьма кратко). Между пораженіемъ Ярослава на Бугѣ и возвращеніемъ Болеслава въ Польшу прошло (какъ мы увидимъ дальше) болѣе 2 мѣсяцевъ, за которое время Ярославъ могъ собрать войско и съ нимъ попытаться отнять награбленное Болеславомъ.

¹⁾ Титмара и нашей лѣтописи.

Остальные подробности рассказа Галла частью легендарныя, указывающія на свой источник—пѣсню, частью рационалистическія, едва ли не всецѣло придуманныя авторомъ. Къ первымъ принадлежитъ ударъ въ Золотыя Ворота, при Болеславѣ I еще не существовавшій (на обрядовое, полу-миѳическое значеніе этого удара мы указывали выше). Едва ли не изъ пѣсни также взято извѣстіе, будто бы русскій князь ловилъ рыбу въ то время, какъ узналъ о приближеніи Болеслава.

Къ собственному рационализму автора принадлежатъ рѣчи и краски въ описаніи битвъ и занятія Кіева.

Кромѣ того на подробности описанія похода Болеслава I у М. Галла повліяли еще болѣе ему извѣстныя подробности похода на Русь Болеслава II, которыя онъ и перенесъ на этотъ первый походъ.

М. Галль заставляетъ Болеслава пробыть въ Кіевѣ 10 мѣсяцевъ; лѣтопись наша не опредѣляетъ времени, проведеннаго Болеславомъ въ Кіевѣ, Титмаръ хотя тоже объ этомъ ничего не говоритъ, но онъ знаетъ о возвращеніи Болеслава въ Польшу, и на этомъ основаніи Карловичъ совершенно справедливо выводитъ, что пребываніе Болеслава въ Кіевѣ продолжалось лишь нѣсколько недѣль. Подтверждаетъ это и одинъ изъ нашихъ списковъ лѣтописи, правда довольно поздній—по Архангел. лѣтописи пребываніе Болеслава въ Кіевѣ продолжалось всего 1 мѣсяць

Резюмируя все предъидущее, мы получимъ слѣд. выводы:

1) Единственными источниками, разсказу которыхъ о борьбѣ между Ярославомъ и Святополкомъ мы можемъ довѣрять, являются Титмаръ, наша лѣтопись и (отчасти) М. Галль.

2) Источниками свѣденій данныхъ событій у этихъ писателей были: у Титмара—разсказы саксонскихъ воиновъ, помогавшихъ Болеславу; у нашей лѣтописи—устное преданіе кіевского дружиннаго происхожденія и, кажется, пѣсня или былина, происхожденія новгородскаго; у Мартына Галла—эпическое произведеніе, современное событіе, но сильно пострадавшее отъ позднѣйшихъ наростовъ и отъ риторизма автора этой древнѣйшей польской хроники.

3) Ходъ событій намъ представляется въ слѣд. видѣ: помогая Святополку, Болеславъ съ польскимъ войскомъ, германской, венгерской и печенѣжской помощью идетъ въ Русь; на встрѣчу ему выходитъ Ярославъ; сраженіе происходитъ при р. Бугѣ (подробности сраже-

нія согласно рассказаны во всѣхъ 3 источникахъ); Ярославъ разбитъ на голову и бѣжить въ Новгородъ, взявъ, кажется, на щитъ какой то городъ по дорогѣ (б. м. Туровъ); Болеславъ со Святополкомъ идутъ на Кіевъ, не встрѣчая значительнаго сопротивленія на дорогѣ; впередъ на Кіевъ высылаются Печенѣги, которымъ однако Кіевляне даютъ энергической отпоръ и открываютъ ворота только по приходѣ Святополка и Болеслава. Въ Кіевѣ Болеславъ пробылъ не долго (нѣсколько недѣль); на возвратномъ пути въ Польшу, кажется, произошло снова столкновение съ Ярославомъ, который снова былъ разбитъ (плѣнники, несомнѣнно уведенные Болеславомъ въ Польшу, могли быть захвачены въ этомъ походѣ). Въ вознагражденіе за помощь Болеславу вѣроятно были уступлены Червенскіе города.

4) Что касается до истиннаго смысла похода Болеслава, то онъ, повидимому, имѣлъ исключительно характеръ дружеской услуги родственнику (Святополкъ былъ женатъ на дочери Болеслава), а вовсе не былъ послѣднимъ звеномъ въ панславистическихъ попыткахъ Болеслава. Что Руси онъ не думалъ (прибавимъ, и не могъ) завоевать, это доказывается: 1) краткостью его пребыванія въ Кіевѣ, откуда онъ не предпринималъ дальнѣйшихъ походовъ. 2) Тѣмъ, что занявъ Кіевъ и посадивъ тамъ Святополка, Болеславъ, очевидно, считалъ свою миссію оконченною, ибо тотчасъ же по занятію Кіева онъ отсылаетъ домой германскую и венгерскую помощь. 3) Отсутствіемъ среди населенія южной Руси энергическаго сопротивленія Болеславу; очевидно его приходъ понимали лишь какъ помощь въ восстановленіи Святополка 1).

Стольновеніе Руси съ Польшей при Болеславѣ Храбромъ кончилось однако не совсѣмъ удачно для первой: она потеряла недавно добытые Червенскіе города. Но уже спустя очень короткое время видимъ

1) Упомянемъ еще, впрочемъ скорѣе ради курьеза, объ оригинальномъ мнѣніи г. Стрончинскаго (см. Толстой, Монеты Др. Кіевск. Княж. р. 216) по поводу монетъ съ именемъ Болеслава, вычеканеннымъ кириллицей. Г. Стрончинскій предполагаетъ, что Болеславъ могъ начеканить такихъ монетъ для кіевской Руси, которую собирался воевать. Почтенному ученому неслало бы однако вспомнить что золото и серебро имѣютъ цѣнность, какаю бы на нихъ ни была чеканка.

попытка Ярослава вернуть потерянную область; подъ 1028 г. (Ип. 102) встрѣчаемъ глухое извѣстіе о походѣ Ярослава къ Берестью ¹⁾, (Берестье было пограничнымъ городомъ Руси и Польши), но походъ этотъ былъ приостановленъ извѣстіемъ о появленіи брата Ярослава, Мстислава, съ Козарами и Касогами въ предѣлахъ южной Руси. Нѣсколько лѣтъ проходитъ въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ, пока наконецъ отношенія между братьями не уладились раздѣленіемъ Руси на 2 части по теченію Днѣпра, при чемъ Ярославу досталась вся сторона Руси по правому берегу его (Ип. 104—105). Примиреніе съ братомъ дало Ярославу возможность снова попытаться вернуть Червенскіе города. Состояніе польскихъ дѣлъ облегчило Ярославу это завоеваніе.

Со смертью Болеслава ²⁾ наступають тяжелія времена для Польши. Съ одной стороны сосѣднія государства пытаются оттянуть у нея завоеванія Болеслава, съ другой внутри самой Польши начинаются междоусобія сыновей Болеслава и сильная реакція старыхъ порядковъ и симпатій — сепаратическихъ стремленій отдѣльныхъ областей и язычества ³⁾.

Преемникомъ себѣ Болеславъ назначилъ не старшаго сына Бесприма, а средняго Мѣшка. Это было причиной междоусобія, наступив-

¹⁾ Въ Новг. I походъ въ Берестью отнесенъ къ 1017, но это извѣстіе относится къ первому столкновенію Ярослава съ Болеславомъ на Бугѣ.

²⁾ Наша лѣтопись относитъ смерть Болеслава къ 1030 г. и говоритъ о послѣдовавшемъ за его смертью мятежѣ въ Польшѣ (Ип. 105 „Все же время умершю Болеславу Великому въ Ляхѣхъ, и бысть мятежь великъ въ Лядской земли: и вѣставше люде и избыша епископы и попы, и бояры своя, и бысть мятежь въ нихъ). И то и другое не вѣрно: Болеславъ умеръ въ 1025 г. (объ этомъ согласно свидѣлствуютъ многіе анналы: Ann. S. Crucis, M. P. II, 773, Ann. Crac. M. P. II, 794 и пр. cf. Roepell, Gesch. Polens, I p. 163). Народныя же волненія въ Польшѣ произошли по смерти Мѣшка II, сына Болеслава, хотя реакціонное броженіе происходило во все время правленія Мѣшка.

³⁾ Періодъ отъ смерти Болеслава до возвращенія Казимира въ Польшу (1025—1039 или 1040), не смотря на глубокой интересъ, который онъ представляетъ, къ сожалѣнію не можетъ быть основательно

шаго послѣ смерти Болеслава. Беспримъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Оттономъ ¹⁾, опираясь, какъ кажется, на языческой реакціи ²⁾, начинаютъ борьбу противъ Мѣшка. Въ эту борьбу они увлекаютъ Императора, Венгрію и, какъ кажется, нашу Русь.

Въ началѣ Мѣшку удалось справиться съ возстаніемъ: по свидѣтельству Випона ³⁾ онъ прогналъ Бесприма въ Русь (*in Ruzziam provinciam repulit*); ⁴⁾ очень возможно, что походъ Ярослава къ Бельзу 1030 г. находился въ связи съ бѣгствомъ Бесприма въ Русь. Но если этотъ походъ былъ предпринятъ Ярославомъ въ пользу Бесприма, то помощь эта не удалась, ибо Беспримъ отправляется съ просьбой о помощи противъ Мѣшка къ императору Конраду ⁵⁾. Императоръ, какъ разъ передъ этимъ (1029) совершившій неудачный

объясляванъ, т. е. въ источникахъ сохранились лишь глухіе намеки на состояніе Польши этого періода.

1) Roepell предполагалъ, что Беспримъ и Оттонъ одно лице (I, p. 164. пр. 2), но что это были 2 различныхъ лица, доказываетъ Lewicki, Mieszko II. (Rozprawy wyd. ist. filoz. Akad. Umiētn. 1876, V).

2) Lewicki, l. c. Szajnocha, Boleslaw Chrobry, 226 наоборотъ считаетъ Мѣшка представителемъ народнаго начала.

3) Vita Chuonradi imperatoris, M. G. SS. XI p. 264, 269. Випонъ наз. изгнаннаго брата Мѣшка Оттономъ, но см. Lewicki l. c.

4) Нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ предполагать, какъ это дѣлаетъ Белевскій (Wstęp krytyczny, p. 529), чтобы здѣсь подъ Ruzzia понималась Русь словацкая (при-карпатская), и что будто Беспримъ имѣлъ въ ней удѣль. (Roepell I, 165 пр. 3 предполагаетъ, что Беспримъ бѣжалъ въ Венгрію; онъ напоминаетъ, что Эммерихъ (Гейнрихъ), сынъ короля венгерскаго Стефана Святаго, наз. въ Annales Hildesh. rex Ruizorum.). Основательный разборъ гипотезы Белевскаго см. у Левинцаго, l. c. dodatek № III.

5) Misico dum fratrem suum Ottonem persequeretur, expulerat eum in Ruzziam. Dum ibi aliquantum tempus miserabiliter viveret, coepit rogare gratiam imperatoris Chuonradi ut ipso impetrante et iuvante restitueretur patriae suae. Quod dum imperator facere vellet, decrevit ut ipse cum copiis ex una parte, ex altera frater Otto Misiconem aggredierentur. Vipo., Vita Chuonradi, c. 29 (M. G. SS. XI, p. 260).

походъ на Польшу и готовившійся отомстить Мѣшку за его опустошительный набѣгъ на пограничныя германскія области (1030), условился съ Беспримомъ напасть на Мѣшка съ двухъ сторонъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что занятіе Червенскихъ городовъ Ярославомъ и Мстиславомъ описано въ нашей лѣтописи подъ 1031 г., при чемъ русскіе князья не ограничились однимъ присоединеніемъ при Карпатской области, а заходили въ глубь Польши ¹⁾, то предположеніе Левицкаго, что сыновья Владимира дѣйствовали въ данномъ случаѣ сообща съ Беспримомъ и Конрадомъ, становится весьма вѣроятнымъ.

Мѣшко не могъ выдержать грозы, налегавшей на него съ двухъ сторонъ, и долженъ былъ бѣжать ²⁾. Престоль занялъ Беспримъ, по

¹⁾ Ип. 105. Влѣто 6539. Ярославъ и Мстиславъ собраста воя многа и идоста на Ляховъ, и заяста грады Червеньская опять и повоеваста Лядскую землю, и многы Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посади Ярославъ своя по Роси, и суть и до сего дне.

Въ походѣ на Ляховъ Ярославу помогалъ Гаральдъ Прекрасно-волосый, бѣжавшій въ Русь послѣ стиккелестадской битвы, въ которой былъ убитъ его братъ, Олафъ; см. Васильевскій, Варяго-русс. и вар.-англ. дружины въ Константинополѣ, Ж. М. Н. П. 1875, февраль, р. 424.

²⁾ Источники нѣсколько разнo говорятъ объ исходѣ дѣла: по Ann. Hildesh, (ad. an. 1031) въ которыхъ впрочемъ все дѣло рассказано весьма кратко, Мѣшко долженъ былъ заключить съ Конрадомъ миръ, по которому уступилъ ему лужицкую марку и отнятую раньше добычу, но черезъ мѣсяцъ бѣжалъ предъ внезапнымъ нападеніемъ брата Бесприма. Vipo (Vita Chuonradi, с. 39) ничего не говоритъ о мирѣ, а заставляетъ Мѣшка бѣжать подъ напоромъ непріятели съ двухъ сторонъ, Левицкій (Mieszko II) представляетъ себѣ вышеизложенныя въ текстѣ событія нѣсколько иначе. По его мнѣнію, изгнанный изъ Польши Мѣшкомъ Беспримъ бѣжалъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Оттономъ, въ Русь, отсюда Отгонъ отправился къ императору, а Беспримъ остался на Руси. Когда императоръ воевалъ съ Венгріей, Ярославъ въ соглашеніи съ нимъ занялъ Белзь, отвлекая Мѣшка отъ помощи Венгріи;

весьма скоро погибъ отъ руки убійцы. Тогда въ Польшу снова вернулся Мѣшко, гдѣ скоро и умеръ (1034 г.).

Со смертыс Мѣшка старыя симпатіи, прорывавшіяся, какъ кажется, въ продолженіе всего его правленія, одержали наконецъ рѣшительный верхъ надъ тѣми чуждыми старой Польшѣ элементами, которые были внесены въ нее Мечиславомъ I и Болеславомъ Храбрымъ. Жена Мѣшка II, нѣмецкая принцесса, должна была бѣжать, за нею былъ скоро изгнанъ и сынъ Мѣшка, Казимиръ.

Событія, наступившія въ Польшѣ послѣ изгнанія Казимира, извѣстны намъ только по глухимъ намекамъ источниковъ; несомнѣнно однако то, что они имѣли характеръ реакціи старыхъ порядковъ—язычества и повидимому возвращенія къ прежнему общинному строю. Существенной стороною народнаго возстанія въ Польшѣ была реакція язычества противъ христіанства. Что эта реакція отличалась значительнымъ напряженіемъ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстія о ней сохранились въ такихъ чужеземныхъ источникахъ, которые упоминаютъ о польскихъ дѣлахъ только при случаѣ непосредственнаго столкновенія Польши съ ихъ государствами (Косма Пражскій, наша лѣтопись, житіе Θεодосія, житіе Моисея Угрина, Chronogr. Saxo).

Но какъ часто бываетъ при народныхъ возстаніяхъ, реакція не ограничилась нападеніемъ на одну сторону соціального порядка, а захватила весь общественный строй;—это была вмѣстѣ и реакція противъ тѣхъ нововведеній, которыя внесли въ Польшу сближеніе съ германскимъ западомъ, и въ тоже время (какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые) еще болѣе глубокая соціальная вспышка—возстаніе кметовъ и рабовъ¹⁾. Въ тоже время ожили и старыя общинныя симпатіи: отдѣльныя области стараются вернуть прежнюю самостоятельность и возстановить у себя древній общинный строй съ выборнымъ представителемъ.

когда же Конрадъ помирился со Стефаномъ Венгерскимъ, Ярославъ и Мстиславъ вмѣстѣ съ Беспримомъ заняли Червенскіе города. Когда же Мѣшко примирился съ Конрадомъ, братья Мѣшка, оставшіеся на границахъ Польши, явились вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ въ Польшу, нашли здѣсь поддержку, а Мѣшко долженъ былъ бѣжать.

¹⁾ Roepell, Gesch, Polens I, 175.

Однако реакціи не удалось достигнуть своей цѣли—возстановленія старыхъ порядковъ, потому ли, что старый строй потерялъ всякую живучесть, или же по какимъ другимъ причинамъ, трудно рѣшить. Несомнѣнно то однако, что чужая помощь рѣшительно помогла побѣдѣ новыхъ порядковъ надъ ожившими съ такой силой старыми. Не малую помощь польскому правительству въ его стараніяхъ справиться съ возстаніемъ оказала Русь.

Съ германской помощью вернулся Казимиръ въ Польшу; здѣсь онъ встрѣтилъ поддержку со стороны приверженцевъ новыхъ порядковъ. Но не такъ легко было справиться съ Мазовіей; возстаніе приняло тамъ угрожающіе размѣры; въ Мазовію бѣжали изъ другихъ польскихъ областей приверженцы старыхъ порядковъ; какой то Моиславъ, чело-вѣкъ незнатнаго происхожденія, былъ тамъ избранъ въ князя, на помощь были призваны Поморяне, Пруссы и Литовцы. Казимиръ одинъ не былъ въ состояніи справиться съ такимъ обширнымъ возстаніемъ, и вотъ мы видимъ что онъ обращается за помощью въ Русь къ Ярославу и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ у него руки его сестры ¹⁾.

Вѣроятно, Червенскіе города были тогда же окончательно утверждены Казимиромъ за Русью, иначе трудно понять политику Ярослава; для него прямой интересъ былъ поддерживать Мазовецкое возстаніе и распаденіе Польши на нѣсколько мелкихъ удѣловъ, такъ какъ усиленіе Польши не могло быть на руку русскому князю, имѣвшему съ нею нѣкоторые счеты и главнымъ образомъ неоконченный еще споръ за Червенскіе города; но вѣроятно Ярославъ рассчитывалъ, что въ случаѣ неудачи возстанія ему все равно придется вести борьбу съ Казимиромъ за Червенскую область, и поэтому то онъ такъ охотно и отделился на просьбу Казимира о помощи. Мазовецкое возстаніе было настолько сильно, что борьба съ нимъ продолжалась нѣсколько лѣтъ ²⁾.

Подчиненіе Мазовіи Польшѣ при помощи Руси имѣло большое значеніе для обѣихъ странъ и для ихъ взаимныхъ отношеній. Благо-

¹⁾ См. выше главу о бракахъ.

²⁾ Въ Ип. лѣтописи первый походъ Ярослава на Мазовію отнесень къ 1041 (Ип. 108), а окончательное покореніе Мазовіи къ 1047. (Ип. 109. В лѣто 6555 Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и

даря содѣйствию Руси, польское правительство справилось съ сепаратическими стремленіями отдѣльныхъ областей, и Польша на цѣлое столѣтіе сохранила свое единство. Съ своей стороны Русь почти на два столѣтія сохранила безспорное обладаніе Червенскими городами, на которые Польша почти до XIII в. не предъявляла никакихъ претензій. Казимиръ и Ярославъ скрѣпили союзъ бракомъ—Казимиръ женился на сестрѣ Ярослава, Маріи ¹⁾, при чемъ лѣтопись сообщаетъ весьма интересную подробность о возвращеніи Казимиромъ Ярославу за вѣно 800 русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ еще Болеславомъ Храбрымъ при возвращеніи его изъ Руси. Такимъ обр. эти плѣнные прожили около 25 л. въ Польшѣ.

Сближеніе Руси съ Польшей при Ярославѣ имѣло вѣроятно послѣдствіемъ и болѣе оживленныя культурныя сношенія обѣихъ странъ,

князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру.). Другія лѣтописи говорятъ даже о 3 походахъ Ярослава на Мазовшанъ; Ник. (П. С. Л. IX, стр. 82) относитъ второй походъ Ярослава на Мазовію къ 1043, а 3-ій къ 1047. (тоже въ Соф. I (П. С. Л. V) и Воскрес.). Что касается польскихъ писателей, то Март. Галль вовсе не говоритъ о помощи Ярослава Казимиру; Кадлубекъ (Mon. Pol. II, 285) даже говоритъ о помощи Русскихъ Мазовіи (*quatuor Maritimorum acies, totidem Geticas, nec non Dacorum ac Ruthenorum larga asciscens suffragia* (Моиславъ); но здѣсь, кажется, Rutheni стоитъ вм. Prutheni; Годиславъ поставилъ и Rutheni и Prutheni (*Dacosque, seu Pruthenos et Ruthenos sibi in auxilium contra Kazimirum invocavit*); побѣжденный Моиславъ по Годиславу бѣжить ad Pruthenos, которые его однако вѣшаютъ, тоже говоритъ и Кадлубекъ; болѣе согласно съ нашей лѣтописью о гибели Моислава въ сраженіи говоритъ Март. Галль (*Meczslawo perempto, l. I, c. 20*). Kron. Książąt polsk. (Mon. Pol. III, 447). Prutheni, по Kr. Pol. (M. P. III, 621)—Rutheni; cf. Roepell, Gesch. Polens. I, p. 183, пр. 12.

Ни одинъ изъ этихъ источниковъ не упоминаетъ о помощи Ярослава Казимиру. Нѣтъ въ этихъ источникахъ и хронологическихъ датъ для описанныхъ событій.

¹⁾ Марія была старше Казимира; послѣдній род. 1016 г. (Ann. s. Crucis, M. Pol. II, 773, Ann. Cap. Crac. ib. 793), между тѣмъ какъ жена Владимира, Анна, умерла въ 1011 г.; быть можетъ однако Вла-

хотя судить о них мы не можем за отсутствием данных. Источники не сохранили намъ никакихъ извѣстій о послѣдующихъ отношеніяхъ между Русью и Польшей за остальное время княженія Ярослава и первое время Изяслава. Дѣла польскія послѣ подчиненія Мазовіи и до самой смерти Казимира (1058) очень мало извѣстны; вѣроятно Казимиръ долженъ былъ заняться устройствомъ внутренняго порядка страны, расшатаннаго долгой анархіей.

Не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій объ отношеніяхъ Руси къ Польшѣ и въ началѣ княженія Болеслава Смѣлаго.

Время Болеслава Смѣлаго представляетъ, по сознанію польскихъ историковъ, до сихъ поръ еще загадку. Самая личность этого правителя Польши является передъ нами въ двойномъ свѣтѣ: съ одной стороны источники рисуютъ намъ Болеслава храбрымъ, энергичнымъ, милостивымъ, щедрымъ княземъ, оставившимъ даже за собою въ народной памяти эпитетъ щедраго (*Largus* (М. Галль); съ другой стороны его же представляютъ суровымъ, жестокимъ, деспотичнымъ, мстительнымъ и неукротимымъ въ гнѣвѣ, вмѣстилищемъ всѣхъ пороковъ, позорящихъ человѣка. Многіе источники пренаивно соединили вмѣстѣ оба отзыва о Болеславѣ и готовы поэтому признать его обезумѣвшимъ въ концѣ жизни (*Kr. ks. polsk. M. P. III, 450*). Но подобные противоположные отзывы ясно указываютъ на разные источники, изъ которыхъ они идутъ. Несомнѣно, что въ отзывахъ о Болеславѣ мы имѣемъ дѣло съ народнымъ преданіемъ, благопріятнымъ къ нему и съ преданіемъ церковнымъ, ненавидѣвшимъ Болеслава за его острия отношенія къ церкви, закончившіяся, какъ мы знаемъ однако, побѣдой послѣдней. Но то, что мы можемъ опредѣлить источники различныхъ характеристикъ Болеслава, еще не объясняетъ намъ всей его эпохи, ибо съ одной стороны туземныхъ источниковъ, современныхъ Болеславу, мы не имѣемъ, съ другой—церковная легенда (особенно послѣ канонизаціи въ XIII в. убитаго Болеславомъ епископа Станислава) вытѣснила

димиръ былъ еще разъ женатъ по смерти Анны (Титмаръ упоминаетъ о мачихѣ Ярослава въ Кіевѣ), но и тогда ко времени брака (1043) ей было около 30 л.; см. главу о бракахъ.

свѣтскую легенду о немъ. Несомнѣнно однако, кажется, что реакція противъ новыхъ порядковъ, начавшаяся при Казимирѣ, продолжалась и при Болеславѣ, но соединенныя усилія шляхетства и духовенства одержали побѣду и надъ нею и надъ княжескою властью, видимому, искавшей опоры въ народѣ противъ возрастающаго могущества этихъ двухъ status in statu.

Наступившія на Руси въ срединѣ правленія Болеслава Смѣлаго обстоятельства дали ему поводъ непосредственно вмѣшаться въ русскія дѣла.

Вскорѣ по смерти Ярослава на южныхъ границахъ Руси, раздѣленной между его сыновьями, появился новый опасный врагъ въ лицѣ кочевниковъ—Половцевъ¹⁾. Попытавъ сначала силу русскихъ князей въ небольшихъ съ ними стычкахъ, Половцы явились въ началѣ 1068 году въ огромномъ количествѣ на границахъ Переяславскаго княжества. Соединенныя ополченія Всеволода, Переяславскаго князя, Святослава Черниговскаго и Изяслава Кіевскаго были на голову разбиты, Изяславъ бѣжалъ въ Кіевъ, но встрѣтилъ здѣсь цѣлое народное возстаніе, съ которымъ не могъ справиться, и бѣжалъ въ Польшу, Болеславъ охотно взялся помочь родственнику (за Изяславомъ были тетка Болеслава). Намъ неизвѣстны условія, на которыхъ состоялась помощь Болеслава, но, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые намеки источниковъ даютъ право думать, что Изяславъ могъ обѣщать Болеславу уступку Червенскихъ городовъ.

Помощь Болеслава оказалась дѣйствительной. Кіевская рать вышла было со Всеславомъ, полоцкимъ княземъ, котораго Кіевляне

¹⁾ Подъ 1061 г. лѣтопись гов. „Придоша Половцы *первое* на русскую землю“ (Лавр. 159); но раньше, подъ 1054 г. она уже вспоминаетъ о приходѣ Половцевъ съ Балусемъ, съ которымъ Всеволодъ заключилъ миръ, почему на этотъ разъ Половцы и удалились спокойно. Очевидно, лѣтописецъ встрѣтилъ двѣ самостоятельныя записки о приходѣ Половцевъ и обѣ ихъ внесъ такъ, какъ онѣ были написаны.

провозгласили своимъ княземъ по изгнаніи Изяслава, къ Бѣлгороду но Всеславъ покинулъ Кіевлянъ. Извѣстно затѣмъ, какъ Кіевляне посылали къ братьямъ Изяслава съ просьбою защитить ихъ, какъ Изяславъ выслалъ напередъ сына Мстислава въ Кіевъ, обѣщая братьямъ не губить роднаго города, какъ Мстиславъ жестоко отплатилъ Кіевлянамъ, и какъ наконецъ явился въ Кіевъ Изяславъ съ Болеславомъ и размѣстилъ помогавшихъ ему Ляховъ на покормъ. Въ Кіевѣ Болеславъ пробылъ довольно долго (ок. 10 мѣсяцевъ) ¹⁾, но, какъ кажется, польскіе гости начали слишкомъ хозяйничать на Руси, что повело къ ихъ избіенію, и Болеславъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Кіева.

Такъ разказываетъ намъ эти событія наша лѣтопись (Лавр. 168—189). Въ подробностяхъ помощи Болеслава Изяславу мы и можемъ вѣрить лишь ей: ея расказъ простъ, точенъ часто до такихъ подробностей, какъ указаніе чиселъ происшествій (Всеславъ провозглашенъ княземъ 15 сентября 1068 г., пробылъ Кіевскимъ княземъ 7 мѣсяцевъ

¹⁾ Сколько времени провелъ Болеславъ въ Кіевѣ, не опредѣляетъ ни наша лѣтопись, ни М. Галль. Карловичъ (Wurghawa Kijowska Bolesława) справедливо доказываетъ, что подробность о 10 мѣсячномъ пребываніи въ Кіевѣ Болеслава Храбраго М. Галль перенесъ съ похода Болеслава Смѣлаго на походъ Болеслава I, т. е. Болеславъ Храбрый лишь нѣсколько недѣль пробылъ въ Кіевѣ. О долгомъ пребываніи Болеслава Смѣлаго въ Кіевѣ говоритъ и Длугошъ (I. Ш, р. 266;—Поляки провели въ Кіевѣ лѣто, осень и зиму). Причина удаленія Поляковъ изъ Кіева,—начавшееся избіеніе ихъ русскихъ населеніемъ (мы уже выше указывали, что избіеніе Поляковъ, которое лѣтопись относитъ къ походу обоихъ Болеславовъ, принадлежитъ лишь событіямъ похода Болеслава Смѣлаго). Длугошъ (I. Ш. р. 287) приводитъ другую причину—извѣстіе изъ Польши о невѣрности женъ и союзѣ ихъ съ рабами (впрочемъ у Длугоша, у котораго Болеславъ нѣсколько разъ занимаетъ Кіевъ, Поляки бѣгутъ изъ Кіева послѣ вторичнаго его занятія). Извѣстія этого у М. Галла не находимъ, первый передаетъ его Кадлубекъ (I. II, с. 18), но безъ хронологическаго обозначенія (rege siquidem perditissime nunc Ruthenicis, nunc paene transpar

(Карамзинъ II, пр. 122 вычисляеть 7 м. и 16 дней, т. к. Болеславъ и Изяславъ заняли Кіевъ 2 мая; но лѣтопись очевидно точнѣе—ибо нужно же было время на прибытіе изъ Бѣлгорода въ Кіевъ сначала Мстислава, потомъ Болеслава съ Изяславомъ; очевидно, лѣтопись считаетъ правленіе Всеслава по день его бѣгства изъ подъ Бѣлгорода; это доказываетъ только то, что лѣтописецъ имѣлъ подъ руками краткія замѣтки объ описываемомъ періодѣ). Уже Репель (*Gesch. Polens I, 193, пр. 8*) замѣчаетъ, что извѣстія М. Галла и Кадлубка о походѣ Болеслава II въ Русь носятъ на себѣ характеръ отрывочныхъ народныхъ преданій и имѣютъ цѣну лишь какъ таковыя. Такъ М. Галль (весьма кратко рассказывающій о походѣ Болеслава II на Кіевъ (I, I, с. 23) съ одной стороны почти дословно повторяеть подробности занятія Кіева Болеславомъ Храбрымъ (посаженіе на Кіевскомъ столѣ родственника и ударъ въ золотыя ворота), съ другой прибавляетъ такую эпическую подробность, какъ поцалуй, данный Болеславомъ русскому князю, за который послѣдній долженъ былъ уплатить Болеславу столько марокъ золота, сколько приходилось шаговъ отъ лагеря Болеслава до мѣста встрѣчи (*pacis osculum ob reverentiam suae gentis*). При этомъ Болеславъ цалуетъ русскаго князя, не сходя съ коня и потрясаетъ его за бороду (на символическое значеніе послѣдней подробности, какъ знака принятія подъ покровительство, ука-

tanis immorante regionibus); послѣдней фразой Кадлубка воспользовался Годиславъ, который рассказываетъ о возмущеніи польскихъ рабовъ непосредственно послѣ похода Болеслава на Поморьянъ, прибавляя, что король съ рыцарствомъ, находясь въ непрерывныхъ походахъ, 7 лѣтъ не были дома. (с. 13; М. Р. II, р. 488); Длугошъ, съ пышнымъ рассказомъ котораго о побѣдахъ Болеслава на Руси не вязалось извѣстіе объ избіеніи Ляховъ въ Кіевѣ, заставляетъ уже Поляковъ быстро и внезапно оставить Кіевъ подъ вліяніемъ слуховъ о невѣрности ихъ женъ. Стонер (р. 60 изд. 1568) прибавляетъ, что Болеславъ быстро за ними послѣдовалъ, боясь, чтобы Русскіе не воспользовались малочисленностію оставшихся и не избіили ихъ. Ясно, что и Длугошу и Кромеру было извѣстно мѣсто нашей лѣтописи объ избіеніи Ляховъ, и они не ловко постарались скрыть это бѣдственное польскому войску событіе.

зываетъ Шайноха въ статьѣ о Iazni Boleslawa Chrobrego (Szkice hist. II, p. 248). Кадлубекъ (I. 2 с. 18) только повторяетъ М. Галла. Страненъ разсказъ Годислава (с. 13): желая возстановить предѣлы Польши, Болеславъ идетъ на Кіевъ, побѣждаетъ во многихъ сраженіяхъ русскихъ князей, осаждаетъ Кіевъ, Кіевляне сдаются на его милость; отсюда онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ воюетъ другія Русскія области (*ad alios fines Russiae se transtulit*), завладѣваетъ другими городами, побѣждаетъ и убиваетъ въ сраженіи русскаго князя и сажаетъ въ Кіевѣ одного изъ своихъ вельможъ (*quendam ex suis nobilibus*). Кажется, есть возможность объяснить происхожденіе разсказа Годислава: сравнивая его разсказъ о походѣ Болеслава II на Кіевъ съ разсказами о томъ же М. Галла и Кадлубка, мы замѣчаемъ, что Годиславъ воспользовался только разсказомъ послѣдняго; Кадлубекъ не называетъ посаженнаго въ Кіевѣ князя родственникомъ Болеславу, какъ стоитъ у Мартына Галла (*quendam sui generis*), а только *quendam sui suffraganeum*; Годиславъ—*quendam ex suis nobilibus*. Подробность о пораженіи и гибели въ сраженіи русскаго князя, (чего нѣтъ ни у М. Галла, ни у Кадлубка), можно, кажется, объяснить слѣдующимъ образомъ: въ разныхъ, дошедшихъ до насъ, польскихъ анналахъ мы находимъ подъ 1078 извѣстіе о гибели въ сраженіи русскаго князя; такъ въ *Roczn. kar. krak.* (М. Р. II, 795): *A. 1078 Rex Ruthenorum in proelio interfectus est*; въ *R. Sędziwoja* (дошедшемъ до насъ въ спискѣ XV в. и потерпѣвшемъ отъ поправокъ переписчика (М. Р. II 871) уже стоитъ: *A. 1078. Rex Ruthenorum in proelio per Polonos interfectus est*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ объ Изяславѣ, хорошо извѣстномъ въ Польшѣ, куда онъ нѣсколько разъ бѣгалъ и съ княземъ которой находился въ родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ; занесеніе времени его смерти въ анналы поэтому вполне естественно. Изяславъ дѣйствительно палъ въ сраженіи на Нѣжатиной нивѣ съ Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ въ 1078 г. (Ип. 141) Годиславъ, подобно переписчику *Roczn. Sędziwoja*, встрѣтивъ въ анналахъ одно лишь глухое извѣстіе о гибели русскаго князя въ сраженіи, отнесъ его смерть ко времени похода Болеслава на Кіевъ. Остальныя подробности разсказа Годислава представляютъ пустой, совершенно уже безпочвенный раціонализмъ.

Остановимся нѣсколько на разсказѣ Длугоша.

Вначалѣ разсказъ идетъ совершенно согласно съ нашей лѣтописью (за исключеніемъ ошибочной подробности о помощи Всеславу Валаховъ (?); Кіевляне выходятъ Болеславу и Изяславу на встрѣчу *ad septimum lapidem*; Изяславъ оставляетъ Болеслава въ Кіевѣ, а самъ идетъ на Всеслава. Въ Кіевѣ Болеславъ проводитъ лѣто, осень и зиму (отмѣтимъ, что въ разсказѣ объ этомъ первомъ занятіи Кіева нѣтъ ни слова ни объ ударѣ въ золотыя ворота, ни объ избіеніи Ляховъ). Изъ Кіева Болеславъ идетъ на Перемышль, беретъ укрѣпленія по Сану и осаждастъ Перемышль; слѣдуетъ длинное описаніе осады: цѣлое лѣто Болеславъ облегаеъ этотъ городъ, пока наконецъ жители, изнемогши отъ голода и жажды, не сдають города. Оставивъ гарнизонъ въ Перемышлѣ, Болеславъ идетъ на Соломона Венгерскаго. Между тѣмъ Изяславъ, изгнанный изъ Кіева братьями, бѣжитъ опять къ Болеславу за помощью, Болеславъ изъ Перемышля направляется въ Холмскую землю (*in terram Chelmensem (?) quae prius Wladimiriensis vocabatur, nunc, utroque nomine abrogato, Lucensis appellatur, divertit*). Главные города ея были Волынь, Владимиръ и Холмъ (?). Нѣкоторые города сдаются Болеславу добровольно, другіе онъ завоевываеъ. Осада Волыни длится 5 мѣсяцевъ, наконецъ жители сдаются на льготныхъ условіяхъ, при чемъ Болеславъ даетъ имъ 2000 марокъ. Тутъ было князь Всеволодъ пытался вступить въ бой съ Болеславомъ, но увидѣвъ многочисленность его войска, удалился. Изъ Волыни Болеславъ собирается идти на 2 другихъ главныхъ города Волынской земли, Владимиръ и Холмъ; по тутъ къ польскому князю являються послы отъ князя Владимирской области, Георгія, обѣщая ему покорность, лишь бы онъ вывелъ свои войска изъ Владимирской земли. Болеславъ требуетъ заложниковъ у Георгія; Георгій лично являеъ въ лагерь Болеслава и исполняеъ требуемое. Болеславъ идетъ затѣмъ на Кіевъ, но на встрѣчу ему выходитъ опять князь Всеволодъ; Болеславъ разбиваеъ его, но при этомъ и самъ терпитъ значительный уронъ (около тысячи раненыхъ) и побѣдоносно возвращаеъ домой. Проведя зиму и весну дома, Болеславъ снова идетъ въ Русь, осаждаеъ Кіевъ; послѣ долгой осады Кіевъ сдается; вѣзжая въ городъ, Болеславъ ударяеъ въ *железныя* ворота и копьемъ оставляеъ въ воротахъ дыру, въ знакъ побѣды; облагаеъ Русь данью, садитъ въ Кіевѣ Изяслава. Въ богатомъ и роскошномъ Кіевѣ Болеславъ и польское войско предаются разнымъ излишествамъ, но наконецъ, получивъ извѣстіе о невѣрности женъ, оставленныхъ въ Польшѣ, быстро уходятъ домой.

Таковъ разсказъ Длугоша.

Отмѣтимъ еще хронологию этихъ событій у Длугоша. Первый походъ на Кіевъ отнесенъ къ 1070 г., занятіе Черемышля къ 1071, походъ въ Венгрію къ 1072, завоеваніе Волыни къ 1073, 2-й походъ на Кіевъ къ 1074, 3-й походъ на Кіевъ къ 1075 и быстрый уходъ изъ Кіева къ 1076 г.

Критикуя извѣстія Длугоша о завоеваніи Черемышля и Волынской земли, Репелль (*Gesch. Polens I, p. 197, пр. 13*) замѣчаетъ: т. к. древ. русскія лѣтописи ничего не говорятъ объ этихъ предпріятіяхъ, въ январѣ 1075 г. Изяславъ былъ въ Майнцѣ, въ февралѣ Григорій просилъ за него Болеслава, въ 1076 сынъ Всеволода ходилъ на Чеховъ въ помощь Полякамъ, и лишь въ 1077 г. Изяславъ вернулся въ Кіевъ, то разсказъ Длугоша теряетъ всякую достовѣрность. Что Поляки не могли завоевать Волыни въ походѣ 1077 г. доказывается тѣмъ, что Изяславъ отдалъ въ 1078 г. Волынь и Туровъ сыну Ярополку.

Критика эта, основанная на одной хронологической неточности, не совсѣмъ однако убѣдительна: въ хронологіи Длугошъ почти вездѣ (въ изложеніи древняго періода) неточенъ, отстаеъ, или идетъ впередъ противъ хронологіи лѣтописей на нѣсколько лѣтъ и при томъ т. сказать безъ всякой системы, неравномѣрно; поэтому одна хронологическая несообразность, въ виду нѣкоторыхъ особенностей Длугошева раціоналистическаго изложенія, не можетъ еще служить рѣшительнымъ опроверженіемъ передаваемыхъ фактовъ. Мы уже знакомы съ общими чертами Длугошева изложенія и знаемъ, какъ должно относиться къ его разсказу: въ тѣхъ случаяхъ, когда Длугошъ разсказываетъ такія вещи, о которыхъ мы ничего ровно не знаемъ изъ другихъ источниковъ, мы должны подвергнуть его разсказъ самой тщательной очисткѣ и перегонкѣ. Но и голый фактъ, добытый такимъ изслѣдованіемъ, имѣетъ цѣну. Въ данномъ случаѣ впрочемъ есть возможность повѣрить разсказъ Длугоша нѣкоторыми намеками другихъ источниковъ.

Сопоставимъ поэтому разсказъ Длугоша съ извѣстіями источниковъ несравненно болѣе достовѣрныхъ: лѣтописнымъ разсказомъ о помощи Болеслава Смѣлаго Изяславу и данными по этому дѣлу въ поученіи Владимира Мономаха.

Разсказъ Длугоша разбивается существеннымъ образомъ на двѣ половины: походы Болеслава Смѣлаго на Кіевъ, которыхъ онъ насчитываетъ два ¹⁾, и военныя дѣйствія его въ земляхъ Червенской и Волынской. Разсказы его о первомъ повѣряются лѣтописью, данныя о второмъ—поученіемъ Мономаха.

Заставляя Болеслава два раза занимать Кіевъ, Длугошъ весьма оригинально распорядился разсказомъ лѣтописи о вступленіи Изяслава съ Болеславомъ въ Кіевъ: онъ разбилъ этотъ разсказъ на двѣ части и одну отнесъ къ первому занятію Болеславомъ Кіева, другую къ предполагаемому второму.

Так. обр. вся эта часть Длугошева разсказа не содержитъ рѣшительно ничего новаго противъ разсказа лѣтописи; извѣстія послѣдней только перепутаны Длугошемъ.

Зато особенный интересъ получаетъ разсказъ Длугоша о военныхъ дѣйствіяхъ Болеслава на Волыни и въ землѣ Червенской въ виду того, что объ этихъ событіяхъ лѣтопись ничего намъ не сообщаетъ. Если при разборѣ этой части разсказа Длугоша мы будемъ точно также имѣть въ виду манеру изложенія этого писателя, то изъ всего длиннаго описанія военныхъ дѣйствій Болеслава въ юго-западной Руси намъ можно будетъ взять только одинъ голый фактъ попытки Болеслава вернуть червенскіе города, попытки, закончившейся какимъ-то мирнымъ договоромъ съ Владимирскимъ княземъ ²⁾. Но что касается времени этихъ событій, (т. е. произошли ли они во время перваго возвращенія Изяслава въ Кіевъ или послѣ его вторичнаго изгнанія дѣйствующихъ въ ~~лицѣ~~ лицъ (Длугошъ нерѣдко вводитъ въ свои описа-

1) Собственно три, но, какъ мы выше видѣли, Болеславъ только 2 раза занялъ Кіевъ, ибо его 3-й походъ на Кіевъ остановила борьба со Всеволодомъ.

2) Что касается разсказа Длугоша о большемъ сраженіи въ Волынской землѣ между Болеславомъ и Всеволодомъ, княземъ Кіевскимъ, передъ вторымъ занятіемъ Кіева, то это по всей вѣроятности его чистая выдумка. Длугошъ воспользовался для этого лѣтописной фразой: „Всеволодъ же взыде противу брату Изяславу на Волынь“ (Ип. 140) и развилъ ее въ цѣлую картину большой битвы.

нія такихъ дѣйствующихъ лицъ, которыя, по его соображеніямъ, могли принимать участіе въ данныхъ событіяхъ), то въ этомъ отношеніи на точность Длугошева описанія ни коимъ образомъ нельзя положиться.

Нѣсколько разъясняетъ этотъ вопросъ поученіе Владимира Мономаха.

Описывая свои военные походы, которые онъ началъ еще 13 лѣтъ, Мономахъ рассказываетъ: „Первое Ростову идохъ, сквозѣ Вятчѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, той пакы отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху пожгли, той ту блюдохъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творитъ с Ляхы; оттуда пакы на лѣто Володимерю опять. Та посла мя Святолавъ въ Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса... (Лавр: 238). Замѣтимъ, что Мономахъ начинаетъ перечисленіе своихъ путей съ 1066 г. (съ 13 лѣтъ—а род. Мономахъ 1053 г.), и что онъ говоритъ лишь о болѣе крупныхъ походахъ, почему въ его перечисленіи находимъ пробѣлы въ нѣсколько лѣтъ („и всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока не вспомню меньшихъ“), поэтому и хронологическую связь въ его рассказѣ довольно трудно установить.

Послѣднее звено въ приведенномъ нами отрывкѣ—походъ за Глоговы устанавливается хронологически совершенно точно: извѣстіе объ этомъ походѣ сохранилось и въ лѣтописи подъ 1076 г. ¹⁾ Изъ той же лѣтописи мы знаемъ, что въ 1075 г. къ Святославу приходили послы „изъ Нѣмецъ“, но онъ принялъ ихъ съ большой гордостью („величаяся“); послы эти приходили отъ императора просить за Изяслава. Если Святославъ такъ гордо обошелся съ императорскими посланцами, то очевидно, что онъ чувствовалъ себя вполне безопаснымъ, а ^{тѣмъ} этого не могло бы быть, если бы въ это время у него происходила борьба съ Ляхами; очевидно въ 1075 г. Изяславъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ послѣдними. Изъ нѣмецкихъ источниковъ мы знаемъ ²⁾, что въ январѣ 1075 г. Изяславъ представлялся императору въ Майнцѣ. Т. обр. мирный договоръ между Святославомъ и Болеславомъ долженъ

¹⁾ Лавр. 193. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволода, и Олегъ, сынъ Святославль, Ляхомъ в помощь на Чехы.

²⁾ Roepell. Gesch. Polens, I, p. 197, пр. 13.

былъ произойти не позже конца 1074 г.; послѣ этого договора Изяславу оставалось только оставить Польшу, при чемъ, какъ сообщаетъ лѣтопись, Поляки его ограбили. Поэтому то непріязненные дѣйствія между Святославомъ и Болеславомъ должны были произойти въ періодъ 1073—1074 г. (Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева братьями въ самомъ началѣ 1073 г., ибо 22 марта Всеволодъ и Святославъ заняли уже Кіевъ ¹⁾).

Сопоставивъ рассказы всѣхъ разобранныхъ источниковъ, мы получимъ слѣд. картину событій 1068—1077 годовъ.

Изгнанный Кіевскимъ вѣчемъ, Изяславъ бѣжить въ Польшу. Болеславъ беретъ ему помочь и отправляется съ Изяславомъ въ Русь. Союзники легко занимаютъ Кіевъ, т. к. Всеславъ полоцкій, провозглашенный вѣчемъ кіевскимъ княземъ, бѣжить изъ подъ Бѣлгорода, не попытавшись даже сразиться съ польской ратью. Въ Кіевѣ Болеславу повидимому очень понравилось, и онъ проводитъ въ немъ цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ; но своевольство польскихъ ратниковъ возбудило жителей кіевской области, и началось поголовное избіеніе Поляковъ. Болеславъ съ остатками войска бѣжить домой. (Возможно, что Изяславъ обѣщавъ Болеславу за помощь уступку Червенскихъ городовъ, но, вѣроятно, послѣ катастрофы съ польской ратью эта область осталась по прежнему за Русью, на что указываютъ позднѣйшія попытки Болеслава отобрать у Руси эту волость). Вторично изгнанный изъ Кіева въ 1073 г., Изяславъ опять бѣжить къ Болеславу. Послѣдній соглашается ему помочь и начинаетъ сожженіемъ Берестья ²⁾, пограничнаго города Руси и Польши.

Защита Владимирской области была поручена Мономаху; поэтому Болеславъ оставилъ эту область и обратился къ Червенской землѣ. Если принять извѣстіе Длугоша, то онъ началъ съ осады Перемышля. Осада эта однако была неудачна ³⁾. Тутъ на выручку Перемышля

¹⁾ Лавр. 177.

²⁾ На это намекаютъ слова Мономаха, что его отправили бжести Берестье... иде бяху пожгли.

³⁾ Полагаю, что эту подробность можно взять изъ рассказа Длугоша: онъ вообще не любитъ говорить о неудачахъ польскаго оружія.

явился Мономахъ; изъ Сутейска ¹⁾ онъ заводитъ переговоры съ Болеславомъ. Переговоры эти окончились миромъ, подробности котораго намъ неизвѣстны ²⁾. Во всякомъ случаѣ, результатомъ этого мирнаго договора былъ отказъ Болеслава помогать Изяславу; онъ, по характерному выраженію лѣтописи „показа ему путь отъ себѣ“, пограбивъ его предварительно ³⁾.

Оставивъ Польшу, Изяславъ скитался по зап. Европѣ, прося о помощи то императора, то панау. Но оба ограничились лишь дипломатическимъ вмѣшательствомъ—императоръ отправляетъ посольство къ Святославу, но тотъ обошелся съ нимъ весьма гордо. Также мало

¹⁾ Положеніе его трудно опредѣлить; г. Барсовъ (Матеріалы для ист. геогр. словаря Россіи. р. 193) склоняется къ мнѣнію Арцыбашева, что слово *Сутъскъ* могло означать границу, но предположеніе это несостоятельно въ виду лѣтописнаго извѣстія, что Давидъ Игоревичъ занялъ „Сутейску и Червень“ (Ип. 178). Очевидно, это былъ городъ, лежавшій недалеко отъ Червена.

²⁾ Быть можетъ въ статьяхъ мирнаго договора играли какую нибудь роль тѣ 2000 марокъ, которыя, по Длугошу, Болеславъ обязался уплатить жителямъ г. Воляня. Татищевъ подъ 1065 г. говоритъ о бракѣ Болеслава на дочери Святослава Черниговскаго. Но быть можетъ вмѣсто 1065 г. этотъ бракъ слѣдовало бы отнести къ 1075.

³⁾ Другіе историки представляютъ себѣ изложенныя въ текстѣ событія иначе. Такъ Соловьевъ (Ист. Рос. II, р. 19 sq.) думаетъ, что Болеславъ вовсе не помогалъ Изяславу послѣ его вторичнаго изгнанія изъ Кіева (до 1077 г.); это доказывается по его мнѣнію родственной связью Святослава и Болеслава (пр. 58) и главнымъ образомъ тѣмъ, что „въ то время какъ Изяславъ вторично явился къ польскому двору (1075), Болеславъ воевалъ съ Вратиславомъ Чешскимъ; очень вѣроятно, что эти обстоятельства не позволили Болеславу подать помощь русскому князю“ (р. 20). Но дѣло въ томъ, что Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева не въ 1075, а въ 1073 г.; въ 1075 онъ былъ уже за предѣлами Польши. Враждебныя отношенія между Польшей и Чехіей были временно пріостановлены посредничествомъ Генриха II въ 1071 г. и возобновились съ новой силой лишь въ 1075 г. (Объ отношеніи Польши

успѣха имѣло и письмо папы къ Болеславу. Впрочемъ въ письмѣ къ Болеславу папа вовсе не предлагаетъ ему помочь Изяславу; онъ убѣждаетъ его только вернуть взятые у Изяслава деньги. Дѣло въ томъ, что папѣ было совсѣмъ не на руку отвлеченіе Болеслава походомъ въ Русь. Ему самому нужна была помощь Болеслава въ борьбѣ съ императоромъ. Императоръ (Генрихъ IV) самъ находился въ критическихъ обстоятельствахъ и потому конечно не могъ подать Изяславу дѣйствительной помощи.

Мы видѣли, что около 1074 г. между Болеславомъ и двумя Ярославичами былъ заключенъ мирный договоръ; очень возможно, что въ числѣ статей договора находилась и статья о взаимной военной помощи.

за это время къ Германіи и Чехіи см. Koerpell, 195; Bielowski, M. P. I р. 365—въ примѣчаніяхъ къ письму Вратислава чешскаго къ Болеславу (?). Malecky, Prz. nauk. 1875, II.). Т. обр. въ періодъ 1073—74 г. Болеславъ могъ свободно обратитъ свое вниманіе на русскія дѣла. Точно также неправильно представляетъ себѣ вышеописанныя событія г. Барсовъ (Оч. русск. истор. геогр. р. 89). Основываясь на разсказѣ Длугоша, онъ полагаетъ, что Болеславъ послѣ похода на Кіевъ овладѣлъ Перемышлемъ и оттуда дѣлалъ нападенія на кіевскія и владимирскія владѣнія. Во время наступившей слабости Польши Ростиславичи вернули Перемышль. Онъ полагаетъ (пр. 153), что возвращеніе Перемышля стоитъ въ связи съ борьбой между Мономахомъ и Ярополкомъ, которому помогали Ляхи. Болѣе правильно смотритъ на разбираемые событія А. Malecki (Rozgląd w dziejach i polityce pierwotnej Polski, Przewodnik nauk. i liter. 1875, II.). Непріязненные отношенія между Русью и Польшей онъ относитъ къ 1073—1074 г. Кончились они миромъ, объ условіяхъ котораго мы однако ничего не знаемъ; не знаемъ даже, былъ ли это миръ послѣ войны, или просто союзъ (Малецкій основывается главнымъ образомъ на поученіи Мономаха). Уступка Польшѣ Червенскихъ городовъ по этому миру вѣроятна, но трудно доказуема. Когда Польша опять потеряла эти города, трудно сказать. Вѣрно лишь то, что Владиславъ Германнъ ими уже не владѣлъ, и несомнѣнно также то, что не онъ ихъ утратилъ. Когда Длугошъ говоритъ, что Червенскіе города утрачены Польшею при Болеславѣ Смѣ-

Съ 1075 г. отношенія Болеслава къ Чехіи снова обострились, и вотъ онъ обращается въ Русь за помощію. Извѣстія о походѣ русскаго отряда въ Чехію въ помощь Болеславу сохранились въ нѣсколькихъ источникахъ. Лѣтопись сообщаетъ только „В лѣто 6584 (1075). Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь и Олегъ Святославль Ляхомъ в помочь на Чехы“ (Ип. 139). Подробнѣе говоритъ Мономахъ въ своемъ поученіи: „та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до чешскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци“ (Лавр. 238). Еще болѣе подробностей сообщаетъ Татищевъ (Ист. Росс. II, 130). По его разсказу Вратиславъ, князь чешскій, узнавъ о приближеніи союзнаго войска, послалъ къ Болеславу (у Тат. ошибкой стоитъ Владиславу) воеводу Лопату съ мирными предложеніями. Болеславъ получилъ за военные убытки 1000 гривенъ серебра и примирился съ Вратиславомъ. Русскимъ князьямъ, Владимиру и Олегу, онъ объявилъ о мирѣ и предложилъ вмѣсто Чеховъ отправиться съ нимъ на Прусовъ и Поморянъ; но русскіе князья на это не согласились, а отправились къ Чешскому городу Глацу и взяли его. Тутъ къ нимъ явился съ мирными предложеніями епископъ чешскій, братъ Вратислава. Русскіе приняли миръ, при чемъ получили 1000 гривенъ серебра и большіе дары. Между тѣмъ походъ Ляховъ на Поморянъ окончился неудачей, что возбудило въ польской арміи неудовольствіе противъ Болеслава.

Отношенія Польши къ Чехіи за это время плохо извѣстны, знаемъ только, что они были весьма недружелюбны, т. к. съ 1075 г. Вратиславъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Генрихомъ IV, враждовавшимъ съ Польшей ¹⁾. Возможно, что самовольный походъ русскихъ князей на Чеховъ, о которомъ говоритъ Татищевъ, нарушилъ добрыя отношенія между Болеславомъ и Святославомъ.

Въ томъ же 1076 г. умираетъ и Святославъ „отъ рѣзанья желве“ ²⁾. Изяславъ опять появляется въ Польшѣ и встрѣчаетъ здѣсь болѣе бла-

ломъ во время смуть, наступившихъ въ Польшѣ вслѣдъ за убійствомъ епископа Станислава, то это лишь чистый вымыселъ этого историка.

¹⁾ Roepell. 195.

²⁾ Ип. 139.

госклонный приемъ. Ему даютъ рать, съ которой онъ идетъ въ Русь добывать огня стола ¹⁾. На Волинь къ нему выходитъ Всеволодъ ²⁾, но по тону лѣтописи едва ли можно заключить о серьезномъ столкновеніи между братьями. Вѣрнѣе, что Всеволодъ безъ борьбы уступилъ Изяславу Кіевъ (Отмѣтимъ еще извѣстіе Татищева, (Ист. Росс. II, 132) что Ростиславичи обѣщали Изяславу, шедшему съ польской ратью, прислать и свои вспомогательные полки. Извѣстіе это впрочемъ сомнительно въ виду данныхъ приговора любечскаго съѣзда, изъ которыхъ видно, что Ростиславичи получили Червенскіе города отъ Всеволода, а это не могло быть раньше того времени, когда Всеволодъ сталъ Кіевскимъ княземъ, т. е. уже по смерти Изяслава.).

Извѣстно, что въ слѣд. 1078 г. Изяславъ палъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ, и Кіевъ снова достался Всеволоду.

Вокняженіе Всеволода въ Кіевъ совпало съ тревожнымъ состояніемъ Польши въ послѣдніе годы правленія Болеслава Смѣлаго. Мы не знаемъ, воспользовался ли Всеволодъ какимъ бы то ни было образомъ этими смутами; одно лишь вѣрно, что Червенскіе города, принадлежали ли они одно время при Болеславѣ Польшѣ, или нѣтъ ³⁾, но при Всеволодѣ окончательно утверждаются за Русью, ибо эти города Всеволодъ отдаетъ своимъ безпокойнымъ родственникамъ, Васильку и Володарю Ростиславичамъ.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь оригинальное мнѣніе А. Малецкаго (Prz. nauk. 1875, II, p. 996), по которому коронованіе Болеслава въ 1076 г. было со стороны папы цѣною польскому князю за помощь Изяславу.

²⁾ О личномъ участіи Болеслава въ походѣ 1077 г. на Русь источники не говорятъ, да оно и сомнительно—у него было слишкомъ много дѣла дома.

³⁾ Соловьевъ (II, 22) предполагаетъ, что Изяславъ могъ уступить Болеславу Червенскіе города за военную помощь. Ростиславичи, думаетъ онъ, могли отнять эту область у Поляковъ во время борьбы Мономаха съ Ярополкомъ (p. 29). Того же мнѣнія держится, какъ мы видѣли, и г. Барсовъ и А. Levicky (Obrazki z najdawn. dziejow Przemysla, p. 24); послѣдній передаетъ событія лѣтъ 1069—77 по Длугошу.

Походомъ Болеслава Смѣлаго кончились непосредственныя отношенія Польши къ Кіеву.

Польша Владислава Германна не походила уже на Польшу времени Болеслава Храбраго и начала правленія Болеслава Смѣлаго. Отъ внутреннихъ неурядицъ, борьбы партій, государство такъ ослабѣло, что не только не могло думать объ отдаленныхъ походахъ, но скорѣе должно было употреблять не малыя дипломатическія и военныя усилія для поддержанія своей цѣлости. Болеславъ Кривоустый обновилъ было блескъ польскаго оружія, но послѣ его смерти, съ раздѣленіемъ Польши на удѣлы, наступаютъ снова тяжелыя времена.

Съ другой стороны, на Руси со 2-й половины XI в. обособляются двѣ, прилегавшія къ Польшѣ, земли—Волинская и Галицкая. Къ этимъ двумъ княжествамъ, отдѣлившимся ея отъ Кіева, Польша стала сразу въ противоположныя отношенія.

Многія обстоятельства объединяли интересы Волини и Польши. На Волини со 2-й половины XI в. усѣлась родственная польскому княжескому дому линия Изяславичей¹⁾. Со смертію Святополка II Изяславичи потеряли (вопреки договору Любечскаго съѣзда, который стремился закрѣпить каждое княженіе за отдѣльной линіей княжеской) Кіевъ. Но понятно, что они съ этимъ не могли примириться и добиваются отчины; въ этой борьбѣ Изяславичи ищутъ и всегда находятъ союзниковъ въ Польшѣ. Послѣдней было конечно желательно имѣть на кіевскомъ столѣ родственную и дружественную линію.

Но и помимо родственныхъ отношеній къ Волинскимъ князьямъ, Польшу связывали съ Волинью общіе интересы по отношеніямъ обѣихъ къ Галицкой землѣ, къ Ятвягамъ и Пруссамъ.

Утвердившись въ Галицкой землѣ, энергическіе и предприимчивые Ростиславичи сразу стали во враждебныя отношенія какъ къ Польшѣ, такъ и къ Волини. Первая, какъ мы видѣли, не разъ предъявляла претензіи на Галицкую землю и порою временно ею овладѣвала. Какъ мы видѣли, еще въ 70-хъ годахъ XI в. Болеславъ Смѣлый подъ видомъ помощи Изяславу пытался, впрочемъ неудачно, овладѣть Пе-

¹⁾ Вначалѣ эта линія сосредоточивала въ своихъ рукахъ и Волинь и Кіевъ. Естественно, что союзъ съ Волинью въ виду этого имѣлъ для Польши особенно важное значеніе.

ремышльской землей. Ростиславичи отвѣчаютъ Польшѣ постоянными опустошительными набѣгами то собственными силами, то съ помощью всегда готовыхъ къ разбою Половцевъ, Берендѣевъ, Печенѣговъ, Торковъ.

Галицкая земля, богатая всѣмъ прочимъ, едвали была тогда густо населена; по крайней мѣрѣ Василько, какъ самъ рассказывалъ, собирався напасть на Дунайскихъ Болгаръ и перевести ихъ въ свою область ¹⁾. Вѣроятно, и при набѣгахъ на Польшу Ростиславичи захватывали население сожженныхъ ими мѣстъ и уводили его съ собою. Но Галицкіе князья въ набѣгахъ на Польшу дѣйствовали не изъ однихъ лишь корыстныхъ расчетовъ. Имъ руководили и болѣе нравственныя побужденія: они считали себя мстителеми Польшѣ за тѣ обѣды, которыя она нанесла (вечечно въ лицѣ обоихъ Болеславовъ) Русской землѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ Ростиславичи не думали ограничиться одними набѣгами на Польшу, а мечтали о завоеваніяхъ въ ней („наступлю на зиму і на лѣто и возму землю Лядскую, и мщю землю Русьскую“, такъ рассказываетъ о своихъ прежнихъ планахъ Василько парламентару Давида). (Ип. 174) ²⁾.

¹⁾ Какъ мало тогда было людей, и какъ ими дорожили, видно изъ извѣстія Ип. лѣтописи въ описаніи борьбы между Сомовитовичами (въ концѣ XIII в.). „Законъ же бѣше в Ляхохъ таковъ: *челяди нѣ имати, ни бити, но лупяхуть*“ (Ип. 582).

²⁾ Главнымъ основаніемъ для приведенной въ текстѣ характеристики отношеній Ростиславичей къ Польшѣ служатъ исповѣдь Василька посланному Давидомъ парламентару, тоже Василию, оставившему описаніе событій на Волини послѣ ослѣпленія Василька; какъ извѣстно, описаніе это лѣтописецъ помѣстилъ у себя цѣликомъ, причемъ даже рассказъ ведется въ первомъ лицѣ. (Повѣсть объ ослѣпленіи Василька занесена въ лѣтопись подъ 1097 г.: начинается она съ рассказа о Любечскомъ съѣздѣ, кончается краткимъ извѣстіемъ о Витичевскомъ съѣздѣ. Впрочемъ въ рассказѣ о послѣднемъ съѣздѣ не говорится о мѣстѣ „снема“; поэтому подробное описаніе Витичевского снema, 1100 г. (Ип. 180) не составляло части повѣсти объ ослѣпленіи Василька, тѣмъ болѣе, что приведенныя въ обихъ описаніяхъ рѣшенія Витичевского съѣзда нѣсколько разнятся между собою). Что касается автора этой

Ростиславичи кромѣ военныхъ талантовъ обладали и дипломатическими способностями. Они пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ

повѣсти, то нѣкоторые (И. П. Хрущовъ, О др. Русск. истор. пов.) считаютъ его, безъ достаточнаго основанія, Волинцемъ и монахомъ Выдубецкаго монастыря (но авторъ самъ указываетъ, что онъ былъ лишь временно во Владимирѣ—„мнѣ сушу *тогда* во Владимирѣ“). Время написанія мы полагаемъ между 1113 и 1118 на томъ основаніи, что въ рассказѣ упомянута смерть Давида (онъ получилъ Дорогобужь „въ немъ же и умре“; но Владимирскимъ княземъ названъ еще Ярославъ Святполковичъ. Нѣкоторые полагаютъ, что повѣсть написана по случаю смерти Давида, но намъ кажется, по тону рассказа можно заключить, что со времени смерти Давида прошло уже нѣсколько лѣтъ; поэтому мы полагаемъ время написанія ближе къ 1118, нежели къ 1113.). Приведемъ поэтому здѣсь эту исповѣдь (Ип. 174) „се азъ слышу, говоритъ Василько, оже мя хочеть Давыдъ давати Ляхомъ; то ся мало насытилъ крове моея, і се хочеть больше ся насытити, иже мя вдасть имъ: азъ бо Ляхомъ много зла створихъ, и еще есмь хотѣлъ створити и мстити Русьскую землю; аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти, но повѣдаю ти: по истинѣ яко наведе на мя Богъ за мое узвышанье, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи и Печенѣзи и Торци, и се рекохъ въ умѣ своемъ; оже ми будутъ Берендичи и Торци и Печенѣзи, и реку брату своемъ Володареву и Давидову: даита дружину свою молодѣшную, а сами пиита и веселитася; и помыслихъ на землю Лядьскую: наступлю на зиму і на лѣто и возьму землю Лядьскую и мцю землю Русьскую, и посемъ есмь хотѣлъ переяти Болгары Дунайскія, и посадити я у себе...“. Первое извѣстіе о набѣгѣ Ростиславачей на Польшу находимъ въ лѣтописи подъ 1092 г. (Ип. 150. „Воеваша Половецѣ Ляхы съ Васильемъ Ростиславичемъ“). Ростиславичи могли воспользоваться при этомъ борьбой, которую Поляки вели тогда съ Поморянами. Или, быть можетъ, походъ ихъ нужно поставить въ связь съ востаніемъ Збигнѣва, незаконнаго сына Владислава, прѣтивъ отца. О нападеніи Половецевъ на Польшу и о побѣдѣ надъ ними Болеслава рассказываетъ М. Галль (II, 19), но едва ли этотъ набѣгъ одно и тоже съ набѣгомъ Василька, какъ думаетъ Белевскій (М. Р. I, 442). Побѣду эту М. Галль описываетъ

для нанесенія вреда Польшѣ, вступаютъ въ союзъ какъ съ вѣшними, такъ и съ внутренними врагами Польши; такъ они вступаютъ въ тѣсный союзъ съ Поморянами ⁴⁾, съ которыми Польша вела многолѣтнюю борьбу, помогаютъ и Збигнѣву, незаконному сыну Владислава, въ его борьбѣ съ Болеславомъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ Ростиславичи представляли для Польши весьма опасныхъ сосѣдей, и Ляхи пользовались всѣми сред-

какъ первый военный подвигъ Болеслава послѣ его опоясанія мечемъ. Годъ посвященія Болеслава въ рыцарское достоинство въ точности неизвѣстенъ, но и самъ Болевскій относитъ его къ періоду 1093—99. Болеславъ род. 1086 г., посвященъ въ рыцари онъ едва ли могъ быть раннѣе 13—15 л. При томъ Галль рассказываетъ объ этой побѣдѣ въ самомъ концѣ правленія Владислава. Позволимъ себѣ слѣдующую гипотезу: не были ли разбитые Болеславомъ Половцы Половцами Боняка, которые, нанеши блистательное пораженіе Уграмъ у Перемышля (1097, Ип. 178), захотѣли еще попытать счастья въ Польшѣ? Въ 1092 г. Ростиславичи воевали съ Половцами и Венгровъ, о чемъ говоритъ Туроць (с. LVIII: rex gloriosus invasit Rusciam eo quod Cuni per consilium eorum Hungariam intraverant.) Откуда знали Владиславъ венгерскій, что Половцы (Cuni—Comani) напали на Венгрію по наущенію русскихъ князей? Вѣроятно, уже раньше Венгрія испытывала набѣги Ростиславичей, и возможно, что и въ этомъ набѣгѣ они принимали участіе. Туроць не опредѣляетъ времени набѣга, но онъ непосредственно затѣмъ описываетъ осаду Венграми Кракова (замѣтимъ, что подробности осады Кракова поразительно напоминаютъ подробности осады Печенѣгами Бѣлгорода въ нашей лѣтописи; мы имѣемъ, очевидно, въ обоихъ случаяхъ, дѣло съ т. наз. странствующими легендами) и походъ на Чеховъ. Послѣдній же походъ, по свидѣтельству Космы Пражскаго произошелъ въ 1093 г. (cf. M. Büdinger, Ein Buch Ungar. Gesch., p. 81.). Грандіозный походъ на Ляховъ., какъ мы видѣли изъ его исповѣди, замышлялъ Василько въ 1097 г. Онъ пригласилъ на помощь кочевниковъ и хотѣлъ еще просить у Володаря а Давида младшей дружины. Походу помѣшалъ злодѣйскій поступокъ Давида. Замѣтимъ что Василько не называетъ въ числѣ своихъ союзниковъ Половцевъ; кажется, Ростиславичи прекратили съ ними

ствами для борьбы съ ними. Въ лицѣ Волынскихъ князей Польша нашла для борьбы съ Ростиславичами самыхъ энергическихъ союзниковъ, тѣмъ болѣе опасныхъ Галицкимъ князьямъ, что владѣнія Волыни и Галича соприкасались. Между Ростиславичами и Изяславичами, занявшими Владимиръ, существовала непримиримая вражда. Ростиславичи считали себя обдѣленными ибо имъ пришлось довольствоваться одной Галицкой землей, между тѣмъ какъ по прежнимъ дѣленіямъ Волынь и Галичь составляли одинъ удѣль. Считая и Волынь отчиной, Ростиславичи постоянно пытаются захватить и Владимиръ. Въ свою очередь и Изяславичи не прочь округлить Волынь Галицкими городами.

Независть между обѣими линиями еще болѣе усилилась послѣ искалѣченія Василька. Ловкій Давидъ успѣлъ убѣдить Ростиславичей, что это дѣло Святополка, а онъ былъ лишь орудіемъ въ его рукахъ.

Что касается отношенія Польши Владислава и Болеслава къ Кіеву то во все время княженія Святополка въ Кіевѣ между вели-

всякія сношенія послѣ того, какъ эти варвары, потерпѣвшіе въ 1092 г. сильное пораженіе въ Венгріи (Туроцъ с. LVII), бросились всѣми силами на Русь. Въ борьбѣ со Святополкомъ Половцевъ приглашаетъ Давидъ, для котораго вообще не было дурныхъ средствъ. Василько послѣ 1092 г. пользовался помощью болѣе обрусѣвшихъ кочевниковъ (Черныхъ Клобуковъ — часть ихъ ихъ могла быть крещеной), а на Половцевъ собирався даже въ походъ, въ которомъ думалъ или покрыть себя неуязвимою славой, или сложить главу. Татищевъ гов. (II, 193), что Ростиславичи въ борьбѣ со Святополкомъ не хотѣли сначала приглашать Половцевъ на христіанъ и предлагали Венгерскому королю миръ, но тотъ его не принялъ, т. к. на миръ не соглашался Святополкъ. На сторонѣ Ляховъ мы только разъ видимъ Ростиславичей — въ походѣ на Ярослава Святополковича, но на это были свои причины.

¹⁾ Извѣстіе о союзѣ Ростиславичей съ Поморянами сообщаетъ Гербортъ (*Dialogus*, L. II, с. 4.). Рассказывая о плѣнѣ Володаря, онъ въ число условій его освобожденія включаетъ и обѣщаніе не помогать Поморянамъ (... *optimates Ruthenorum... etiam hoc polliceri fide firmissima rogati sunt, ne Pomeranis ultra forent auxilio*).

кимъ вняземъ Кіевскимъ и Польшею продолжались самыя дружественныя отношенія, выражавшіяся во взаимной помощи въ критическіе моменты обѣихъ областей. Отношенія Польши къ Кіеву сразу измѣнились, лишь только на кіевскомъ столѣ утвердились Мономаховичи, а Святополковичи были оттѣснены на Волынь. Польша тотчасъ же становится на сторону Воыни противъ Кіева и поддерживаетъ претензіи Волинскихъ князей. Несомнѣнно, что родственныя связи Болеслава играли важную роль въ этихъ отношеніяхъ; но и политическія соображенія говорили за поддержку Изяславичей—Польшѣ было важно имѣть на Кіевскомъ столѣ родственную линію, при томъ обязанную ей. Къ тому же Изяславичи отличались меньшей энергіей и предприимчивостью, чѣмъ Мономаховичи. По всему этому имѣетъ цѣну извѣстіе Татищева, что Ярослава Святополковича подучали Поляки противъ Владимира ¹⁾. Но въ политическихъ отношеніяхъ (у политиковъ дальновидныхъ) родственныя отношенія не имѣютъ абсолютнаго значенія; Польша поддерживала Изяславичей до тѣхъ поръ, пока была надежда на успѣхъ ихъ притязаній, но когда Изяславичи были окончательно побѣждены и оттѣснены изъ Владимира, который достался Мономаховичамъ, Болеславъ вступаетъ въ дружественныя и родственныя отношенія съ послѣдними, не имѣя охоты поддерживать безнадежное дѣло Изяславичей. Понятно, что и Кіеву не было никакой охоты ссориться безъ нужды съ сильнымъ сосѣдомъ, а съ Ростиславичами, враждовавшими съ Польшею, не мирить и Кіевъ.

¹⁾ II, 219. Тат. правда говоритъ, что Поляки подучали Ярослава отнять у Владимира Мономаха область по Горынь, но Владимирская область и такъ почти доходила до Горыни, т. е. Дорогобужъ и Пересопница, Погоринскіе города, лежали на границѣхъ владѣній Кіева съ Волынью. Вѣроятно, что Ярославъ съ помощью Ляховъ думалъ возстановить свои права на отчину—Кіева, cf. Соловьевъ II, 80 и 84. (изд. I-е).

Отъ этого общаго обзорѣнія политическихъ отношеній между Польшей и Русью за время Владислава Германа и Болеслава Кривоустаго перейдетъ къ подробностямъ.

Темны судьбы Червенской области въ срединѣ XI в. Отнятая Ярославомъ у Ляховъ, эта область принадлежала сначала Кіевскому княжеству. По смерти Ярослава, Владимиръ (вѣроятно, вмѣстѣ съ Червенскими городами) былъ отданъ одному изъ Ярославичей, Игорю ¹⁾ (этимъ и объясняются позднѣйшія претензіи на этотъ удѣлъ Давида Игоревича). По смерти Вячеслава Ярославича, Смоленскаго князя, Игоря переводятъ изъ Владимира въ Смоленскъ. Но кому достался тогда Владимиръ? По извѣстіямъ Татищева ²⁾ Владимиръ достался тогда Ростиславу Владимировичу, сыну Владимира Ярославича, умершаго въ 1052 г. ³⁾ Подъ 1084 г. встрѣчаемъ глухое извѣстіе о бѣгствѣ Ростислава въ Тмутаракань. Откуда онъ бѣжалъ, и почему, неизвѣстно. Не пытался ли онъ добыть Новгородскій столъ, гдѣ сидѣлъ его отецъ ⁴⁾? На это намекаетъ то обстоятельство, что къ нимъ бѣгутъ Порѣй и Вышата, сынъ Новгородскаго воеводы Остромира. (Б. м. часть Новгородскихъ бояръ пригласила Ростислава, но была побѣждена, и онъ долженъ былъ бѣжать съ своими приверженцами). Кому же достался Владимиръ съ Червенскими городами послѣ бѣгства Ростислава и смерти его въ Тмутаракани ⁵⁾? Въ длинной рѣчи, которую влагаетъ въ уста Ростиславичей Татищевъ передъ битвой на Рожнѣ

¹⁾ Ип. 114. До Игоря тамъ сидѣлъ Святославъ Ярославичъ. ib. cf. Соловьевъ, Ист. Р. II, пр. 27.

²⁾ II, 117. Онъ говоритъ, что Ростиславу данъ былъ сначала Ростовъ и Суздаль, а по смерти Игоря (скорѣе Вячеслава) Владимиръ. О достовѣрности этого извѣстія см. Соловьевъ II, пр. 32.

³⁾ Ип. 113. Владимиръ Ярославичъ княжилъ въ Новгородѣ.

⁴⁾ Въ одномъ спискѣ лѣтописи (Тверск. лѣт.) подъ 1061 г. находимъ „а въ Новгородѣ лѣта того еще Князь Ростиславъ Владимировичъ“. (Лейбовичъ, сводн. лѣт. 138).

⁵⁾ Тат. II, 119 гов., что жена Ростислава, узнавъ о смерти своего мужа, хотѣла ѣхать къ отцу въ Венгрію, но Изяславъ дѣтей ей не далъ, а самой ѣхать не воспретилъ.

полѣ, мы находимъ извѣстіе, что Владимиръ и Червенскіе города Изяславъ оставилъ малолѣтнимъ дѣтямъ Ростиславичей ¹⁾; но по смерти Изяслава, Ярополкъ Изяславичъ отнялъ у нихъ часть отчины— Владимиръ.

Въ 1078 г. мы дѣйствительно находимъ извѣстіе, что Всеволодъ въ этомъ году отдалъ Владимиръ вмѣстѣ съ Туровымъ Ярополку Изяславичу ²⁾. Владимиръ вмѣстѣ съ Червенскими городами составлялъ очень приличный удѣлъ, если же Всеволодъ нашелъ нужнымъ прибавить къ Владимиру еще и Туровъ, то мы могли бы видѣть въ этомъ намекъ на то, что Червенскіе города были отдѣлены отъ Владимира въ пользу Ростиславичей. Привітіемъ извѣстія Татищева объяснялось бы и лѣтописное мѣсто о борьбѣ Ростиславичей съ Ярополкомъ, мѣсто контекстъ котораго нѣсколько испорченъ. Подъ 1084 г. „Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на великъ день. Все же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедша прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ Владимира, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери“ ³⁾. Наболѣе естественный смыслъ

¹⁾ Тат. II, 189. „По смерти отца нашего мы хотя малы остались, говорятъ Ростиславичи Святополку, но отецъ твой и Святославъ, помня свою ко отцу нашему роту, Владимира у насъ не отнимали; но какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ, преступя отцово клятвенное обѣщаніе и стрья своего увѣщаніе, насъ Владимира лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвою утвердилъ“. Тат. говоритъ также, что когда Изяславъ, вторично изгнанный изъ Кіева, по смерти Святослава, возвращался въ Русь, ему обѣщали помогать и Ростиславичи (II, 182).

²⁾ Лавр. 128. „Всеволодъ... посади.. Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ“. У Тат. распределеніе волостей иное. Онъ говоритъ, что Изяславъ держалъ Ярополка при себѣ въ Вышгородѣ (II, 132); по смерти Изяслава Всеволодъ оставилъ Ярополку Вышгородъ, придавъ ему Владимиръ, Туровъ же отдалъ Давиду Игоревичу. Что Ярополкъ при Изяславѣ былъ въ Вышгородѣ, говоритъ и Воскрес. лѣтопись.

³⁾ Лавр. 198.

этого нѣсколько темнаго мѣста былъ бы тотъ, что Ростиславичи, воспользовавшись отсутствіемъ Ярополка, задумали овладѣть Владимиремъ. Извѣстіе это впрочемъ ничего ни говоритъ ни за, ни противъ того, чтобы Ростиславичи сидѣли тогда уже на Черв. землѣ. Нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ полагаютъ, что Ростиславичи были въ это время въ положеніи изгоевъ и получили Червенскіе города только послѣ попытки отнять у Ярополка Владимира. Это предположеніе кажется намъ довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь Ростиславичей (быть можетъ вложенная въ ихъ уста сочувствовавшимъ имъ лѣтописцемъ) отличается тенденціозностью—т. е. хочетъ установить древнее право Ростиславичей на Волинь и Червенскіе города. Имъ объясняется и то обстоятельство, что Ярополкъ, обязанный Всеволоду тѣмъ, что усидѣлъ во Владимирѣ, вдругъ вступаетъ съ нимъ во враждебныя отношенія „послушавшю ему злыхъ свѣтників“ ²⁾. Какъ разъ передъ этимъ лѣтописецъ сообщаетъ о надѣленіи Всеволодомъ одного изъ своихъ безпобойныхъ родственниковъ, изгоя Давида Игоревича, Дорогобужемъ, погоринскимъ городомъ. Весьма вѣроятно, что тогда же Ростиславичамъ и были выдѣлены Черв. города (б. м. предприимчивые изгон захватили ихъ силой, а Всеволодъ только призналъ ихъ въ княженіи). Так. обр. Ярополкъ очутился съ двухъ сторонъ окруженнымъ враждебными князьями, смотрѣвшими на его Владимиръ, какъ на свою отчину. Поэтому то положеніе его стало весьма опаснымъ; естественно, что онъ во всемъ обвинялъ Всеволода и считалъ все это преднамѣренно устроеннымъ съ цѣлью лишить его Владимира. Ярополкъ собирается идти ратью на Всеволода, но послѣдній предупреждаетъ его; Владимиръ Всеволодовичъ идетъ на Волинь, Ярополкъ изъ Луцка поспѣшно

¹⁾ Авторъ статьи о смерти Ярополка Изяславича (Современникъ, т. XVI р. II). Приговоръ Любечскаго съѣзда, по которому за тѣмъ „имъ же раздавалъ Всеволодъ города, Давидови Володимеръ (по смерти Ярополка), Ростиславичема Перемышль Володареви, Теревовль Василькови“, укрѣплены волости, указываетъ на то распредѣленіе волостей, какое существовало въ эпоху смерти Всеволода, ибо въ 1186 г. въ Перемышлѣ сидѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ, умершій въ 1092 г. (Ип. Лавр. 199, 208).

²⁾ Ип. 144.

бѣжить въ Ляхи, оставивъ въ Луцкѣ мать и дружину. Владимиръ безъ борьбы занимаетъ Луцкѣ („дашася Лучане“ ¹⁾); Владимиръ онъ однако отдастъ не Ростиславичамъ, а болѣе ихъ ловкому Давиду Игоревичу.

Въ Польшѣ, куда бѣжалъ Ярополкъ, княжилъ тогда слабый и миролюбивый Владиславъ Германъ, занявшій княжескій престолъ послѣ изгнанія брата, Болеслава Смѣлаго, побѣжденнаго поповствомъ. Около времени прибытія Ярополка, по настоянію Венгерскаго короля, былъ возвращенъ въ Польшу сынъ Болеслава Смѣлаго, Мечиславъ, юноша, подававшій блестящія надежды. До 1086 г. Владиславъ не имѣлъ сына ²⁾, Мечиславъ поэтому могъ рассчитывать занять польскій престолъ по смерти дяди. Вѣроятно, уже во время пребыванія въ Польшѣ, Ярополкъ предложилъ Мечиславу руку своей сестры. Длугошъ правда говоритъ, что бракъ этотъ былъ устроенъ самимъ Владиславомъ (*Vladislawo ordinante*, L, IV, p. 322), но естественнѣе предположить, что инициатива его шла отъ Ярополка или Мечислава. Последнему тѣсный союзъ съ Русью представлялъ много выгодъ, между тѣмъ какъ Владиславу было вовсе не на руку сближеніе племянника, имѣвшаго права на княжескій столъ, съ Русскимъ княземъ. Бракъ впрочемъ былъ заключенъ уже по смерти Ярополка—въ 1088, а въ слѣд. году умеръ и Мечиславъ, какъ полагали, отъ отравы ³⁾.

¹⁾ Ип. 144.

²⁾ Законнаго, ибо Болеславъ Крив. род. лишь въ 1086 (см. *Bielowski, Urodziny Bol. Krzyw. Przew. nauk. 1872*, цитата у Смольки, *Szkice hist.* II, p. 80, пр. 17). Збигнѣвъ, старшій сынъ Владислава былъ отъ наложницы.

³⁾ Время возвращенія Мечислава въ Польшу многіе аналы относятъ къ 1086 г., время женитьбы къ 1088, а годъ смерти къ 1089 (*Ann. Cap. Sac. M. P. II, 796, Roczn. Świętokrz. dawny, M. P. II, 773, R. Jęszdziwoja; ib. 874*). У Длугоша возвращеніе Мечислава къ 1084, бракъ къ 1088. Въ нашихъ лѣтописяхъ бѣгство Ярополка въ Польшу отнесено къ 1085, возвращеніе и смерть по однимъ спискамъ къ 1086, по другимъ къ 1087.

Мы уже выше (р. 55, пр. 2) указывали на странное мнѣніе нѣкоторыхъ польскимъ писателей, будто Владиславъ отдалъ Мечиславу Червенскіе города (не принадлежавшіе ему), потому, что жена Мечи-

Съ польской помощью идетъ на Волынь Ярополкъ 1); Владимиръ Мономахъ, устраивавшій тогда Волынскія дѣла, уступаетъ ему Владимиръ. Ярополкъ идетъ въ походъ на Ростиславичей (иде Звенигороду), но на дорогѣ его убиваетъ какой-то Нерадецъ, который затѣмъ бѣжитъ къ Рюрику Ростиславичу въ Перемышль. Поэтому въ убійствѣ Ярополка и обвиняютъ Ростиславичей 2).

Но если Ростиславичи этимъ путемъ надѣялись приобрѣсть Волынь, то расчетъ ихъ не оправдался. Владимиръ отдается опять Давиду Игоревичу; т. обр. Ростиславичамъ не удалось объединить Волыни и Галича; эти области остаются раздѣленными до самаго конца XII в. Не видно, чтобы Поляки принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ на Волыни (мы выше видѣли, что нѣкоторые источники отрицаютъ даже помощь Поляковъ Ярополку); это гл. обр. зависѣло отъ мало дѣятельнаго характера Владислава. Вѣроятно, Давидъ вступилъ съ Владиславомъ въ дружественныя отношенія—въ борьбѣ со Святополкомъ онъ ищетъ помощи въ Польшѣ. Союзъ Ляховъ съ Давидомъ былъ выгоденъ обѣимъ сторонамъ—обѣ стороны соединяла вражда къ Ростиславичамъ. Послѣдніе были крайне недовольны тѣмъ, что Владимиръ ускользнулъ изъ ихъ рукъ—Давидъ имѣлъ поэтому полное основаніе опасаться Галицкихъ князей. Въ то же время Ростислава

слава была лишь сестрой Ростиславичей. Набѣги Ростиславичей на Польшу эти ученые объясняютъ местию за смерть Мечислава!

1) О помощи Поляковъ гов. Длугошъ (Л. III, р. 289), Тат. (II, 138) наоборотъ говорить, что Ярополкъ не могъ получить помощи отъ Ляховъ.

2) Авторъ остроумнаго судебного слѣдствія подъ дѣломъ убіенія Ярополка (Соврем. т. XVI) считаетъ убійцею Ярополка Давида Игоревича, но доказательства его, опирающіяся главнымъ образомъ на характеръ Давида и на той пользѣ, которую ему могла принести смерть Ярополка, мало убѣдительны: Ростиславичамъ смерть Ярополка была точно также весьма полезна; съ другой стороны, если намъ и извѣстно брагородство характера одного изъ Ростиславичей, Василька, то о личности Рюрика мы почти ничего не знаемъ, а къ нему то и бѣ-

славичи начинают свои опустошительные набѣги на Польшу, вѣроятно вызывавшія такіе-же отвѣтные походы. Въ такомъ положеніи находились дѣла до Любечскаго сѣзда и послѣдствій ослѣпленія Василька.

Катастрофа, разразившаяся надъ Василькомъ Ростиславичомъ послѣ Любечскаго сѣзда, остановила на время его предпріятія противъ сосѣдей. Извѣстны событія на Руси, наступившія послѣ злодѣйскаго поступка Давида. Мы коснемся только участія Польши въ этихъ событіяхъ.

По примирительному договору съ князьями, обвинявшими его за участіе въ ослѣпленіи Василька, Святополкъ долженъ былъ наказать Давида Игоревича, Владимирскаго князя, лишеніемъ удѣла (по обычаю—аще ся извинитъ князь, то въ мѣсто). Однако онъ не идетъ прямо на Владимиръ, а отправляется къ Берестью, пограничному городу Русской и Лядской земли, для переговоровъ съ Поляками ¹⁾. Довольно трудно объяснить такой образъ дѣйствія Святополка. Не имѣлъ ли онъ свѣдѣній о близкихъ отношеніяхъ Давида къ Ляхамъ, имѣвшимъ общихъ съ Владимирскимъ княземъ враговъ въ Ростиславичахъ, и потому хотѣлъ прежде если не переманить Ляховъ на свою сторону, то, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ ихъ нейтралитетъ, убѣдивъ ихъ въ томъ, что перемѣна княжеской линіи на Волыни нисколько не повлечетъ за собою перемѣны политики Волынскихъ князей по отношенію къ Ростиславичамъ? Это соображеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Поляки дѣйствительно сохраняютъ рѣшительный нейтралитетъ въ событіяхъ Галицко-Волынскихъ. Они не помогаютъ ни Давиду, ни Святополку, но съ удовольствіемъ принимаютъ дары отъ обѣихъ сторонъ, а Давида манятъ ложными обѣщаніями.

Узнавъ о переговорахъ Святополка съ Ляхами изъ Берестья, Давидъ самъ отправляется за помощью къ Владиславу Лядскому и

жалъ Нерядецъ. Въ убійствѣ Ярополка обвиняетъ Давида и Зубрицкій (Ист. др. гал. русск. княж. II, 27). Защищаетъ Давида Соловьевъ (II, р. 31).

¹⁾ Ип. 176.

предлагаетъ ему 50 гривенъ золота въ видѣ задатка за помощь противъ Святополка. Но Владиславъ уклоняется отъ дѣйствительной помощи и предлагаетъ Давиду вмѣстѣ съ нимъ пойти къ Берестью, куда его звалъ Святополкъ для личныхъ переговоровъ. Владиславъ общается Давиду помирить его тамъ со Святополкомъ. Но, говоритъ лѣтописецъ, Святополкъ большими дарами отвлекъ Владислава отъ союза съ Давидомъ. Татищевъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности переговоровъ Владислава со Святополкомъ, неизвѣстныя нашей лѣтописи: „Святополкъ зоветъ къ себѣ на пиръ Владислава; послѣдняго встрѣчаетъ „у рундука“ сынъ Святополка, а самъ Святополкъ принимаетъ его среди храмины; на слѣдующій день Владиславъ даетъ въ свою очередь пиръ и торжественно встрѣчаетъ Святополка на берегу р. Буга. Помимо того князья часто сѣзжались для переговоровъ, въ которыхъ дѣло шло болѣе всего о бракѣ чдоери Святополка съ сына Владислава, Болеславомъ. Бракъ этотъ былъ рѣшенъ, но по малолѣтству жениха и невѣсты отложенъ на 5 лѣтъ. Кромѣ того Поляки общаются Святополку помогать ему противъ Давида и даже выдать Давида, если онъ снова явится въ Польшу. Давиду, въ свою очередь, они общаются помощь противъ Святополка (послѣднее вполне согласно съ лѣтописью) ¹⁾.

Подробности эти, вѣроятно, взяты Татищевымъ изъ какого то недодешаго до насъ списка южной лѣтописи, и весьма вѣроятны; остальную борьбу Святополка съ Давидомъ Татищевъ передаетъ вполне согласно съ нашей лѣтописью.

Такимъ образомъ, Поляки нашли для себѣ болѣе выгоднымъ союзъ со Святополкомъ и отступили отъ Давида. Послѣдній имѣлъ однако еще наивность вѣрить обѣщаніямъ Владислава, но Святополкъ на столько былъ увѣренъ въ прочномъ союзѣ своемъ съ Поляками и ихъ измѣнѣ Давиду, что ведетъ крайне вяло борьбу съ Давидомъ, сознавая, что послѣдній, покинутый союзниками, все равно въ его рукахъ. Дѣйствительно, когда послѣ семинедѣльной осады Святополкомъ Владимира Давидъ наконецъ убѣдился, что Ляхи его провели, онъ проситъ Святополка выпустить его изъ Владимира. Святополкъ охотно на это соглашается и безъ борьбы занимаетъ Владимиръ. Давидъ бѣжитъ сначала въ Червень, потомъ опять въ Ляхи. Но здѣсь онъ, какъ

¹⁾ II, p. 187—188.

и прежде, не находить помощи, а потому, покинутый Ляхами, обманутый Святополкомъ, свалившимъ на него всю вину ослѣпленія Василька и лишившимъ его еще удѣла, переходить на сторону Ростиславичей, которыхъ, вѣроятно, со свойственной ему ловкостью успѣлъ убѣдить, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ Святополка ¹⁾.

Ляхи, кажется, вообще не хотѣли мѣшаться въ Галицко-Волынскія дѣла; съ одной стороны дома у нихъ не было мира; приходилось постоянно бороться съ Поморянами, грозила и опасность со стороны партіи приверженцевъ незаконнаго сына Владислава, Збигнѣва, который въ послѣдніе годы правленія Владислава и первые Болеслава не только поднималъ домашнія смуты, но приглашалъ на помощь и иностранныхъ сосѣдей Польши, для поддержанія своихъ правъ. Съ другой стороны, нейтралитетъ въ русскихъ дѣлахъ былъ въ данное время наиболѣе выгоденъ Ляхамъ; кто бы ни сѣлъ во Владимирѣ Святополкъ, или Давидъ, для Ляховъ было безразлично, ибо интересы владимирскаго князя сами по себѣ требовали союза съ Ляхами. Владиславъ поэтому отказываетъ въ помощи Давиду, но не видно, чтобы онъ помогалъ и Святополку. По крайней мѣрѣ разбитый Ростиславичами Святополкъ приглашаетъ на помощь Угровъ, а не Ляховъ.

Извѣстно то страшное пораженіе, которое нанесъ Уграмъ Давидъ съ Половцами Боняка; говорили, что Угровъ погибло въ битвѣ подъ Перемышлемъ 40 тысячъ ²⁾. Ярославъ Святополковичъ, приведшій Угровъ, долженъ было бѣжать въ Ляхи. Давидъ вернулъ было свой удѣлъ, но по рѣшенію витичевского съѣзда снова долженъ былъ лишиться Владимира, въ которомъ усѣлась линія Святополка ³⁾.

¹⁾ Ип. 176 — 179.

²⁾ На сколько сильно было пораженіе Угровъ, видно изъ того, что Коломанъ взялъ съ сына на смертномъ одрѣ клятву отомстить Русскимъ за пораженіе (Thugocz, с. LXII).

³⁾ Ип. 179. „Даша ему (Давиду) Дорогобужъ, у нѣмъ же и въ-мрѣ; а Святополкъ перея Володимеръ, и посади сына своего Ярослава“. Но въ подробномъ описаніи витичевского съѣзда (Ип. 180—181) сказано, что Давиду дали сначала удѣлъ въ Волынской землѣ (Божскъ, Острогъ, Дубень и Черторыескъ); но потомъ Святополкъ взамятъ этого удѣла далъ ему погоринскій городъ Дорогобужъ; оче-

Съ этой поры и до того времени, пока на Волини сидѣла линія Святополка, мы постоянно видимъ Ляховъ на ея сторонѣ; помимо политическихъ соображеній, не малую роль играли въ этихъ союзническихъ отношеніяхъ и родственныя связи, — сынъ Владислава, Болеславъ Кривоустый, тотчасъ по смерти отца оженился дочерью Святополка, Сбыславою; но, кажется, родственныя связи домовъ Владислава и Святополка были заключены еще раньше—одна изъ дочерей Владислава вышла за одного изъ сыновей Святополка (см. главу о бракахъ).

Обстоятельства Польши первыхъ лѣтъ правленія Болеслава требовали тѣснаго союза съ Русью, — половину своего правленія Болеславъ провелъ въ борьбѣ съ братомъ Збигнѣвомъ, поднимавшимъ противъ него какъ домашнія смуты, такъ и сосѣдей—Нѣмцевъ, Чеховъ и Поморянъ. Упорная борьба съ Поморянами отвлекала постоянно Болеслава на сѣверъ, не разъ пришлось ему выдержать и тяжелую борьбу съ Венгріей. Поэтому-то всѣ отношенія Болеслава къ Руси ограничивались оборонительными дѣйствіями противъ Ростиславичей, не перестававшихъ тревожить Польшу набѣгами, да помощью родственнымъ князьямъ противъ враждебной имъ линіи Мономаховичей. Но и въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствія Польши относительно Руси не отличались энергіей; правда, Болеславу удалось прекратить набѣги Ростиславичей, но въ этомъ онъ успѣлъ не силою, а хитростью. Права своихъ родственниковъ, Святополковичей, онъ поддерживаетъ довольно вяло.

Однако нашему утверженію, что Болеславъ по смерти отца тотчасъ же возобновилъ его тѣсный союзъ съ кievской Русью ¹⁾, противорѣчитъ извѣстіе писателя середины XII в., жизнеописателя Оттона

видно, Святополкъ боялся безпокойнаго изгоя; особенно его могла безпокоить недавняя дружба Давида съ Ростиславичами.

¹⁾ Что Владиславъ до конца дней своихъ оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ со Святополкомъ, это, кажется намъ, подтверждается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что годъ смерти Владислава занесенъ въ нашу лѣтопись. Вѣроятно, Святополку пришло посольство изъ Польши, извѣщавшее его о смерти Владислава, возмущеніи Болеслава и вмѣстѣ съ тѣмъ просившее для Болеслава руки Сбыславы Святополковны.

Бамбергскаго, Герборта, о борьбѣ Болеслава съ русскимъ княземъ (котораго онъ называетъ Rex Ruthenorum), блистательныхъ побѣдахъ перваго и мирѣ, который былъ принужденъ заключить русскій князь, скрѣпившій его бракомъ Болеслава со своей дочерью. Нѣкоторые писатели ¹⁾ придаютъ значеніе сообщаемымъ Гербортомъ извѣстіямъ и относятъ ихъ къ неизвѣстной намъ по другимъ источникамъ борьбѣ Болеслава со Святополкомъ въ началѣ правленія перваго.

Чтобы убѣдиться, насколько состоятельно такое мнѣніе, приведемъ рѣчь Герборта *in extenso* и разберемъ его ²⁾.

„Враги Польши, съ которыми Болеславъ велъ въ разное время попеременно борьбу, были съ одной стороны Чехи, Моравы, Венгры, съ другой Русь, народъ жестокой и суровый, которые, опираясь на помощь Половцевъ, Пруссавъ и Поморянъ, упорно и долго съ нимъ боролись, впрочемъ, тщетно, ибо побѣжденные рѣшили вмѣстѣ съ своимъ княземъ просить (*cum rege suo*) у него мира. Но Болеславъ, вѣчно неутомимый для войны и трудовъ, не хотѣлъ согласиться на миръ, прежде чѣмъ получить удовлетворенія какой нибудь особенной почестью. Русскій князь съ своими вельможами (*rex et omnes principes*), поразмысливъ, что имъ нельзя быть спокойными безъ дружбы и мира князя (польскаго), предложили ему самому найти путь ко взаимному миру и любви, положившись на его мудрость и честь; онъ же счелъ самымъ лучшимъ для скрѣпленія мира просить руки дочери (русскаго князя), которую и получилъ въ жены... Тестъ и зять осыпали другъ друга многими знаками расположенія.. Но миръ этотъ былъ коротокъ ибо спустя немного лѣтъ умираетъ русская, жена Болеслава, оставивъ ему одного только сына; вмѣстѣ съ этимъ какъ бы порвалась связь, которою только и держалась дружба зятя съ тестемъ, и недавно прервавшіеся враждебныя отношенія снова по немногу разгораются... „Затѣмъ идетъ разсказъ,

¹⁾ Roepell, *Gesch. Polens* I, 230; Bielowski, *Mon. Pol.* II, 74. Małecki, *Rozgląd w dziejach i polityce pierw. Polski*, *Prz. nauk.* 1875.

²⁾ См. *Herbordi dialogus de Ottone, episcopo, Bambergensi*, *Bibl. rer. Germanic.* ed. Jaffé, t. V, p. 747, sq. Разборомъ этого извѣстія Герборта занимается и А. Петровъ, *Гербортова біографія Оттона Бамб.*, Ж. М. Н. П. 1883 г. № II.

какъ Болеславъ совѣтуется съ вельможами, какимъ бы образомъ прекратить эту борьбу, и какъ вельможа Петръ берется хитростью, безъ помощи военныхъ средствъ, положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ Русскихъ и успѣваетъ дѣйствительно въ томъ, захвативши обманомъ въ плѣнъ ихъ князя (regem Ruthenorum).

Достаточно нѣсколько внимательно вчитаться въ этотъ рассказъ, чтобы замѣтить въ немъ много неточности, неясности и смѣшенія во едино совершенно разныхъ обстоятельствъ. Гербортъ не опредѣляетъ времени борьбы Болеслава съ Русскими, это было „во время оно“; однако можнобы думать, что время это ихъ событій совершенно точно опредѣляется передъ заключеніемъ брака Болеслава. Но изъ нашей лѣтописи мы знаемъ, что Сбыслава Святополковна отправилась въ Польшу въ годъ смерти отца Болеслава. Когда же было тутъ время для *домой* и упорной борьбы русскаго и польскаго князей? Пришлось бы предположить, что борьба эта началась еще при жизни Владислава, и только приведена Болеславомъ къ успѣшному для него концу. Но ни одинъ древній источникъ не говоритъ намъ о враждебныхъ отношеніяхъ между Владиславомъ и Святополкомъ, да и самъ Гербортъ говоритъ лишь о борьбѣ самого Болеслава съ Русью ¹⁾.

¹⁾ Однако у Длугоша подѣ 1101 г. мы находимъ подробный рассказъ о походѣ русскихъ князей на Польшу и побѣдѣ надъ ними Болеслава. Перечисляются даже всѣ князья, ходившіе на Ляховъ; это Владимиръ Новгородскій, Давидъ и Олегъ Переяславскіе, Володаръ Перемышльскій и Ярославъ Ярополчичъ. Русскіе переходятъ Вислу и грабятъ Польскія земли. Когда они возвращались, обремененные добычей, на нихъ внезапно нападаетъ Болеславъ и наноситъ имъ блистательное пораженіе. Повидимому, рассказъ Длугоша можетъ служить только подтверженіемъ извѣстія Герборта, тѣмъ болѣе, что Длугошъ прибавляетъ, что походъ этотъ былъ предпринятъ русскими князьями помимо воли Святополка (*abnuente et detrectante hujusmodi expeditionem Svantopelkone duce Kioviensi*). Тѣмъ не менѣе весь этотъ рассказъ представляетъ чистѣйшій вымыселъ. М. Галль (L. II, с. 19.) рассказываетъ о блестящей побѣдѣ, одержанной Болеславомъ надъ Половцами. Хронологической даты для этого событія у М. Галля нѣтъ, но передаетъ онъ его въ главѣ, непосредственно предшествующей

Далѣе, насколько плохо зналъ Гербортъ тѣ обстоятельства, о которыхъ рассказываетъ, видно изъ смѣшенія имъ князя Русскаго, на дочери котораго женился Болеславъ, съ тѣмъ княземъ, котораго обманомъ захватилъ въ плѣнъ Петръ Власть, т. е. Святополкъ съ Володаремъ. Поэтому то извѣстію Герборта и нельзя придавать абсолютной цѣны;—онъ очевидно смѣшиваетъ отношенія Польши къ Галлице съ ея отношеніями къ кievской Руси. Но, на основаніи приведенныхъ нами соображеній, кажется довольно ясно, что никакой борьбы между Святополкомъ и Болеславомъ въ первые годы правленія послѣдняго не было; извѣстіе Герборта о борьбѣ Болеслава съ Русскими нужно отнести къ его борьбѣ съ Ростиславичами, о чемъ мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ.

Ростиславичи дѣйствительно не прекращали и при Болеславѣ враждебныхъ дѣйствій какъ относительно Польши, такъ и относительно Венгріи.

извѣстію о смерти Владислава (по другимъ источникамъ, Владиславъ умеръ 1102 г.). Сравнивая этотъ рассказъ Галла съ приведеннымъ рассказомъ Длугоша, мы замѣчаемъ въ обоихъ полное сходство въ подробностяхъ, только что Длугошъ, по своему обыкновенію, краткій рассказъ Галла распространилъ въ длинное описаніе (у Галла Половцы переходятъ Вислу и опустошаютъ окрестности, затѣмъ, перейдя ту же рѣку обратно, располагаются на отдыхъ; Болеславъ внезапно нападаетъ на нихъ въ *dies dominica*; буквально тѣже подробности у Длугоша, даже день побѣды тотъ же—*dies dominica*). Т. об. Длугошъ только вмѣсто *Planci M.* Галла подставилъ *Rutheni* и передаетъ о небываломъ походѣ русскихъ князей на Польшу. Что же касается именъ князей, участвовавшихъ въ походѣ на Польшу, то Длугошу не трудно было ихъ придумать: онъ сообщаетъ (изъ лѣтописи) о мирѣ Русскихъ князей съ Половцами у Сакова; у него, согласно съ лѣтописью, въ заключеніи этого мира участвуютъ Святополкъ, Владимиръ, Давидъ, Олегъ и Ярославъ. Этихъ то князей, за исключеніемъ Святополка (вѣроятно потому, что позже говоритъ о бракѣ Болеслава съ дочерью Святополка) и съ прибавленіемъ Володаря, (о набѣгахъ котораго на Польшу онъ зналъ) онъ и посылаетъ на Польшу.

Сопоставляя нѣкоторыя отрывочныя замѣтки источниковъ, можно видѣть, что Галицкіе князья пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для нанесенія вреда Польшѣ, соединялись съ ея вѣчными врагами Поморянами, Пруссамъ, употребляли въ дѣла и Половцевъ и принимали дѣятельное участіе въ внутреннихъ распряхъ двухъ сыновей Владислава, Болеслава и Збигнѣва.

О союзѣ Ростиславичей съ Поморянами мы уже говорили выше.

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о томъ, чтобы Галицкіе князья помогали Збигнѣву въ его борьбѣ съ братомъ, но на это наводятъ нѣкоторыя соображенія.

Подъ 1106 г. въ нашей лѣтописи находимъ голое извѣстіе: „Прибѣже Избигнѣвъ къ Святополку“ ¹⁾. Съ этимъ извѣстіемъ нужно сопоставить рассказъ М. Галла о борьбѣ Болеслава съ Збигнѣвомъ, борьбѣ, въ которой принимаетъ участіе и русскій князь, Ярославъ (Святополковичъ). Что Ярославъ былъ на сторонѣ Болеслава, а не Збигнѣва, это совершенно ясно изъ словъ М. Галла. Узнавъ о замыслахъ Збигнѣва, нашедшаго себѣ партію среди польской шляхты и пригласившаго въ помощь Поморянъ и Чеховъ, Болеславъ, въ свою очередь, ищетъ помощи на Руси и въ Венгріи (*ad regem Ruthenorum Ungarorumque pro auxilio delegavit*). Однако ему удается одолѣть Збигнѣва еще до прихода иностранной помощи и заставить его бѣжать за *Вислу*. Между тѣмъ Болеславъ двинулся къ Мазовіи, гдѣ къ нему подошли русскія и венгерскія войска. Збигнѣвъ былъ доведенъ до райности, но, благодаря посредничеству русскаго князя, Ярослава, и краковскаго епископа, Балдуина, дѣло уладилось такимъ образомъ, что Збигнѣвъ принесъ повинную брату, а тотъ отдалъ ему въ ленъ Мазовію. Послѣ этого русскія и венгерскія войска удалились во свояси. Эти же войска Болеславъ снова вызываетъ, когда Збигнѣвъ, не сдержавъ слова, опять сталъ готовить возстаніе противъ брата. На этотъ разъ Болеславу удается совсѣмъ изгнать изъ Польши Збигнѣва ²⁾.

У М. Галла нѣтъ хронологіи описываемыхъ имъ событій, но при сопоставленіи его данныхъ съ краткимъ извѣстіемъ нашей

¹⁾ Лавр.

²⁾ Л. II, с. 35—38.

лѣтописи можно отнести эту послѣднюю борьбу Болеслава съ Збигнѣвомъ къ 1105 или 1106 г.

Збигнѣва нѣсколько позже застаемъ въ Чехіи, откуда онъ и дѣйствовалъ противъ Болеслава.

Приведенныя нами данныя ничего не говорятъ объ участіи Ростиславичей въ польскихъ междоусобіяхъ, хотя Галль называетъ другихъ союзниковъ Збигнѣва, Поморянъ и Чеховъ. Намекъ на участіе Ростиславичей въ описанной борьбѣ находится, кажется, у Туроца ¹⁾, который сообщаетъ что Коломанъ венгерскій собирался идти на Русь. Точнаго обозначенія времени этаго предполагаемаго похода у Туроца нѣтъ, но фактъ этотъ во всякомъ случаѣ относится имъ ко времени до 1106 года. Если мы обратимъ вниманіе на тѣ дружественныя отношенія, въ которыхъ тогда находились Коломанъ и Болеславъ, то намъ покажется весьма вѣроятною гипотеза, что походъ Коломана (которому помѣшали домашнія усобицы) готовился имъ противъ князей южной Руси, дабы отвлечь ихъ отъ нападенія на Польшу (какъ мы думаемъ въ пользу Збигнѣва).

Въ такомъ положеніи оставались русско-польскія отношенія до конца княженія Святополка: Кіевъ и Волынь поддерживаютъ Болеслава, Ростиславичи по прежнему враждуютъ съ Польшей.

Въ 1113 г., со смертію Святополка, линія Изяслава смѣнилась на Кіевскомъ столѣ линіей Всеволода. Волынь отдѣлилась отъ Кіева. вмѣстѣ съ этимъ, лишь только опредѣлились политическія стремленія кіевского князя Владимира Мономаха, какъ и на югѣ Руси начинается иная группировка политическихъ отношеній.

Властолюбивыя стремленія Мономаха, желавшаго не по одному имени быть великимъ княземъ, мало по малу стали беспокоить другихъ удѣльныхъ князей. Владимиръ, вопреки обычаю, занявъ Кіевъ, вовсе не думалъ переуступать младшимъ родственникамъ своихъ удѣловъ, а задержалъ и ихъ за своей семьей. Противъ такого новаго порядка первымъ выступилъ Глѣбъ полоцкій, но безъ особеннаго труда былъ побѣжденъ Мономахомъ.

Вскорѣ затѣмъ противникомъ объединительныхъ стремленій Мономаха выступаетъ волынской князь, Ярославъ Святополковичъ. Стремленія Мономаха казались ему тѣмъ болѣе обидными, что онъ самъ по родовымъ счетамъ могъ имѣть претензіи на Кіевъ—вѣдь Любечскимъ съѣздомъ за каждымъ была закрѣплена его отчина. При

томъ Ярославу принадлежала даже, какъ кажется, не вся Волынь, а лишь часть ея; погоринскіе города (какъ еще довольно долго потомъ) оставались за кievскимъ княземъ.

Въ борьбѣ Ярослава съ Владимиромъ дѣятельное участіе принимаютъ Ляхи и Ростиславичи. Но между тѣмъ какъ первые неизмѣнно поддерживаютъ Ярослава, Ростиславичи сначала помогаютъ Мономаху противъ Ярослава, но затѣмъ круто измѣняютъ политику и переходятъ на сторону волынскаго князя.

Причина той неизмѣнной помощи, которую оказывалъ Ярославу Болеславъ Кривоустый, заключалась какъ въ родственныхъ отношеніяхъ, связывавшихъ этихъ князей, такъ и въ политическихъ соображеніяхъ: Польшѣ было выгоднѣе имѣть ближайшимъ сосѣдомъ сравнительно слабого удѣльнаго князя, при томъ ей обязаннаго, нежели сильнаго князя кievскаго.

Поведеніе Ростиславичей можно объяснить тѣмъ, что они вначалѣ могли надѣяться на присоединеніе Волыни къ своимъ удѣламъ, но когда убѣдились, что этого имъ не дождаться, и разглядѣли настоящія стремленія Мономаха, то тотчасъ же перемѣнили союзъ съ Мономахомъ на союзъ съ Ярославомъ. Это объясненіе кажется намъ естественнѣе предположенія нѣкоторыхъ писателей, будто Ростиславичи плѣномъ Володаря стали въ зависимость отъ Польши и обязались помогать ей ¹⁾. Совмѣстное дѣйствіе Ростиславичей съ Поляками въ пользу Ярослава имѣетъ характеръ случайный и нисколько не говоритъ въ пользу зависимости Галича отъ Польши въ это время. Наоборотъ, есть извѣстія ²⁾, что Ростиславичи послѣ смерти Ярослава не разъ еще тревожили набѣгами Польшу.

Борьба Ярослава съ Владимиромъ была неудачна для перваго, несмотря на поддержку со стороны Польши и Венгріи. Одну изъ причинъ его неуспѣха можно кажется видѣть въ томъ, что дома, на Волыни, онъ не встрѣтилъ поддержки. Общественная жизнь была довольно

¹⁾ Roerell, I, 289. Впрочемъ онъ замѣчаетъ, что послѣ мира между Владимиромъ и его двоюродными братьями, Ростиславичи возвратились къ естественной связи съ Русью, такъ что зависимость ихъ отъ Польши продолжалась не долго.

²⁾ Тат. подъ 1124 г.; Длугошъ, L. IV, p. 423—24.

слабо развита на Волыни, народное вѣче рѣдко себя заявляетъ. По строю общественной жизни Волынь весьма сходна съ Галичемъ; какъ кажется, и на Волыни, подобно Галичу, элементъ боярства переселился вѣче, элементъ массовой. Какъ бы то ни было, но боярство Волынское (въ данномъ случаѣ трудно рѣшить, была ли это княжеская дружина или зарождавшаяся мѣстная аристократія) измѣняетъ Ярославу въ пользу Мономаха. „Выбѣже Ярославъ Святполчичъ изъ Володимера Угры, и бояре его отступилиша отъ него ¹⁾).

Есть указанія ²⁾, что Ярославъ уже при первомъ столкновеніи съ Владиміромъ заключилъ тѣсный союзъ съ Ляхами; трудно думать, чтобы дѣло шло только, какъ говоритъ Татищевъ, о присоединеніи къ владѣніямъ Ярослава погоринскихъ городовъ. Не думалъ ли скорѣе Ярославъ о восстановленіи своихъ правъ на Кіевъ? Во всякомъ случаѣ Мономахъ узналъ во время о приготовленіяхъ Ярослава и предупредилъ его. Что волынскія дѣла были весьма серьезны въ глазахъ Мономаха, видно изъ той значительной рати, которую онъ двинулъ на Ярослава; ему помогаютъ Давыдъ Ольговичъ и Ростиславичи. Ярославъ, какъ видно, не получившій подкрѣпленія изъ Польши, долженъ былъ смириться. (1117 г.) ³⁾ Не долго однако усидѣлъ онъ во Владимірѣ. Уже въ слѣдующемъ году, едвали не вслѣдствіе измѣны бояръ, онъ бѣжитъ въ Польшу. Что враждебныя отношенія Ляховъ были хорошо извѣстны

¹⁾ Ип. 205.

²⁾ Тат. II, 219.

³⁾ У Тат. II 219 походъ Мономаха на Владиміръ разсказанъ, за исключеніемъ подробности о союзѣ съ Ляхами, сходно съ лѣтописью, хотя многословнѣе. Есть впрочемъ еще одна лишняя подробность противъ лѣтописи—что Мономахъ звалъ Ярослава въ Кіевъ на судъ князей. Подробности этой придаетъ значеніе Соловьевъ (II, пр. 164), и она вѣроятна, въ виду любви Мономаха вершить дѣла третейскимъ судомъ; вспомнимъ, что Мономахъ звалъ Олега въ Кіевъ на судъ третейскій епископовъ, игуменовъ, дружины и горожанъ (Ип. 160). Нѣкоторые ученые склонны даже видѣть у Мономаха стремленіе къ учрежденію обще-русскаго вѣча. (Кояловичъ, Историч. Живучесть Русскаго Народа). Замѣтимъ однако, что это мнѣніе почтеннаго ученаго едвали можетъ выдержать критику.

Владимиру, это доказываетъ походъ Андрея Владимировича, занявшаго во Владимирѣ мѣсто умершаго брата, Романа, въ Ляхи вмѣстѣ съ Половцами въ 1120 г. ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году Ярославъ дѣлаетъ неудачную попытку овладѣть съ помощью Ляховъ однимъ изъ своихъ волынскихъ городовъ, Червеномъ. Попытку вернуть свой удѣлъ онъ повторяетъ и въ слѣдующемъ году, но уже съ значительными силами—на его сторонѣ, кромѣ Ляховъ, Венгры, Чехи и Ростиславичи. Участвовалъ ли Болеславъ лично въ походѣ на Волынь, неизвѣстно, но венгерскій лѣтописецъ упоминаетъ о личномъ присутствіи при осадѣ Владимира своего короля. Одинъ изъ Ростиславичей, Володаръ, какъ разъ къ этому времени освободился изъ польскаго плѣна, въ который былъ хитростію захваченъ. Тѣмъ не менѣе присутствіе Ростиславичей въ войскѣ Ярослава едва ли слѣдуетъ, какъ мы уже говорили, объяснить ихъ вассальными отношеніями къ Польшѣ послѣ плѣна Володаря; мы скорѣе видимъ въ этомъ постоянную политику Галицкихъ князей, не желавшихъ, въ собственныхъ интересахъ давать усиливаться однимъ князьямъ на счетъ другихъ и всегда поддерживавшихъ князей слабѣйшихъ. Пока на Волыни сидѣлъ Ярославъ, Ростиславичи дѣйствовали противъ него совместно съ Мономахомъ, быть можетъ въ надеждѣ поживиться наслѣдствомъ Ярослава. Когда на Волыни по изгнаніи сѣлъ Романъ Владимировичъ, Ростиславичи не протестовали, потому что Романъ былъ свойственникомъ ихъ, (онъ былъ женатъ на дочери Володаря). Но когда по смерти Романа Мономахъ опять таки вовсе не думалъ уступать Волыни галицкимъ князьямъ, а рѣшительнымъ образомъ заявилъ намѣреніе оставить и это княжество за своимъ родомъ, посадивъ тамъ другаго сына, Андрея, Ростиславичи перешли на сторону Ярослава.

¹⁾ У Тат. II, 221, Ярославъ прогоняетъ жену (внучку Мономаха) и это причина вторичнаго похода Мономаха ко Владимиру. Подъ 1120 у Тат. походъ Андріана Почаина, воеводы, на Польшу. Тат. очевидно невѣрно прочелъ лѣтописное—*Андрей съ погаными*, или тутъ нужно винить тотъ плохой списокъ, съ котораго издана исторія Татищева.

Второй походъ Ярослава на Волынь былъ послѣднимъ въ его жизни—при осадѣ Владимира онъ былъ убитъ, а союзники его разошлись „каждо во свояси, а к Володимеру с молбою и с дары послаша послы“. Волынь такимъ образомъ окончательно осталась за Мономахомъ ¹⁾.

¹⁾ Обстоятельства дѣла Ярослава нѣсколько разнo рассказаны въ лѣтописи, у Длугоша и у Татищева. Сравнивая рассказы двухъ послѣднихъ, мы легко замѣтимъ, что оба пользовались спискомъ лѣтописи южнаго извода, только что списокъ Татищева, кажется, былъ полнѣе списка Длугоша. Первое столкновеніе Ярослава съ Владимиромъ рассказано у Длугоша (L. IV, p. 410) согласно съ лѣтописью, только что перепутаны имена князей русскихъ, помогавшихъ Мономаху. Затѣмъ Длугошъ говоритъ, что Владимиръ узнавъ о томъ, что Ярославъ продолжалъ противъ него злоумышлять, звалъ его въ Кіевъ (*litteris et nuntiis*); Ярославъ требуетъ отъ Мономаха охранной присяги; Владимиръ ее даетъ, но, не смотря на это, Ярославъ бѣжитъ въ Польшу, гдѣ проживаетъ 4 года (p. 411). Во Владимирѣ Мономахъ садитъ сына Романа; по+его 14 января 1118 (въ Ип.+Романа 6 января 1118, въ Лавр. 15 января 1119), тамъ садится Андрей Владимировичъ. Въ описаніи послѣдняго похода Ярослава (съ Поляками и Венграми) на Волынь Длугошъ отступаетъ отъ лѣтописи въ подробностяхъ смерти Ярослава (помимо того, что онъ заставляетъ его идти на Кіевъ, вмѣсто Владимира). Ярославъ идетъ съ Болеславомъ въ Русь; у Перемышля къ нимъ присоединяется Коломанъ венгерскій (братъ короля), Володаръ, Василько и Владимиръ Володаревичъ. Съ 7 т. отрядомъ Ярославъ идетъ впередъ и занимаетъ Белзъ, Червень и Владимиръ. Отсюда всѣ идутъ на Кіевъ. Но Ярославъ опять идетъ впередъ, разбиваетъ вышедшій изъ Кіева отрядъ и преслѣдуетъ его до Лядскихъ воротъ (*ad portam, quae Polonica appellatur*), но тутъ изъ Кіева выходитъ новый отрядъ, отражаетъ враговъ и ранитъ самаго Ярослава, который отъ ранъ спустя нѣсколько дней умираетъ. Союзники продолжаютъ осаду Кіева, но Андрей проситъ у нихъ мира который и получаетъ при посредствѣ Василька и Володаря (p. 419—420). Татищевъ (у котораго въ числѣ причинъ похода Мономаха на Ярослава находимъ и извѣстіе о дурномъ обращеніи послѣдняго съ женою)

Мы уже говорили, что Одинъ изъ Ростиславичей попалъ въ польскій плѣнъ. Исторія этого плѣна, очевидно, надѣлала въ свое время много шума и дошла до насъ въ разсказахъ многихъ источниковъ (хроники Ортлиба Звифальтенскаго, у Герборта, въ биографіи Оттона Бамбергскаго, у Кадлубка, въ нашей лѣтописи, въ которой, къ сожалѣнію, осталась одна ссылка на это происшествіе, а самый разсказъ до насъ не дошелъ, и наконецъ въ хроникѣ о Петрѣ Властѣ). Всѣ эти разсказы разнятся между собою въ частности, но всѣ согласны въ томъ, что плѣнъ Володаря былъ послѣдствіемъ его постоянныхъ набѣговъ на Польшу, и всѣ выставляютъ героемъ этого событія знаменитаго польскаго вельможу XII вѣка, Петра Власта.

сообщаетъ также нѣсколько отличныхъ отъ лѣтописныхъ подробностей о дѣлѣ Ярослава. У него Ярославъ два раза дѣлаетъ попытку овладѣть Червномъ (б. м. это одно и то же событіе, но занесенное въ разныхъ спискахъ подъ разными годами).—Вторую осаду Червена (1121 г.) онъ весьма подробно описываетъ: воспользовавшись пребываніемъ Мономаха въ Смоленскѣ, Ярославъ съ 6 т. Поляковъ идетъ на Волынь и осаждаетъ Червень, въ которомъ воевода Оома Ратиборичъ успѣлъ собрать около 1000 войска. Видя свои слабыя силы, Оома употребляетъ въ дѣло хитрость. Онъ ввелъ всѣхъ жителей въ градъ, а въ предградіи поставилъ вина и медъ, въ надеждѣ, что Поляки ими упьются. Затѣмъ онъ посылаетъ къ Ярославу Василя Бора, который завѣряетъ его, что жители Червена готовы ему сдаться, и совѣтуетъ для большаго ихъ устрашенія разослать войска жечь окрестности. Ярославъ повѣрилъ измѣннику и поступилъ по его совѣту. Когда часть войска Ярослава была въ разбродѣ, а часть упилась оставленными Оомою напитками, осажденные дѣлаютъ вылазку и наносятъ Полякамъ блистательное пораженіе. Узнавъ объ этой побѣдѣ Мономахъ сдѣлалъ Оому тысяцкимъ во Владимирѣ и прислалъ ему гривну и золотую цѣпь. Послѣдній походъ Ярослава разсказанъ весьма сходно съ Длугошемъ. Ярославъ идетъ впередъ съ 7 т. отрядомъ, овладѣваетъ нѣсколькими городами и осаждаетъ Владимиръ, къ которому приступилъ 15 мая (числа нѣтъ въ древнихъ лѣтописяхъ и у Длугоша); но Андрей Владимировичъ сдѣлалъ вылазку и поразилъ Ярослава, который самъ погибъ въ битвѣ. Андрей велѣлъ его съ

Исторія плѣна Володаря дошла до насъ въ легендарной окраскѣ; впрочемъ при тщательномъ сличеніи извѣстій всѣхъ источниковъ объ этомъ событіи (подробное изслѣдованіе см. въ приложеніи) можно, кажется, возстановить это дѣло въ болѣе простомъ видѣ. Обстоятельства плѣна Володаря, очищенные отъ всякихъ легендарныхъ прибавленій и риторическихъ украшеній представляются намъ въ слѣд. видѣ: во время одного изъ набѣговъ на Польшу, Володарь, остановившись въ предѣлахъ Польши, получаетъ отъ польскаго князя мирныя предложенія. Во время мирныхъ переговоровъ Володарь безопасно предается охотѣ. Въ числѣ дружинниковъ Володаря были и Поляки; съ однимъ изъ нихъ, Петромъ Властомъ, Поляки заводятъ сношенія; Петръ

честью погрелсти въ городѣ. Союзники Ярослава пристали къ Андрею съ мирными предложеніями, которыя онъ принялъ (II 226—7). Извѣстіе о послѣднемъ походѣ Ярослава на Волынь находимъ еще въ одномъ источникѣ, у Туроца (с. LXIII). „Къ Стефану (Длугошъ и Тат. неправильно называютъ Венгерскаго короля, помогавшаго Ярославу, Коломаномъ) пришелъ русскій князь (въ текстѣ ошибной *dux Theutonicorum* вмѣсто *Ruthenorum*) по имени Безень (Bezen), жалуясь ему, что братъ прогналъ его съ княженія и прося его личной помощи; король Стефанъ, желая отомстить обиду своего отца, Коломана, обѣщавъ ему помощь, и, собравши войско, пошелъ на Русь. Придя туда онъ осадилъ нѣкій городъ (*castrum*); случилось, что князь Безень ѣздилъ вокругъ города, осматривая укрѣпленія. Осажденные сдѣлали вылазку на Венгровъ; Безень напалъ на нихъ, но былъ побѣжденъ и убитъ. Стефанъ хотѣлъ овладѣть городомъ, но этому воспротивились его вельможи, и онъ долженъ былъ вернуться въ Венгрію“. Сравнивая всѣ три приведенные рассказы о послѣднемъ походѣ Ярослава, мы замѣчаемъ между ними большое сходство съ одной стороны и несогласіе съ лѣтописью въ подробностяхъ смерти Ярослава съ другой; въ лѣтописи Ярослава измѣнительно убиваютъ два Ляха (неясно какіе—изъ его ли войска, или изъ города) (Въ Воскр. II. С. Л. т. VII, р. 25.. Ярослава убиваютъ 2 Ляха, вышедшіе изъ города, въ Ник. „граждане вышедше изъ града и потаистася на увозѣ возлѣ путь, юдужь ити князю Ярославцу... и прободоша его копиемъ (часть II, р. 55). Во всѣхъ трехъ рассказахъ Ярославъ погибаетъ въ битвѣ съ осажден-

Власть предлагает своимъ единоплеменникамъ выдать имъ Володаря, и дѣйствительно успѣваетъ въ этомъ; Володарь получаетъ освобожденіе только за большой выкупъ и разныя условія, главное содержаніе которыхъ состояло въ обѣщаніи не воевать польскихъ областей и не вступать въ союзъ съ врагами Польши.

Въ такомъ видѣ представляется намъ исторія плѣна Володаря.

Но если Ростиславичи и дали обѣщаніе не воевать Польши, то не долго его сдержали. Мы, правда, видимъ галицкихъ князей вмѣстѣ съ Ляхами подъ Владимиромъ, но союзъ Ростиславичей съ Ляхами былъ весьма кратковремененъ (причины его мы видѣли выше), и мы находимъ извѣстія о новыхъ набѣгахъ галицкихъ князей на Польшу послѣ неудачной попытки союзныхъ Ляховъ, Венгровъ и Ростиславичей поддержать дѣло Ярослава.

Въ свою очередь и Ляхи не переставали тревожить Галичь постоянными набѣгами ¹⁾.

Они могли воспользоваться неурядицами въ галицкой землѣ по смерти Василька и Володаря. Дѣти ихъ вступили въ жестокую борьбу изъ за распредѣленія волостей. Въ галицкихъ дѣлахъ принимаютъ дѣятельное участіе кievскіе князья и Венгры ²⁾.

ными, сдѣлавшими вылазку. Согласіе вполнѣ самостоятельныхъ источниковъ заставляетъ насъ склониться къ признанію большей правильности описанія этихъ, хотя и позднѣйшихъ источниковъ, предъ лѣтописнымъ. (Извѣстіе о пребываніи Стефана на Руси сохранилось еще въ одномъ источникѣ— *Vita Chuonradi Archiep. Salisburgiensis* (M. Germ. SS. t. XI, p. 74) но неизвѣстно, къ какому оно времени относится: (rex) tunc in marchia Ruthenorum morabatur. Catona (цитата у Репеля I, 288, пр. 1) относитъ извѣстіе это къ 1127 г. и относитъ его къ походу въ помощь Ярославу, относитъ этотъ походъ къ 1127 г., Репель (ib.) думаетъ, что это извѣстіе касается участія Стефана въ борьбѣ Васильковичей и Володаревича.

¹⁾ Тат. говоритъ, что Володарь передъ самой смертью собирался въ походъ на Ляховъ, тревожившихъ его область постоянными набѣгами, не смотря на недавно заключенный миръ (II, 228). У Длугоша (L. IV. p. 425) находимъ извѣстіе, что по смерти Володаря сыновья его посылаютъ на Польшу войско, которое грабитъ и предастъ огню окрестности Вислоки.

²⁾ Ростиславичи, враждовавшіе вначалѣ съ Венграми, какъ мы видѣли выше, вступаютъ съ ними въ дружественныя отношенія (Тат. II, 222 подъ 1149 г.) Владимирко Володаревичъ женатъ на дочери венгерскаго короля (ib. 232). О междоусобіяхъ въ галицкой землѣ

Лишь только кое какъ уладились отношенія между гал. князьями, враждебныя отношенія ихъ къ Польшѣ возобновляются съ новой силой.

Ростиславичамъ, жаждавшимъ отыграть Польшѣ за ея поступокъ съ Володаремъ, представился для этого весьма удобный случай въ той борьбѣ которая завязалась у Польши съ Венгріей изъ за кандидатуры на венгерскій престолъ Бориса Коломановича.

Борисъ былъ сыномъ Коломана и Евѳиміи, дочери Владимира Мономаха ¹⁾. Коломанъ обвинилъ жену въ невѣрности и отослалъ ее къ отцу, гдѣ она и родила сына Бориса, котораго однако не признавали законнымъ сыномъ Коломана. Возмужавъ, Борисъ сталъ думать о венгерскомъ престолѣ; онъ, повидимому, имѣлъ партію среди венгерскихъ вельможъ; преслѣдованія венгерскаго боярства со стороны Бэлы Слѣпаго увеличили шансы Бориса. Но все же приверженцевъ Бориса было слишкомъ мало, чтобы доставить ему венгерскій престолъ; пришлось искать помощи на сторонѣ.

На Руси Борисъ, повидимому, не встрѣтилъ особенно энергической поддержки, за то Польша, къ которой онъ обратился за помощью, съ охотой ухватилась за случай произвести замѣшательства въ Венгріи, съ которой у нея были постоянные споры за пограничныя области.

Болеславъ предпринималъ нѣсколько разъ походы въ Венгрію для поддержанія дѣла Бориса, но каждый разъ неудачно ²⁾. На сто-

разсказываетъ Тат. и Длугошъ. Странно, что Карамзинъ (II, пр. 249) ссылается въ описаніи борьбы сыновей Василька и Володаря на Кіевскую лѣтопись (подъ 6635 г.), между тѣмъ какъ въ изданномъ спискѣ Кіевской лѣтописи (Ипат.) мы объ этой борьбѣ ничего не находимъ.

¹⁾ О Борисѣ есть монографія: K. Gorski, *Borys, ustęp z dziejów dwunastego wieku, we Lwowie*, 1876; его же, *Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią*, 1875. См. также Roepell, *Gesch. Polens I*, 289, J. Szaraniewicz, *Die Hupatios Chronik*, 21, sq. Матерью Бориса Шараневичъ (*Die Hup. Chr. p. 21.*) считаетъ дочь Святополка; Gorski держится мнѣнія Карамзина (II, 200), что это была дочь Мономаха. Къ послѣднему мнѣнію присоединяемся и мы, въ виду лѣтописныхъ извѣстій о выходѣ Евѳиміи Мономаховны въ 1112 г. за короля въ Угры (а Коломанъ + лишь въ 1114 г. см. Fessler. *Gesch. Ungarns*, 210) и извѣстія о смерти Евѳиміи на Руси въ 1138 г. (Ип. 197 и 216. Лавр. 289) „и положена бысть на Берестовѣмъ у Святаго Спаса“.

²⁾ Хронологическая спутанность лѣтописныхъ извѣстій о походахъ Болеслава въ Венгрію заставила нѣкоторыхъ изслѣдователей (K. Gorski, *Borys*) принимать 3 венгерскихъ похода Болеслава (1132, 1133

ронъ Бориса и Болеслава мы находимъ и русское войско подъ предводительствомъ русскаго князя ¹⁾. Кто же изъ русскихъ князей помогаль Борису? Владимиро галицкій, какъ самъ вспоминаль позже Гейзъ, сыну Бѣлы, помогаль слѣпому королю противъ Ляховъ ²⁾. Предшественникъ Бѣлы оказываль Владимирку (женатому на его дочери), помощь въ его борьбѣ съ братьями. Нѣкоторые ³⁾ думаютъ поэтому что русскій князь, помогавшій Борису, былъ Ярополкъ; но объ участіи кievскаго князя въ венгерскомъ походѣ кievская лѣтопись ничего не говоритъ. Весьма впрочемъ возможно, что это былъ Владимиро; обязательства его по отношенію къ Стефану теряли силу относительно его наслѣдника, да при томъ многоглаголивый галицкій князь не признавалъ иныхъ обязательствъ, кромѣ вытекавшихъ изъ его личныхъ выгодъ. Венгерскій лѣтописецъ ⁴⁾ передаетъ дѣло такъ, что будто вельможи венгерскіе успѣли убѣдить польскаго и русскаго князей въ незаконности правъ Бориса, и они оставили венгерскаго авантюриста; Борисъ пытался сразиться собственными силами съ Бѣлой, но потерпѣль поражение. Такимъ образомъ, по Туроцу, между Болеславомъ и русскимъ княземъ съ одной стороны, и Бѣлой съ другой, дѣло не доходило вовсе до сраженія. Но другіе источники ⁵⁾ говорятъ о столкновеніи

и 1134); не входя въ подробное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ войны изъ за кандидатуры Бориса, замѣтимъ лишь, что, по нашему мнѣнію походовъ Болеслава въ Венгрію было не болѣе двухъ.

¹⁾ Thurocz, с. LXIV: Borich itaque ascito Ruthenorum Polonorumque auxilio, venit in confinium Hungariae in directo loco qui dicitur Seo.

²⁾ Ип. 311, „отецъ твой быше слѣпъ, и язъ отцу твоему до сыти послужилъ копіемъ и своими полкъ, за его обиду, *и с Лялы ся есмь занъ билъ*“.

³⁾ Bielowsky, Bibl. Oss. t. I, p. 29. К. Gorski считаеть участіе Ярополка въ дѣлѣ Бориса невозможнымъ, потому что Мстиславъ + лишь въ 1133 г. (Bogys, p. 11); но Мстиславъ + въ 1132 г. 14 апрѣля (Лавр. 286, cf. Кар. II, пр. 251, который временемъ смерти Мстислава считаеть 15 апрѣля 1132 г.).

⁴⁾ Thurocz, с. LXIV.

⁵⁾ R. Traski, M. P. II, 832. A. 1132. Bolezlaus intrat Ungariam et proelium cum Ungaris commisit; R. Malop. (M. P. III, 152) тоже.

между Болеславомъ и Венграми въ 1132 г. Во всякомъ случаѣ едвали возможно предположить, чтобы одни убѣжденія въ незаконности Бориса могли побудить союзниковъ, знавшихъ конечно прекрасно то дѣло, за которое взялись, къ отступленію. Гораздо вѣроятнѣе, что Болеслава заставила отступить съ одной стороны вѣсть о нападеніяхъ Чеховъ на Силезію ¹⁾, съ другой весьма возможно, что Бѣлѣ удалось раздѣлить союзниковъ, переманивъ на свою сторону Владимирка. По крайней мѣрѣ мы вскорѣ послѣ этого находимъ галицкаго князя на сторонѣ Бѣлы въ его борьбѣ съ Болеславомъ. Особенно въ тяжеломъ положеніи очутилась Польша ок. 1135 г. Въ предъидущемъ году Болеславъ потерпѣлъ жестокое пораженіе въ Венгріи. Въ 1135 Венгры съ Половцами ²⁾ въ союзѣ съ Владимиркомъ овладѣваютъ Вислицей ³⁾. Съ Чехіей и Венгріей дѣла Болеслава кое какъ уладились при посредствѣ германскаго императора. Что касается Руса, то по нѣкоторымъ извѣ-

¹⁾ Опустошеніе Чехами Силезіи одни источники относятъ къ 1133 (М. Р. II, 832 и III, 152 *Bohemi in Polonia ecclesias succendunt*) другіе къ 1132 (М. Р. III, 304). Къ 1132 относитъ походъ на Силезію и *Cont. Cosmae Prag.* Онъ даже говоритъ, что нападеніе его произошло во время венгерскаго похода Болеслава (*interea*).

²⁾ Часть Половцевъ перешла при Стефанѣ въ Венгрію послѣ побѣды, одержавной надъ ними Греками. Въ Венгріи вожди ихъ приобрѣли высокое положеніе при дворѣ. *Thurocz, c. LXIII.*

³⁾ М. Р. II, 832 А. 1135 *Wislicia cede Plaucorum (sive Cumanorum) destruitur.* М. Р. II, 875 А. 1135 *Wislicia cede destruitur Vudus Februarii per Plaucos sive Hungaros.* Кадлубекъ рассказываетъ длинную исторію о захватѣ Вислицы сыномъ Володаря (слѣд. Владимиркомъ), подкупившимъ Венгерца, намѣстника вислицкаго замка. (Л. III, с. 22.) Лѣтописныя замѣтки и рассказъ Кадлубка относятся очевидно, къ одному и тому же событію. По всей вѣроятности, на эти же обстоятельства намекаетъ Владимирко Гейзѣ, когда говоритъ, что бился за отца его съ Ляхами. Нѣкоторые думаютъ, что венгерецъ знатнаго рода, подкупленный Владимиркомъ, могъ быть Борисъ Венг. (Шаран. *Die Nур. Chr. p. 35*). Ему, полагаетъ Шараневичъ, могъ дать Болеславъ территорію между Русью, Польшей и Венгріей.

етіямъ Болеславъ предпринималъ отвѣтный походъ въ Русь для отмщенія вислицкаго пораженія ¹⁾).

Мы видѣли, что Болеславъ постоянно стоялъ на сторонѣ Изяславичей противъ Мономаховичей. Но когда дѣло Изяславичей было окончательно проиграно, Мономаховичи сосредоточили въ своихъ рукахъ Кіевъ, Волынь, Переяславль, когда затѣмъ обострились отношенія Польши къ Галичу, Болеславъ заводитъ дружественныя сношенія съ Мономаховичами. Онъ женить одного изъ своихъ сыновей, Болеслава, (Кудряваго) на дочери Всеволода Мстиславича, Верхуславъ ²⁾. Болеславъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду заключеніе союза съ Мономаховичами противъ галицкаго князя. Скоро воспослѣдовавшая смерть Болеслава не дала возможности осуществиться его планамъ. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, Мономаховичи и сами по себѣ скоро вступили во враждебныя отношенія къ Владимиру ³⁾.

¹⁾ Кадл. III, 24.

²⁾ См. выше р. 58.

³⁾ Тат. подъ 1138 г. (II, р. 257—8) рассказываетъ о войнѣ между Ярополкомъ и Болеславомъ. „Того же году Володаревичи и Васильковичи князи червенскіе жаловались Ярополку на учиненныя имъ отъ Поляковъ многія обиды и просили его о помощи, по которому Ярополкъ собравъ войско, вскорѣ самъ пошелъ съ братьями своими Вячеславомъ и Андреемъ, да сыновець его Изяславъ съ ихъ полками. И не доходя Галича, послалъ Ярополкъ храбраго воеводу и кормильца Андреева Зева развѣдать, гдѣ и какъ Ляхи стоятъ, и откуда имъ притти способнѣе. Зевъ ѣхалъ внятнo въ обозъ Болеславовъ и мѣсто разсмотрѣлъ и по селамъ нѣколико знатныхъ Полякъ поймавъ, къ Ярополку привелъ. Оные объявили, что Болеславъ стоитъ за Галичемъ по лугамъ между болоты, и позади его горы, и ждетъ Ярополка приготовяся. О войскѣ его сказали, что гораздо болѣе, нежели Ярополково, и перемышльскіе князи стоятъ у горъ венгерскихъ, не смѣя наступать, и Болеславъ еще войска ожидаетъ вскорѣ. Сіе привело многихъ въ страхъ, и совѣтовали, чтобъ не итти далѣе, а послать къ Болеславу говорить о мирѣ; иные совѣтовали отступя стать для безопасности у Свениграда“. Малодушныхъ подкрѣплить рѣчь Андрея Владимировича. Рѣшили обойти кругомъ Болеслава и, соединившись съ галицкими

Въ 1138 г. умираетъ Болеславъ Кривоустый, и объединенная подъ его властію Польша разбивается на нѣсколько удѣловъ. Почти тотчасъ же по смерти отца братья вступаютъ во враждебныя отношенія. На одной сторонѣ стоитъ старшій сынъ Болеслава (отъ его первой жены, Сбыславы Святополковны), на другой — два другіе Болеславичи (отъ Саломей) Болеславъ и Мѣшко ¹⁾. Обѣ стороны ищутъ союзниковъ; взоры ихъ конечно прежде всего обращаются въ Русь, съ которою связывали обѣ стороны родственныя отношенія (Владиславъ былъ въ родствѣ со Святополковичами, женою Болеслава была дочь Всеволода Мстиславича). Однако обстоятельства на Руси были такого рода, что Болеславичамъ нечего было ожидать помощи отъ родственниковъ: Святополковичи совсѣмъ захудали; Мономаховичи были оттѣснены изъ Кіева, который

князьями, напасть на Поляковъ съ двухъ сторонъ. Ярополкъ распространяетъ слухъ о своемъ уходѣ, а между тѣмъ исполняетъ намѣченный планъ, неожиданно подходитъ къ польскому лагерю и дѣлаетъ нападеніе съ одной стороны, между тѣмъ какъ галицкіе князья осаждаютъ его съ другой; Поляки разбиты и просятъ мира (II, 258). Карамзинъ (II, пр. 270) считаетъ весь этотъ рассказъ вымысломъ Татищева. По его мнѣнію, Тат. зналъ изъ Длугоша его басню о взятіи Вислицы Ярополкомъ „и написалъ другую о мнимой войнѣ Ярополка съ Болеславомъ. Нашъ историкъ прибавилъ хитрости, засады, воеводу Зева, рѣчь Андрееву, бубны, огни и пр.“. Съ этимъ мы согласиться не можемъ, зная полную добросовѣстность Татищева; рассказъ этотъ (взятый, вѣроятно, Татищевымъ изъ недошедшей до насъ лѣтописи) относится, быть можетъ, къ отвѣтному походу Болеслава въ Русь для отмщенія разграбленія Вислицы. Если рассказъ Татищева принять за достовѣрный, то б. м. придется нѣсколько отодвинуть назадъ время похода, ибо въ 1135 г. или 1136 Болеславъ заводитъ уже дружественныя сношенія съ Мономаховичами. Около этого времени (см. выше, р. 59) дочь Всеволода Мстиславича выходитъ за сына Болеслава Кривоустаго, Болеслава Кудряваго.

¹⁾ Что Мѣшко и Болеславъ были уже взрослыми въ эпоху смерти Болеслава Крив., доказываетъ Malecki. (Testament Bolesława Krzyw. Przew. Nauk. 1875 I, см. у Kantecki, Das Testament des Bolesław Schiefmund, 1880, р. 73, пр.).

занялъ Ольговичъ (Всеволодъ). Очень скоро и Владимирская область перешла отъ Мономаховичей къ Ольговичамъ ¹⁾. На сторонѣ Ольговичей противъ Мономаховичей видимъ первое время и галицкихъ князей. Нужно было сообразоваться съ этими новыми условіями на Руси и войти въ союзъ съ Ольговичами. Раньше всѣхъ это сдѣлалъ Владиславъ. Лишь только кievскій столъ достался Всеволоду, Владиславъ вступаетъ съ нимъ тотчасъ въ дружественныя отношенія.

Союзъ былъ выгоденъ обѣимъ сторонамъ; Владиславъ боялся братьевъ и, вѣроятно, замышлялъ объединить Польшу подъ свою руку; Всеволодъ хотѣлъ прирѣзать къ Кіеву и Волынь. Въ 1140 году Всеволодъ самъ идетъ на Переяславль, а на Изяслава Мстиславича посылаетъ рать, въ которой участвуютъ галицкіе князья и Ляхи ²⁾. Это были несомнѣнно Ляхи Владислава, ибо другіе Болеславичи, родственные Мономаховичамъ, имѣли интересъ поддерживать ихъ княженіе на Волыни. Попытка Всеволода относительно Изяслава кончилась впрочемъ неудачею.

Однако союзъ Владислава со Всеволодомъ обезпокоилъ братьевъ перваго, подозрѣвавшихъ очевидно замыслы старшаго брата. Они думаютъ парализовать его замыслы заключеніемъ, въ свою очередь, тѣс-

¹⁾ По смерти Ярослава, Владимиръ перешелъ къ Мономаховичамъ; тамъ сидѣлъ сначала Романъ, а потомъ Андрей Владимировичъ. Въ 1136 (Ип. 214) во Владимирѣ на мѣсто Андрея былъ посаженъ Изяславъ Мстиславичъ. Т. обр. съ Романомъ Владимирская область перешла въ родъ Мономаха, а съ Изяславомъ окончательно утвердилась за линіей южныхъ Мономаховичей за которыми уже и оставалась до самаго паденія самостоятельности Гал.-Волынскаго княжества. Ольговичи заняли было Владимиръ при Всеволодѣ Ольговичѣ въ 1148 г. (Ип. 223); Изяславу дали Переяславль, а во Владимирѣ сѣлъ Святославъ Всеволодовичъ, прокняжившій здѣсь впрочемъ только до занятія кievскаго стола Изяславомъ.

²⁾ „Изяславъ же иде съ сынома и воева волость Вячеславию и возвратися опять, Ляхове же Володимѣрскую волость, помогающе Всеволоду. Ип. 219. Тат. II, 266.

наго союза съ Русью. На Ленчицкомъ сѣздѣ¹⁾ вдова Болеслава и ея сыновья рѣшаютъ выдать 3 лѣтнюю дочь Болеслава Крив. за русскаго князя. Источникъ, сохранившій это извѣстiе, передаетъ намъ и цѣль этого рѣшенiя: меньшiе Болеславичи боялись, чтобы Владиславъ не предвосхитилъ союза съ Русью²⁾. Очевидно, братья узнали уже о помощи, которую оказала Владиславъ Всеволоду противъ польскихъ Мономаховичей.

Но братья опоздали съ своимъ предложенiемъ; то чего они боялись случилось: Владиславъ дѣйствительно предвосхитилъ союзъ съ Русью; чтобы закрѣпить его, онъ предлагаетъ Всеволоду женить малолѣтняго своего сына Болеслава на дочери Всеволода, Звениславѣ³⁾. Всеволодъ принимаетъ предложенiе и остается вѣрнымъ его союзникомъ до самаго изгнанiя Владислава изъ Польши.

Меньшiе Болеславичи, не успѣвъ заключить союза съ Ольговичами, прибѣгаютъ къ родственнымъ Мономаховичамъ; но послѣднiе въ это время сами находились въ опасномъ положенiи, должны были защищать свои области отъ притязанiй Всеволода, а потому не могли оказать Болеславичамъ энергической поддержки. Нѣкоторые изъ нихъ, видимо сочувствуя Болеславичамъ, ограничивались однако однимъ нейтралитетомъ (какъ Изяславъ Мстиславичъ, отказавшiйся участвовать въ походѣ на меньшихъ Болеславичей, подъ предлогомъ болѣзни).

На Руси было также не мирно, какъ и въ Польшѣ. Всеволодъ во все время княженiя въ Кiевѣ долженъ былъ вести упорную борьбу

¹⁾ Ленчицкiй сѣздъ долженъ былъ происходить не позже конца 1140 г., ибо монахъ Звифальт. монастыря, оставившiй описанiе этого сѣзда, вернулся (какъ самъ говоритъ) домой въ апрѣлѣ 1141 послѣ весьма долгаго пути (*post multos barbarorum circuitus*)

²⁾ Chr. Ortl. Zwif. (M. P. II, 4), *Sed quia suspectum habebant fratrem suum ex alia matre ortum natuque majorem ducem Ladizlaum, ne forte preoccuparet eos in amicitia gentis, cuidam filio regis Ruzziae decreverunt eam causa foederis vix triennem in consortium dare.* см. выше стр. 59.

³⁾ По Малецкому (см. Smołka, *Mieszko Stary*, p. 46) Владиславъ женился на Агнесѣ между 1134—1136 г., слѣд. Болеславъ Высокiй, его сынъ, былъ еще въ это время ребенкомъ.

какъ съ Мономаховичами, такъ и съ своими же сѣверскими князьями, недовольными распредѣленіемъ волостей по вокняженіи Всеволода въ Кіевѣ, и наконецъ съ безпокойнымъ галицкимъ княземъ. Поэтому то кіевскій князь и дорожилъ союзомъ съ Владиславомъ.

Съ помощію Владислава Всеволодъ хотѣлъ отнять Волянъ у Изяслава; это ему не удалось, однако Изяславъ добровольно уступилъ ему Волянъ, промѣнявъ ее на Переяславль. Но тутъ опаснымъ противникомъ Всеволоду явился Владимирко, князь начавшаго возрастать галицкаго княжества.

Еще во время первыхъ попытокъ Всеволода завладѣть Волянью Владимирко, помогавшій кіевскому князю, завелъ сношенія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, но не порядился съ нимъ (вѣроятно, онъ требовалъ уступки части волинской земли, на что не согласился Изяславъ) ¹⁾. Когда Изяславъ былъ переведенъ въ Переяславль, а Волянъ досталась Всеволоду Ольговичу, посадившему во Владимирѣ сына своего, Святополка, Владимирко тотчасъ же вступаетъ во враждебныя отношенія къ кіевскому князю. Соединеніе Волини и Кіева въ однихъ рукахъ было вовсе не въ интересахъ галицкаго князя. Вѣроятно, онъ и теперь напрасно хлопоталъ о прирѣзкѣ къ своему галицкому княжеству (которое перешло къ нему цѣликомъ по смерти Ивана Васильковича въ 1141 г. ²⁾). Лѣтопись ясно указываетъ на причину ссоры галицкаго князя съ кіевскимъ: „раското растася Всеволодъ с Володимѣркомъ про сына, оже сѣде сынъ его Володимири“ ³⁾. Они, по мѣткому выраженію лѣтописи „почаста на ся искати вини“.

Всеволодъ собираетъ на Владимирка громадную рать, въ которой участвуютъ Мстиславичи, призываетъ и помощь изъ Польши. Незмѣнный союзникъ Всеволода, Владиславъ, является лично съ войскомъ.

¹⁾ Ип. 219. „Васильковичъ же и Володаревичъ галичскій князь привабиша къ себѣ Изяслава Мстиславича, и не вѣрядивъшеся възвратишася“.

²⁾ Ип. 221. „Сего же лѣта преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ, и прия волость его Владимирко Володаревичъ; сѣде во обою волостью, княжа в Галичи“.

³⁾ Ип. 226.

⁴⁾ Пъ,

Владимирко зоветь на помощь Угровъ, но они „быша ему нѣ на кую же пользу“ ¹⁾.

Извѣстно, что Владимирко былъ побѣжденъ и лишь благодаря своей дипломатической ловкости вышелъ изъ затруднительнаго положенія.

Владиславъ, какъ мы только что видѣли, поддерживаетъ Всеволода въ его борьбѣ съ Владимиркомъ. Но очень скоро ему самому понадобилась помощь Руси. Мы уже говорили, что враждебныя отношенія между сыновьями Болеслава Кривоустаго начались тотчасъ же по смерти отца. Борьба эта продолжалась во все время княженія Владислава и кончилась его изгнаніемъ изъ Польши.

Въ 1142 г. Всеволодъ посылаетъ вспомогательную рать Владиславу, сынъ котораго, Болеславъ, какъ разъ передъ тѣмъ женился на дочери кievскаго князя. Особенныхъ результатовъ этотъ походъ, въ которомъ участвовали Святославъ Всеволодовичъ, Изяславъ Давидовичъ и Владимирко галицкій, не имѣлъ. Союзники „сняшася вси у Чернечьска (въ Лавр. Черньска, б. м. Черскъ на Вислѣ какъ думаетъ Карамзинъ II, пр. 281; Тат. II, 272 гов. Чирскъ въ Мазовіи), и возвратишася, вземъ боле мирныхъ неже раатныхъ“ ²⁾.

На слѣдующій годъ послѣ похода на Владимирка Всеволодъ собираетъ въ Кіевѣ сеймъ князей и объявляетъ имъ, что послѣ своей

¹⁾ Пв.

²⁾ Шараневичъ, (Ислѣд. на поли отеч. геогр.) почему-то читаетъ здѣсь не Чернечьскъ, а Червенскъ (р. 34). Тат. (II, 272—3) въ разсказѣ объ этомъ походѣ отстываетъ отъ лѣтописи въ слѣд. подробностяхъ: онъ говоритъ, что меньшіе Болеславичи обѣщали уплатить русскимъ князьямъ убытки, чего они 12 дней дожидались, но видя, что Поляки въ обѣщанія ихъ солгали, не хотя болѣе ожидать, забравъ множество людей и скота по селамъ, возвратились, пославъ къ польскимъ княземъ съ выговоромъ о ихъ несохраненіи обѣщанія, и чтобы приславъ оныя людей своихъ выкупили, что вскорѣ послѣдовало, и плѣнники отпущены“. Какъ кажется, Тат. отнесъ къ этому походу подробности похода 1145 г. Впрочемъ онъ и самъ сомнѣвался, (пр. 408) не одинъ ли это походъ съ походомъ 1145 г. У него собственно переставлены эти походы одинъ на мѣсто другого.

смерти онъ назначаетъ наслѣдникомъ Кіевскаго стола брата Игоря. Тутъ же онъ заявляетъ князьямъ, что Владиславъ лядскій просить у него помощи „на брата своя“. Игорь совѣтуетъ брату остаться дома, а самъ съ братьями и Святославомъ Всеволодовичемъ идетъ въ походъ. Изяславъ Мстиславичъ отказался участвовать въ походѣ подъ предлогомъ болѣзни; отказъ его вполне понятенъ: ему пришлось бы дѣйствовать противъ дружественныхъ и родственныхъ Болеславичей.

Судя по лѣтописи, дѣло обошлось безъ битвы: при посредствѣ русскихъ князей братья помирились, при чемъ меньшіе Болеславичи уступили Владиславу 4 города, а Игорю пограничное поселеніе Визну. На обратномъ пути русское войско, по обычаю, захватило много полна ¹⁾).

Владиславу не разъ приходилось обращаться въ Русь за помощью; борьба его съ братьями велась съ переменнымъ счастьемъ. Потерпѣвъ поражение у р. Пилицы (въ этой битвѣ ему, повидимому, также помогали Русскіе), Владиславъ снова собираетъ войско, призываетъ на помощь Русскихъ побѣждаетъ братьевъ и осаждаетъ ихъ въ Познани ²⁾. Но тутъ счастье обращается противъ него; недовольная Владиславомъ польская знать

¹⁾ Ип. 227. Князья „идоша на середѣ землю лядское, нападоша брата два Владислава Болеслава и Мъжеку стояча за болотомъ и переѣхавша на сю сторону и поклонистася Игореву и съ братією его, и цѣловавше крестъ межи собою, и тако рекоша: „аще кто переступить крестное цѣлованіе, на того быти всеимъ“ и даста брату своему Владиславу 4 городы, а Игореву съ братією Визну, и тако узвратишася въ своя, многъ полонъ взявъше“. Smolka (*Mieszko Stary i jego Wiek*, p. 461) предполагаетъ, что извѣстіе нашей лѣтописи относится къ битвѣ Владислава съ братьями у р. Пилицы, о которой говорятъ другіе источники (Кадлубекъ, I. III, с. 28). Но битва эта, по свидѣтельству Кадлубка, была весьма кровопролитна, и въ пей Владиславъ потерпѣлъ полное поражение. Вѣрнѣе всего, что Владиславу пришлось много разъ обращаться за русскою помощью, чему особенно способствовало нахожденіе Владимира въ рукахъ его союзниковъ, Ольговичей.

²⁾ При осадѣ Познани Годиславъ упоминаетъ о русскомъ князѣ (с. 32). Это могъ быть Святополкъ Всеволодовичъ Владимірскій.

собираетъ войско и, въ соглашеніи съ осажденными, съ двухъ сторонъ набрасывается на его лагерь. Войско Владислава разбито, самъ онъ бѣжитъ въ Германію, а сына Болеслава посылаетъ въ Русь къ Всеволоду ¹⁾.

¹⁾ Обстоятельства борьбы Владислава съ братьями, рассказанныя нами въ самыхъ общихъ чертахъ, весьма запутаны. Наиболѣе правильнымъ кажется намъ изложеніе этихъ событій у Смольки (*Mieszko Stary, dodatek IV, o wygnaniu księcia Władysława*, p. 448—469). Главные его выводы состоятъ въ слѣд.: уже въ первыхъ годахъ по смерти Болеслава Крив. отношенія между его дѣтьми стали натянутыми; неизвѣстно когда, во всякомъ случаѣ послѣ марта 1141 г. дѣло дошло до открытой войны, и значительная часть свѣтской и духовной знати перешла на сторону младшихъ братьевъ. Война съ перерывами могла длиться нѣсколько лѣтъ. Наболѣе выдающимися ея фактами была битва при р. Пилищѣ и миръ, заключенный, вѣроятно, послѣ этой битвы при посредствѣ русскихъ князей, миръ, по которому младшіе братья уступили Владиславу нѣсколько городовъ. (Мы нѣсколько выше высказали наше несогласіе со Смолькой въ этомъ пунктѣ.) Въ концѣ 1145 г. наступило ослѣпленіе знаменитаго Петра Власта, что побудило и остальную знать оставить Владислава. Война снова разгорается, Владиславъ призываетъ на помощь Русскихъ и поганыхъ (вѣроятно, Пруссовъ и Ятвяговъ), побѣждаетъ братьевъ и осаждаетъ ихъ въ Познани. Но тутъ счастье поворачивается, Владиславъ терпитъ подъ Познанью пораженіе и бѣжитъ въ Германію; 31 марта онъ уже при дворѣ Конрада III. Братья осаждаютъ и жену Владислава въ Краковѣ и принуждаютъ ее къ бѣгству. Въ августѣ 1146 Конрадъ идетъ на Польшу“ (p. 462—463). Въ нашей лѣтописи находимъ извѣстіе, что въ походѣ (1146 г.) Всеволода на Владимирка участвуетъ и Болеславъ, лядскій князь, зять Всеволода (Ип. 228). Этого же Болеслава (лѣтопись называетъ его вторично ошибкой Владиславомъ) Всеволодъ передъ смертью посылаетъ къ Изяславу Мстиславичу узнать, стоитъ ли онъ на крестномъ цѣлованіи (Ип. 229). Походъ на Владимирка происходилъ весною 1146 г. („и бысть дождь и стече снѣгъ, Божіимъ промысломъ, и тако идаху на коліихъ и на савехъ“), Всеволодъ † въ концѣ іюля того же года (по Ип. 1 августа, по Лавр. 30 іюля). Если Владиславъ 31 марта 1146 г. былъ при дворѣ императора, а въ августѣ Конрадъ пред-

Всеволодъ не могъ оказать Владиславу никакой помощи: онъ вель тогда борьбу съ Владимиркомъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ окончилъ свои дни. Помощь императора оказалась также несостоятельной: походъ его на Польшу былъ неудаченъ. Владиславу такъ и не удалось вернуться въ Польшу (онъ † въ изгнаніи въ 1159 г.).

Почти одновременно и на Руси и въ Польшѣ произошли важныя перемѣны: въ послѣдней, съ изгнаніемъ Владислава, страна была раздѣлена между тремя братьями, Болеславомъ, Мѣшкою и Генрихомъ, при чемъ сеньоратъ перешелъ къ Болеславу ¹⁾. На Руси преобладаніе Ольговичей смѣнилось преобладаніемъ Мономаховичей: въ Кіевѣ сѣлъ

принималъ въ его пользу походъ на Польшу, то, конечно, Владиславъ не могъ быть на Руси въ это время (Карамзинъ II, пр. 287 думалъ, что вмѣсто Болеслава пужно читать Владиславъ). Вѣроятно, Владиславъ послалъ сына за помощью въ Русь, но обстоятельства не позволили Всеволоду оказать помощи своему союзнику. Объ обращеніи Владислава за помощью въ Русь гов. и Годиславъ (М. Р. II, с. 33 *Bohemorum quoque et Russiae principes sollicitat*). Смолька, не обративъ вниманія на время похода Всеволода на Владимирка, предполагаетъ, на оборотъ, что помогавшій Всеволоду польскій князь былъ именно Владиславъ. Это онъ выводитъ изъ извѣстія житія Петра Власта, (позднѣйшей компіляціи XVI в.) что Владиславъ былъ въ Руси на охотѣ въ то время, когда противъ него вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе. Въ лѣтописи, по его мнѣнію, стоитъ ошибкой Болеславъ вмѣсто Владиславъ, а біографъ П. Власта, думаетъ онъ, встрѣтивъ извѣстіе о пребываніи въ это время Владислава на Руси, дополнилъ его соображеніемъ о цѣли пребыванія, охотѣ, по аналогіи съ Ягеллонами, часто выѣзжавшими въ Русь на охоту. (Mieszko Stary p. 464, пр. 2.) Полагаемъ, что наши соображенія достаточно опровергаютъ эти выводы.

¹⁾ Мѣшкѣ досталась Великая Польша, Генриху—Сандомирская область, а Болеславу Мазовія и удѣлы Владислава; 4-ый сынъ Болеслава Кривоустаго, Казимиръ, былъ еще малолѣтенъ. Smolka, Mieszko Stary, 244.

Изяславъ Мстиславичъ, побѣдивъ Игоря Ольговича. Волинь тотчасъ же перешла опять къ Мономаховичамъ ¹⁾).

Такимъ образомъ и въ Польшѣ и на Руси утвердились дружественныя и родственныя линіи. Обстоятельства еще болѣе сблизили ихъ; Болеславичи должны были постоянно держаться наготовѣ противъ попытокъ Владислава и его дѣтей возстановить свои права въ Польшѣ. Изяславъ постоянно боролся съ Ольговичами и претендентомъ на Кіевъ—Юріемъ Долгорукимъ. Обѣ стороны помогаютъ другъ другу постоянно. Однако нельзя не замѣтить, что помощь какъ Руси со стороны Польши, такъ и обратно, велась весьма вяло: Угры, напр., несравненно энергичнѣе поддерживаютъ Изяслава, нежели Поляки; но это происходило вовсе не отъ неискреннихъ отношеній, для чего не было никакимъ причинъ, а просто вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ обѣихъ сторонъ, принужденныхъ постоянно держаться на сторожѣ дома. Такъ, изгнанный изъ Кіева Юріемъ, Изяславъ изъ Владимира шлетъ за помощью въ Угры „къ зятю своему королеве и в Ляхы къ свату своему Болеславу и Межцѣ и Индриховѣ и къ чешскому князю свату своему Володиславу, прося у нихъ помочи: а быша всеѣли на кони сами полкы своими понти къ Кіеву, паки ли самѣмъ

¹⁾ Святославъ Всеволодовичъ, Владимірскій князь, находился при смерти отца въ Кіевѣ; воспользовавшись его отсутствіемъ, Вячеславъ Туровскій садитъ во Владимірѣ Володимира Андреевича (внука Мономаха), но, одновременно съ изгнаніемъ Вячеслава изъ Турова, Владиміръ Андреевичъ изгоняется изъ Владимира (Ип. 234—235). Въ Туровѣ Изяславъ посадилъ сына Ярослава, Святославу Всеволодовичу далъ удѣлъ на Волини (Бужскій, Межибожье и еще 5 городовъ). Но кому же достался Владиміръ? Съ 1148 г. тамъ сидѣлъ Святополкъ Мстиславичъ (въ Новг. I, 10, подъ 1148: „той же осени присла Изяславъ изъ Кіева сына своего Ярослава, і пріяша Новгородьци, а Святополка выведе, злобы его ради, и дасть ему Володимиръ“). Въ промежуткѣ 1146—1148 во Владимірѣ могъ сидѣть братъ Изяслава, Владиміръ Мстиславичъ, получившій раньше отъ Всеволода Брестскій удѣлъ (Ип. 220). Позже Волинью подѣлились, кажется, такъ, что Святополкъ Мстиславичъ сидѣлъ во Владимірѣ, а Владиміръ Мстиславичъ въ Луцкѣ.

не мочно поити будетъ, а полки своя пустятъ, либо с меншею братьею своею, или а и съ воеводами своими“¹⁾. Угорскій король не могъ помочь въ это время Изяславу, ибо велъ войну съ императоромъ (византійскимъ)²⁾; лядскіе князья отвѣчали: „мы твои сосѣди (мы есмь у тебе близъ), одного изъ насъ мы оставимъ стеречь землю, а двое приѣдемъ“³⁾. Чешскій князь выразилъ полную готовность явиться лично съ войскомъ⁴⁾. Угрскій король, не смотря на затруднительное положеніе, нашель однако возможность выставить 10 т. войска у галицкой границы, дабы не дать возможности Владимиру соединиться съ Юріемъ. Мало того, онъ обѣщаетъ, если эти полки будутъ недостаточны, выслать еще сильнѣйшее войско, даже лично явиться; Болеславъ и Генрихъ приходятъ къ Изяславу во Владимиръ, являются и Угры. Союзники идутъ къ Луцку; но тутъ они узнаютъ, что въ Пересопницѣ собрались Юрій съ сыновьями, Вячеславъ, помощь отъ Владимирка, а самъ Владимирко двинулся къ Шумску. Такимъ образомъ Изяславъ оказался окруженнымъ съ двухъ сторонъ. Онъ двинулся было къ Чемерину на Олыкѣ, но тутъ польскіе князья объявилн, что имъ необходимо вернуться домой, ибо Мѣшко прислалъ имъ извѣстіе о походѣ Пруссовъ на Польшу. Этимъ разстраивались всѣ соображенія Изяслава. Польскіе князья предлагаютъ Изяславу вмѣсто военной помощи свое дипломатическое посредничество. Они посылаютъ къ Юрію и Вячеславу и просятъ ихъ помириться, оставить Изяславу Владимиръ, Луцкъ и другіе его города, а отъ Юрія требуютъ возвращенія новгородской дани. На это Юрій предлагаетъ польскимъ князьямъ оставить Русь, заявляя имъ, что онъ самъ помирится съ Изяславомъ. Лядскіе князья на это охотно соглашаются и тотчасъ же возвращаются домой. Но Юрій не только не думалъ объ

1) Ип. 268.

2) Кар. II, пр. 322.

3) Ib.

4) Но въ лѣтописномъ описаніи его не видимъ. Это былъ, кажется, Владиславъ II, 1148 вернувшійся съ крестоваго похода домой черезъ Черное море, Кіевъ и Краковъ (Palacky, Gesch. von Böhmen, p. 428—безъ указанія источника; Roppell, Gesch. Polens I, 358, пр. 21). Родственница Владислава была за Святополкомъ Мстиславичемъ (Карамзинъ, II, пр. 282).

исполненіи условій мирнаго договора, но задумаль изгнать Изяслава изъ Владимира. Изяславу пришлось тѣмъ болѣе круто, что Владимирко, помогая Юрію, внезапно двинулся къ Луцку и перерѣзаль сообщеніе между Владимиромъ и Луцкомъ, осаждаемымъ войскомъ Юрія. Вѣроятно, Юрію и удалось бы исполнить свое намѣреніе, если бы самъ Владимирко, опасаясь усиленія Юрія, съ присоединеніемъ Волыни къ его владѣніямъ, не сталъ вдругъ парламентаромъ въ пользу Изяслава. Только благодаря его посредничеству, Юрій оставилъ Владимира за Изяславомъ ¹⁾.

Изяславъ, какъ извѣстно, нѣсколько разъ занималь Кіевъ, но не долго въ немъ держался. Ляхи, кажется, плохо ему помогали: такъ въ 1150 г. онъ внезапно заняль Кіевъ, но весьма скоро бѣжалъ оттуда, т. к. Кіевляне и Берендѣи, его постоянные союзники, испугались приближенія Владимирка. Изяславъ посылаетъ въ Ляхи и Угры, но отъ первыхъ, кажется, не получилъ помощи, ибо овладѣваетъ Кіевомъ только съ одними Уграми ²⁾.

Собираясь въ походъ на Владимирка, Изяславъ зоветъ въ помощь Угровъ и Ляховъ, но послѣдніе не пришли ³⁾.

¹⁾ См. Ип. 278—276. Въ Лар. (306) объ отступленіи Ляховъ нѣсколько иначе: „и убо яшася Ляхове и Угры и, рекоша ко Изяславу: „не вси ся есмы совкупили нынѣ; абы ны како створити миръ“; они же то извѣтъ положыше, воротышася опять... „Повидимому, вѣсть о нападенія Прусовъ была только предлогомъ. Репелль предполагаетъ, что польскихъ князей могло побудить къ отступленію извѣстіе о стараніяхъ панскаго легата подвинуть императора на Польшу въ пользу Владислава. Около этого же времени Конрадъ пригласилъ Болеславичей на сеймъ въ Мерзебургъ (Gesch. Polens. I, 358).

²⁾ Лавр. 312. „Изяславъ же посла по Угры и по Ляхи; на ту же весну придоша к нему Угры, и поиде к Къеву, повабившимъ его мужемъ Вячеславимъ и Берендѣемъ и Къяномъ“. О помощи Ляховъ ни слова не говоритъ и Ипат. лѣт., хотя очень много о помощи Угровъ (Ип. 282—293).

³⁾ 1152. „Посла Изяславъ сына своего Мстислава в Ляхы и в Угры, вабя и въ помощь на Володимерка; Ляхове же не идоша, а Угры идоша“ (Лавр. 319). Тат. дѣлаеть интересное добавленіе. „Мсти-

Какъ мы уже выше замѣтили, плохая помощь Изяславу со стороны лядскихъ князей проистекала вовсе не отъ неискренности ихъ или отъ натянутыхъ отношеній между обѣими сторонами, а просто отъ личныхъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Хотя съ 1146 по 1152г. и не было вооруженнаго вмѣшательства императора въ пользу Владислава, (Конраду было тогда не до Польши—его тревожили постоянно дѣла внутри имперіи, возстанія имперскихъ князей, въ 1147 г. онъ предпринялъ крестовый походъ въ Палестину, неудачно для него кончившійся) но въ дипломатическихъ вмѣшательствахъ недостатка не было. Дѣломъ Владислава занялся самъ папа (Евгеній III), легатъ котораго, кардиналь Гвидонъ, наложилъ на Польшу интердиктъ за неповиновеніе велѣніямъ папы¹⁾. Едвали не эти обстоятельства заставили Болеслава и Генриха быстро вернуться съ похода на Кіевъ въ помощь Изяславу²⁾.

славъ Изяславичъ пришедъ во Владимиръ, хотѣлъ итти первое въ Польшу, какъ ему отецъ приказалъ, но дядька его Дорогилъ удержалъ его, рассуждая: „хотя тебѣ отецъ въ Польшу велѣлъ перво ѣхать, но вѣдаетъ самъ довольно, что отъ нихъ намъ пользы весьма мало бывало, всегда бо приходивъ не отрекаются, но токмо деньги берутъ и села пустошатъ; а когда къ дѣлу придетъ, то ищутъ токмо князей въ большее несогласіе привести, сами уходятъ; а Венгры того не дѣлаютъ, когда кому обѣщаются, то сущею правдою помогаютъ. Того ради я пойду къ польскимъ княземъ, ибо, довольно разумѣя ихъ самохвальныи обычай, знаю, какъ съ ними говорить, а ты поиди въ Венгры къ королю, и я, учиня потребное съ Ляхи, къ тебѣ на скоро поспѣшу“. Мстиславъ, хотя весьма желалъ въ Польшѣ видѣть ихъ обычай и на сеймахъ порядки, однако же послѣдуя тому совѣту поѣхалъ въ Венгры, а Дорогила отпустилъ въ Краковъ къ польскимъ князьямъ. (III, 57—58).

¹⁾ См. объ этомъ у Smolka, *Mieszko Stary i jego wiek*, p. 243 sq.

²⁾ Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева 23 августа 1149 г.; собрать союзниковъ и двинуться въ походъ на Кіевъ онъ не могъ раньше конца этого же года; наложеніе ингердикта Гвидономъ воспослѣдовало точно также въ 1149 г. Можно произвестъ довольно точное опредѣленіе времени похода Изяслава: по свидѣтельству лѣтописи (Ип. 273), уже послѣ ухода иностранной помощи и неудавшихся переговоровъ Юрія съ Изяславомъ, войско перваго осаждаетъ въ продолженіи 6-ти

Точно также отказъ въ помощи Изяславу въ 1150 и 1152 г. объясняется новыми попытками императорскаго двора въ пользу Владислава; въ маѣ 1149 г. Конрадъ вернулся съ крестоваго похода и, по настояніямъ Гвидона, снова завелъ дипломатическіе переговоры съ польскими князьями о возвращеніи Владислава ¹⁾.

Въ 1152 г. Ляхи не явились на призывъ Владислава въ походъ на Владимирка, ибо въ февралѣ этого года умеръ Конрадъ, и Болеславичи выжидали, какое положеніе относительно Польши приметъ новый императоръ, Фридрихъ Барбаросса.

недѣль Луцкъ. Время осады довольно точно опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что стычка, въ которой отличился Андрей Юрьевичъ, произошла въ день памяти св. Θεодора (вѣроятно Тирона, память котораго празднуется 17 февраля, если же Стратилата, то 8 февраля); послѣ этого лѣтопись прибавляетъ: „стоящимъ же имъ около города, и не даущимъ ни воды почерети за 3 недѣль, всего же стоянья ихъ у Лучьска 6 недѣль (Ип. 273; но тутъ не ясно, считаетъ ли лѣтопись 3 недѣли отъ дня стычки, или отъ времени „жажы водной“ осажденныхъ). Миръ, при посредствѣ Владимирка, былъ заключенъ на весну („и веснѣ приспѣвши, миръ створиша“). Такимъ обр. уходъ польскихъ князей долженъ былъ случиться въ январѣ 1149 (по мартовскому исчисленію). А Гвидонъ сообщаетъ въ январѣ 1150 г. (по нашему счету, т. е. въ концѣ 1149 по мартовскому счисленію) Конраду о наложенномъ на Польшу интердиктѣ. Письмо это Белевскій (М. Р. II, 17) и Смолька (Mieszko Stary, *cod. V, Regesta* № 18) помѣщаютъ раньше папской буллы отъ 23 января 1150 польскому духовенству, въ которой папа утверждаетъ интердиктъ, въ виду дошедшихъ до него слуховъ о неповиновеніи легату польскаго духовенства, считавшаго интердиктъ наложеннымъ кардиналомъ самовольно, безъ разрѣшенія папы. Но въ письмѣ къ Конраду (М. Р. II, р. 17) Гвидонъ объявляетъ, что „sententiam quam circa adversarios ducis Wladislai et sororis vestrae (жены Владислава, Агнесы) promulgavimus, dominus papa et Romana ecclesia firmaverunt“. На основаніи этой фразы письмо Гвидона слѣдуетъ поставить по времени послѣ папской буллы. Во всякомъ случаѣ, интердиктъ необходимо отнести къ концу 1149 или самому началу 1150.

¹⁾ См. письмо аббата Вибальда канцлеру Арнольду (М. Р. II, 18) отъ февраля 1150. Онъ гов. о намѣреніи Конрада: *sogorem suam absque armis in Poloniam reducere.*

Вѣроятно, и Русь отвѣчала Польшѣ тѣмъ же, т. е. также неохотно давала помощь—рука руку моетъ, да съ другой стороны весь югъ Россіи въ продолженіи 40 и 50 годовъ XII ст. не переставалъ быть театромъ войны.

Мы встрѣчаемъ въ источникахъ только однажды упоминаніе о присутствіи въ польскомъ войскѣ русской подмоги.

Въ 1147 г. новый порывъ увлеченія идеей крестовыхъ походовъ овладѣлъ зап. Европой. Громадная рать двинулась въ святую землю. Но не всѣ крестоносцы двинулись на югъ. Нѣкоторые, болѣе практическіе, нѣмецкіе князья задумали сразу убить двухъ зайцевъ: и душу спасти богоугоднымъ дѣломъ обращенія язычниковъ, и увеличить свои владѣнія завоеваніемъ странъ поганныхъ. Саксонскіе князья отправились въ крестовый походъ въ Поморье; къ нимъ присоединилась и польская рать. Другая рать польскихъ крестоносцевъ отправилась на поганныхъ Прусовъ. Германскій лѣтописецъ съ особеннымъ чувствомъ замѣчаетъ, что даже Русскіе, хотя и не католики, приняли участіе въ этомъ походѣ, такую моль неотразимую силу имѣла святая идея обращенія язычниковъ ¹⁾. Дѣло впрочемъ объясняется проще: помогавшая Полякамъ русская рать была, вѣроятно, рать Владимирской области, часто терпѣвшей нападеніе сосѣднихъ Литовскихъ народовъ. Походъ продолжался цѣлыхъ 3 мѣсяца, пожгли многіе города, разрушили храмъ съ идолами у города Malchon, а самый городъ сравняли съ землею ²⁾.

Отъ времени Изяслава и до времени Казимира и Романа источники очень мало говорятъ объ отношеніяхъ Руси и Польши.

Встрѣчаемъ лишь отрывочныя извѣстія о взаимной помощи. Во всякомъ случаѣ, и изъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ видно, что Болеславичи держались постоянно южныхъ Мономаховичей, даже въ то время, какъ послѣдніе потеряли Кіевъ.

¹⁾ Ann. Magdeb., (Mon. germ. XVI, p. 188.) Contra quos etiam Rutheni licet minus catholici tamen christiani nominis karakterem habentes, inestimabili Dei nutu cum maximis armatorum copiis exiverunt. Ann. Magd. относятъ походъ на Поморянъ къ 1147 г.; Roepell (I, 353, пр. 9) считаетъ болѣе правильнымъ 1148 г.,

²⁾ Ann. Magd. ib.

По смерти Изяслава Мстиславича, въ Кіевѣ сѣлъ было братъ его, Ростиславъ Смоленскій; но, побѣжденный Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ, бѣжалъ въ свой Смоленскъ; но и Изяславъ тотчасъ же оставилъ Кіевъ, узнавъ о приближеніи Юрія. Сыну Мономаха удалось наконецъ добиться завѣтной цѣли—окончательно утвердиться въ Кіевѣ ¹⁾. Изяславичамъ осталась одна Волынь ²⁾. Бѣжавшій изъ Переяслава Изяславъ Мстиславичъ занимаетъ Пересопницу, изгнавъ оттуда, какъ кажется, Владимира Мстиславича. Посланная Юріемъ рать изгоняетъ Мстислава изъ Пересопницы въ Луцкъ. Но и здѣсь Юрій не оставилъ его въ покоѣ; на Луцкъ онъ посылаетъ Ярослава галицкаго, къ которому присоединяется оставшійся безъ удѣла Владимиръ Мстиславичъ. Мстиславъ оставляетъ въ Луцкѣ брата Ярослава, а самъ идетъ въ Польшу за помощью. Лѣтопись не говоритъ, помогли ли Ляхи Мстиславу, изъ нея знаемъ лишь, что союзники Юрія напрасно осаждали Луцкъ ³⁾. Длугошъ ⁴⁾ говоритъ, что польскіе князья дали Мстиславу вспомоgetельное войско, и что Юрій, испугавшись, примирился съ волыньскими князьями и даже уступилъ Мстиславу Переяславль. Часть польскаго войска осталась будтобы у Мстислава. Изяславичи дѣйствительно примирились съ Юріемъ; съ дядею, Владимиромъ Мстиславичемъ, они поладили, кажется, еще до мира съ Юріемъ, отдавъ ему Владимиръ, ибо для переговоровъ съ Юріемъ пріѣзжаютъ въ Кіевъ Владимиръ изъ Владимира, Ярославъ изъ Луцка ⁵⁾. Впрочемъ въ слѣдующемъ же году Мстиславъ изгналъ

¹⁾ Ип. 323—329.

²⁾ Въ рукахъ Изяслава были Кіевъ, Переяславль, Волынь, Туровъ и Пинскъ. Завладѣвъ Кіевомъ, Юрій посадилъ Андрея въ Вышгородѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, Бориса въ Туровѣ, а Васильку далъ Поросье. Въ эпоху смерти Изяслава во Владимирѣ сидѣлъ сынъ его Ярославъ; Погоринскій удѣлъ занималъ Владимиръ Мстиславичъ, въ Берестѣ сидѣлъ Владимиръ Андреевичъ (Ип. 321—322).

³⁾ Ип. 330.

⁴⁾ L. V, p. 498. Тат. (III, 92) гов., что „Поляки, договорившись съ Мстиславомъ, и взявъ отъ него мзду, немедленно войска съ нимъ отправили, но оныя пришедъ болѣе его области вреда и никакой пользы ему учиня возвратились“.

⁵⁾ Ип. 330.

дядю изъ Владимира, что было причиной, неудачнаго впрочемъ, похода Юрія на Волынь ¹⁾.

По смерти Юрія, Кіевъ занялъ черниговскій князь Изяславъ Давыдовичъ. Но онъ усидѣлъ тамъ недолго. Воспользовавшись его походомъ на Галичь, Мстиславъ съ братомъ и Владимиромъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ внезапно занимаютъ Кіевъ и передаютъ его дядѣ Ростиславу ²⁾.

По смерти Ростислава, и Кіевляне съ Черными Клобуками, и Ростиславичи, и самъ Владимиръ Мстиславичъ зовутъ Мстислава Изяславича на кіевскій столъ. Мстиславъ велитъ до своего прихода беречь Кіевъ Васильку Ярополчию. Но тутъ до него дошли слухи, что призывавшіе князя рѣшили собственной волей распорядиться его волостями. Мстиславъ посылаетъ къ своимъ ротникамъ, Ярославу галицкому, Ляхамъ и Всеволодковичамъ „явля имъ твердь братьѣ“. Ляхи и Ярославъ даютъ ему помощь, и съ нею онъ занимаетъ Кіевъ ³⁾ (1169 г.)

Какъ извѣстно, Мстиславъ былъ изгнанъ изъ Кіева присланной Андреемъ Боголюбскимъ ратью, пытался было вернуть его, но неудачно, и умеръ въ 1172 г. во Владимирѣ, поручивъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей брату Ярославу ⁴⁾.

Так. обр. мы видимъ, что Болеславичи дружественно поддерживаютъ южныхъ Мономаховичей. Таковы же были ихъ отношенія къ Галичу, гдѣ сидѣлъ неохотникъ до войнъ Ярославъ Осмомысль. Насколько хороши были его отношенія къ польскимъ князьямъ, видно изъ того обстоятельства, что въ числѣ членовъ грандіознаго посольства къ Изяславу Давыдовичу отъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ князей, снаряженнаго Ярославомъ, чтобы добиться выдачи Ивана Ростиславича Берладника, находимъ и мужа отъ Ляховъ ⁵⁾.

¹⁾ Ип. 334.

²⁾ Ип. 345.

³⁾ Ип. 364—365.

⁴⁾ Ип. 366—382.

⁵⁾ Ип. 341. Подъ 1163 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи отрывочное извѣстіе „Воеваша Ляхове около Чьрвна“ (Ип. 357). Червень принадлежалъ тогда Волыни, но о причинѣ этого похода ничего не знаемъ,

Польша и не могла энергически вмѣшиваться въ русскія дѣла, ибо дома не чувствовала себѣ покойной. Мы уже говорили, что молодой императоръ выразилъ готовность заняться дѣломъ Владислава. Дѣйствительно, въ 1158 г. онъ предпринимаетъ походъ на Польшу. Этотъ походъ былъ гораздо успѣшнѣе похода Конрада въ 1146 г. Болеславичи, не смотря на помощь Русскихъ, Половцевъ, Пруссовъ и Поморянъ ¹⁾, потерпѣли полное пораженіе и должны были согласиться на весьма унижительныя условія мира. Впрочемъ и послѣ этого Владиславу не удалось вернуться въ Польшу; Фридрихъ удовольствовался признаніемъ вассальной зависимости со стороны польскихъ князей. Владиславъ вскорѣ и умеръ въ изгнаніи ²⁾. Дѣти его впрочемъ, по настояніи императора, получили въ удѣлъ Силезію и долго воевали изъ за нѣкоторыхъ волостей съ дядями. Обстоятельство Польши до вокняженія Казимира весьма плохо извѣстны. Можно только указать на значительное внутреннее броженіе въ продолженіи правленія какъ Болеслава, такъ и Мѣшка. Первому впрочемъ удалось до смерти удержаться на краковскомъ столѣ, но второй продержался на немъ лишь

Сынъ Мѣшка, какъ мы видѣли выше (р. 52) былъ женатъ на дочери галицкаго князя (вѣроятно Ярослава Осмомысла). Б. м. дочери Ростислава Мстиславича стали женами двухъ польскихъ князей (см. р. 61).

¹⁾ Обстоятельства похода описываетъ самъ Фридрихъ Барборосса въ письмѣ къ Вибальду, корвейскому аббату (М. Р. II, 21—22). „Poloni... quamvis auxilio vicinarum gentium, Ruthenorum, Parthorum, Pruscorum, Pomeranorum, maximum exercitum collegissent, a facie nostra fugerunt“. Странно послѣ этого, когда г. Смолька (Mieszko Stary, р. 275) гов.: „ani w czasie wypraw Barbarossy, ani w wojnach pruskich nie miał Bolesław pociechy z swych związków z rodem Monomacha“. Первое опровергается извѣстіемъ самаго императора о помощи Русскихъ Полякамъ; что касается помощи противъ Пруссовъ, то г. Смолька очевидно забылъ о томъ, что раньше (р. 225) самъ рассказывалъ о русскомъ вспомогательномъ корпусѣ въ крестовомъ походѣ на Пруссовъ (1147 или 1148 г.). Б. м. и въ другихъ походахъ Болеслава на Пруссовъ ему помогали Русскіе, ибо борьба съ ними была дѣломъ общимъ у Руск съ Польшею.

нѣсколько лѣтъ и долженъ былъ уступить всеобщему неудовольствію, вызванному его правленіемъ. Краковскимъ княземъ сталъ младшій изъ Болеславичей, Казимиръ Справедливый ¹⁾.

На времени Казимира и Романа мы прервемъ наше изслѣдованіе. Конецъ XII в. представляетъ поворотный пунктъ въ исторіи южной Руси и ее отношеніяхъ къ Польшѣ.

Послѣ разгрома Кіева полками Андрея Боголюбскаго, значеніе матери русскихъ городовъ совершенно пало. Центръ исторической жизни южной Руси передвинулся на Волынь и въ Галичь. Но и въ этихъ частяхъ южной Руси таились уже элементы разложенія; могущество галицкой земли, созданное ловкой политикой Владимирка и осторожно-благоразумнымъ правленіемъ его сына Ярослава, не было прочно. Усиленіе галицкой земли произошло на счетъ потери внутренняго единства. Княжеская власть, установившая бюрократическія начала и подавлявшая общинную жизнь въ пользу имъ же вызваннаго къ жизни боярства, скоро пожала плоды отъ своего разобщенія съ землей. Рыцарское посвященіе сыновей боярскихъ польскимъ княземъ (Болеславомъ Кудрявымъ) ²⁾ было какъ бы санкціей притязаніямъ южнаго боярства. Вводившее ихъ въ великій рыцарскій союзъ запада Европы, оно какъ бы сообщало имъ и тѣ стремленія, которыми наполнено было это единственно свободное сословіе на западѣ. Когда выросшая аристократія начала свою борьбу съ княжеской властью, послѣдняя осталась безъ всякой опоры и не устояла въ борьбѣ. Противоположные интересы княжеской власти, боярства и общинъ столкнулись въ галицкой жизни и произвели въ ней цѣлый водоворотъ. За устройство галицкихъ дѣлъ принялся своей могучей рукой гениальный волынской князь, Романъ Мстиславичъ, хорошо ознакомившійся съ прелестями олигархіи и въ Польшѣ, гдѣ провелъ раннюю юность и судьбой которой постоянно интересовался, и въ

¹⁾ Наиболѣе обстоятельно эти событія изложены у Смольки, Mieszko Stary.

²⁾ Ип. 270. Это случилось во время похода Изяслава Мстиславича съ Ляхами и Уграми на Юрія; во время остановки у Луцка „паче Болеславъ сыны боярскы мечемъ многи“.

Новгородѣ, гдѣ онъ былъ и возвышенъ и униженъ гордымъ и беспокойнымъ боярствомъ, и у себя на Волыни, въ развитіи внутренней жизни которой конечно не прошло безслѣдно близкое сосѣдство шляхетскаго государства и надменныхъ, гордыхъ успѣхомъ, галицкихъ вельможъ. Но Романъ почилъ слишкомъ рано, не успѣвъ довести до конца своего дѣла. Кто знаетъ, проживи этотъ южный богатырь еще десятокъ—другой лѣтъ, и исторія южной Руси, очищенной отъ вредныхъ элементовъ и переданной изъ рукъ въ руки умному Даніилу, пошла бы вовсе инымъ путемъ.

Внутреннее ослабленіе южной Руси отразилось весьма печально и на отношеніяхъ къ ней сосѣдей, Польши и Венгріи. До этого времени сосѣди южной Руси не играли важной самостоятельной роли въ ея судьбахъ. Польскіе и угорскіе полки, правда, часто появлялись въ ея предѣлахъ, но это были обыкновенно вспомогательные корпуса, призванные самими князьями въ домашнихъ распряхъ. Изрѣдка сосѣди мѣнялись внезапными набѣгами; но пока былъ силенъ Кіевъ, а потомъ Галичь, Польша и Венгрія не могли простирать рукъ на пограничныя русскія области. Съ ослабленіемъ Галича явилась и возможность сосѣдямъ наложить руку на богатую русскую землю. Съ конца XII в. и до паденія самостоятельности галицко-владимирскаго княжества не прекращаются попытки сосѣдей, нерѣдко (хотя лишь временно) удачныя, приобщить къ своимъ владѣніямъ пограничную Русь.

Вмѣстѣ съ этимъ нельзя отрицать съ этого времени и усиленія нѣкотораго вліянія сосѣдей на населеніе южной Руси. Конечно, это вліяніе сказалось главнымъ образомъ на высшемъ сословіи. Если олигархическія тенденціи южнаго боярства и могли возникнуть на собственной почвѣ, помимо всякихъ иностранныхъ вліяній, то нельзя однако отрицать того, что образцы успѣшныхъ результатовъ, достигнутыхъ польскимъ и венгерскимъ боярствомъ значительно содѣйствовали развитію политическаго смысла у южно русскаго боярства. Въ этомъ отношеніи послѣднее могло многому поучиться у своихъ сосѣдей, и не по однимъ лишь слухамъ. Бѣжавшіе предъ Романомъ бояре вернулись домой послѣ его смерти, обогащенные политическимъ опытомъ. Увлеченное вольготнымъ положеніемъ польскихъ и венгерскихъ вельможъ южно-русское боярство съ большей энергіей и знаніемъ дѣла принимается за пасаженіе такого же порядка и на Руси.

Оно настолько плѣнилось западными образцами, что, потерявъ вѣру въ возможность осуществленія своихъ идеаловъ при родныхъ князьяхъ, призываетъ иноземное, болѣе для него удобное, господство. Оно обсчиталось впрочемо въ оцѣнкѣ достигнутыхъ результатовъ подавленія общинной самостоятельности...

Усилившееся вліяніе запада съ конца XII в. сказалось не только въ одномъ политическомъ отношеніи. Съ этого времени значительно усиливаются всевозможныя сношенія южной Руси съ Польшей, Венгріей и болѣе отдаленными странами запада въ области культурной и экономической.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы считаемъ возможнымъ установить одной изъ граней въ нашихъ отношеніяхъ къ Польшѣ конецъ XII вѣка.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ обзору русско-польскихъ отношеній въ областяхъ культурной, экономической и религіозной, бросимъ общій взглядъ на изслѣдованныя нами политическія отношенія этихъ двухъ странъ ¹⁾.

Пограничная область, слишкомъ слабая для самостоятельнаго существованія и потому легко поддававшая власти сильныхъ сосѣдей, была ареной, на которой установились первыя отношенія Руси и Польши. Очень долго всѣ политическія отношенія этихъ двухъ странъ вращались около галицкой земли, какъ около центра.

Польша, кажется, раньше Руси, хотя на весьма короткое время, успѣла подчинить себѣ часть Червенской области, заселенной однимъ изъ славянскихъ племенъ—Хорватами. Другая часть этой земли, б. м. еще раньше признавала власть другихъ сосѣднихъ государствъ, Чехіи и Венгріи. Киевскія князья, объединяя восточныхъ Славянъ, не забыли и Хорватовъ. Это племя, повидимому, безъ особеннаго сопротивленія подчинилось Киеву. Изъ государствъ, дѣлвшихъ господство надъ Червенскими городами, одна лишь Польша могла стать серьезной соперницей Руси: границы Чехіи отодвинулись въ это время далеко на западъ, и владѣнія ея, доходившія прежде

¹⁾ Мы считаемъ удобнымъ, по принятому нами обыкновенію, подводить итоги каждому законченному отдѣлу нашего изслѣдованія, хотя въ такихъ общихъ обзорахъ намъ приходится иногда повторяться.

до Руси (въ той же Черв. области), къ этому времени съ нею уже не соприкасались. Руси пришлось отстаивать эту область у одной лишь Польши.

Послѣдней было конечно жаль богатой области, отошедшей къ Руси. Обстоятельства не позволили ей вести серьезной борьбы съ Русью. Правда, одно время Польшѣ повезло—Черв. города отошли къ ней безъ борьбы путемъ уступки за оказанную киевскому князю помощь. Но власть Польши здѣсь была опять весьма кратковременна. Лишь только уладились русскія дѣла, одной изъ первыхъ заботъ Кіева было возвращеніе недавно утраченной русской области.

Съ этого времени и до самой середины XIV в. Червенская область составляла нераздѣльную часть Руси. До второй половины XI в. въ часы затруднительнаго положенія киевскихъ князей, которымъ принадлежало эта, первое время спорная, пограничная область, Польша дѣлала еще попытки дипломатическихъ и военныхъ усилій (при Болеславѣ Смѣломъ) къ отнятію у Руси Червенскихъ городовъ, но чтобы достигнуть этого она не имѣла достаточно силы, да и населеніе галицкой земли, первоначально совершенно индифферентно сносившее всякое господство, явно начинаетъ тянуть къ Руси, съ которой уже сливалось въ культурномъ отношеніи. Въ концѣ XI в. Червенская область получаетъ наконецъ самостоятельную княжескую линію въ лицѣ Ростиславичей.

Эти энергическіе князья преслѣдуютъ вполне опредѣленную политику: они, съ одной стороны, отстаиваютъ самостоятельность своего княжества отъ покушеній киевскихъ и вылынскихъ князей, силой обстоятельствъ принужденныхъ выдѣлить это княженіе, но скоро начавшихъ сожалѣть о своей уступкѣ. Но враждебныя отношенія къ Кіеву и Волыни не заставили однако галицкихъ князей искать союза съ Польшей; они, напротивъ, сразу становятся къ ней во враждебныя отношенія и даже переходятъ къ небезопаснымъ для нея наступательнымъ дѣйствіямъ. Могущество Польши въ это время меркло; собственная слабость не только не позволяла ей мечтать о завоеваніи пограничнаго русскаго княженія, но она часто не могла даже дать Ростиславичамъ достойнаго отпора. Эти обстоятельства заставили ее искать союзниковъ противъ галицкихъ князей; она ихъ нашла въ самой Руси, въ лицѣ волынскихъ князей, безпокойнымъ окомъ глядѣвшихъ на усиленіе сосѣдней области, мечтавшей при томъ, въ лицѣ

своихъ князей, о соединеніи Волыни и Галича въ одно княженіе. Вотъ почему въ распряхъ галицко-волинскихъ князей мы постоянно видѣли Польшу на сторонѣ послѣднихъ. Т. к. Волынь и Кіевъ въ концѣ XI и началѣ XII в. были въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, то естественно Польша поддерживала и съ Кіевомъ тѣ же дружественныя отношенія, что и съ Волынью.

Когда родственная польскому княжескому дому линія была оттѣснена изъ Кіева на Волынь, Польша первое время поддерживаетъ волинскихъ князей противъ Кіева. Помимо родственныхъ чувствъ, въ этихъ отношеніяхъ большое значеніе имѣло и то обстоятельство, что Кіевъ при первыхъ Мономаховичахъ вступилъ, въ противоположность Изяславичамъ, и по причинамъ вполне понятнымъ, въ тѣсный союзъ съ Ростиславичами ¹⁾.

Польша еще потому могла въ первой четверти XII в. держаться независимой политики, что это было время, казалось, новаго раздвѣта ея силъ (при Болеславѣ Кривоустомъ). Но этой политики Польша держалась недолго. Когда, не смотря на ея поддержку, дѣло Изяславичей было окончательно проиграно, и они лишились даже Волыни, которую объединили съ Кіевомъ Мономаховичи, Польша, уже въ концѣ правленія Болеслава Кривоустаго, ищетъ сближенія съ Мономаховичами. Группировка политическихъ отношеній снова измѣняется съ измѣнившимися отношеніями на Руси.

Переходъ Кіева въ руки Ольговичей и оттѣсненіе Мономаховичей на Волынь совпали съ раздѣленіемъ Польши на двѣ враждебныя партіи—старшаго Болеславича и остальныхъ дѣтей Кривоустаго. Первый ищетъ и находитъ помощь у Ольговичей, послѣдніе тянутъ къ Мономаховичамъ, но союзъ съ ними не могъ доставить имъ особенной выгоды, ибо собственное положеніе послѣднихъ было не безопасно. Побѣда партіи младшихъ Болеславичей въ Польшѣ совпала съ возвышеніемъ Мономаховичей, въ рукахъ которыхъ снова оказались Кіевъ и Волынь. Естественно, что младшіе Болеславичи, опасавшіеся притомъ непрестанныхъ попытокъ старшаго брата, поддерживаютъ тѣсный союзъ съ Мономаховичами. Во всѣхъ перипетіяхъ борьбы изъ

¹⁾ Занявъ Кіевскій столъ, Мономахъ тотчасъ же женить сына Романа на дочери Володаря Ип. 199.

за кievскаго стола Польша постоянно на сторонѣ Мономаховичей, крѣпко утвержденныхъ на Волыни и тѣсно сблизившихся съ младшими Болеславичами.

Въ отношеніи къ Галичу произошла также перемѣна. Владимиро еще продолжалъ враждебную политику Ростиславичей по отношенію къ Польшѣ, но Ярославъ, отличавшійся вообще мирными наклонностями, поддерживаеъ съ Польшею дружественныя отношенія.

Только въ концѣ XII в. смутныя обстоятельства галицкой земли дали Польшѣ возможность вмѣшаться въ дѣла этого княженія, но и то первое время характеръ этого вмѣшательства былъ прежній, т. е. состоялъ въ помощи русскому князю (Роману Мстиславичу), предъявившему, по изгнанію Владимира Ярославича, претензіи на Галицкій столъ. Въ началѣ XIII ст. Польшѣ удалось наложить руку на часть галицкихъ владѣній. Однако возмужавшій Даниль Романовичъ не только одержалъ верхъ надъ всеми претендентами на южную Русь, но, объединивъ Галичъ и Волынь въ своихъ рукахъ, довель южно-русскія области до небывалой степени могущества и далъ норья силы къ самостоятельному существованію галицко-волынскаго княжества еще на цѣлое столѣтіе. Грустное обстоятельство паденія могучаго южно-русскаго княжества, при чемъ часть его отошла къ Польшѣ, а часть къ Литвѣ, совершилось лишь въ срединѣ XIV в. Отношеніе Польши къ Руси въ XIII в. и первой половинѣ XIV в. до паденія галицкаго княжества составяъ второй отдѣлъ нашего труда.

IV.

Отношенія экономическія, культурныя и религіозныя.

Гдѣ оканчивалась Русь, и гдѣ начиналась Польша?

Въ вопросѣ этомъ двѣ стороны: этнографическая и политическая; другими словами, въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ должно содержаться указаніе на этнографическое распространеніе русскаго племени въ сторону лядскаго и опредѣленіе политическихъ границъ государствъ русскаго и польскаго.

Этнографическія и политическія границы извѣстнаго народа далеко не всегда совпадаютъ: весьма часто вторыя уже первыя. Замѣчательнъ тотъ фактъ въ образованіи государствъ, что они весьма часто, включивъ въ свой составъ многія племена совсѣмъ инаго происхожденія, нежели центральное племя, образовавшее государство, оставляютъ за своими политическими границами крупныя части собственнаго рода. Причины такого, повидному, страннаго явленія бываютъ разныя: стремленіе къ образованію государства возникаетъ часто лишь въ одной какой либо изъ группъ, на которыя бываетъ разбитъ народъ; разныя обстоятельства обращаютъ вниманіе централизирующей группы въ какую нибудь одну сторону и увлекаютъ ее въ политическія предпріятія въ стороны другихъ народовъ, при этомъ остальные группы того же народа живутъ собственной жизнью и въ то время, когда главная централизирующая группа обратитъ вниманіе и на прочія свои родныя части, эти послѣднія или успѣли сложиться также въ государства, или подпали власти другихъ сосѣднихъ народовъ.

Приступая къ этой главѣ нашего труда, мы прежде всего должны пожаловаться на крайне скудный матеріалъ для изслѣдованія разби-

Отдѣльныя части какого либо народа, соединенныя въ одно цѣлое, могутъ и позже отпадать вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ отъ своей центральной группы въ составъ какого либо инаго государства.

Наконецъ большую роль въ этомъ явленіи играетъ колонизація, переливающая элементы одного народа въ составъ другихъ.

Большинство указанныхъ явленій и ихъ причинъ имѣло мѣсто въ относительномъ распространеніи русской и польской народностей.

На основаніи приводимыхъ ниже фактовъ, можно, кажется, прити къ слѣдующимъ выводамъ: 1) этнографическое распространеніе русской народности въ сторону народа польскаго въ эпоху образованія русскаго государства идетъ далеко за предѣлы политическихъ границъ русскаго государства со стороны польскаго; 2) политическія границы этихъ двухъ государствъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, часто видоизмѣнялись; но 3) ни въ разбираемый нами періодъ, ни въ болѣе позднюю эпоху, русскому государству не удалось собрать въ свои политическія границы Русь какъ единицу этнографическую (со стороны Польши). Наконецъ прибавимъ еще, что 4) въ разбираемомъ нами періодѣ мы и не замѣчаемъ со стороны русскихъ князей вполнѣ сознательнаго стремленія къ собиранію русской земли въ ея этнографическихъ предѣлахъ. Если южные князья и старались часто прихватить сосѣднія польскія земли, частью заселенныя русскимъ племенемъ то въ этомъ стремленіи, помимо желанія увеличить собственныя владѣнія, участвовала главнымъ образомъ необходимость установить болѣе прочныя естественныя границы со стороны Польши.

Зубрицкій¹⁾ указываетъ на русскія поселенія не только за Вислокомъ и Вислокою, но и за Вепремъ, въ области Люблина, въ самомъ Люб-

раемыхъ здѣсь, наиболѣе важныхъ сторонъ взаимныхъ отношеній народовъ. По этой причинѣ эта глава нашего труда, еще болѣе прежнихъ, по необходимости имѣетъ отрывочный характеръ. Мы могли только собрать незначительное количество отрывочныхъ фактовъ и присоединить къ нимъ нѣсколько осторожныхъ соображеній.

¹⁾ Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galicien. Lemberg. 1849, p. 18. См. и его Критико-истор. пов. врем.

линѣ и въ Kazimierz'ѣ у Вислы. Съ другой стороны русскія поселенія доходили почти до самаго Кракова и шли оттуда „до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до сѣв. вост. угла нын. липтовскаго комитата въ Угорщинѣ“¹⁾.

Между тѣмъ политическія границы юго-западныхъ русскихъ княжествъ въ историческую эпоху такъ далеко не заходили. Такъ Владимиръ Володаревичъ, по извѣстію Длугоша²⁾, опустошаетъ

лѣтъ Черв. Руси, р. 54, пр. 35. Зубр. предполагаетъ даже, что Краковъ построенъ на исконно-русской землѣ. А. Петрушевичъ (Наук. Сб. IV, р. 269) считаетъ и Судомиръ русскимъ городомъ. Въ другомъ сочиненіи (Краткое истор. изв. о введеніи христіанства въ предкарп. странахъ, 1882). почтенный галицкій ученый предполагаетъ, что и въ Опатовѣ жило русское населеніе. Основаніе для мнѣнія о распространеніи русской народности далеко за Вислу даетъ извѣстное мѣсто Годислава (с. 61, М. Р. II, 556) о назначеніи аббата опатовскаго монастыря, Герарда, епископомъ русскимъ (*Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus*). Впрочемъ значеніе этого мѣста хроники Годислава спорно. Вообще видѣть вездѣ русское населеніе въ Польшѣ тамъ, гдѣ есть указаніе на славянскій обрядъ въ богослуженіи (таково напр. доказательство относительно Судомира, гдѣ по лѣтописи были игумены, попы и дьяконы и церковь св. Троицы (Ип. 565) едвали возможно, въ виду несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о первоначальномъ распространеніи христіанства въ Польшѣ по обряду славянскому, и извѣстій о довольно долгомъ существованіи этого обряда въ разныхъ ея мѣстахъ (о чемъ см. ниже). Гораздо болѣе значенія имѣетъ приводимый о. А. Петрушевичемъ фактъ привилегіи короля Казимира Чмелеву (4 мили отъ Опатова), устранившаго его русскіе права и обычаи (Ib., р. 67). Шараневичъ (Изсл. на поли отечественной геогр. и исторіи, 53) замѣчаетъ, что по лѣвой сторонѣ Вислы, „напотькаемъ (въ XIII в.) много русской стихіи, такъ что намъ совсѣмъ не дивно, что уже въ тѣхъ временахъ особое для Русиновъ русское епископство Любуское существовало“.

¹⁾ См. статью А. И. Д. о зап. границахъ подкарпатской Руси со временъ Владимира св. Ж. М. Н. П. 1880, III.

²⁾ L. IV, р. 425 войско Владимирка aliquot villis circa Wisloka crematis, rediit.

окрестности Вислоки у урочища Wyssokie ¹⁾; Володаръ дѣлаеть набѣги въ польскіе предѣлы usque versus Biecz ²⁾, Болеславъ Крив. побѣждаетъ Володаря у Вилихова ³⁾. Русскіе князья стараются постоянно овладѣть люблинской землей, но имъ не удавалось въ ней прочно утвердиться до конца XIII в. ⁴⁾.

1) Dlugoss. IV, p. 418. На картѣ, приложенной къ сочиненію А. Шараневича, Изслѣд. на поли отеч. геогр. и исторіи, Wysokie показано на одномъ изъ притоковъ Вепря. Впрочемъ мѣсть съ подобнымъ названіемъ въ гал. землѣ нѣсколько; см. на той же картѣ Wysoka ниже Переворска, другое повыше Решова; третье не подалеку отъ Нов. Сандеца. Есть еще Wisokie въ Мазовіи (Balinski, Star. P. III, 1280) и Wysokie Litewskie въ 5 миляхъ отъ Бреста (ib. II, 761).

2) Dlugoss. IV, 423; лежитъ надъ Ропой, см. Balinski, Staroż Polska II, 206.

3) Ib. p. 429.

4) Еще Романъ Мстиславичъ воевалъ землю люблинскую и сандомирскую и требовалъ ея уступки отъ Ляховъ (лѣт. по Кенигсб. списку, 300 и Тат. III, 343). Впервые, какъ кажется, любл. земля была временно захвачена Даниломъ Романовичемъ; это извѣстіе нѣкоторые изслѣдователи, м. пр. и Н. П. Дашкевичъ, слѣдуя за Стадницкимъ (Synowie Gedimina, II, nota 73, p. 219—224), считают басней (Давилъ Гал p. 70). Но собранныя Н. П. данныя на оборотъ лишь подтверждаютъ это извѣстіе Длугоша (L. VII, p. 628 ad. 1244: Ruthenorum et Kii-oviensis princeps Daniel... in Lublin adveniens tam castrum quam civitatem capit et universam terram Lublinensem sibi appropriat et usurpat... turrim rotundam ex coctis lateribus in castris medio—aedificat, castrumque et civitatem fossis et vallis profundis fortificat, et omnes Lublinensis terrae milites sibi parere cogit). Данныя разныхъ annalovъ говорятъ прямо, что любл. земля въ XIII и нач. XIV в. нѣсколько разъ переходила изъ рукъ Польши къ Руси, и обратно. Такъ въ ann. S. Crucis (M. P. III, 72) подъ 1244: Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succendunt et castrum pro se edificare ceperunt et turrim muratam fecerunt. Н. П. Дашкевичъ (l. c.) замѣчаетъ, что по этому извѣстію Русскіе только *начали* (ceperunt) строить замокъ, а не выстроили вполне; но во 1) извѣстія другихъ annalovъ

По мнѣнію Зубрицкаго¹⁾, прикарпатская Русь (*das unterbeskidische Russinenland*) спокойно признавала власть краковскихъ князей.

говорятъ положительно о взятіи Люблина Русскими и о ихъ утверженіи тамъ: такъ *Zd. godne pam.* (М. Р. III, 303): *a. 1243 Rutheni tergam Lublinese invadunt atque devasatant. Oppidum ipsum Lublin ceperunt et ibidem castrum cum turri pro se et usibus suis edificarunt.* (Тоже и въ *Ann. Siles. ib.* въ прим.). Впрочемъ, если извѣстіе этихъ, болѣе позднихъ, анналовъ и представляетъ, по всей вѣроятности, лишь передѣлку извѣстія *Ann. S. crucis*, то замѣтимъ, что, по извѣстію этихъ послѣднихъ, Русскіе хотя только начали строить замокъ, но зато *turrim muratam fecerunt.* Извѣстіе нашей лѣтописи хотя прямо не говорить о присоединеніи любл. земли къ Руси, но указываютъ однако на особенное положеніе, въ которое эта пограничная область стала по отношенію къ послѣдней; такъ Данилъ и Василько, осадивъ Люблинъ, на просьбы осажденных пощадить ихъ „створиста завѣтъ положивъ имъ, река „не помогайте князю своему“, они же обѣщавшася то створити“ (Ип. 529). Сф. извѣстіе (Ип. 571) о нападеніи Ляховъ на область Холма—Русскіе не были захвачены въ расплохъ, „зане вѣсть бяхуть подали имъ Ляхове украиняне“. Поэтому мы полагаемъ, что съ 1244 по 1253 г. любл. земля оставалась въ какихъ то вассальныхъ отношеніяхъ къ Руси, ибо лишь въ этомъ году: *Boleslaus dux Cracoviensis filius Lestconis Lublin a Ruthenis recepit vacatis Ruthenis* (А. S. Crucis, М. Р. III, 73). Во концѣ XIII в. Русскимъ снова удалось овладѣть любл. землей, которой они владѣли до 1302 г. (*R. Traski, М. Р. II, 833*): *A. 1302 inierunt milites Cracovienses et Sandomirienses Russiam, videlicet Lublin novum, quod Rutheni occupaverunt pluribus annis, expugnaverunt, deinde in paucis cum multitudine Ruthenorum et Lithuanorum ac Tartharorum pugnauerunt, et Domino cooperante de omnibus triumphaverunt. Postea reversi ipsum castrum Lublin optinuerunt.* (Тоже и въ *R. Sedz. М. Р. II, 879*, и *М. Р. III, 188* и *189*. Въ *Ann. S. Cr., М. Р. III, 73* возвращеніе Люблина отнесено къ 1306). Репель полагалъ, что еще Болеславъ Крив. не владѣлъ любл.

¹⁾ *Gränzen*, p. 28. Дашкевичъ, Дан. гал. p. 67.

Политическія границы Руси и Польши въ XII и XIII в. въ общихъ чертахъ опредѣляются теченіемъ рѣкъ Вислоки и Вепра, притоковъ Вислы ¹⁾.

землей (I, 295). Опровергаетъ это K. Gorski (Stos. Kaz. Spr. z Rusią, p. 7, пр. 2, а за нимъ Kantecki, Das Testament Bol. Schiefmund, p. 80). Нѣкоторыя мѣста за Вепремъ не только въ XIII, но, вѣроятно, и въ XII принадлежали Русскимъ, поэтому если и отодвигать занятіе любл. земли къ концу XIII в., то все же придется признать и до того времени существованіе русскихъ владѣній въ польско-русской украинѣ, въ землѣ люблинской. Въ XIII в. русскіе и польскіе князья нѣсколько разъ сѣзжались для рѣда о землѣ русской и лядьской (Ип. 567, 572).

¹⁾ Польско-русскій рубежъ невозможно даже приблизительно опредѣлить по даннымъ X—XII в. Лишь съ XIII в. лѣтописи даютъ нѣкоторую возможность обозначенія границъ Руси со стороны Польши. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе какъ вопроса объ этнографическомъ распространеніи русскаго племени на западъ, такъ и вопроса о политическомъ польско-русскомъ рубежѣ; не имѣемъ для этого ни необходимыхъ пособій, ни знакомства съ мѣстной топографіей. Изслѣдованіе этихъ вопросовъ есть дѣло мѣстныхъ ученыхъ (которымъ, какъ покойному Зубрицкому, современнымъ ученымъ, Шараневичу, А. И. Д., принадлежать наиболѣе цѣнныя въ этихъ вопросахъ изслѣдованія). Укажемъ впрочемъ на болѣе подробное обозначеніе лядьско-русскаго рубежа, сдѣланное разными изслѣдователями (преимущественно на основаніи данныхъ XIII в.). Лядьско-русскій рубежъ тянулся отъ истоковъ Ропы (притока Вислы), затѣмъ по Вислокѣ (по мнѣнію Зубр., если не до впаденія ея въ Вислу, то по кр. мѣрѣ до города Brzostek), далѣе по водораздѣлу между Вислокою и Вислокомъ (притокомъ Сана; по мнѣнію Н. П. Дашкевича, б. м. до селенія Ruska wies), затѣмъ по Вислоку до его впаденія въ Санъ, отсюда къ Вепрю, а затѣмъ или Вепремъ, или по водораздѣлу между Вепремъ и Быстрицею, далѣе Вепремъ до Вогина (нын. Вохинь), отсюда къ Бугу на Берестѣ, мимо Берестья, Дорогичина, Нура до низовьевъ Буга, отсюда волокомъ къ Нареву. Крайнимъ городомъ лядьскимъ на сѣв.-зап. была Визна, (впрочемъ уступленная Руси лишь въ 1145 г.) см. Н. П. Барсова, Оч. русск. истор. геогр., p. 93 и 103; Н. П. Дашкевича, Даниль

Но это конечно лишь приблизительная граница между Русью и Польшей. Въ дѣйствительности границы съ лядскою землею постоянно колебались. Не говоря уже о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ занятіе (впрочемъ на короткое время) червенскихъ городовъ Поляками при Болеславѣ Храбромъ, въ теченіи X-XIII в. можно указать на нѣсколько случаевъ видоизмѣненія лядско-русской границы. Такъ подъ 1145 г. находимъ извѣстіе объ уступкѣ Руси Визны ¹⁾. Владимирко, какъ мы видѣли выше, захватилъ было у Ляховъ Вислицу. Въ XIII в. Лешко получилъ, впрочемъ на короткое время, Перемышль и Любачевъ ²⁾.

Въ этомъ же вѣкѣ русскіе и польскіе князья нѣсколько разъ съѣзжались для переговоровъ о земельныхъ границахъ ³⁾. По смерти краковскаго князя Болеслава Стыдливаго, Левъ Даниловичъ мечталъ о присоединеніи къ своему княжеству лядской земли, но „бояре бяхуть силніи, не даша ему землѣ“ ⁴⁾. Онъ съ этой цѣлью воетъ Сандомиръ, впрочемъ неудачно. Лешко, въ свою очередь, беретъ у Льва Переворскъ ⁵⁾. Русская Украина еще до XIII в. перешла за Вепрь ⁶⁾.

Гал. р. 65—71; Д. Зубрицкаго, Die Gränzen zw. der Russin u. poln. Nation in Galizien; Ис. Шараневича, Изслѣд. на поли отеч. геогр. и исторіи и статью А. И. Д. о зап. границахъ подкарп. Руси со временъ Влад. св. Ж. М. Н. П. 1880 г. III.

¹⁾ Ип. 227. Визна надъ р. Наревомъ, на вост. отъ Ломжи. Н. П. Барсовъ, Матер. для историко-геогр. словаря Россіи, р. 30.

²⁾ Ип. 389.

³⁾ Съѣздъ происходилъ обыкновенно въ Тернавѣ (Ип. 567, 572); по всей вѣроятности это нын. Тарновъ на Дунайцѣ (Н. П. Барсовъ, Мат. 196; въ Оч. русск. ист. геогр. пр. 124 Н. П. Барсовъ думаетъ, что это Тернава на дорогѣ изъ Люблина въ Бѣлгорай (Тарноградъ?). Есть еще Тарнава подлѣ Турбина.

⁴⁾ Ип. 581.

⁵⁾ Ип. 582. Вѣроятно и до XIII в. политическая граница Руси со стороны Польши часто видоизмѣнялась. Ростиславичи, дѣлавшіе постоянные набѣги на Польшу, вѣроятно расширили свои границы на западъ.

⁶⁾ Щекаревъ, какъ думаетъ Balinski, (Staroż. Polska, II, 387) былъ на мѣстѣ нын. Красностава, слѣд. на лѣвой сторонѣ Вепря. По мнѣ-

Такимъ обр. галицко-волынскіе князья не имѣли естественной границы со стороны Польши и стремились найти ее въ Вислѣ, дѣлая попытки къ захвату люблинской земли.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о польско-русскихъ границахъ стоитъ вопросъ о путяхъ изъ Польши въ Русь.

Хотя мы имѣемъ очень мало данныхъ для опредѣленія древнѣйшихъ путей изъ Польши въ Русь, но все же и тѣ указанія, которыя можно собрать по этому вопросу изъ лѣтописей, приводятъ къ заключенію, что древнѣйшіе пути изъ Польши въ Русь значительно разнились не только отъ нынѣшнихъ главныхъ путей, но и отъ обычныхъ трактовъ въ XIV и XV в. ¹⁾

нію о. А. Петрушевича, (Гал. истор. сб. II, 131) это теп. мѣст. Щекаревицы, лежащее далеко за Вепремъ. Украинной наз. въ XIII в. не только полоса между Вепремъ и Бугомъ, какъ думаетъ Н. П. Дашкевичъ, (Даніиль гал. 70) но и вся область отъ Вислы до Вепря. Такъ Левъ Даніиловичъ хочетъ городовъ „на въкраини“ и идетъ для этого на Судомиръ и Кропивницу.

¹⁾ Въ настоящее время Галицію пересекаютъ слѣд. главные тракты: 1) Составляющей продолженіе прусско-силезскаго тракта изъ Бреславля (Вроцлавъ) черезъ Опшельнъ, Берунъ, по обоимъ берегамъ Вислы черезъ Краковъ, Величку, Неполомицу, Бохню, Тарновъ, Решовъ, Радимно, Яворовъ во Львовъ; отсюда дорога развѣтвляется: или черезъ Злочевъ на Кіевъ, или черезъ Тарнополь, Чортковъ, Черновицы, Сучаву, къ Черному морю. 2) Трактъ изъ Моравіи—изъ Тешена черезъ Бялу, Издебникъ, Гдовъ, Заклучинъ, Ясло, Мѣсце, Перемышль, Гродекъ во Львовъ, откуда черезъ Рогатинъ, Галичь, Тлумачъ Городенку, Снятинъ, Строшенецъ въ Гура-Гумору—отсюда черезъ Молдавію на югъ. 3) Горный путь или изъ Моравіи, или изъ долины Вага черезъ Сайбушъ, Иордановъ, Лимановъ въ новый Судецъ, затѣмъ черезъ Горлицу, Дукло, Мѣсце, Сапокъ, Лиско, Самборъ, Стрый, затѣмъ или черезъ Станиславовъ или Рожнятовъ въ Делятинъ, Коломию, и долиной Черемоша въ Молдавію; наконецъ 4) изъ Кракова къ Розвадову, черезъ Устье Сольное, Радловъ, Жабно, Щучинъ, Отталежъ, Тарнобрегъ, Горнице, Розвадовъ, затѣмъ по лѣвому берегу Сана до Лежайска, далѣе къ востоку черезъ Любачевъ, Раву, Белзъ, Радзѣховъ, Броды, Збаражъ, Гусятинъ, Хотимъ. См. Carl Ritt. v. Schmedes, Geogr.

Древніе пути должны были потерѣть особенно сильное измѣненіе въ XIV и XV в. Съ паденіемъ Кіева и политическимъ и культурнымъ развитіемъ галицкаго княжества, вся западная торговля, устремлявшаяся на Кіевъ, должна была переимѣнить свое направленіе. Въ галицкой землѣ въ XIII в. возникаютъ новые городскіе центры, съ поразительной быстротой развившіеся до значенія первостепенныхъ торговыхъ пунктовъ. Такими городами были Холмъ и Львовъ. Послѣдній получилъ особенно важное значеніе. Въ XIV и XV в. онъ перетянулъ къ себѣ всю торговлю юго-зап. Руси, сталъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, шедшихъ съ востока, запада и юга. Введеніе въ галицкихъ городахъ магдебурскаго права и привилегіи разнымъ городамъ и мѣстечкамъ сильно стѣснило свободу торговли, насильственно видоизмѣняя ея пути. Купецъ не имѣлъ права ѣхать съ товаромъ, куда захочетъ, а долженъ былъ непременно останавливаться въ извѣстныхъ мѣстахъ, держать путь мимо извѣстныхъ пунктовъ, при чемъ случалось даже нерѣдко, что въ силу такихъ требованій, нужно было дѣлать большіе объѣзды вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ въ актахъ XIV и XV в. постоянныя жалобы городовъ и мѣстечекъ на купцовъ, вопреки привилегіямъ объѣзжавшимъ мало для нихъ интересныя пункты. Съ другой стороны, сами купцы постоянно жалуются, что ихъ заставляютъ (конечно, съ цѣлью брать мыта и пошлины) ѣздить *per vias insolitas atque inconsuetas* ¹⁾.

Statist. Uebersicht Galiziens und der Bukowina, Lemb. 1869, p. 76—7. Въ XV ст. торговцы изъ Львова направлялись въ Броцлавъ черезъ Сандомиръ (къ сожалѣнію, въ актѣ нѣтъ указаній на станціи между Львовомъ и Сандомиромъ), Копрживицу, Оссекъ, Турско, Палавецъ, Палановъ, Вислицу, Леловъ, (Akta gr. i ziemskie t. V, N. XLI). Изъ Кракова шли во Львовъ черезъ Мловъ и Сандомиръ (ib. N. LXXVII). Изъ Кросна шли въ Сандом. область черезъ Ропшицу (A. gr. t. III, N. LXIX).

¹⁾ Львовъ получалъ магдебургское право въ 1356 (см. грамоту въ Akta gr. i z. t. III. N. V. (Зубрицкій, Kronika Miasta Lwowa, сомнѣвался въ подлинности документа, но см. возраженія ему Вагилевича въ Akta gr. i ziemskie t. III, p. 15 sq.). Право на главный складъ всѣхъ това-

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, на основаніи данныхъ XIV, XV в. едва ли возможно возстановить древнѣйшіе пути изъ Польши въ Русь, и приходится для этой цѣли пользоваться лишь крайне скуднымъ матеріаломъ лѣтописи.

Шараневичъ ¹⁾, на основаніи данныхъ преимущественно XIII в. указываетъ на слѣдующіе пути изъ Руси въ Польшу: 1) черезъ Санъ и Перемышль къ Кракову, 2) путь изъ волынской земли, именно изъ Владимира и Червена черезъ Вислу у Завихоста, затѣмъ у лѣваго берега Вислы черезъ Судомиръ, Кропивницу, Вислицу къ Кракову, или вдоль Илжи, мимо Хмельника горными околицами, лежащими на сѣверъ отъ Вислы къ Кракову. 3) Путь изъ Волыни черезъ Санъ, ниже Ярославля, затѣмъ около Судомира черезъ Вислу къ Кракову.

Кромѣ этихъ путей былъ еще четвертый путь, и, какъ намъ кажется, древнѣйшій, на Берестье, оттуда или волокомъ до Припяти а по ней въ Днѣпръ къ Кіеву, или туда же сухимъ путемъ по землѣ волынской (б. м. мимо Владимира, Луцка, Пересопницы, Бѣлгорода ²⁾). Можно думать, что, до усиленія политическаго и культурнаго значенія галицкой земли, торговый путь лежалъ почти исключительно черезъ

ровъ, онъ получилъ вѣсколько позже, но до 1379 г. (грамота Людовика въ А. gr. i ziemskie t. III. N. XXVIII и XXXII, только подтверждаетъ это право). Съ этихъ поръ всѣ товары, изъ Руси и въ Русь идущіе, должны были направляться во Львовъ; такъ обр. торговцамъ приходилось дѣлать часто большіе обходы. Львовяне постоянно жалуются, что ихъ городъ, не смотря на привилегіи, стараются обходить (см. А. gr. i z. III, LXXVI, t. V, N. LXIV, CXXX и пр.). Землевладѣльцы постоянно старались заставить купцовъ идти черезъ ихъ землю, чтобы собирать съ нихъ мыто, см. на это жалобу въ А. gr. V, N. CXLVIII (prelati, milites, barones, terriginae et regnicolae не позволяютъ ходить per vias antiquas, solitas et consuetas). См. еще жалобы жителей Галича, Коломыя, Стрыя и Каменца на Львовянъ, Akta gr. i ziemskie VI, N. XXXVI и XLVI.

¹⁾ Изслѣд. на поли отеч. геогр. и исторіи р. 73.

²⁾ Такъ Ярославъ идетъ на Мазовшанъ въ *лодяхъ* (Ип. 108). На встрѣчу къ Болеславу онъ идетъ къ Берестью (Ип. 100 и 102). Къ Берестью идетъ Святополкъ на свиданіе съ Ляхами (Ип. 176). О пути изъ волынской земли на Кіевъ см. Ип. 270.

землю волынскую, обладавшую болѣе значительной культурой и довольно крупными городскими центрами (Владимиръ, Луцкъ). Купцы изъ Кракова и Вроцлава могли ити по Вислѣ, затѣмъ черезъ люблинскую землю, польско-волынской рубежъ и по землѣ волынской на Кіевъ. Съ усиленіемъ Галича, торговые пути въ Русь могли ити изъ Сандомирской области по двумъ направленіямъ: или черезъ землю волынскую, или черезъ землю галицкую. Въ послѣдней они также могли развѣтвляться—или шли на Галичь, отсюда Днѣстромъ въ море, въ устьѣ Днѣпра и Днѣпромъ въ Кіевъ, или же отъ Перемышля на Кіевъ сухимъ путемъ ¹⁾.

Что касается древнѣйшихъ экономическихъ отношеній Руси и Польши, то, на основаніи дошедшихъ до насъ источниковъ, мы можемъ сказать лишь (да и то немного) о торговыхъ сношеніяхъ обоихъ государствъ.

Помимо значенія экономическаго, торговья сношенія народовъ имѣютъ и важное культурное значеніе. По справедливому замѣчанію одного писателя ²⁾, исторія торговли извѣстнаго народа есть вмѣстѣ и исторія его образованія и прогресса въ его культурѣ. Путемъ торговыхъ сношеній развиваются многіе элементы культурнаго воздѣйствія народовъ другъ на друга.

¹⁾ О водномъ пути изъ галицкой земли на Кіевъ см. Ин. 496 и Патерикъ печерскій; въ послѣднемъ, въ житіи св. Прохора, есть извѣстіе, что „не пустиша гостей изъ Галича ни лодей изъ Перемышля и не бысть соли во всей Русской земли (изд. Яковлева, р. 154)“. Здѣсь въ извѣстіи видимъ указаніе на два пути изъ гал. земли въ Кіевъ: сухопутный (что касается направленія его то см. походы Владимирка на Кіевъ) и водный (въ извѣстіи Пат., повидимому, ошибка: лодьи не могли ити въ русскую землю изъ Перемышля; вѣроятно, нужно читать „гостей изъ Перемышля и лодій изъ Галича“). Замѣтимъ, что это мѣсто Патерики имѣетъ очень много редакцій; такъ въ печатномъ (Кіевскомъ) Патерикѣ читаемъ „не пустиша купцовъ къ Кіеву изъ Галича и Перемышля“; въ переводѣ Викторовой (р. 120) „и не стали пускать купцовъ изъ Галича и лудей изъ Перемышля“; изданіе г. Яковлева впрочемъ извѣстно своею неисправностью и неумѣlostью автора читать древнія рукописи.

²⁾ F. J. Jekel, Pohlens Handelsgeschichte. Wien u. Triest, 1809, р. 1.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, древнѣйшая Польша вовсе не вела торговли, ибо не имѣла ни въ чемъ избытка ¹⁾. На это впрочемъ справедливо возражаетъ Лелевель: не было страны, которая не могла бы доставить для торговли своихъ плодовъ, или издѣлій, ибо приготовленіе мѣховъ есть тоже ремесленное издѣліе ²⁾. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что собственная торговля Польши долго должна была быть крайне слабой, какъ вслѣдствіе весьма слабой культуры польскаго народа, такъ и вслѣдствіе отсутствія въ польской землѣ такихъ продуктовъ, которые могли бы привлекать къ ней вниманіе иностранныхъ купцовъ. Хронистъ XII в. замѣчаетъ, что Польша крайне мало извѣстна на западѣ, развѣ лишь немногимъ, проходящимъ черезъ нее въ Русь для торговли ³⁾. Дѣйствительно, долго значеніе Польши въ торговыхъ сношеніяхъ запада съ востокомъ могло быть лишь какъ транзитнаго пункта. Въ тогдашней торговлѣ отдаленныхъ другъ отъ друга странъ главнымъ товаромъ были предметы роскоши: драгоценныя мѣха, дорогія матеріи, серебряныя и золотыя издѣлія, драгоценныя камни. Польша, при крайне простомъ образѣ жизни ея населенія и при отсутствіи въ ней продуктовъ и издѣлій, которые бы могли привлекать къ ней купцовъ, по всей вѣроятности, долго не участвовала въ торговлѣ востока съ западомъ.

Но съ XI в. торговля Польши должна была получить значительное оживленіе. Походы Болеслава Храбраго въ разныя отдаленныя страны (между прочимъ, вѣроятно, особенно пребываніе въ гремѣвшемъ тогда своими богатствами и роскошью Кіевѣ) ознакомили Поляковъ съ разными предметами роскоши. Высокая культура сосѣднихъ странъ должна была произвесть сильное обаяніе на грубыхъ Поляковъ. Явилось, по крайней мѣрѣ у высшихъ сословій, стремленіе подра-

¹⁾ Jekel, l. c. p. 32; Smolka, Mieszko Stary, p. 95. Послѣдній говоритъ: Kierunek polskich rzek odsunął ludność od stosunków handlowych z Rusią i kupcami bizantynskimi... Ujścia zas rzek... strzegły... wrogie Polsce i w wojnie tylko stykające się z nią plemiona. Wskutek tego zmysł handlowy tak bujnie rozwinięty u sąsiednich współplemieńców, obcym pozostał polskiej ludności.

²⁾ Polska wieków srednich, II (Opisanie Polski i jej sąsiedstwa za czasu Bolesława Krzywoustego p. 423).

³⁾ Chr. Galli (M. P. I, p. 394)... regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Rusiam pro mercimonio paucis nota..

жать видѣнной ими роскоши. Награбленные въ походахъ богатства дали возможность удовлетворить этимъ стремленіямъ: было чѣмъ заплатить купцамъ. Уже дворъ Болеслава Храбраго началъ отличаться пышностью; за нимъ конечно пошли и вельможи.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ должна была особенно оживиться торговля съ Русью. Въ Кіевѣ, какъ въ центрѣ, стекались массами торговцы съ востока, юга, запада и сѣвера; изъ него же они и исходили по всѣмъ направленіямъ. Особенно значительна была торговля Кіева съ востокомъ и Византіей. Изъ Кіева польскіе купцы могли получать все, что относилось въ тѣ времена къ роскоши. Отсюда шли, конечно, въ Польшу тѣ серебрянныя и золотыя издѣлія (вѣроятно, по преимуществу византійской работы), драгоценныя одежды и мѣха, цѣнныя ковры, о которыхъ вспоминаетъ Галль уже за время Болеслава Храбраго ¹⁾. Впрочемъ византійскіе товары могли приходиться въ Польшу и болѣе прямымъ путемъ, черезъ галицкую землю, имѣвшую свои торговыя колоніи по берегамъ Чернаго моря ²⁾.

¹⁾ *Vasa aurea et argenta, cippi et cuppaе, lances et scultellae, cornua, pallia diversi coloris, cortinae, tapetia, mantilia, manutergia, ornamenta generis ignoti, lapides pretiosi*—вотъ въ чемъ состояли подарки Болеслава Храбраго императору, посѣтившему его Гнѣзно (Chr. Galli, I, с. 6). Ортлибъ Звифъ рассказываетъ, что греческая принцесса, вышедшая за русскаго князя (см. выше р. 68) получила въ приданое *preter alia permagnifica dotalia, vestimentorum videlicet insignia, auri et argenti diversorum mirifici operis vasorum infinita pondera necnon alia preciosarum rerum concupiscibilia munera, super aurum et thopazion preciosa sanctarum reliquiarum pignora gloriosa* (M. P. II, 2). Часть этихъ богатствъ досталась Петру Власту въ приданое за женою, дочерью русскаго князя и греческой принцессы. Гербортъ (Vita Ottonis M. P. II, 75) рассказываетъ, что русскій князь, плѣненный Петромъ Властомъ (Володарь) долженъ былъ отдать Полякамъ *quicquid majorum suorum studio ac sollertia in thesauris collectum habere poterat, aurum et argentum et quaeque pretiosa in vasis et vestibus et variis opum speciebus, quadrigis et camelis in Poloniam apportantibus, ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret*.

²⁾ Берладское княжество, куда стекались товары русскіе, чешскіе, угорскіе и греческіе (см. грамоту Ивана Ростиславича Берладника у

Съ сосѣдними южно-русскими княжествами Польша могла имѣть и инныя торговля сношенія: она могла получать оттуда, кромѣ предметовъ роскоши, шедшихъ изъ Византіи и отдаленнаго востока, мѣстные продукты и издѣлія. Какъ на предметы такой торговли можно указать съ нѣкоторой вѣроятностью на хлѣбъ (преимущественно въ голодные годы) и съ увѣренностью на соль ¹⁾.

Шарап. Ист. Гал. Волод. княж. 36). О времени основанія Берладскаго княжества ничего не знаемъ; можно впрочемъ думать, что старѣйшими въ немъ городами были Берладъ и Текучій, а болѣе позднимъ Малый Галичъ. Послѣдній, быть можетъ, былъ основанъ лишь Иваномъ Ростиславичемъ, принужденнымъ оставить галицкую землю, но называвшимъ себя галицкимъ княземъ („отъ стола галичскаго“). Въ грамотѣ его видно стремленіе поднять торговлю малаго Галича устройеніемъ въ немъ склада товаровъ. Малый Галичъ б. м. теперь Галаць (Scharaniewicz, Trzy opisy staroks. grodu Halicza, p. 126).

¹⁾ О торговлѣ южныхъ княжествъ хлѣбомъ съ Польшей, правда, нѣтъ прямыхъ указаній, но мы знаемъ изъ лѣтописи, что такую торговлю Русь вела съ сосѣдними Ятвягами. Въ 1279 г. былъ голодъ на Руси, въ Ляхахъ, въ Литвѣ и у Ятвяговъ. Послѣдніе просятъ волынскаго князя Владимира Васильковича прислать имъ хлѣба, общая за это заплатить, чѣмъ угодно, воскомъ ли, бѣлами, бобрами, черными кунами, или серебромъ. Владимиръ послалъ къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу, а потомъ Наревомъ, но у Пултуска *голодные Ляхи перебили проходившихъ съ житою Русскихъ*, лоды потопили, а жито разграбили (Ип. 580). О вывозѣ соли изъ галицкой земли въ Польшу находимъ свидѣтельство въ грамотѣ Казимира Справ. Сулсевскому монастырю: *conferimus etiam eidem clastro singulis annis tredecim plaustratas salis integraliter, sicut de Russia ducuntur de theloneo in Sandomiria recipiendas* (Lelevel, P. W. Sr. II, 424). Соль добывалась въ галицкой землѣ въ Коломыѣ (въ теп. стрыйскомъ округѣ; (Ип. 525) и Удечѣ (Ип. 358. Н. П. Барсовъ, Мат. 204 указываетъ на Ужечъ въ Карп. горахъ). Ее возили въ Галичъ и Перемышль, а оттуда уже развозили въ Русь и Польшу (см. Патер. печ. о соли изъ Галича и Перемышля; что соль добывали изъ Перем. области см. Akta gr. i z. VI, XXIII: соль de zuppa soll (нын. Solca); о соли изъ Дорогобыча см. A. gr. i z.

Польскіе купцы проживали на Руси, въ Кіевѣ они жили у лядскихъ воротъ; для нихъ существовали и лядскія божницы ¹⁾.

II, LVI). Въ самой Польшѣ соль добывалась въ Величкѣ и Бохнѣ. Длугошъ говоритъ что открыта она тамъ была лишь въ XIII в. св. Кунегундою, но есть извѣстія, что она была извѣстна и раньше (Valinski, Staroż. Polska, II, 175 и 190). Б. м. соли изъ этихъ мѣстъ было мало для Польши, или ее плохо умѣли добывать, почему вывозили ее изъ Руси. И въ XIV и XV в. соль изъ галивкой земли постоянно вывозили въ Польшу (A. g. i z. t. VI, N. XXIII, L, LVI, LXX). Складъ соли былъ въ XIV в. во Львовѣ, A. g. i z. t. III N. XLII. Торговавшіе солью назывались и въ юго-зап. Руси прасолами, A. g. i z. t. II, N. LVI.

¹⁾ О лядскихъ воротахъ въ Кіевѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1151 г. (Ип. 296) и 1240 (ib. 528). По Закревскому (Описаніе Кіева, I, 439) они находились „на южной сторонѣ софійскаго отдѣленія въ старомъ Кіевѣ на древней (Ивановской) дорогѣ, ведущей изъ этой части города на Печерскъ, близъ Софійскаго собора, къ юго-востоку отъ него, въ верхнемъ старомъ валу, окружавшемъ печерское отдѣленіе стараго города“. г. Юрченко въ небольшой замѣткѣ о происхожденіи названія лядскихъ воротъ въ Кіевѣ (Тр. III Арх. съѣзда, т. II, р. 59—61) почему то находитъ невозможнымъ пребываніе Поляковъ—торговцевъ въ Кіевѣ и старается вытянуть слово лядскій на филологической дыбѣ, дабы вывести его изъ санскритскаго корня—лядскій по мнѣнію г. Юрченко значить находящійся на расчищенномъ полѣ (ляда). Покойный В. И. Григоровичъ, возражая на съѣздѣ г. Юрченко, замѣтилъ, что г. референтъ злоупотребляетъ филологіей и думалъ, что Поляки могли быть поселены въ Кіевѣ не для торговли, а насильно, какъ плѣнные, подобно тому какъ въ Чистополѣ Каз. губ. нѣкоторыя улицы и ворота названы лядскими отъ Поляковъ, поселенныхъ тамъ при Алексѣ Михайловичѣ (ib. т. I, XXXIX). Лядскую божницу находимъ въ Переяславлѣ (Лавр. 326). Вѣроятно, что такая же божница могла быть и въ Кіевѣ до выстроенаго въ XIII в. тамъ доминиканцами костела св. Маріи.

Лѣтопись упоминаетъ еще о Лядскомъ полѣ на Алтѣ (Ип. 101). Названіе это (вмѣстѣ съ Лядской божницей) осталось, вѣроятно, какъ воспоминаніе о тѣхъ Ляхахъ, которыхъ поселилъ въ своей части Руси

Но во всякомъ случаѣ торговля Руси собственно съ Польшей въ разбираемый нами періодъ едва ли была особенно значительна ¹⁾.

Болѣе важное значеніе въ русской торговлѣ имѣла Польша какъ транзитный пунктъ для западныхъ торговцевъ въ Русь и русскихъ на западъ; черезъ Польшу въ Русь отправлялись торговцы изъ Германіи, Моравіи, Чехіи; ходили и Жиды ²⁾.

Что касается предметовъ этой торговли, то вспомнимъ о шеломахъ латинскихъ Сл. о П. Игор. Изъ Чехъ и Угоръ шли серебро и лошади

Мстиславъ Тмутараканскій (Ип. 105 „Ярославъ и Мстиславъ... многы Ляхы приведоста, и раздѣлиста и, и посади Ярославъ своя по Руси, и суть и до сего дня“).

¹⁾ Какъ на фактъ, свидѣтельствующій о незначительности торговли Польши съ Русью, указываютъ на то, что за Вепремъ и Бугомъ до сихъ поръ не находили древней пястовой монеты (Scharaniewicz, o źródlach, służących do głębszego poznania dziejów kraju ojczystego, p. 13; см. и карту кладовъ польскихъ пястовой эпохи монетъ, приложенную къ сочиненію Stronczynski, Pieniądze Piastów, Warszawa 1847). Фактъ этотъ не имѣетъ однако такого рѣшительнаго значенія въ виду того, что напр. не было ни одной находки русскихъ монетъ удѣльнаго періода за предѣлами Руси, и даже не въ Кіевѣ, и не вблизи Кіева (Я. Волошинскій, Опис. др. Русск. монетъ, p. VI.). Въ тѣ времена расплачивались, за недостаткомъ, или ограниченнымъ количествомъ своей монеты, монетой пришлой (не говоря уже о весьма развитомъ тогда способѣ мѣны товаровъ).

²⁾ Регенбургскіе купцы въ XII в. черезъ Вѣну и Эмсъ отправлялись въ Кіевъ (Даниловичъ, Истор. взглядъ на образованіе слав. и преим. польскихъ городовъ, Р. Ист. Сб. т. 2—3 p. 166). О Мораванахъ упоминаетъ Слово о П. Иг. (Игорю поютъ славу *Нѣмци, Венедици, Моравана*); Тат. (II, 241) рассказываетъ, что Поляки пограбили Мораванъ, отправлявшихся съ товарами въ Русь. О торговлѣ съ Чехіей находимъ упоминаніе въ грамотѣ Ивана Ростиславича Берладника (текстъ ея у Шараневича, Trzy opisy hist. Staroks. grodu Halicza; 125, и въ Ист. Гал. Волод. княж. p. 36: „а на ісѣвозъ рознымъ товаромъ тутошнымъ і угрьськимъ і руськимъ і чеськимъ, а то да платѣтъ николѣжъ, развѣ у Маломъ у Галичі“).

(фари, часто упоминаемые южной летописью). Могли приходиться французскія и нѣмецкія сукна и др. западныя издѣлія ¹⁾).

Нѣмцы упоминаются еще въ XII в. въ Луцкѣ (Ип. 272); въ 1149 Андрей Юрьевичъ осаждалъ Луцкъ; во время одной стычки съ осажденными „единъ же отъ Нѣмчичъ видѣвъ и хотѣ просунути рогатиною, но Богъ соблюде и“. Еще въ 1075 г. приходили къ Святославу Ярославичу нѣмецкіе послы и удивлялись его богатству (Ип. 139).

Жиды очень рано стали ѣздить черезъ Германію, славянскія страны въ Русь и Итиль. Объ этомъ ихъ пути упоминаетъ еще Ибнъ-Хордадбе въ IX в. По его извѣстію Еврей—Раданиты (А. Я. Гаркави, сказ. мус. пис. о слав. р. 53 читаетъ рабаниты, т. е. евреи раввинисты) путешествовали (въ IX в.) „съ запада на востокъ и съ востока на западъ моремъ и сушей“; эти евреи говорили по персидски, по румски, (т. е. по гречески) по арабски, по французски, по андалусски, по *славянски*—что указываетъ на тѣ страны, черезъ которыя они проходили (Гаркави, 48—49). Съ запада они вывозили енуховъ, рабовъ, шелкъ, мѣха, сабли; съ востока мускусъ, алоэ, камфару (Heud, *Gesch. des Levantehandels*, 141).

Масуди говоритъ о славянскомъ племени *Лудана* (Heud, I. с. р. 80 предполагаетъ Лучань, А. Я. Гаркави, I. с. 155, Ладожань, т. е. Новгородцевъ), что они торговали съ Испаніей, Римомъ, Константинополемъ, Хазарами.

Всѣ эти народы, отправляясь сухимъ путемъ, могли проходить черезъ Польшу, ибо до Стефана св. никто не отваживался ити черезъ Венгрію (Heud, I. с. 93, пр.). Транзитъ восточныхъ купцовъ черезъ Польшу подтверждается кладами арабскихъ монетъ, находимыми въ Польшѣ.

Извѣстіе, что будто Русскіе вмѣстѣ съ Поляками торговали въ Силиціи въ 1127 г. (Даниловичъ, I. с. р. 165) слишкомъ отрывочно и б. м. основано на недоразумѣніи.

Въ XIII в. кунцы изъ Бреславля, Польши и Австріи ѣздили черезъ Русь къ Татарамъ (Плано-Карпини у Языкова, Собр. пут. къ Тат. р. 217).

¹⁾ Арабскіе писатели упоминаютъ о мечяхъ франкскихъ у Руссовъ (Ибнъ-Фодланъ у Гаркави, сказ. мус. писат. 93: „мечи ихъ суть

Въ вопросѣ о культурныхъ отношеніяхъ Руси и Польши прежде всего приходится спросить, кто въ разбираемый нами періодъ оказывалъ на кого культурное вліяніе, Польша на Русь, или обратно?

Съ полной увѣренностью можемъ сказать, что, по крайней мѣрѣ до XIII ст., Польша никакого или весьма незначительное только вліяніе могла имѣть на Русь, между тѣмъ какъ культурное вліяніе Руси на Польшу (правда, въ значительной мѣрѣ лишь посредственное) было весьма ощутительно.

Культурное вліяніе одного народа на другой можетъ проявиться лишь при значительномъ культурномъ превосходствѣ одного изъ нихъ. Правда, бываютъ случаи воздѣйствія (конечно въ смыслѣ регрессивномъ) на умственное и нравственное развитіе народа болѣе культурнаго племени дикаго и грубаго, но для этого необходимы такія условія, какъ подчиненіе на долгое время культурнаго государства дикой ордѣ. (Такія явленія представляютъ крупное несчастіе въ судьбѣ человѣчества, ибо нѣкоторое смягченіе правовъ нецивилизованныхъ варваровъ едвали можетъ искупить остановку прогресса въ народѣ уже значительно развитомъ). Однако даже и въ этомъ случаѣ господа хотя внѣшнимъ образомъ (относительно матеріальныхъ удобствъ) усваиваютъ себѣ часть культуры поработенныхъ.

Но мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь свободное воздѣйствіе народовъ, независимыхъ одинъ отъ другого въ политическомъ отношеніи. Въ такихъ случаяхъ культурный народъ даетъ часто не-культурному весьма многое, не воспринимая самъ почти ничего (говоримъ здѣсь не о матеріальномъ вознагражденіи: въ этомъ отношеніи культурное воздѣйствіе учителей обыкновенно весьма щедро оплачивается).

широкіе, волнообразные клинки франкской работы“). О мечяхъ франкской работы см. А. А. Котляревскаго, О погреб. обычаяхъ язвч. славянъ, р. 120 и Д. А. Хвольсона Изв. Ибн. Даста р. 196. Упоминаются еще сулицы *лядскія* (С. о П. Игоревѣ, сф. Аристовъ Пром. др. Руси, 115). О сукнахъ французскихъ, нидерландскихъ (знаменитое ипское сукно упоминается въ грамотѣ 1136 г. Всеволода Мстиславича новгородской церкви Іоанна на Опокахъ, Русск. Достоп. т. I, р. 80), см. Аристова, Промышл. др. Руси, р. 203—4. Новгородцы получали съ запада сукна, шелкъ, полотна, разные металлы, иголки, стекло, сѣру и пр. ів. р. 204.

Безпристрастный историкъ можетъ съ полной увѣренностью сказать, что Польша не только 9 и X в. но и за весь нашъ т. наз. удѣльно-вѣчевой періодъ стояла въ культурномъ отношеніи значительно ниже Руси.

Первые зачатки культуры стали проникать въ Польшу лишь съ принятія христіанства (во 2-й половинѣ X в.), между тѣмъ какъ Русь еще въ IX в. находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ съ наиболѣе культурнымъ изъ современныхъ европейскихъ государствъ, Византіей. Какъ мало культурныхъ сношеній съ западомъ (стоявшимъ, замѣтимъ, гораздо ниже Византіи въ культурномъ отношеніи) имѣла Польша даже въ XII в., видно изъ словъ чужестранца, впервые описавшаго древнѣйшія судьбы Польши: „область Польши, удаленная отъ торныхъ дорогъ, извѣстна лишь немногимъ купцамъ, проходящимъ черезъ нее въ Русь“¹⁾. „Край этотъ, говоритъ о Польшѣ другой писатель XII в.²⁾, сильно защищенъ естественными границами, народъ и самъ по себѣ дикій и, вслѣдствіе сосѣдей, съ которыми граничитъ, вполне варварскій“.

Вотъ что говорятъ о состояніи Силезіи (наиболѣе близкой къ западу области Польши и раньше другихъ подпавшей нѣмецкому вліянію) въ XII в. монахъ одного изъ силезскихъ монастырей: „страна, покрытая лѣсомъ, была необработана, населеніе ея было страшно бѣдно, ибо удивительно лѣново. Деревянными плугами, которые тянутъ двѣ коровы или два вола, взрываютъ тамъ песокъ. Во всей странѣ не было настоящаго города, а только бурги, возлѣ которыхъ стояли каплица и шинокъ и происходили ярмарки для потребностей крестьянъ. Бѣдный народъ не имѣлъ ни соли, ни желѣза, ни монеты, никакихъ металловъ, ни порядочной одежды и обуви. Занимались исключительно скотоводствомъ“³⁾.

Походы Поляковъ въ Чехію, Германію и нашу Русь ознакомили ихъ съ матеріальной стороною болѣе развитыхъ въ культурномъ отно-

1) Chr. Galli, Prohemium: regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio paucis nota.

2) Оттонъ Фрейзингенскій въ Gesta Friderici.

3) Zeissberg, Die Poln. Geschichtsch. des Mittelalters, p. 113.

шеніи народовъ. Послѣ удачныхъ походовъ войско возвращалось домой съ награбленными сокровищами. Такія знаменитыя своими богатствами и пышностью мѣста, какъ Кіевъ, гдѣ Полякамъ удалось нѣсколько разъ побывать, должны были произвести сильное впечатлѣніе на грубыхъ воиновъ. Если результатомъ ознакомленія съ матеріальной культурой другихъ странъ и явилось большее оживленіе въ сношеніяхъ съ культурными сосѣдями и начался приливъ матеріальной культуры въ Польшу, то этимъ могли воспользоваться лишь высшіе классы. Бѣдность народа, отсутствіе возможности вести оживленную торговлю съ другими странами, мѣшали распространенію хотя бы и одной лишь внѣшней матеріальной культуры въ глубь польскаго народа.

Съ другой стороны, Русь весьма рано завязала самыя обширныя сношенія со многими, часто весьма отдаленными странами. Съ востока приходили къ ней предметы азіатской культуры, достигшей у Арабовъ весьма значительной высоты, черезъ Новгородъ и Польшу приходили издѣлія запада, наконецъ наиболѣе живой обмѣнъ произведеній имѣла Русь съ царицей современной европейской культуры, Византіей. Со времени принятія христіанства, Византія еще тѣснѣе сблизилась съ Русью и имѣла рѣшительное вліяніе на все ея развитіе, какъ матеріальное, такъ и духовное. До самаго XIII в., не смотря на усилившіяся сношенія съ западомъ Европы, вліяніе Византіи на Русь преобладало во всѣхъ сферахъ ея жизни.

Понятно такъ обр., что Русь не могла испытывать никакого культурнаго вліянія со стороны Польши, развитіе которой стояло гораздо ниже ея развитія. Не могла Польша имѣть и посредственнаго вліянія на развитіе Руси, какъ передаточный пунктъ культуры запада, ибо съ одной стороны западная культура не успѣла еще утвердиться въ самомъ этомъ передаточномъ пунктѣ, съ другой вліяніе запада было въ данный періодъ слабо на Руси ибо не могло выдержать конкуренціи съ вліяніемъ Византіи.

Между тѣмъ едвали возможно отрицать культурное вліяніе Руси на древнюю Польшу. Черезъ Русь и при посредствѣ ея проникали въ Польшу произведенія культуръ восточной и византійской. Клады арабскихъ монетъ, находимые въ Польшѣ, указываютъ на нѣкоторое знакомство ея съ восточной культурой, но произведенія этой культуры достигали Польши только черезъ Русь, ибо нѣтъ извѣстій, чтобы

арабскіе кушцы заходили такъ далеко на западъ. Еще болѣе важно было вліяніе Византіи черезъ южную Русь (дорога черезъ Венгрію была долго заперта).

Вопросъ о византійскомъ вліяніи на Польшу едва лишь поднять въ польской литературѣ ¹⁾, но по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что оно не ограничивалось однимъ привозомъ византійскихъ издѣлій; изъ Византіи черезъ Русь приходили въ Польшу ремесленники, зодчіе, иконописцы. Древнѣйшіе польскіе храмы носятъ явные слѣды византійскаго вліянія какъ въ архитектурѣ, такъ и въ иконописи. Наплыву въ Польшу византійскихъ храмостроителей способствовало долгое существованіе въ южной ея части славянскаго обряда въ богослуженіи. Первые понятія о монетномъ дѣлѣ Польша точно также, быть можетъ, получила изъ Византіи (такъ одна изъ монетъ, приписываемыхъ Болеславу Храброму, носить византійскій характеръ: на ней выбито трехбанное строеніе византійскаго стиля ²⁾).

Такимъ образомъ, какъ посредница чужихъ вліяній, Русь имѣла большое значеніе для культуры древней Польши.

1) О византійскомъ вліяніи на Польшу см. Bobrżynski, Dzieje Polski, p. 104—5. Smółka Mieszko Stary, p. 6—8 и особенно Maryan Sokolowski, Ruiny na ostrowie jeziora Ledniczy (Pam. Akad. Umiejętn. w Krakowie, wyd. hist. filoz. t. III). Первый говоритъ (l. c. p. 104) „черезъ посредство Руси проникало въ Польшу византійское вліяніе и, хотя оно не могло рѣшительно соперничать съ вліяемъ запада, но однако въ первоначальной цивилизаціи и установленіяхъ Польши играло большую, нежели обыкновенно полагають, роль: въ организаціи абсолютной княжеской власти, въ ея отношеніи къ церкви, въ древнемъ польскомъ одѣяніи и въ архитектурѣ храмовъ оставило оно значительные слѣды“.

2) Другая монета изъ приписываемыхъ тому же Болеславу съ его именемъ, начертаннымъ кириллицей, также византійскаго стиля. Впрочемъ съ достовѣрностью невозможно пока сказать, принадлежать ли обѣ эти монеты Болеславу Храброму (о второй изъ нихъ есть даже сомнѣніе, польская ли она). Впрочемъ, если съ монетнымъ дѣломъ Польшу ознакомила не Византія, а Чехія, то замѣтимъ, что и на древнѣйшихъ чешскихъ монетахъ указываютъ слѣды византійскаго вліянія (А. А. Куникъ, о русско-визант. монетахъ Ярослава I Владимировича, 1860, p. 155).

Помимо этого Русь и сама отъ себя не мало вліяла на Польшу. Ни съ однимъ народомъ не состояла Южная Русь въ такихъ тѣсныхъ житейскихъ сношеніяхъ, какъ съ Польшею. Никуда чаще и охотнѣе южно-русскіе князья не отдаютъ дочерей замужъ, какъ въ Польшу и, въ свою очередь, ни откуда не берутъ чаще женъ какъ изъ семьи польскихъ князей ¹⁾.

Польскія войска постоянно видимъ въ предѣлахъ южной Руси въ помощь однимъ князьямъ противъ другихъ, и обратно, русскую военную помощь постоянно застаемъ въ Польшѣ. На южно-русскихъ княжескихъ дворахъ смѣняются одни послы изъ Польши другими: то просьба о военной помощи, то переговоры о брачныхъ союзахъ, то вопросы торговли составляютъ цѣль этихъ посольствъ.

Пословъ принимаютъ съ почетомъ; ихъ приглашаютъ къ княжескому столу, они принимаютъ участіе въ семейныхъ торжествахъ русскихъ князей ²⁾. Знатныхъ поляковъ видимъ на службѣ въ русской

¹⁾ См. главу II. Хотя русскіе князья брали себѣ женъ изъ княжескихъ домовъ разныхъ странъ, но въ брачныхъ союзахъ южно-русскихъ князей наибольшій процентъ падаетъ на дочерей польскаго княжескаго дома. Вѣроятно, помимо политическихъ соображеній и близкаго сосѣдства, въ этомъ обстоятельствѣ играло значительную роль племенное родство двухъ славянскихъ народовъ.

²⁾ Напр. въ 1143 г. Всеволодъ Ольговичъ женить на дочери полоцкаго князя сына своего Святослава „и скупишася братья вся и безбожни Ляховъ, и пиша у Всеволода, и тако разидошася (Ип. 224). Подъ 1102 г. въ лѣтописи находимъ „в се же лѣто преставися Володиславъ, лядскій князь“ (Ип. 182). Вѣроятно, къ Святополку было послано извѣщеніе о смерти его союзника, Владислава Германа. Въ числѣ посольствъ отъ разныхъ князей къ Изяславу Давыдовичу по поводу выдачи Ивана Ростиславича Берладника находимъ и „мужа отъ Ляховъ“ (Ип. 341). Русскіе князья, одержавъ блестящую побѣду надъ опасными врагами, посылали иногда показать сайгаты и похвастать своей побѣдой въ Польшу. Такъ Даніиль даетъ польскому воеводѣ Сигнѣву подарокъ изъ дани ятвяжской „послушства ради, да увѣсть вся земля лядская, яко дань платили суть Ятвязи королеви Данилу, сынови великаго князя Романа“ (Ип. 554). Въ 1129 г. Ляхи пограбили

княжеской дружинѣ, они приходятъ или по собственной волѣ искать счастья и удачи въ богатой Руси, или бѣгутъ въ Русь то вслѣдствіе личныхъ недоразумѣній съ князьями на родинѣ, то вмѣстѣ съ партіей князя, побѣжденнаго соперникомъ. Здѣсь они достигаютъ не рѣдко высокаго положенія, женятся на Русскихъ, случается, что поимаютъ въ жены даже княжескую дочь. Принужденные почему либо покинуть родину, польскіе князья нерѣдко проживаютъ на Руси. Конечно и въ Польшѣ также часто можно было видѣть и русское посольство, и русскихъ дружинниковъ и скитавшихся безъ удѣловъ до лучшаго времени русскихъ князей ¹⁾.

моравскихъ купцовъ, шедшихъ въ Русь; Мстиславъ Владимировичъ послалъ съ претензією къ Болеславу Крив., Болеславъ прислалъ пословъ „и просилъ о мирѣ, общія убытки заплатить и впредь купцовъ чрезъ ихъ земли провозать и охранять“ (Тат. II, 241).

¹⁾ Въ Русь бѣжитъ Сѣцехъ, игравшій первую роль въ княженіе Владислава Германа (Dlugoss. I. IV, p. 341). Въ Русь спасается и Петръ Власть, изгнанный Владиславомъ Болеславичемъ (Ип. 228). Еще раньше онъ явился на службу къ Ростиславичамъ, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ; онъ даже сталъ кумомъ одного изъ Ростиславичей (см. прилож.). Петръ Власть получилъ въ жены одну изъ русскихъ княженъ (см. p. 67—70). О другихъ Ляхахъ на русской службѣ см. p. 70. Въ 1249 г. „Нарочитые польскіе бояре и инии Ляхове избѣгли бяху изъ земли, хотяще ити к Давіилу (Ип. 531). Въ XIII в., особенно во время анархіи въ галицкой земли по смерти Романа, русскіе бояре часто бѣгутъ въ Польшу. Вѣроятно, и раньше, во время правленія Романа, многіе изъ галицкихъ бояръ забѣгали за лядскій рубежъ, спасаясь отъ крутаго „самодержца всей русской земли“. Вѣроятно, со словъ этихъ бѣглецовъ переданы Кадлубкомъ преувеличенные рассказы о жестокости Романа къ галицкимъ вельможамъ. Изъ польскимъ князей, проживавшихъ на Руси, укажемъ на Збигнѣва, незаконнаго сына Владислава Германа (см. выше p. 139) и Болеслава Высокаго, сына Владислава Болеславича (см. p. 158). Многіе изъ русскихъ князей, изгнанные изъ своихъ удѣловъ, находили приютъ въ Польшѣ; вспомнимъ только Изяслава

Особенно оживлены были сношенія съ Русью въ пограничныхъ областяхъ Польши; украинные Поляки весьма часто отдають дочерей за Рускихъ, которые, по требованію своего духовенства, перекрещиваютъ ихъ въ свою вѣру. Польскіе кметы массами бѣгутъ въ сосѣднюю Русь то отъ притѣсненія князей и ихъ чиповниковъ, то дабы избѣжать голодной смерти въ годы неурожая. На Руси ихъ охотно принимаютъ за себя князья и бояре, нуждаясь въ людяхъ для обработки своихъ обширныхъ земель ¹⁾.

Ярославича, котораго впрочемъ во вторичное его бѣгство въ Польшу приняли тамъ не особенно радушно. Самъ Данилъ, спасаясь отъ Татаръ, нашель убѣжище въ Польшѣ и получилъ на прокормленіе городъ Вышгородъ въ Мазовіи, гдѣ и переждалъ ухода Татаръ (Ип. 524).

¹⁾ О бравахъ на лядско-русской украинѣ см. выше р. 41. Что польскіе кметы спасались на Руси отъ притѣсненій на родинѣ, видно изъ папской буллы 1233 г. (Theiner, Vetera Mon. Pol. et Lith. N. XIV): *Novum genus molestiae dicuntur circa pauperes Poloniae Principes invenisse: videlicet quod ipsorum custodie committunt castores et falcones qui si solita nidorum loca reliquerint sequentes native spiritum libertatis, vel aliquis de pullis perditur eorumque, pauperes ipsos in septuaginta marcharum pena condemnant, pluribus illorum ex hoc, quod gementes referimus dampnationis eterne materiam ingerendo: nam cum tam iniquam et inauditam pati non valeant servitutum, ad perfidiam Rutenorum et Prutenorum transeunt.*

О бѣгствѣ массы Поляковъ, спасавшихся отъ голодной смерти, въ Русь имѣемъ извѣстіе, правда, конца XIII в. (R. Malop. M. P. III, 183: a. 1282: *Eodem anno fuit maxima fames in terra Cracoviensi, per quam famem infinita millia hominum iverunt alii in Russiam, alii in Ungariam* (R. Traski, M. P. II, 282 прибавляетъ: *sed qui iverant in Rusiam dati sunt Tartharis, qui vero transiverunt in Ungariam venditi sunt Cumanis*). Но такіе факты конечно повторялись и гораздо раньше. Голодные годы въ Польшѣ, какъ видно изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, бывали весьма часты. Что гал. земля едвали была особенно густо населена (и поэтому пришельцевъ принимали весьма охотно), на это мы указывали уже выше. (р. 112). Еще въ началѣ XV в. (1417 г.) Владиславъ Ягелло жалуется на *defectum hominum in terra Russiae* (Akta gr. i z. t. IV, N. XVI). Это обстоя-

Обыкновенно полагаютъ, что послѣ перенесенія центра исторической жизни южной Руси въ галицкую землю, и особенно послѣ нашествія Татаръ, разорившихъ среднюю полосу Руси и особенно повлиявшихъ на раздѣленіе ея на двѣ половины, сѣверную и южную, культурное вліяніе Польши стало особенно сильно въ южной Руси, и оно то и было одной изъ главныхъ причинъ, почему гал.-волинская область, послѣ прекращенія въ ней династіи Романовичей, изъ разныхъ претендентовъ, Литвы, Венгріи и Польши избрала послѣднюю ¹⁾.

Мы считаемъ это мнѣніе невѣрнымъ; какъ мы уже говорили, до XIII в. можно говорить о культурномъ вліяніи Руси на Польшу, но не обратно, ибо культура Руси этого періода значительно превосходила культуру Польши. Но и въ XIII и даже 1-й половинѣ XIV в. вліяніе Польши на Русь едва ли могло быть замѣтнымъ. Съ одной стороны, южная Русь XIII в. подвергалась не одному польскому вліянію; всевозможныя вліянія сталкивались къ ней. Галицкая земля находилась въ такихъ же тѣсныхъ отношеніяхъ съ Венгріей, какъ и съ Польшей; оживленные торговые сношенія привлекали къ ней Нѣмцевъ, Жидовъ, Чеховъ, Армянъ и пр. Въ южную Русь стекались купцы и ремесленники разныхъ западныхъ народовъ. Русскія войска заходили далеко на западъ, бывали и въ Чехіи и въ Австріи. Матеріальная культура Руси этого періода была весьма высока, но на ней замѣчаемъ по прежнему больше слѣдовъ вліянія византійскаго и восточнаго ²⁾, нежели западнаго, и конечно уже не польскаго, ибо своей собственной культуры, способной увлечь Русь, Польша не имѣла: вся ея культура была пришлая съ запада. Во всей галицко-волинской лѣтописи мы не могли указать и нѣсколькихъ словъ, которыя бы можно было съ полной увѣренностью признать за польскія. У автора этой лѣтописи (замѣтимъ,

тельство привело нѣкоторыхъ писателей (Stadnicki, Ziemia Lwowska za rządow Polskich, Bibl. oss. poczet nowy t. III) къ крайне преувеличенному мнѣнію объ огромномъ значеніи польской колонизаціи въ галицкой землѣ.

¹⁾ Bobrzyński, Dz. P. 202 sq.

²⁾ Такъ Нѣмцы удивляются богатому убранству русскихъ воиновъ, но вооруженіе ихъ было *татарское*, самъ Данило одѣтъ по *обычаю русскому* а кожухъ на немъ былъ „оловира грѣцкаго“ (Ип. 541).

по всѣмъ вѣроятіямъ, свѣтскаго человѣка) едва можно указать на одинъ фактъ знакомства съ западными хрониками ¹⁾, между тѣмъ какъ знакомство съ произведеніями византійской словесности видно постоянно. Говорятъ о вліяніи Польши на южно-русское боярство, перенявшее будто бы обычаи и тенденціи польской шляхты. Но намъ кажется, что напирające на это смотрятъ на событія XIII—XIV в. съ точки зрѣнія временъ послѣдующихъ, когда, подъ вліяніемъ совсѣмъ другихъ условій, высшіе русскіе классы дѣйствительно начали ополячиваться.

Аристократическія тенденціи галицкаго боярства родились совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ особенныхъ условій галицкой земли: малочисленности ея княжеской земли и обширности территоріи, управляемой почти самовластно княжескими намѣстниками. По нашему мнѣнію, на образованіе тенденцій галицкаго боярства должно было повліять не мало существованіе въ составѣ ея земель почти совершенно самостоятельныхъ и связанныхъ съ центральной областью б. м. только весьма слабыми вассальными узами (такова, до сихъ поръ загадочная, Болоховская земля); галицкіе бояре дѣйствительно могли поучиться олигархическимъ тенденціямъ у сосѣдей, но учителями ихъ были не одни Поляки; южное боярство, кажется, заимствуетъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе у Венгровъ. Во все время смутъ въ гал. землѣ за 1-ую половину XIII в. мы видимъ, что гал. боярство тяготеетъ гораздо болѣе къ Венгріи, чѣмъ къ Польшѣ. Венгерскіе королевичи, при содѣйствіи галицкихъ боярь, не разъ водворяются въ южной Руси; въ Венгрію, потерѣвъ пораженіе, преимущественно бѣгутъ галицкіе вельможи. Если мы не можемъ признать исключительнаго вліянія Польши на высшіе классы, то что касается классовъ нисшихъ, должны вовсе отрицать какое либо ея вліяніе.

Обратимся теперь къ религиознымъ отношеніямъ Руси и Польши и посмотримъ на сколько успѣшно было религиозное вліяніе Польши на Русь до XIII в.

Вопросъ о религиозныхъ отношеніяхъ Руси и Польши представляетъ страницу изъ исторіи католической пропаганды въ Русь ²⁾. Въ

¹⁾ См. р. 6, да и то это мѣсто можетъ очень легко быть позднѣйшей вставкой.

²⁾ Мы до сихъ поръ не имѣемъ полного и безпристрастнаго изслѣдованія о католической пропагандѣ въ Русь съ древнѣй-

нашу задачу, разумѣется, не можетъ входить изслѣдованіе всей исторіи пропаганды западнаго вѣроученія въ Русь до конца XII в. Мы имѣемъ въ виду лишь указать на роль Польши и въ это уже время въ пропагандѣ римскаго вѣроученія въ сосѣднюю Русь.

шихъ временъ. Старыя сочиненія, какъ Kulesch, *Wiara Prawoslawna etc.*, Wilno, 1704 и пр. равно какъ и новыя, писанныя Поляками какъ Bartoszewicz, *Historya Kosciola ruskiego w Polsce*; Dobszewicz, *o pierwszym biskupstwie Kijowskiem rzymsko-katolickiem*, Gniezno, 1883, отличаются наибѣйшимъ отсутствіемъ критики и безпристрастія. Болѣе безпристрастно сочиненіе А. Pichler'a (извѣстенъ на Руси болѣе какъ библиоклептъ) *Gesch. der kirchlichen Trennung zw. dem Orient und Occident*, München, 1865, но авторъ прибѣгалъ болѣе къ пособіямъ, чѣмъ къ источникамъ, почему сочиненіе его наполнено многими ошибками. Изъ сочиненій на русскомъ языкѣ специальное сочиненіе гр. Д. Толстаго, *Римскій католицизмъ въ Россіи* (писанное впрочемъ первоначально на языкѣ французскомъ) совершенно несостоятельно въ части, касающейся католической пропаганды въ эпоху до московской Руси; (этому періоду авторъ посвятилъ лишь ок. 16 стр. и ни слова не говоритъ ни о дѣятельности на Руси ордена братьевъ проповѣдниковъ, ни о любушскомъ епископствѣ, игравшемъ значительную роль въ исторіи католической пропаганды въ южную Русь. О любушскомъ епископствѣ имѣемъ весьма цѣнное изслѣдованіе Reifenkugel'a, *Die gründung der kathol. Bisthümer in Halicz und Vladimir*; 1874. см. также К. Stadnicki, *O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łac. obrz. na Rusi Halickiej i Wołyniu*. Lwow 1882. Въ нашихъ исторіяхъ русской церкви, какъ напр. у пресвящ. Макарія, исторіи католической пропаганды въ эпоху до монгольской Руси отведено слишкомъ мало мѣста. Немногія, но, какъ всегда, весьма цѣнныя замѣтки по этому вопросу сдѣлалъ Е. А. Голубинскій въ своей *Исторіи Русской Церкви*, т. I. Соч. И. Чистовича, *Очеркъ Ист. зап. русской церкви* т. I, СПб. 1882 весьма слабо, т. к. авторъ весьма мало воспользовался изданными въ послѣднее время цѣнными матеріалами и изслѣдованіями по исторіи зап.-русской церкви и ея борьбѣ съ католицизмомъ. О полемическихъ сочиненіяхъ противъ Латинянъ имѣемъ превосходныя изслѣдованія Ан. Попова, *Ист. литер. обзоръ древне-русс. полемич. сочин. противъ Латинянъ*, Москва, 1875, и

Одно изъ отличительныхъ качествъ католической пропаганды состоитъ въ поразительной, ненасытимой жадности ея движенія и въ замѣчательномъ искусствѣ ея находить себѣ союзниковъ. Пропагаторы римской вѣры имѣли главною цѣлью распространеніе своего вѣроученія въ ширь, а не въ глубь. Они вполне довольствовались оффиціальнымъ признаніемъ обращенія и тотчасъ же спѣшили дальше. Мало того, они съ поразительнымъ искусствомъ вовлекали въ свои пропагаторскія цѣли даже тѣхъ, кто только самъ со вчерашняго дня былъ обращенъ и имѣлъ о той вѣрѣ, которую уже собирался распространять дальше, самое смутное представленіе. Причина такого необыкновеннаго рвенія новообращенныхъ къ распространенію принятой ими вѣры объясняется впрочемъ довольно просто: духовные отцы умѣли соединять выгоды небесныя съ земными. Обративъ какой либо народъ въ христіанство, они не только тотчасъ же убѣждали его въ собственномъ превосходствѣ, какъ народа просвѣщеннаго свѣтомъ истинной вѣры, надъ ходившими во мракѣ язычниками, но и внушали имъ обязанность распространить на темныхъ сосѣдей воспринятый имъ свѣтъ для спасенія души наиболѣе богоугоднымъ дѣломъ, порученіе тѣмъ болѣе пріятное, что, въ награду за рвеніе, пропагаторамъ предоставлялось и исключительное право на владѣніе обращенными землями (нѣчто весьма подобное праву на исключительную эксплуатацію извѣстнаго лица или мѣстности, приобретаемому евреями у своего кагала).

Подобно прочимъ государствамъ, принявшимъ католицизмъ, и новообращенная Польша, едва т. ск. выйдя изъ купели, должна была стать миссіонеромъ. Нѣкоторыя изъ основанныхъ около 1000 г. Оттономъ польскихъ епископій, имѣли, по довольно основательнымъ предположеніямъ, тоже значеніе, что пограничныя марки германскихъ государствъ, т. е. представляли исходные пункты для пропаганды въ сосѣднія языческія страны. Весьма вѣроятно, что именно это значеніе имѣли епископства Любушское и Колобережское (перенесенное позже

А. Павлова, Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ Латинявъ, СПБ. 1878. Къ сожалѣнію, оба эти сочиненія занимаютъ почти исключительно опредѣленіемъ литературнаго состава полемическихъ посланій.

въ Крушвицу) ¹⁾. Польскіе князья, подаривъ Римскій престолъ цѣлымъ огромнымъ стадомъ духовныхъ овецъ, получили въ замѣнъ отъ щедрыхъ римскихъ первосвященниковъ право на исключительное владѣніе сосѣдними языческими племенами, которыя имъ предстояло еще подчинить крестомъ и мечемъ. Подаренные Польшѣ народы были Поморяне, Пруссы, Ятвяги и Литва.

Религіозная миссія Польши впрочемъ и кончалась на Литвѣ, ибо Русь, одновременно съ Польшей припавшая христіанство, была обращена еще тогда, когда, несмотря на значительныя уже прерѣканія западнаго духовенства съ восточнымъ, Византія и обращенные ею народы и въ глазахъ запада были еще христіанами.

Польша потому еще не могла имѣть первое время какихъ либо миссіонерскихъ тенденцій относительно Руси, что въ ней самой еще долго продолжало существовать то, что позже считалось душегубной ересью т. е. славянскій обрядъ. ²⁾ Съ другой стороны, христіанство и въ самой Польшѣ не только въ XI, но даже и въ XII в. далеко еще не утвердилось ³⁾; поэтому то до раздѣленія церквей въ XI в. Поль-

¹⁾ А. Malecky, Kosciolne Stosunki w pierw. Polsce, Prz. Nauk. 1875.

²⁾ О славянскомъ обрядѣ въ Польшѣ см. А. Мацеѣвскій, Ист. первоб. христ. церкви у Славянъ, Варшава 1840, р. 96 sq.; указанную статью А. Малецкаго, предисловіе Белевскаго къ житію Кирилла и Меѳодія (М. Р. I), его же Wstęp krytyczny do dziejów Polski 1850; Lelwel, Polska wieków srednich, t. IV; А. Петрушевичъ, Холмская епархія и его же Краткое историч. извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарп. странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія, Львовъ 1882. Памятники старины въ люблинск. губ. Варшава 1883 (см. Кіевск. стар. 1883 N. 9—10). Крижановскій, Славянскій Краковъ (Древности; Труды. М. Арх. общ. т. VI. в. 2, 1876). Maryan Sokolowski, Ruiny na ostrowie jeziora Lednicy (Рам. Акад. umiejtn. w Krakowie, t. III).

³⁾ Въ началѣ XI в. въ Польшѣ вспыхнула сильная языческая реакція, причемъ было избито духовенство и разорены церкви и монастыри. Извѣстія, къ сожалѣнію слишкомъ краткія, объ этомъ событіи, сохранились во многихъ источникахъ (у М. Галла I, с. 19, въ нашей лѣтописи подъ 1030 г. „въставше людіе избиша епископы и попы и боаре

ша не могла думать серьезно о миссионерской дѣятельности въ христіанскую Русь. Съ другой стороны, когда отношенія церковей настолько обострились, что востокъ и западъ стали обвинять другъ друга чуть не въ язычествѣ, пропаганда въ Русь стала дѣломъ весьма труднымъ вслѣдствіе уже окрѣпшаго тамъ христіанства, а главн. обр. вслѣдствіе ревниваго отношенія къ такимъ попыткамъ запада русскаго духовенства, имѣвшаго на своей сторонѣ и православныхъ русскихъ князей, уже воспитанныхъ въ отвращеніи отъ римскаго, „неправаго“ обряда. Понятно поэтому, что польское духовенство стало сомнѣваться въ возможности собственными силами совершить такой трудный подвигъ, и думало, что только мужъ необыкновенной святости способенъ привести безчисленное стадо заблудшихъ русскихъ овецъ на лоно римскаго пастыря. ¹⁾

своя, и бысть въ нихъ мятежь“, въ житіи Моисея Угриня въ Пат. печ. (р. 115 издан. Викторовой), впрочемъ съ ошибочнымъ отнесеніемъ преслѣдованія черноризцевъ къ самому Болеславу Храброму: будто бы Болеславъ поднялъ великое гоненіе на черноризцевъ и всѣхъ ихъ изгналъ изъ своей области; составитель житія Моисѣя Угриня зналъ объ этотъ событіи изъ лѣтописи, ибо прибавляетъ „въ одну ночь Болеславъ внезапно умеръ, и сдѣлался великій мятежь во всей землѣ ляхской: поднялся народъ и побилъ своихъ епископовъ и бояръ, какъ и въ лѣтописи разсказано“. Въ XII в. Матвѣй Крак. епископъ зоветъ на проповѣдь вѣры католической Бернарда Клервосскаго, обѣщая ему обильную жатву не только на Руси, но и въ Польшѣ.

¹⁾ Въ срединѣ XII ст. краковскій епископъ Матвѣй вмѣстѣ съ славнымъ польскимъ вельможей Петромъ Властомъ зовутъ знаменитаго Бернарда Клервосскаго на проповѣдь въ Русь (письмо Матвѣя см. у Bielowski M. P. II, p. 15; Bielowski относитъ письмо ко времени ок. 1150 г. Smolka, Mieszko Stary, p. 474 ко времени м. 1144—1153 г.) Бернардъ спрашивалъ Матвѣя, возможно ли искоренить печестивый обрядъ Русскихъ (si quis posset impios Ruthenorum ritus atque observantias extirpare). „Возможно, восклицаетъ Матвѣй, но лишь тому челоуку, на которомъ лежитъ Божья благодать. Только клервосской аббатъ можетъ исполнить этотъ подвигъ (Posset quidem Domine, posset, sed

Это горькое сознание собственного безсилія далось католическому духовенству путемъ долгихъ безуспѣшныхъ попытокъ.

Попытки папъ оторвать отъ духовнаго союза съ Византіей по-воображенному ея дѣтище Русь начались очень рано. Несомнѣнно, что еще Ольга, вслѣдствіе какивъ то недоразумѣній съ Византіей, обращалась къ Оттону I съ просьбой прислать въ Русь епископа ¹⁾. Посвященный для этой цѣли въ епископы монахъ Либуцій умеръ, не выдавъ Руси, а его преемникъ Адальбертъ погибъ in confiniis Prussiae et Lithuaniae. Едвали посвященіе это могло состояться безъ вѣдома

solus ille homo posset, in quo potens gratia esset. Confidimus autem in Domino Jesu, quod si abbas clarevallensis hic esset, hoc bonum facere posset). Преосв. Макарій (Ист. Русск. церкви, III, 235) ошибочно полагаетъ, что Бернардъ былъ *назначенъ* римскимъ миссіонеромъ въ Русь; его звалъ на это дѣло краковскій епископъ, сознававшій безсиліе въ этомъ отношеніи польскаго духовенства; участіе Петра Власта въ призывѣ Бернарда объясняется извѣстной набожностью этого вельможи, хорошо притомъ знакомаго съ Русью, гдѣ онъ неоднократно бывалъ.

¹⁾ Въ настоящее время едвали возможно сомнѣваться въ дѣйствительности посольства Ольги къ Оттону. А. Д. Вороновъ (О лат. проповѣдн. на Руси, кievской, Чт. въ Ист. общ. Нестора лѣтописца) замѣчаетъ, что извѣстіе это „выдерживаетъ всѣ требованія самой строгой критики“. Охлажденіе между Ольгой и императоромъ византійскимъ полагаетъ А. Д. (р. 7) могло вызвать ее обратиться за епископами и священниками на западъ. Pichler (I. c. p. 4) замѣчаетъ, что Ольга обратилась не къ папѣ, а къ императору потому, что (помимо печальнаго положенія папства въ X в.) она смотрѣла на папу не какъ на главу христіанства, а какъ на патріарха, зависѣвшаго отъ императора германскаго точно такъ, какъ патріархъ константиноп. зависѣлъ отъ императора византійскаго. Въ X в. притомъ епископы и миссіонеры посылались не папой а императоромъ (А. Д. Вороновъ, I. c. p. 8). Е. А. Голубинскій (Ист. р. церкви, I, p. 71), не сомнѣваясь въ самомъ фактѣ посольства Ольги къ Оттону, думаетъ однако, что Ольга прислала къ императору не за епископами и священниками, а за чѣмъ то другимъ, намъ неизвѣстнымъ, а Оттонъ, пользуясь случаемъ, послалъ въ Русь непрошеннаго епископа.

папы. Впрочемъ положеніе папъ въ это время было такъ печально, что они не могли энергически приняться за дѣло обращенія Руси. Вспомнили они объ Руси тогда уже, когда ея союзъ съ Византіей окрѣпъ (Pichler). Впрочемъ Римъ далеко не оставилъ безъ вниманія крупнаго доховнаго завоеванія Византіи: это доказываютъ неоднократныя извѣстія еще изъ X в. о частыхъ посольствахъ Рима въ Русь ¹⁾.

Когда по сосѣдству съ Русью утвердилось католичество въ Польшѣ, миссіонерскія обязанности послѣдней, какъ мы уже сказали, не могли первое время охватывать Руси, а папы не могли проповѣдывать такихъ крестовыхъ походовъ въ Русь христіанскую, какіе они снаряжали на языческихъ Поморянъ и Литву.

Русь при томъ была гораздо могущественнѣе Польши, и послѣдняя не могла думать о ея завоеваніи.

Поэтому то отношенія католичества къ Руси состояли весьма долго лишь въ однихъ дипломатическихъ попыткахъ папъ при всякомъ удобномъ случаѣ призывать Русь въ лоно наслѣдниковъ апостола Петра. Само же польское духовенство еще въ срединѣ XII в. сознавалось въ своей полной безпомощности пропагандовать западное вѣроученіе въ Русь ²⁾.

Въ глубинѣ Руси западное вѣроученіе не могло имѣть распространенія, какъ мы говорили выше, потому, что наши іерархи зорко слѣдили за попытками римскихъ миссіонеровъ и постоянно, устно и письменно, отвращали народъ и князей отъ „прелести латынской“.

Каждое посольство папъ тотчасъ же ставило наше духовенство на сторожѣ православія; мало мальски выраженный какимъ либо кня-

¹⁾ О посольствахъ папъ говорятъ позднѣйшія лѣтописи (Ник.— къ Ярополку 979, къ Владимиру 988, 991, 1000). А. Д. Вороновъ (I. с. 13) полагаетъ, что едвали эти показанія слѣдуетъ принять въ буквальномъ смыслѣ; не отрицая впрочемъ попытокъ западной церкви къ обращенію Руси при Владимирѣ въ католицизмъ, онъ однако думаетъ, что эти попытки исходили не отъ папства, находившагося въ X в. въ крайнемъ упадкѣ, но могли исходить изъ Чехіи и даже Польши. Соображенія о достовѣрности лѣтописныхъ свидѣтельствъ см. у Е. А. Голубинскаго, I, р. 193.

²⁾ См. выше приведенное письмо Матвѣя, епископа краковскаго.

земь интересъ къ западному ученію тотчасъ же вызывалъ наше духовенство на посланія съ подробнымъ перечисленіямъ всѣхъ еретическихъ отступленій Латинянъ отъ правой вѣры. Писали и къ отдѣльнымъ князьямъ, писали и ко всѣмъ русскимъ князьямъ, писали и ко всей Руси. Если наши высшіе іерархи, какъ люди просвѣщенные, не всегда окрашивали своихъ посланій въ духъ крайней нетерпимости, то за то монастыри, имѣвшіе несомнѣнно громадное вліяніе на религіозно-нравственное воспитаніе народа, много содѣйствовали поселенію исключительной вражды къ „безбожнымъ“ Латинянамъ ¹⁾.

На польско-русскихъ окраинахъ въ этомъ періодѣ религіозное вліяніе католичества не могло имѣть также особеннаго успѣха. Съ одной стороны, не только мѣстное духовенство, но и болѣе отдаленные іерархи не оставляли безъ вниманія опасности, которой могла подвергнуться православная вѣра въ пограничныхъ съ Польшею областяхъ. Встрѣ-

¹⁾ Въ XI и XII в. уже находимъ значительное количество полемическихъ посланій противъ Латинянъ. Не говоря уже о полемической статьѣ противъ Латинянъ, внесенной въ лѣтопись (часть вѣроученія, преподаннаго Владимиру; А. Поповъ относитъ составленіе статьи къ 1-й 1/2 XI в.) имѣемъ посланіе митр. Леонтія объ опрѣснокахъ (на греч. яз.). А. Павловъ (I. с. р. 39) полагаетъ, что авторъ лично имѣлъ дѣло съ Латинянами, на что указываетъ самая форма его полемики—форма діалога, диспута съ какимъ-то мужемъ римскимъ. Преп. Θεодосій пишетъ, по всей вѣроятности, къ кievскому князю Изяславу, вступившему во время пребыванія на западѣ въ тѣсныя сношенія съ папой, „Слово о вѣрѣ крестьянской и латыньской (возраженія Е. А. Голубинскаго, I, р. 699, не признающаго авторомъ этого посланія Θεодосія печерскаго, не кажутся намъ достаточно убѣдительными. См. выше стр. 6, пр. 3). Митр. Никифоръ пишетъ посланіе о вѣрѣ латинской къ Мономаху и къ Ярославу Святополковичу (что посланіе Никифора писано именно къ этому князю, доказалъ А. Поповъ, I. с. 109). Кромѣ того имѣемъ еще изъ XI в. стязаніе съ Латинной митр. кievскаго Георгія (впрочемъ, по мнѣнію А. Павлова, I. с. 50—58, стязаніе не принадлежитъ Георгію а представляетъ передѣлку посланія Никифора къ Мономаху) и посланіе Іоанна II, митр. русскаго къ архіепископу Римскому объ опрѣсноцѣхъ.

чаемъ посланія, спеціально обращенныя къ князьямъ пограничныхъ областей съ Польшей, ²объясняющія имъ неправость вѣры латинской ¹). Съ другой стороны, польское духовенство не только не приобрѣтало новыхъ духовныхъ овецъ въ пограничныхъ съ Русью областяхъ, но теряло и своихъ собственныхъ. Польское духовенство жалуется нацѣ, что пограничные Русскіе переkreщиваютъ своихъ польскихъ женъ, что польское крестьянство массами бѣжитъ въ Русь отъ притѣсненія на родинѣ ²). Галицкіе князья въ своихъ набѣгахъ уводили массы плѣнныхъ, которыхъ расселяли по своимъ землямъ.

Так. обр. до XIII в. едва ли можно указать на серьезныя попытки какъ со стороны Польши, такъ и со стороны Рима, католической пропаганды въ Русь. Въ XIII в. обстоятельства измѣнились было въ благопріятную для пропаганды сторону. Съ одной стороны, культурныя сношенія южной Руси съ западомъ значительно увеличились; съ другой стороны, тяжелыя обстоятельства Руси, разоренной новымъ страшнымъ врагомъ, заставили ее искать сближенія не только съ западными государствами, но и съ самимъ Римомъ. Наконецъ среди самаго западнаго духовенства появилось спеціально миссіонерское учрежденіе въ лицѣ братьевъ проповѣдниковъ (*fratres predicatorum*), рассыпавшихся въ разныя стороны водворять католицизмъ. Тогда-то и среди польскаго духовенства видимъ вдругъ миссіонерское движеніе; Польскому духовенству не могла доставить особеннаго удовольствія пропаганда католичества монашескимъ орденомъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ папы, въ тѣхъ областяхъ, на которыя оно, какъ бли-

¹) Митр. Никифоръ пишетъ посланіе о вѣрѣ латинской къ волыньскому князю Ярославу Святополковичу; мотивъ посланія „понеже чадо блаженне и сыну свѣта земля лядская въ сусѣдахъ у тебе есть, живущей же на ней суть оплатки служащей“... (А. Попова, Истор. литер. обзоръ древне русск. полемич. сочиненій противъ Латинянъ, р. 109. Поповымъ же и доказана гипотеза пр. Макарія, что посланіе писано къ волыньскому князю: имъ найденъ списокъ, озаглавленный: Посланіе отъ Никифорѣ митр. Киевскаго к Ярославу князю Святополковичю).

²) Theiner. Mon. Pol. et. Lith. N. XLIV и XLV, р. 22.

жайший сосѣдъ могло имѣть претензіи; этимъ обстоятельствомъ, какъ кажется, и слѣдуютъ объяснить возникновеніе въ XIII внутри Польши русскаго епископства, конечно пока лишь *in partibus* (въ Любушѣ). Къ сожаленію, хронологическія рамки нашей работы не позволяютъ намъ коснуться крайне интересной исторіи этого епископства ¹⁾.

Древняя Русь отличалась значительной вѣротерпимоостью. Она принимала у себя гостей всякихъ націй и вѣроисповѣданій, Латинянь, Армянъ, Магометанъ, Жидовъ и даже Поганыхъ ²⁾. Гости эти зажи-

¹⁾ Но и въ XIII и 1-й $\frac{1}{2}$ XIV в. католическая пропаганда въ южную Русь едва ли имѣла какой либо успѣхъ. Доминиканцы были изгнаны изъ Кіева и изъ галицкой земли весьма скоро послѣ водворенія тамъ (Длугошъ подъ 1232 г. L VI. p. 649). По преданію, когда Казимиръ занялъ Львовъ, то не нашелъ тамъ ни одного католическаго храма (А. Петрушевичъ, Гал. ист. сб. I, p. 4). Впрочемъ трудно думать, чтобы во Львовѣ, гдѣ было столько иностранцевъ, не было католическихъ церквей: извѣстіе это можно толковать или такимъ образомъ, что во Львовѣ существовали лишь небольшія католическія божницы, а не было обширныхъ костеловъ (*ubi Kazimirus sacrificium gratiarum actionis Deo offerret*), или же существованіе въ Галицкой землѣ храмы были уничтожены во время реакціи, наступившей тамъ по смерти Юрія Тройденовича. Юрій Тройденовичъ, какъ извѣстно, былъ отравленъ православнымъ населеніемъ за покушенія ввести на Руси католическій обрядъ, съ нимъ вмѣстѣ погибли и *non nulli alii Christo fideles*, Theiner, Mon. Pol. N. 566, p. 434. Насколько Доминиканцы пользовались малѣйшимъ случаемъ для пропаганды, доказываетъ извѣстіе о ихъ изгнаніи изъ Суздаля, гдѣ они остановились на пути къ Татарамъ и принялись было за пропаганду. См. Донесеніе миссіонеровъ къ татарамъ, въ Mon. Hung Hist. Diplomat. XII, p. 559.

²⁾ На Руси (конечно преимущественно въ самомъ центрѣ торговли, Кіевѣ), были уже въ XI в. Жиды, Сарацины (вѣроятно, восточные купцы), Армяне, Болгары (Волжскіе—Магометане) Латиняне—разные западные народы. См. слово о вѣрѣ крестьянской преп. Θεодосія у Макарія Ист. Р. церкви II, 298. Во Владимирѣ Нѣмцы, Жиды (Ип. 605) Сурожане. Не говоримъ уже о Новгородѣ.

вались на Руси, и имъ никто не мѣшалъ устраиваться по своимъ обычаямъ и даже имѣть свои молитвенныя дома. Болѣе другихъ, вѣроятно, было латинскихъ божницъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ торговыхъ пунктахъ, куда западные купцы собирались массами; интересенъ для насъ тотъ фактъ, что въ то время какъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ латинскія божницы назывались Варяжскими ¹⁾, на югѣ онѣ назывались Лядскими ²⁾.

Правда, духовенство наше, особенно черное, относилось къ ино-вѣрцамъ съ значительной нетерпимостью; узкой исключительностью дышать монашескія полемическія посланія противъ Латинянъ, которые представлялись суровымъ блюстителямъ чистоты православія настоящимъ сатанинскимъ отродьемъ ³⁾.

Древняя русская жизнь не могла однако войти въ рамки монашеской нетерпимости къ ино-вѣрцамъ; самыя разнообразныя сношенія съ иностранцами не давали въ массѣ народной роста тѣмъ началамъ исключительности, которыя проповѣдовало суровое монашество. Сами князья подавали примѣръ разумнаго отношенія къ ино-вѣрцамъ: не смотря на укору духовенства, они постоянно находятся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ино-вѣрными сосѣдями, берутъ у нихъ женъ, выдаютъ въ иностранныя страны и своихъ дочерей замужъ. Иностранные гости веселятся вмѣстѣ съ ними на свадьбахъ, на пирахъ. Наши князья ѣздятъ часто и сами къ сосѣдямъ, знакомятся съ ихъ нравами, иное перенимаютъ. Въ массѣ народной тоже самое. Чѣмъ ближе иностранные сосѣди, тѣмъ чаще съ ними сношенія. И русскіе и польскіе іерархи жалуются на постоянные международные браки окраиннаго населенія. Впрочемъ Русскіе, бравшіе изъ Польши себѣ женъ, дѣлаютъ своему духовенству ту уступку, что переверчиваютъ католичекъ, о чемъ съ негодованіемъ говорятъ и польскіе іерархи и самыя папы. Въ международныхъ отношеніяхъ видимъ въ простой, некультур-

¹⁾ Н I, 11, 18, 35. Нѣмецкая божница въ Новгородѣ упоминается подъ 1275 г. Н I, 63.

²⁾ Ип. 328 Лядская божница въ Переяславѣ; вѣроятно, была лядская божница и въ Кіевѣ.

³⁾ Посланіе Θεодосія; видѣніе Матвея Прозорливца: онъ узрѣлъ бѣса въ образѣ Ляха см. выше р. 8.

ной массѣ гораздо болѣе человѣчности, нежели у просвѣщеннаго свѣтомъ вѣры и наукою доховенства.

И въ Польшѣ, какъ и на Руси, духовенство отличалось такимъ же нетерпимымъ отношеніемъ къ иновѣрцамъ. Несомнѣнно, что уже въ этотъ періодъ духовенство, какъ польское такъ и русское, много повлияло на поселеніе внутренняго недоброжелательства между двумя сосѣдними народами, которыхъ связывали многіе общіе интересы. И однако безпристрастная исторія должна громко заявить, что вина въ поселеніи вражды между Русью и Польшею со всѣми печальными ея послѣдствіями въ послѣдующіе вѣка лежитъ несравненно болѣе тяжелымъ камнемъ на совѣсти духовенства польскаго, нежели русскаго.

Наше духовенство, какъ извѣсно, не отличалось особеннымъ прозелитизмомъ, притомъ оно не обладало той громадной властью, которую приобрѣло на западѣ духовенство, обратившее свѣтскую власть въ свое покорное орудіе. Духовенство въ Польшѣ очень рано приобрѣло громадное значеніе и уже въ XI в. одержало блистательную побѣду надъ свѣтской властью, сдѣлавшей было попытку сбросить ея ферулу (дѣло Болеслава Смѣлаго и епископа Станислава). Оно стало руководить властью даже въ ея политическихъ предпріятіяхъ (крестовые походы на сѣверъ ¹⁾).

Лишь только католическіе сосѣди овладѣвали частью Руси (Венгры въ XII и XIII ст., Ляхи въ XIV), они тотчасъ же, подъ влияніемъ своего духовенства, начинали глумиться надъ русскими святынями и насильственнымъ образомъ вводить въ православную страну католицизмъ ²⁾. Въ наиболѣе умѣренныхъ отзывахъ западнаго духовенства Русскіе были только *christiani nominis characterem habentes* ³⁾; вообще

¹⁾ Нѣкоторые польскіе писатели впрочемъ заходятъ уже слишкомъ далеко, считая и походы обоихъ Болеславовъ въ Русь походами крестовыми. Съ другой стороны и въ избіеніи Ляховъ Болеслава Смѣлаго на Руси нѣкоторые (Gfröger см. у Pichler'a l. c. p. 11) готовы совершенно бездоказательно видѣть проявленіе религіозной вражды Русскихъ къ католическимъ Ляхамъ.

²⁾ Въ 1189 г. Угры, завладѣвъ Галичемъ „въ божницахъ почаша кони ставляти“ Ип. 448.

³⁾ Ann. Magdeb. M. Germ. XVI, 189.

же Рускихъ на западѣ считали даже язычниками, ихъ обряды печестивыми (*ritus imprii*)¹⁾, они не чтутъ Бога, а скорѣе хулятъ²⁾. Папы упрекаютъ польскихъ князей за то, что они въ походахъ пользуются язычниками, врагами католической религіи, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ погаными Половцами, ставятъ и Русскихъ³⁾.

Конечно, и въ Польшѣ, какъ и на Руси, подобное нетерпимое отношеніе духовенства значительно смягчалось самой жизнью и не могло имѣть особенныхъ практическихъ послѣдствій, пока Русь стояла могучимъ государствомъ. Но эта систематическая проповѣдь нетерпимости дала за то свои плоды въ тѣ печальныя для Руси времена, когда южная ея часть потеряла свою самостоятельность и подпала власти Польши.

Итакъ, спросимъ еще разъ, въ чемъ же могло проявиться вліяніе Польши на населеніе южной Руси въ разбираемый нами періодъ? Въ религіи? но мы видѣли, что католическая пропаганда не имѣла на Руси (по нашему мнѣнію, до самой середины XIV в.) рѣшительно никакого успѣха. Въ языкѣ? Конечно украинное населеніе и Руси и Польши, вѣроятно, знало оба языка всл. постоянныхъ сношеній между собою. Русскіе торговцы, ѣздившіе въ Польшу, познакомились съ польскимъ языкомъ, точно также какъ и Поляки, пріѣзжавшіе торговать въ Русь, конечно научались русскому языку. Но отъ этого частнаго знакомства съ языкомъ польскимъ до вліянія его на самый русскій языкъ еще очень далеко. Не говорятъ же Поляки о вліяніи русскаго языка на польскій въ этомъ періодѣ, хотя это можно бы было утверж-

¹⁾ *Rutheni pagani, gentiles*, Мацѣевск. р. 255

²⁾ *Rutheni et Lithuani Deum non colunt sed blasphemant potius nomine ejus...* (письмо папы къ Чешскому королю, 1264 г. см. А. Перушевича, Гал. Ист. сб. III, р. LXXV).

³⁾ *Theiner, Mon. Pol. N. XLVI, p. 23. Duces Poloniae... Sarracenos, Ruthenos, et alios catholice fidei advocant inimicos.* Въ письмѣ папы къ гнѣзненскому Арх. 1319, гов. о *Tartharorum, Lithuanorum Ruthenorum et aliorum Paganorum incursus*, *Th. Mon. Pol. N. CCXXXVI, p. 147.*

дать съ одинаковымъ правомъ. Практическое языкознаніе должно было быть весьма развито въ южной Руси, въ которой проживали торговцы и ремесленники разныхъ націй, и населеніе которой ѣздило во всѣ стороны съ торговыми цѣлями. Русскій языкъ могъ наполняться разными иностранными словами для обозначенія предметовъ, для которыхъ не имѣлъ собственнаго обозначенія, но на чистоту языка, на его этимологическую и синтаксическую сторону это пополненіе не оказывало никакого вліянія. Или Русскіе перенимали польскіе нравы и обычаи? Гдѣ же до XIV в. ощутительные слѣды тому? Мы думаемъ, что въ украинномъ населеніи (гдѣ только и возможно было бы такое заимствованіе) скорѣе Русь вліяла въ этомъ отношеніи на Польшу, нежели обратно. Украинное населеніе Польши сближалось съ Русью общностью религіи (въ польской украинѣ долго держался славянской обрядъ), да и русскому смерду, повидимому, жилось легче нежели польскому, платившему тяжелую десятину духовенству и страшные поборы князю (извѣстны тяжелые поборы Мѣшка Стараго). Украинное польское населеніе дружить съ Русью и часто переходитъ къ ней на жительство вслѣдствіе невыносимыхъ условій на родинѣ,

Что касается княжеской семьи, то тутъ можно столько же говорить о вліяніи польскихъ обычаевъ на русскіе княжескіе дворы, сколько и обратно, ибо польскіе князья столь же часто (мы выше указали, даже гораздо чаще) женились на русскихъ княжнахъ, какъ и русскіе на польскихъ. Но намъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ чужеземное вліяніе (хотя бы на однихъ лишь дѣтяхъ) должно было быть весьма слабо. Съ одной стороны, чужеземныя невѣсты выдавались обыкновенно въ очень молодыхъ лѣтахъ замужъ, съ другой, въ княжеской семьѣ существовали свои традиціи, которымъ молодья княжны должны были неволью подчиняться, наконецъ дѣти мужскаго пола очень рано выходили изъ подъ материнской опеки и сдавались на руки кормильцамъ изъ заслуженныхъ бояръ, учившимъ ихъ ратнымъ и гражданскимъ дѣламъ. ¹⁾

¹⁾ Изъятіе мальчика изъ женской опеки происходило весьма рано; послѣдняя кажется прекращалась со времени постригъ; въ этомъ обрядѣ, происходившемъ между 3—7 годами „сказывалось признаніе правъ мужчины послѣ безразличнаго т. е. въ половомъ отношеніи

Съ бѣльшимъ основаніемъ можно бы говорить о вліяніи Польши на верхніе слои южно-русскаго населенія, по и въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, не одна Польша служила образцомъ для тенденцій южно-русскаго боярства, возникшихъ при томъ самостоятельно, вслѣдствіе мѣстныхъ условій.

На характеръ и правахъ южно-русскаго боярства замѣчаемъ такіе же, если не большіе, слѣды венгерскаго вліянія, какъ и польскаго.

Отрицая культурное вліяніе Польши на пограничныя русскія княжества въ разбираемый нами періодъ, мы однако не можемъ отрицать того, что оба государства находились въ самыхъ тѣсныхъ житейскихъ отношеніяхъ, имѣли много точекъ соприкосновенія и общихъ интересовъ.

Хотя Руси и не былъ страшень нѣмецкій *Drang nach Osten*, который такъ часто заставлялъ Польшу напрягать всѣ свои силы для защиты своей самостоятельности отъ напора запада, и русскіе князья, помогавшіе Полякамъ противъ Нѣмцевъ исходили въ этихъ случаяхъ изъ сдѣныхъ лишь дружественныхъ отношеній къ польскимъ князьямъ, но Русь и Польша имѣли и общихъ враговъ, противъ которыхъ дѣйствовали сообща: такимъ врагомъ была Литва, съ XII в. постоянно тревожившая набѣгами какъ Польшу, такъ и Русь. Пограничныя русскія княжества соединялись съ Польшей и противъ Венгровъ, которые раньше Польши начали серьезныя попытки къ подчиненію южно-русскихъ областей, и уже съ конца XII в. включили въ титулъ своихъ королей „*rex Galiciae et Lodomeriae*“. Самыя разнообразныя экономическія и культурныя сношенія сближали еще болѣе Русь и Польшу. Наконецъ общее происхожденіе, сходный бытъ и родственные языки довершали это сближеніе. Военныя столкновенія Руси и Польши, правда, были очень часты, но совершенно правъ Зубрицкій, утвер-

существованія. Въ древности въ семилѣтнемъ мальчикѣ видѣли уже мужчину... въ постриженіи лежитъ идея возмужалости... съ постригами соединено было нареченіе имени, переходъ мальчика изъ женской половины дома въ мужскую и поступленіе въ науку мужей, которая въ первобытное время держалось на пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ“. А. А. Котляревскій въ Чтен. общ. лѣтоп. Нестора, Кіевъ 1879, р. 292).

ждая, что кровавыя столкновенія этихъ двухъ государствъ не имѣли характера борьбы двухъ народовъ, а вытекали изъ династическихъ интересовъ князей. Мы жили съ Поляками, какъ вообще живутъ сосѣди: то дружили и обнимались на пирахъ, то ругались и дрались—но въ сущности мы были не дурными сосѣдями и рѣдко дѣйствовали съ задними цѣлями.

Отсутствие рѣзкихъ естественныхъ границъ, въ числѣ другихъ условій, предсказывало въ будущемъ образованіе изъ этихъ двухъ народовъ одного государства. Польша первая положила этому начало, объединивъ съ собою въ XIV в. всю южную Русь. Но не смотря на всѣ благопріятныя условія къ созданію изъ польскаго и русскаго народа одной націи, послѣдующее время на оборотъ все болѣе и болѣе разъединяло насъ съ Поляками. И это разъединеніе совершилось на почвѣ экономической и религіозной.

Совершенно правъ мало-русскій поэтъ, когда говоритъ, что съ Ляхами:

Несыты ксендзы, магнаты
Насъ порызнили, развели.

Но онъ ошибается, когда думаетъ, что это разъединеніе произошло только послѣ Уніи. Наша рознь началось уже въ XIV в., когда польскіе магнаты стали эксплуатировать присоединенныя русскія области, а польское духовенство занялось систематическимъ искорененіемъ въ нихъ православія.

Теперь роли перемѣнились; какъ прежде коренныя русскія области отошли къ Польшѣ, такъ теперь въ составѣ русскаго государства считаемъ чисто польскія земли. Въ настоящее время оба народа стоятъ на томъ положеніи, въ которомъ находились въ XIV в. Самыя разнообразныя отношенія тѣсно сближаютъ насъ съ Поляками; воспоминанія о тяжелыхъ временахъ польскаго владычества начинаютъ сглаживаться въ памяти добродушнаго русскаго народа. Казалось бы, ничто теперь не мѣшаетъ уже сліянію Поляковъ съ нами въ одну націю. Мы имѣемъ для этого всѣ данныя, которыя, какъ говоритъ знаменитый современный писатель, необходимы для созданія націи: „общее прошлое, сознаніе принесенныхъ въ прошедшемъ жертвъ и готовность на будущія, ясно выраженное согласіе продолжать общую жизнь“; все это совершенно вѣрно относительно польскаго народа. Его

ничто не влечетъ къ нѣмцу, солдатскими приѣмами германизирующаго его собратій; онъ не можетъ мечтать о возстановленіи Рѣчи Посполитой, ибо съ нею у него соединяются воспоминанія о самомъ невыносимомъ гнетѣ заправилъ этой печальной олигархіи. И однако на дорогѣ къ этому объединенію по прежнему стоятъ ксендзь и магнатъ.

Прошли столѣтія, цѣлыя государства оторвались отъ исключительнаго католичества, наука и воспитаніе вездѣ смягчили нравы и возрѣнія, а въ глазахъ ксендза мы все еще подлые схизматики. И польскій магнатъ все по прежнему презираетъ хлопа; и если теперь онъ уже не можетъ выжимать изъ него послѣднихъ соковъ, то все еще продолжал его считать только пущечнымъ мясомъ, стремится вовлечь его въ свои политическія задачи; для него все еще дороже всего власть и для нея онъ готовъ принести въ жертву и то жалкое благосостояніе, которое послѣ тяжелаго кошмара прошлаго получилъ наконецъ польскій хлопъ.

Современныя историческія условія слагаются такимъ образомъ, что пока могутъ существовать только крупныя государственныя единицы; нужны глубокія соціальныя и политическія перемѣны, чтобы измѣнить эту современную тенденцію, которая въ сущности представляетъ лишь актъ національнаго самохраненія. Мы глубоко вѣримъ въ то, что когда нибудь пробьетъ часъ для устройства жизни на свободныхъ и разумныхъ началахъ, для широкой автономіи личной и мѣстной, но въ ожиданіи этихъ лучшихъ временъ и въ виду болѣе успѣшнаго и прочнаго ихъ достиженія, мы, надѣюсь, выразимъ лишь желаніе лучшей части нашего общества, призывая весь польскій народъ стремиться не отдѣльно, а совмѣстно съ нами къ широкому развитію и широкой свободѣ...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Плѣнъ Володаря Ростиславича и Петръ Власть.

Исторія плѣна Володаря Ростиславича, очевидно, падѣлала въ свое время много шума; описаніе этого происшествія, въ которомъ принималъ главное участіе знаменитый въ польской исторіи вельможа, Петръ Власть, сохранилось во многихъ источникахъ (Chr. Ortliebi Zwif., Herbordi, Vita Ottonis, Кадлубекъ, Годиславъ, наша лѣтопись, въ которой, къ сожалѣнію, сохранился лишь намекъ на это происшествіе, а самое описаніе до насъ не дошло; хроника о Петрѣ Властѣ и пр.). Все источники согласны въ общемъ: что Володаръ взятъ былъ въ плѣнъ хитростью („лестью“) и что освобожденіе онъ получилъ за большой выкупъ. Что же касается подробностей, то въ этомъ отношеніи источники значительно расходятся.

Считаемъ не лишнимъ представить здѣсь критическое сличеніе всѣхъ описаній плѣна Володаря. Въ результатѣ этого сличенія мы получимъ нѣсколько небезынтересныхъ данныхъ.

Наиболѣе ранній по времени источникъ, описывающій плѣнъ Володаря—хроника Ортлиба Звифальт.¹⁾ Извѣстіе это зашло въ хронику Ортлиба отъ монаховъ того же Звифальт. монастыря, путешествовавшихъ по Польшѣ ок. 1140—1 г. Исторію Петра Власта Звиф. монахи, по всей вѣроятности, узнали отъ монаховъ одного изъ многочисленныхъ монастырей, основанныхъ и одаренныхъ Петромъ.

¹⁾ М. Р. II, р. 2—3.

Естественно, что подробности рассказа, исходящего изъ нѣскольکو пристрастнаго источника, должны были пострадать.

Въ рассказѣ Ортлиба щедрость Петра на пользу церкви является въ видѣ эпитиміи, наложенной на него папой за разнаго рода прегрѣшенія. Изъ его проступковъ Ортлибъ подробно описываетъ два: женитьбу на русской княжнѣ, которую онъ сваталъ для своего князя и взятіе въ плѣнъ обманомъ русскаго князя (котораго онъ называетъ „rex Ruthenorum“).

О первомъ мы уже говорили выше (см. главу о бракахъ). Приведемъ здѣсь второй рассказъ. „(Петръ Власть) оказался также виновнымъ въ грѣхѣ величайшаго вѣроломства (*alio quoque maxime perfidiae veneno est infectus*); ибо онъ обошелъ коварствомъ (лестью—*fraude circumvenit*) нѣкоего русскаго князя, враждовавшаго съ княземъ польскимъ, его господиномъ, и послѣ того какъ далъ ему клятву въ вѣрности, послѣ того какъ перешелъ къ нему на службу (*in dominium ipsius*), послѣ того какъ сталъ воспріемникомъ его сына, его же, неподозрѣвавшаго злаго умысла, выдалъ въ руки враговъ, (*in manus adversariorum tradidit vinculandum*) изъ которыхъ онъ освободился за большія сокровища“¹⁾. Въ словахъ Ортлиба можно бы видѣть намекъ на то, что Петръ со злымъ умысломъ перешелъ на службу къ русскому князю. Но намекъ этотъ мы увидимъ лишь тогда, когда прочитаемъ въ другихъ источникахъ прямое утвержденіе, что Петръ именно и перешелъ къ Володарю съ тою же коварной цѣлью, что и Зофиръ къ Вавилонянамъ. Обратимъ однако вниманіе на то, что Ортлибъ вовсе не говоритъ, чтобы Петръ со злымъ умысломъ перешелъ къ русскому князю, а только то, что онъ ему взмѣнилъ, принеши присягу въ вѣрности²⁾.

Послѣдующіе источники, начиная съ Герборда, уже прямо говорятъ, что Петръ и поступилъ на службу къ Володарю съ цѣлью обманомъ захватить его въ плѣнъ. Передается подробно (Гербордъ, Кадлубекъ) совѣтъ Болеслава съ вельможами по поводу набѣговъ Володаря на Польшу.

1) М. Р. II, р. 3.

2) Но если бы даже и такъ, то, какъ увидимъ ниже, есть значительныя основанія не довѣрять этой подробности.

Петръ Власть подаеть мысль овладѣть самимъ Володаремъ; этимъ путемъ только и можно прекратить набѣги Русскихъ. Въ остальныхъ подробностяхъ источники главнымъ обр. расходятся въ томъ, что одни говорятъ, будто Петръ похитилъ и увлекъ Володаря въ Польшу на охотѣ, между тѣмъ какъ другіе утверждаютъ, что онъ это сдѣлалъ во время пира и даже картинно описываютъ самыя обстоятельства похищенія. Въ хроникѣ о Петрѣ Властѣ ¹⁾ мы уже находимъ слѣдующій рассказъ: „Болеславъ захватилъ въ плѣнъ нѣкоего русскаго князя и долго держалъ его въ г. Вислицѣ; но подкупленная стража выпустила его и онъ снова сталъ тревожить (набѣгами) Болеслава. Былъ у Болеслава смѣлый и рѣшительный воинъ, по имени Петръ Власть (*Vlascides*)... его Болеславъ тотчасъ же послалъ съ войскомъ противъ бѣжавшаго русскаго князя. Этотъ-то Петръ помощью своей храбрости снова захватилъ въ плѣнъ русскаго князя и, сильно опустошивъ область Галича (*civitatem Gallaciam*), привелъ его связаннымъ къ своему князю Болеславу. Обрадованный Болеславъ отдалъ всѣ богатства этого русскаго князя (*omnia quae erant prefati Ruthenorum regis*) Петру и выдалъ за него его дочь Марію“.

Мы видимъ, какъ въ этомъ рассказѣ искажены первоначальныя простыя подробности.

Тутъ уже русскій князь два раза попадаетъ въ плѣнъ, Петръ опустошаетъ Галичь и пр. Какимъ образомъ составилъ этотъ рассказъ, очень легко опредѣлить, сравнивъ его съ рассказами о томъ же у Кадлуба и Длугоша. Еще Кадлубекъ ²⁾ рассказываетъ, что сынъ Володаря, желая отомстить за плѣнъ отца, подговорилъ нѣкоего Венгерца (*quemdam Rannoniolum*) точно такимъ же образомъ обмануть Болеслава, какъ Петръ Власть обманулъ его отца. Венгерецъ дѣйствительно втирается въ довѣренность Болеслава, который даетъ ему въ управленіе городъ Вислицу. Этотъ городъ Венгерецъ и сдаетъ рускому князю. Въ отмщеніе Болеславъ дѣлаетъ опустошительный набѣгъ на Русь.

У Длугоша (къ подробному разбору его рассказа мы вернемся ниже) вся исторія плѣна Володаря страшно спутана: онъ говоритъ

¹⁾ Mosbach, Piotr, syn Włodzimierza, p. 22. Это произведение дошло до насъ въ редакцію XVI в.

²⁾ L. III, c. 22.

сначала о плѣнѣ Володаря, но не упоминаетъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ Петра Власта.

Дальше (подъ 1134 г.) онъ говоритъ о плѣненіи Петромъ русскаго князя Ярополка, котораго выкупаютъ сынъ Василько (?). Затѣмъ у него идетъ разсказъ о Венгерцѣ, котораго подкупаетъ Ярополкъ. Болеславъ послѣ сдачи Вислицы опустошаетъ Русь. Ясно, что разсказъ Длугоша послужилъ матерьяломъ для хроники о Петрѣ; поэтому все въ разсказѣ послѣдней отъ перваго до послѣдняго слова невѣрно.

Какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, но наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о плѣнѣ Володаря мы попытаемся извлечь изъ источниковъ позднѣйшихъ, Длугоша и Татицева, между тѣмъ какъ извѣстія даже такихъ почти современныхъ источниковъ, какъ Гербордъ, придется отвергнуть въ подробностяхъ.

Несмотря на то, что Гербордъ писалъ свой трудъ не много времени послѣ разбираемаго нами событія ¹⁾, разсказу его нельзя особенно довѣрять. Съ одной стороны нужно замѣтить, что извѣстіе о Петрѣ Властѣ перешло къ Герборду уже изъ третьихъ рукъ: онъ получилъ его отъ Зегфрида, бамбергскаго монаха, сопровождавшаго Оттона Бамб. въ Польшу въ 1124. Съ другой стороны, въ самомъ разсказѣ много неясности и неточности. Такъ Гербордъ повидимому считалъ того князя русскаго, на дочери котораго женился Болеславъ и захваченнаго въ плѣнъ русскаго князя за одно и тоже лицо; и того и другаго называетъ онъ rex Ruthenorum, онъ прибавляетъ, что „смерть жены Болеслава порвала ту слабую связь, которая на время соединила русское и польское государство, и непріязненныя отношенія между русскимъ и польскимъ княземъ возобновились съ новою силою“. Нельзя не обратить также вниманія на манеру изложенія у Герборда ²⁾: главная задача его была дать легкое и занимательное чтеніе ³⁾.

¹⁾ Между 1158 и 1159. Jaffe. Bibl. Reg. Germ. т. V (Mon. Bamberg.), р. 695.

²⁾ Гербордъ написалъ свое жизнеописаніе Оттона въ формѣ діалога между Тимономъ, пріоромъ мон. св. Михаила и Зегфридомъ,

³⁾ Петровъ Герб., біогр.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, подробностямъ Гербордова сказа невозможно довѣрять.

Разсказавъ о бракѣ польскаго князя Болеслава съ дочерью русскаго князя, воевавшего съ Болеславомъ, Гербортъ продолжаетъ далѣе, что немного лѣтъ спустя жена Болеслава умираетъ, оставивъ ему одного сына, и непріязненныя отношенія между Русью и Польшею возобновляются съ новой силой. Болеславъ собираетъ совѣтъ и спрашиваетъ у членовъ его, какимъ обр. справиться съ русскими дѣлами. Нѣкій воевода (*militiae ductor*) Петръ произноситъ рѣчь, въ которой доказываетъ, что Русскихъ, опирающихся на помощь Половцевъ, Пруссовъ и Поморянъ трудно побѣдить силою; нужно прибѣгнуть къ хитрости. Петръ самъ берется „одержать надъ русскимъ княземъ безкровную побѣду. „Съ этой цѣлью онъ, въ сопровожденіи 30 отборныхъ мужей, идетъ къ русскому князю, объявляетъ себя обиженнымъ польскимъ княземъ, поступаетъ къ нему на службу и становится его довѣреннымъ человѣкомъ.

Но однажды, когда русскій князь, охотясь, удалился отъ городскихъ стѣнъ, Петръ со своими людьми схватилъ его и привелъ въ Польшу.

Русскіе были этимъ событіемъ такъ усмирены, что съ тѣхъ поръ больше не думали о войнѣ съ Польшей. Русскій князь долженъ былъ за свое освобожденіе дать такой огромный выкупъ, (золото, серебро, драгоценныя сосуды и одежды, привезенныя въ Польшу на колесни-

но замѣчаетъ Jaffe: *verumtamen fallerentur qui Tiemonem et Sefridum crederent omnes illas res vere aut iisdem verbis locutos esse aut simmatim Herbordo retulisse. Id enim historiae genus Herbordi artificium est (p. 697).* Вообще замѣчаетъ Jaffe, что quod que proprium Herbordus habet id cautione summa neque usquam sine deliberatione assumendum esse. „Гербордъ, широко воспользовавшійся въ своемъ трудѣ жизнеописаніемъ Оттона, писаннымъ Эббономъ, не только распространяетъ простое изложеніе послѣдняго помощью болѣе изысканнаго языка, но прибавляетъ рѣчи, и даже часто измѣняетъ, по собственнымъ логическимъ соображеніямъ, или просто по невѣжеству, его разсказъ. Приговоръ Jaffé подтверждаетъ и А. Петровъ (Гербордова біографія Оттона Бамб. Ж. М. Н. П. 1883 г.).

цахъ и верблюдахъ) что Русь отъ этого выкупа обѣднѣла. Кромѣ клятвы въ прочномъ мирѣ русскій князь съ своими вельможами должны были обѣщать не помогать Поморянамъ“.

Таковъ рассказъ Герборда.

Помимо разныхъ преувеличеній, мы видимъ въ рассказѣ Герборда и нѣкоторыя несообразности; такъ описаніе похищенія Володаря мало правдоподобно:—русскій князь во время охоты удаляется отъ стѣнъ города, Петръ связываетъ его и увозитъ въ Польшу. Какимъ бы образомъ возможно было провести черезъ всю перемышльскую землю Володаря?

Замѣчательно однако, что у Кадлубка похищеніе Володаря рассказано весьма сходно съ Гербордомъ; у него точно также Болеславъ собираетъ совѣтъ по поводу непріязненныхъ отношеній къ Руси; вельможа Петръ Власть предлагаетъ хитростью захватить Володаря въ плѣнъ и самъ берется за это дѣло. Съ отборными слугами онъ идетъ въ Русь къ Володарю и однажды схватываетъ его во время пира и увозитъ въ Польшу ¹⁾,

къ сожалѣнію, въ нашей лѣтописи, рассказъ который имѣлъ бы въ этомъ вопросѣ рѣшающее значеніе, сохранился одинъ лишь намекъ на похищеніе Володаря Ляхами, самый же рассказъ до насъ не дошелъ ²⁾. Однако есть, кажется намъ, возможность возстановить, хотя

¹⁾ Весьма интересно было бы опредѣлить, пользовался ли Кадлубекъ рассказомъ Герборда? Помимо обычныхъ у Кадлубка риторическихкихъ прикрасъ, его рассказъ (за исключеніемъ подробностей самаго акта похищенія) представляетъ замѣчательное сходство съ рассказомъ Герборда. По мнѣнію А. Семковича, (М. Р. III, 748.) Кадлубекъ не зналъ труда Герборда, но оба они имѣли одинъ и тотъ же устный источникъ. Если это такъ, то во всякомъ случаѣ существенной чертой устнаго рассказа слѣдуетъ считать переходъ Петра на службу къ Володарю со злымъ умысломъ.

²⁾ Подъ 1145 г. въ лѣтописи (Ип. 228): „той же зимы Владиславъ, лядскій князь, емъ мужа своего Петрка и слѣпи, а языка ему урѣза и домъ его разграби токмо, съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь. Якоже еуангельское слово глаголетъ: ею же мѣрюю мѣрить, възмѣрить ти ся,—ты емъ Руского князя лестью Во-

о части, погнбншій лѣтописный разсказъ. Давныя для этого даютъ Длугошъ и Татицевъ.

Принявъ въ соображеніе спутанность изложенія у Длугоша и сравнивая его разсказъ съ разсказомъ Татицева, можно однако замѣтить, что оба сведчика вѣроятно пользовались однимъ и тѣмъ же лѣтописнымъ разсказомъ, но только Длугошъ, имѣвшій передъ собою еще разсказъ Кадлубка, перепуталъ оба разсказа.

Исторію плѣненія русскаго князя Длугошъ разсказываетъ два раза—одинъ разъ относительно Володаря (не упоминая объ участіи въ этомъ плѣненіи Петра Власта), другой разъ относительно кіевскаго князя Ярополка (котораго у него и плѣнить Петръ Власть).

Подъ 1121 г. Длугошъ повѣствуетъ о плѣнѣ Володаря ¹⁾: перемышльскій князь Володаръ опустошалъ предѣлы Польши. Болеславъ жаловался на него Владимиру и другимъ русскимъ князьямъ, но безуспѣшно. Тогда онъ посылаетъ на него войско. Володаръ грабилъ тогда польскія земли. Польское войско нападаетъ на Володаря, побѣждаетъ его и отнимаетъ добычу. Володаръ бѣжитъ, его настигаютъ въ мѣстѣ наз. Высокое (in loco qui Wisokie appellatur) и берутъ въ плѣнъ. Спустя нѣкоторое время приходятъ къ Болеславу послы отъ перемышльскаго князя Василька съ цѣлью выкупа Володаря. Болеславъ требуетъ 80 тысячъ марокъ серебра. Сходятся на 20 т. Русскіе уплачиваютъ 12 т. а за остальныя оставляютъ въ залогъ сына Ярослава (Jaroslai filium?), остальныя потомъ выплачиваютъ драгоценными сосудами (quingentis vasis argenti, scutellis videlicet, picariis et sciphis de opere Graeco allatis). Володаръ заключаетъ миръ какъ

лодаря, и умучивы и, и имѣние его усхити все, его же Богъ по нѣколициѣ днєвь не призрѣ, о немъ же бѣ в заднихъ мѣтлѣхъ писано“. Но въ заднихъ лѣтахъ, подъ 1122 г., сказано только: „Володаря яша Ляховѣ лєстью, Василькова брата“. Б. м. подробный разсказъ о плѣнѣ Володаря находился въ недошедшей до насъ части южной лѣтописи, отъ которой въ Ипат. списокѣ сохранился только конецъ (гал.-вол. лѣтопись). Разсказъ, занесенный въ кіевск. лѣтопись подъ 1145 г., можетъ быть, представляетъ позднѣйшую вставку какаго либо читателя.

¹⁾ L. IV, p. 418.

съ Болеславомъ, такъ и съ Коломаномъ, братомъ венгерскаго короля и возвращается въ Перемышль 22 июля.

Затѣмъ Длугошъ рассказываетъ (подъ 1124 и 1126 г. р. 423—426) о набѣгахъ Владимирка Володаревича на Польшу, при чемъ называетъ и мѣста, опустошенныя Русскими (1124 г. usque versus Biecz, 1126—circa Wisloka) и описываетъ отвѣтный походъ Болеслава въ Русь¹⁾.

Подъ 1134 г. Длугошъ рассказываетъ о плѣнѣ Петромъ Властомъ Ярополка Владимировича, котораго выкупаетъ сынъ Василько (?). Здѣсь онъ передаетъ рассказъ Кадлубка о плѣнѣ Володаря, замѣнивъ только Володаря Ярополкомъ²⁾; затѣмъ слѣдуетъ рассказъ (по Кадлубку) объ измѣнѣ венгерца, подкупленнаго русскимъ княземъ (у Длугоша Ярополкомъ) и опустошительномъ набѣгѣ Болеслава на владимирскую область въ отмщеніе за сдачу венгерцомъ Вислицы русскому князю.

Нельзя не обратить вниманія на необыкновенно точныя подробности въ первыхъ рассказахъ Длугоша—на мѣсяць и число возвраще-

¹⁾ Въ послѣднемъ рассказѣ (1125 г. р. 424), говорится о пораженіи Володаря Болеславомъ in loco qui Wilichow appellatur. Въ этомъ сраженіи съ русской стороны пали между прочимъ двое знатныхъ воина Nawrotynski et Zawszytynski (?) (у Стрык. I, 187 Nawrotnik, Zaczytnik i *Dimitr.*, у Кромера и Мѣховиты какъ и у Длугоша, котора о они списывали, послѣдняго (Димитрія) нѣтъ. Шараневичъ (Die Нур. Chr. пр. 203) считаетъ эти названія аллегоріями, ибо: die Zunamen auf *cki* waren damals bei den Rutenen nicht üblich; *navrota* bedeutet eine Gränzpforte, *Zaszyta* eine Schützwehr. Подъ 1126 г. Длугошъ гов. о смерти Володаря *decimo nono Martii*, похороненнаго въ Перемышлѣ, въ храмѣ св. Іоанна, который онъ самъ создалъ. (Въ нашихъ лѣтописяхъ не показанъ мѣсяць и число смерти Володаря).

²⁾ Не трудно найти, какимъ образомъ Длугошъ могъ счесть взятаго въ плѣнъ русскаго князь за Ярополка. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ рукописяхъ Кадлубка (см. Bielowski, М. Р. II, 351, р. пр.) вмѣсто *Wladarius* или *Laodarius* стоитъ *Vladarides*, т. е. Владимировичъ. Оттого-то Длугошъ и счелъ его (у Кадл. онъ наз. просто *Princeps Russiae*) за великаго князя кievскаго Ярополка *Владимировича*. Это подтверждается тѣмъ, что взятый Петромъ въ плѣнъ князь у него иногда называется просто *Владимировичемъ* (р. 438).

нія Володаря въ Перемышль и названія мѣстностей, опустошенныхъ Русскими. Замѣтимъ, что этихъ подробностей нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ источниковъ.

Обратимся теперъ къ разсказу Татищева ¹⁾. По его разсказу, Володаръ („терпя на долгѣ, что Поляки области его нападаая разоряли“) идетъ опустошать польскія области. „Болеславъ, не имѣя войска въ готовности, послалъ къ нему пословъ для учиненія мира, обѣщая ему заплатить всѣ убытки, если разорять перестанетъ. Володаръ, повѣря ему, поставя договоръ на мѣрѣ (вѣрѣ?), присланныхъ отъ Болеслава возвратно отпустилъ, съ тѣмъ договоромъ, что на срокъ прислать пословъ съ заплатою счисленныхъ убытковъ, а войско собравъ, сталъ на урочищѣ Высокомъ. Былъ у Володаря воевода Петронъ, родомъ Полякъ, который, ослѣпясь дарами и обѣщаніями польскими, имѣлъ тайную съ ними пересылку, и, усмотря Володаря въ безопасности, тотчасъ далъ знать Полякамъ, что у Володаря войско многое распущено, и самъ ѣздитъ на охоту съ малыми людьми. Болеславъ же польскій, вскорѣ собравъ войска, поѣхалъ и велѣлъ нечаянно нападеніе учинить. Онаы приближася и ночью отхвата стражи, на войско безопасное напавъ, стали побивать. Володаръ, вскоча, собралъ людей, сколько могъ, бился крѣпко и, потерявъ много людей, самъ принужденъ Полякамъ въ плѣнъ отдаться, но воеводы его нѣкоторые, собравъ людей, крѣпко бились и Полякамъ не допустили обозъ взять; Поляки же, видя, что Русскіе стали сильны, и много отъ нихъ побили, немедля оставя своихъ раненыхъ, съ Володаремъ ушли. Василко, братъ Володаревъ, увѣдавъ о томъ, вельми опечалился, и послалъ къ Болеславу просить о свободѣ брата. Болеславъ же требовалъ за него тяжкаго выкупа, и договорились заплатить 2000 гривенъ сребра, по которому Василко собравъ 1200, а за 800 сына Володарева Ростислава въ залогъ послалъ. Итакъ Володаръ освободясь возвратился, и, немедля собравъ 50 сосудовъ великихъ серебряныхъ дивной греческой и венгерской работы, послалъ и тѣмъ сына выкупилъ“.

Подъ 1124 г. Тат. разсказываетъ, что Володаръ собирался ити на Поляковъ, которые, не смотря на договоръ, постоянно опустошали его область набѣгами, но разболѣлся и умеръ.

¹⁾ П, 225.

Сравнивая рассказы Татищева и Длугоша, мы видимъ, что они представляютъ много общаго. Что Татищевъ для своего свода пользовался недошедшей до насъ южной лѣтописью, это видно изъ тѣхъ мѣстъ его свода, въ которыхъ событія южной Руси рассказаны гораздо подробнѣе, нежели въ тѣхъ спискахъ, которые мы имѣемъ. Многія свѣдѣнія о южной Руси при томъ находятся только у него. При сравненіи свода Длугоша съ нашими извѣстными лѣтописями, точно также несомнѣнно, что и онъ пользовался неизвѣстной намъ лѣтописью южнаго извода, но, кажется, менѣе полной, нежели лѣтопись Татищева.

Во всякомъ случаѣ, рассказъ о плѣнѣ Володаря въ лѣтописяхъ бывшихъ у Длугоша и Татищева, повидимому, былъ переданъ почти одинаково. Длугошъ только исключилъ изъ рассказа участіе Петра, котораго онъ заставляетъ брать не Володаря, а Ярополка, разнятся оба рассказа также въ опредѣленіи количества уплаты за освобожд. Володаря¹⁾. Но оба сходятся въ томъ, что похищеніе Володаря случилось во время одного изъ его походовъ на Польшу, въ то время какъ онъ расположился на какомъ урочищѣ (у Длугоша Высокое—какъ бы названіе) и безопасно занялся охотою.

Несомнѣнно, что рассказъ Длугоша и Татищева (если отбросить въ нихъ кое какія прикрасы) наиболѣе естественъ. Невѣроятнымъ является намъ похищеніе Володаря въ самой галицкой землѣ, будь это, какъ уже совсѣмъ неправдоподобно рассказываетъ Кадлубекъ, во время пира, или, какъ говоритъ Гербордъ, на охотѣ. Но въ рассказѣ той русской лѣтописи, которой пользовались Длугошъ и Татищевъ, дѣло представляется весьма возможнымъ.

Еще нѣсколько словъ о Петрѣ Властѣ. Гербордъ со словъ Поляковъ (да еще изъ третьихъ рукъ, если вѣрно то, что извѣстіе это сообщилъ ему одинъ изъ спутниковъ Оттона Бамб.) и польскіе лѣтописцы представляютъ все дѣло задуманнымъ и исполненнымъ Петромъ и такъ именно, что онъ съ этой цѣлью и поступилъ къ Володарю на службу. Личность Петра была весьма популярна въ Польшѣ, и среди народа за его подвиги, (замѣтимъ однако, что изъ подвиговъ его только и говорятъ о похищеніи Володаря) и среди

¹⁾ У Тат. въ 10 разъ меньше.

духовенства, за щедрость на пользу церкви. О немъ ходило много легендъ, и уже весьма рано составлено было его жизнеописаніе. Если Гербордъ, хотя и современникъ Петра, не можетъ служить безапелляціоннымъ источникомъ относительно его дѣятельности, если Кадлубекъ (разсказъ котораго перешелъ во всѣ позднѣйшія исторіи) зналъ о немъ только по устной традиціи, а самъ жилъ значительно позже, то позволено будетъ усумниться въ подробностяхъ подвига Петра. Легенда дѣлаетъ его весьма виднымъ челоуѣкомъ еще до захвата Володаря; Гербордъ наз. его *militiae ductorem*. Онъ идетъ въ Русь съ отрядомъ изъ 30 отборныхъ воиновъ, и Володаръ весьма польщенъ переходомъ къ нему столь знаменитаго воина. Но еще Мосбахъ¹⁾ замѣтилъ, что М. Галль вовсе не знаетъ Петра Власта, что слѣд. возвышеніе его при польскомъ дворѣ могло случиться не раньше двадцатыхъ годовъ XII в.

Переходъ дружинниковъ не только отъ одного мѣстнаго князя къ другому князю на службу, но изъ одной страны въ другую, былъ въ то время весьма нерѣдокъ. Особенно часто должны были происходить отъѣзды дружинниковъ изъ Польши. Этому способствовали частые въ ней внутренніе волненія и перевороты. Такъ мы знаемъ, что этотъ же самый Петръ Власть позже бѣжалъ въ Русь отъ преслѣдованія Владислава, сына Болеслава Кривоустаго. Еще раньше, какъ сообщаетъ Длугошъ, бѣжалъ въ Русь Сѣцъхъ, державшій при Владиславѣ Германъ въ рукахъ управленіе цѣлой страной. Часто должны были быть отъѣзды и бѣгства польскихъ вельможъ въ первое время правленія Болеслава, когда ему приходилось вести упорную борьбу съ братомъ Збигнѣвомъ, несомнѣнно имѣвшимъ значительную партію въ Польшѣ. Когда Болеславъ одолѣлъ Збигнѣва, многимъ изъ его приверженцевъ вѣроятно пришлось оставить Польшу изъ боязни мщенія Болеслава. По всему этому, а главное имѣя въ виду ту легендарную окраску, которую весьма скоро народная фантазія сообщила личности Петра, я позволю себѣ гипотезу, что разсказъ о преднамѣренномъ бѣгствѣ Петра къ Володарю съ цѣлью его похитить, составленъ уже позже, для возвеличенія польскаго богатыря (самая мысль похищеніемъ князя прекратить войну кажется странною, да и какъ могъ Петръ

¹⁾ Plotr, syn Wlodzimierza, p. 2.

мечтать о похищеніи Володаря изъ его собственнаго княжества?). Намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ разсказъ Татицева, если его дополнить слѣд. образомъ: Петръ Власть по какимъ то причинамъ оставляетъ Польшу и переходитъ на службу къ сосѣднему русскому князю; вмѣстѣ съ нимъ онъ участвуетъ (въ числѣ, вѣроятно, другихъ Поляковъ, бывшихъ на службѣ у Володаря) въ походахъ галицкаго князя на Польшу. Во время одного изъ походовъ у него заводятся сношенія съ его соотечественниками и ему удается во время мирныхъ переговоровъ Володаря съ Поляками (въ предѣлахъ Польши) устроить засаду и взять въ плѣнъ Володаря. Плѣнъ Володаря дѣлаетъ имя Петра извѣстнымъ, и съ этого времени и начинается его возвышеніе при польскомъ дворѣ.

Не даромъ поэтому обвиняетъ его Ортлибъ въ грѣхѣ perfidiae maximae ¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько выше мы указывали на то, что мѣсто лѣтописи о бѣгствѣ Петра въ Русь кажется намъ позднѣйшей вставкой какого-то читателя. Поэтому-то и подробность объ ослѣпленіи Власта мы считаемъ легендой. У Годислава искалѣченный Петръ чудеснымъ образомъ получаетъ исцѣленіе. Но Кадлубекъ ничего не знаетъ объ этомъ фактѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 5, прим. 7. Филологи, которыхъ мнѣнія мы спрашивали, впрочемъ, не находятъ въ подчеркнутыхъ нами оборотахъ ничего спеціально польскаго, а признають ихъ за общеславянскія способы реченія.

О словѣ *дна* М. А. Максимовичъ (Соч. III, 224) гов.: „я пояснилъ бы это изъ малоросс. нарѣчія *тѣмъ*, что *днами* называется внутренняя середка живота, и что подступила *дна* значитъ уже смертельную болѣзнь, схватившую князя ¹⁾, отъ которой былъ онъ посаженъ въ укропъ. Украинскія женки очень примѣчаютъ, пока у нихъ еще „*дна* бьютъ, якъ курчата клюють“.

Къ стр. 20. Выводы М. St. Warmski, (*Die Grosspolnische chronik*, Кракау, 1879) относительно хроники т. наз. Богухвала или Годислава Пашка состоятъ въ слѣд.: авторъ этой хроники не Богухваль, и не Годиславъ, а она представляетъ собою позднѣйшую компиляцію и при томъ весьма не высокаго качества. Главные ея источники—1) извлеченіе изъ хроники Кадлубка съ ея анналистическимъ продолженіемъ до 1268 г. 2) *Annales Majoris Poloniae*, съ 1217 почти всецѣло перешедшія въ эту компиляцію. По мнѣнію W. хроника эта первоначально оканчивалась на 1273 г. О достовѣрности ея, думаетъ W., не можетъ быть и рѣчи; тамъ гдѣ сохранились источники этой хро-

¹⁾ Въ лѣтописи „*дна*“ упоминается при описаніи смерти Владимірка Галицкаго.

ники, послѣдніе имѣютъ безусловное преимущество передъ этой компиляціей. Только тѣ ея извѣстія, которыхъ не достаетъ въ Ann. Maj. Pol., и имѣютъ цѣну, но и къ нимъ нужно относиться съ большой осторожностью. Временемъ составленія компиляціи W. считаетъ 2-ю половину XIV в. W. предлагаетъ называть эту хронику просто великопольской.

Къ стр. 34, пр. 1. Желанію (не только нашему) относительно переизданія сочиненій В. Н. Татищева, кажется, суждено сбыться. Академія Наукъ обѣщаетъ къ юбилею Татищева (1886 г.—200 лѣтъ со дня его рожденія) переиздать всѣ его труды. Желательно было бы также объявленіе премій за разборъ извѣстій Тат. свода, ихъ классификацію и критику.

Къ стр. 38. 1187 г. Рюрикъ Ростиславичъ даетъ снохѣ своей Верхуславѣ (дочери Всеволода Юрьевича) городъ Брягинь (нын. мѣст. Брагинь, Рѣчицк. у Минск. губ, см. Барсовъ, Мат. 15); но это просто свадебный подарокъ; городъ Брягинь могъ быть или личной собственностью Рюрика (какъ Владимиръ Васильковичъ имѣлъ „городъ свой Кобринь“ завѣщанный имъ женѣ (Ип. 595), или Рюрикъ далъ его снохѣ на прокормленіе.

Къ стр. 43. Въ XIII в. перекрещиваніе иностранокъ, выходившихъ за Русскихъ, стало дѣломъ обычнымъ и необходимымъ. У Тат. подъ 1217 г. (т. III, 403) находимъ извѣстіе о Святохнѣ, дочери Казимира, князя поморянскаго, второй женѣ Бориса Давыдовича полоцкаго. Она была „вѣры папежской, и хотя тоя явно отрелася, но тайно твердо оную держала и попа латинскаго“. Она родила сына, котораго отецъ назвалъ Владимиромъ, а она Войцѣхомъ. (Замѣтимъ, что весьма интересный рассказъ о событіяхъ временъ Святохны г. Лыжинъ, Изв. Ак. Н. т. VII, в. I, хотѣлъ считать памфлетомъ на дворъ Анны Иоановны).

При переходѣ изъ латинства въ православіе крещеніе собственно не повторялось, а совершалось только муропомазаніе. (Филаретъ, Богослуженіе русской церкви въ до Монг. періодѣ.) О чинѣ присоединенія см. у Нифонта въ его отвѣтахъ на вопрошенія Кирика (Пам. XII в. изд. Калайдовича, р. 175). При этомъ перемѣнялось и имя.

Къ стр. 49. Преосв. Филаретъ (Богослуженіе русск. церкви въ до Монг. пер.) гов.: „подобное было и въ первыя времена христіанства на Востокѣ; крещенные удерживали, кромѣ христіанскаго, и язы-

ческое имя, но съ 4 в. отцы стали запрещать послѣднее и преимущественно потому, что въ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ именахъ заключались мысли о языческихъ божествахъ. Въ Россіи къ концу перваго періода встрѣчаемъ уже одни христіанскія имена“. Послѣдняя мысль пр. Филарета невѣрна, ибо въ концѣ XIII в. находимъ Владимира—Іоанна, Мстислава и пр.

Къ стр. 59. Верхуслава, дочь Всеволода Мстиславича.

Къ стр. 62. По мнѣнію г. Войцѣховскаго (см. Scharaniewicz, Trzy opisy staroks. grodu Halicza, p. 138) Ярославъ Осмомыслъ имѣлъ 2 дочерей, изъ которыхъ одну выдалъ за Одонича, другую за Болеслава Высокаго. Но послѣднее невѣрно, ибо за Болеславомъ Высокимъ была дочь Всеволода Ольговича.

Къ стр. 63. Въ Нур. Chr. 36, Шар. гов. что дочь Болеслава: „durfte eher eine Grassmutter Romans gewesen sein“. Но въ Trzy Opisy, p. 153 Шараневичъ называетъ мать Романа Мстиславича Святохною, дочерью Болеслава Кривоустаго.

Къ стр. 73. А. И. Д. (Ж. М. Н. П. 1880, III) помѣщаетъ бѣлыхъ или русскихъ Хорватовъ на срединѣ Карпатъ или Бескидовъ, т. е. они занимали „отъ линіи (?) какъ сѣверные, такъ и южные склоны этихъ горъ, между Краковомъ, Острогомъ, на сѣв. зап. до Тиссы и Сама (Samosius, Samosch) въ Угорщинѣ и Седмиградьѣ и старой границы между Молдавіей и Валахіей на юго-востокѣ“.

Н. П. Барсовъ (Оч. русск. ист. геогр. р. 86) замѣчаетъ, что до XVI в. въ лѣтописяхъ нѣтъ названія Червоная Русь, но названіе червенской земли появляется очень рано.

Въ XIV в. галицко-волинской области усвоется названіе Малоросіи (Russia Minor) ¹⁾. Впервые это названіе находимъ въ грамотѣ

¹⁾ Въ рѣчи галицкаго представителя на юбилей Миклошича мы встрѣтили странное объясненіе происхожденія названія Малой Руси: г. Дудыкевичъ говоритъ, что „русскій народъ сдѣлался малымъ русскимъ народомъ со временъ покоренія Казимиромъ Великимъ, и въ самомъ дѣлѣ называетъ его тотъ великій король Польши малымъ русскимъ народомъ первый разъ въ письмѣ своемъ къ патріарху цареградскому, т. е. онъ сталъ въ глазахъ ему *малымъ потому, что покорился*“. Объясненіе это крайне наивно. Южная Русь стала называться

1335 г. Юрія II, галицко-волинскаго князя (это одно и то же лице съ Болеславомъ Тройденовичемъ, который, вступивъ на галицко-волинскій княжескій столъ, принялъ православіе и перемѣнилъ имя Болеслава на Юрія; см. дѣльную статью J. Režabek, Jiří II, poslední kníže veškeré Malé Rusi, Casopis Musea Kralovství českého 1883, I). Въ XIV же столѣтіи встрѣчаемъ уже названіе Бѣлой Руси (въ хроникѣ Яна Чарнковскаго, М. Р. II, р. 719).

Еще въ срединѣ XII вѣка галицкая земля не называла себя Русью, такъ называлась преимущественно земля кіевская. Названіе Руси перешло въ галицкую землю, какъ кажется, лишь въ концѣ XII в., ибо Романа Мстиславича галицко-волинская лѣтопись называетъ самодержцемъ всея Руси. Даниилъ Романовичъ именуется себя королемъ русскимъ. Названіе это перешло къ галицкимъ князьямъ путемъ объединенія Кіева съ Галичемъ (впервые при Романѣ).

Что касается учредительной грамоты пражскаго епископства, то въ послѣднее время появилось специальное изслѣдованіе г. Регеля, снова принимающее ея подлинность (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В. И. Ламанскаго, статья В. Регеля: Учредительная грамота прожской епархіи). Грамоту эту г. Регель считаетъ не учредительной, а позднѣйшей грамотой св. Войтѣха, появленіе ея авторъ относитъ къ 982—3 г. Въ этой послѣдней же г. Регель видитъ возобновленную грамоту моравскаго архіепископства, учрежденнаго св. Меодіемъ. Грамотой 982—3 г. возобновлялась великоморавская епархія въ прежнемъ ея видѣ (см. р. 317).

Къ стр. 74. Malecki (Kosc. Stos. w pierw. Polsce, Przew. Nauk. 1875, 5, р. 395) полагаетъ, что во время существованія великоморавской державы южная часть Польши состояла подъ ея властью, т. е. краковская земля по за Вислицу, Сандомиръ и горная Силезія.

Къ стр. 79, пр. Тат. подъ 992 г. говоритъ, что „Владимиръ ходилъ къ *Днѣстру* съ двумя епископы, много людей научая, крести и построилъ въ землѣ червенской градъ въ свое имя Владимиръ и

малой не со временъ Казимира, а еще со временъ Юрія II Тройденовича, который въ актахъ именуется себя *dux totius Russiae Minoris*. (Вѣроятно, названіе это вошло въ употребленіе первоначально въ сношеніяхъ иноземныхъ для отличія Руси южной отъ сѣверо-восточной).

церковь пресв. Богородицы: остави ту епископа Стефана и возвратися съ радостью“.

Относительно земли волынской замѣтимъ, что она имѣла весьма славное и бурное прошлое. Какъ ни скудны данныя о ея судьбѣ до конца X в., но и изъ нѣкоторыхъ намековъ и отрывочныхъ фактовъ разныхъ источниковъ можно судить, что едвали гдѣ на Руси бывала такая частая смѣна политическихъ центровъ, какъ въ землѣ волынской.

Лѣтописецъ указываетъ, что населеніе ея какъ бы нѣсколько разъ мѣняло названія: сначала Дулѣбы, потомъ Бужане, наконецъ Воляныяне. Намъ кажется, что это свидѣтельствуетъ о раздѣленіи з. волынской на нѣсколько отдѣльныхъ центровъ, б. м. мелкихъ племенныхъ или родовыхъ группъ, которыя по очереди приобрѣтали гегемонію. Гегемонія эта состояла въ преобладаніи центрального города одной изъ группъ населенія земли волынской надъ прочими. О городѣ Дулѣбовѣ ничего не знаемъ, но Волянь и Бужскъ несомнѣнно существовали. Въ X в., повидимому, гегемонія перешла къ Червену (или Червенску), но конецъ X в. представляетъ уже упадокъ з. волынской. Между гегемоніей Червена и гегемоніей Воляни или Бужска нужно еще поставить гегемонію Луцка.

Такъ Масуди, писавшій въ 1-й 1/2 X в., говоритъ, что изъ славянскихъ племенъ „одно имѣло прежде въ древности власть (надъ другими), его царя звали Маджакъ, а само племя называлось Валинана. Этому племени въ древности подчинялись все прочія славянскія племена, ибо (верховная) власть была у него, и прочіе цари ему повиновались“ (Гаркави, 135). „Впослѣдствіе же пошли раздоры между ихъ (славянъ) племенами, порядокъ ихъ былъ нарушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя избрало себѣ царя (ib. 137).

У географа баварскаго (9 в.) упоминаются Busani—habent civitates CCXXXI. Б. м. это наши Бужане. У Константина Багрянороднаго (X в.) упоминаются: Λευζαγγυσι—б. м. наши Лучане. Луцкъ былъ несомнѣнно старый земскій городъ з. волынской.

Къ стр. 80. Еще раньше Лелевеля называетъ великимъ Болеслава наша лѣтопись (подъ 1030 г.) „умершую Болеславу великому в Ляхѣхъ (Ип. 105).

Къ стр. 86, пр. 1. Еще Длугошъ гов. о Болеславѣ: *hujus ore et opera Poloni ex agresti feraque vita in urbanum mitemque cultum deducti.*

Къ стр. 90. Dapoz Лелевель (P. W. Sr. II, 433) считалъ за Грековъ (Данайцевъ).

Къ стр. 92. Что пѣсни на Руси слагались часто тотчасъ послѣ громкихъ военныхъ походовъ, на это имѣемъ лѣтописныя доказательства. Такъ Даниилу и Васильку поютъ пѣсни во время возвратнаго пути съ похода на Ятвяговъ (Ип. 540). Длугошъ сообщаетъ о пѣсни въ честь Мстислава Пересопницкаго, побѣдившаго Угровъ (ad. a. 1209—*fortis accipiter* б. м. ясный соколъ).

Къ стр. 120. Нѣкоторые принимаютъ здѣсь Волинь за городъ, мы же полагаемъ, что здѣсь это уже терминъ для обозначенія цѣлой области. Что городъ Волинь однако существовалъ, доказываетъ упоминаніе о немъ въ спискѣ городовъ волынскихъ въ Воскр. лѣт.

Къ стр. 121. Шараневичъ (Die Nур. Chr. 25) думаетъ, что не столько плѣнъ Володаря, сколько союзъ Болеслава III съ Генрихомъ V былъ сильнымъ противовѣсомъ планамъ Ростиславичей относительно Польши.

Къ стр. 126. Въ борьбѣ съ Императоромъ Болеславъ III посылаетъ за помощью въ Русь (Chr. Galli, I. III, с. 4: *camegarios pro suis et pro Ruthenis et Pannonicis delegabat*)

Къ стр. 131. Барсовъ (Оч. 92) полагаетъ, что возвращеніе въ Русь Ярополкъ долженъ былъ купить уступкою Ростиславичамъ зап. части Владимирскихъ владѣній, составившихъ Теробовльскій удѣлъ Ростиславичей.

О дѣлѣ Ярополка есть статейка свящ. А. Хойнацкаго, (Жизнь и дѣят. св. благов. Ярополка, князя Влад. Вол. Вол. Еп. Вѣд. 1871, № 1—2) представляющая впрочемъ лишь переложеніе лѣтописи на современный русскій языкъ.

Къ стр. 143, пр. 1. Тоже гов. Ник. л. (П. С. Л. IX, 150) и Воскр. (VII, 24).

Къ стр. 144. Ярославъ Святополковичъ былъ женатъ на дочери Владислава венгерскаго, чѣмъ и объясняются его близкія отношенія къ Венгріи. Объ этомъ находимъ указаніе въ одной изъ венг. грамотъ (см. Fejer, Codex. dipl. Hung. I, 459—70: *Dator istius precepti rex Ladislaus, Testes qui cum eo fuerunt: dux Lambertus, frater ejus, Dux David, consobrinus, Gerazclaus filius regis Ruthenorum, gener ipsius*).

Къ стр. 151. Подъ 1137 г. у Длугоша (L. IV, р. 443—447) длинный рассказъ о походѣ Болеслава III на Галичь. Содержаніе его

слѣд.: Желая отомстить за разореніе русскихъ областей Болеславомъ (въ его отвѣтномъ походѣ на Русь по захватѣ Владимиркомъ Вислицы, русскіе князья собираются на совѣтъ во Владимирѣ. Ярополкъ Владимировичъ кievскій заявляетъ на совѣтѣ, что Болеслава можно побѣдить только хитростью, а не силой оружія. Всѣ съ нимъ соглашаются. Придумываютъ планъ хитростью завлечь Болеслава въ Русь и тутъ его разгромить. Но т. к. князь галицкій не былъ съ ними за одно, а переносилъ всѣ намѣренія Русскихъ Болеславу, то его изгоняютъ изъ Галича, и онъ убѣгаетъ въ Польшу. Галичане первые начинаютъ приводить въ исполненіе злой умыселъ противъ Болеслава. Они отправляютъ къ нему посольство съ просьбою о возвращеніи Ярослава и предлагаютъ Болеславу привести самому Ярослава. Являются къ Болеславу и послы отъ Венгровъ, бывшихъ за одно съ Галичанами и убѣждаютъ его ити въ Галичь, обѣщая свою помощь. Не подозрѣвая злаго умысла, Болеславъ идетъ въ Галичь вмѣстѣ съ Ярославомъ; но когда онъ пришелъ туда, ему на вѣтрѣчу вышли сначала венгерскіе полки, ставшіе позади его войска; затѣмъ пришли Галичане и присоединились къ Венграмъ. Тогда Болеславъ сталъ подозрѣвать, что попалъ въ засаду и передаетъ свои подозрѣнія Всебору (Wszeborio), краковскому палатину. Являются внезапно и русскія войска подъ предводительствомъ Ярополка; начинается страшный бой; побѣду Русскихъ рѣшаетъ бѣгство одного изъ вельможъ польскихъ, увлекшаго за собою остальное войско; самъ Болеславъ спасся лишь благодаря преданности нѣкоего простаго воина Григорія, уступившаго ему своего свѣжаго коня. Затѣмъ Дл. рассказываетъ о позорныхъ подаркахъ, посланныхъ Болеславомъ трусливому вельможѣ, который отъ стыда повѣсился, и о награжденіи преданнаго воина.

Генезисъ этого разсказа Длугоша весьма легко раскрывается при сравненіи его съ двумя разсказами Кадлубка и Годислава. Первый разсказываетъ, что Болеславъ принялъ нѣкоего венгерца, изгнаннаго королемъ венгерскимъ (*quendam strpis regiae a rege Rannoniogum adactum exsilio*—это знаменитый венгерскій авантюристъ Борисъ Коломановичъ) и вознамѣрился возстановить его права въ Венгріи. Являются къ Болеславу послы отъ венгерскихъ вельможъ, убѣждающіе его избавить ихъ отъ гнета венгерскаго короля и помочь изгнанному принцу сѣсть на венгерскомъ престолѣ. Болеславъ идетъ въ Венгрію и попадаетъ въ засаду; обстоятельства его пораженія у Кадлубка буквально сходны съ описаніемъ побѣды Русскихъ надъ Болеславомъ у Длугоша; у

перваго точно также являются венгерскія будто бы вспомогательныя войска, зашедшія въ тылъ Болеславу, передается разговоръ Болеслава съ Всеборомъ, бѣгство вельможи, которому Болеславъ потомъ посылаетъ позорныя подарки, преданность воина, уступившаго Болеславу своего коня и пр. (Л. III, с. 26). Что рассказъ Кадлубка дѣйствительно относится къ венгерскому походу Болеслава въ пользу Бориса, подтверждается извѣстіями многихъ анналовъ о пораженіи Болеслава въ Венгрии всл. обмана Венгровъ. (1134 *Bela caecus rex Ungarorum triumphat de Polonis, sed dolo.* M. G. SS. IX.).

Годиславъ переписалъ весь рассказъ Кадлубка съ сохраненіемъ даже приводимыхъ первымъ цитатъ изъ латинскихъ поэтовъ, но вмѣсто *Pannonii* Кадлубка подставилъ *Halicienses*; въ началѣ онъ притомъ рассказываетъ, что русскіе князья (послѣ похода Болеслава въ Русь для отмщенія Вислицкаго пораженія) изгнали галицкаго князя, зятя Болеслава (во всѣхъ рукописяхъ Годислава стоятъ только одна начальная буква имени изгнаннаго князя—С, что Белевскій (М. Р. II, 516) дополняетъ *Solomannidem*—Борисъ Коломановичъ дѣйствительно былъ зятемъ Болеслава). Затѣмъ весь рассказъ дословно сходенъ съ рассказомъ Кадлубка (за исключеніемъ того, что у Годислава Галичанамъ, которые у него поставлены на мѣсто Венгровъ Кадлубка, помогаютъ Венгры. *Chr. God.* с. 30).

Теперь ясно, что Длугошъ соединилъ оба рассказа, и Кадлубка и Годислава, и прибавилъ отъ себя имя Ярослава, смѣшавъ его съ Ярославомъ Святополковичемъ, которому дѣйствительно помогъ Болеславъ.

Замѣтимъ еще, что обстоятельства пораженія Болеслава, записанныя у польскихъ писателей, представляютъ сходство съ подробностями побѣды Ярополка надъ Болеславомъ, описанной у Татищева (см. у насъ выше, р. 151, пр. 3). Поэтому мы думаемъ, что участіе Ярополка не придумано Длугошемъ, а взято имъ изъ русской лѣтописи, сходной съ тою, которой пользовался Тат. Весьма возможно, что рассказъ Тат. относится къ тому же событію, что и рассказъ Кадлубка, т. е. въ знаменитой битвѣ, въ которой Болеславъ потерпѣлъ такое пораженіе, участвовали Русскіе въ союзѣ съ Венграми.

Шараневичъ (*Die Nур. Chr.* 35) полагаетъ, что подробность Годислава о Борисѣ, изгнанномъ изъ своего удѣла русскими князьями, не выдуманна имъ; онъ думаетъ, что Болеславъ III могъ дать Борису, женатому на его дочери, удѣлъ на границахъ Польши, Руси и Вен-

грии—это, по его мнѣнію, была Спишская область. Что Борись могъ одно время сидѣть въ этой спорной между Польшей и Венгріей области, доказываются легендами, сохранившимися еще и теперь въ Спишѣ (Zips) о Borsu или Borus'ѣ (см. S. Weber, Zipser Geschichts und Zeitbilder. Leutschau, 1880, p. 228).

Къ исторіи Бориса ¹⁾ прибавимъ слѣд. Бѣла, еще ребенкомъ, былъ вмѣстѣ съ отцемъ, Альмушомъ, ослѣпленъ по приказанію дяди Коломана. Когда, по смерти Стефана, онъ сталъ венгерскимъ королемъ, то принялся тотчасъ же мстить венгерскимъ вельможамъ, считая ихъ соучастниками Коломана въ его искалѣченіи. Многихъ онъ перебилъ, но часть бѣжала въ Польшу и выдвинула находившагося тамъ Бориса (сына Коломана), какъ претендента на венгерскій престоль. Въ текстѣ мы предположили, что русскій князь, помогавшій Борису, могъ быть Владимирко. Но, кажется, вѣроятнѣе, что это былъ одинъ изъ Мономаховичей, родственниковъ Борису, ибо изъ словъ Владимирка, что онъ бился съ Ляхами за обиду (т. е. за ослѣпленіе) Бѣлы, видно, что онъ былъ въ тѣсномъ союзѣ съ слѣплымъ королемъ. По всей вѣроятности, Бѣлѣ удалось отвлечь на свою сторону Мономаховичей, помогавшихъ Борису въ его первомъ походѣ, и въ союзѣ съ ними (ср. рассказъ Тат.) и съ Владимиркомъ онъ и нанесъ Болеславу жестокое пораженіе. Послѣ этого то Болеславъ и старался вступить въ дружественныя отношенія съ Мономаховичами. Къ хронологіи этихъ событій замѣтимъ, что попытки Бориса съ помощью Болеслава овладѣть венгерскимъ престоломъ относятся къ періоду 1132—1134. Къ 1134 г. относится тяжелое пораженіе, испытанное Болеславомъ въ Венгріи, а въ 1135, какъ мы видѣли выше (р. 159, пр.) Болеславъ уже вступаетъ въ дружественныя отношенія къ Мономаховичамъ.

¹⁾ Странно, что Шараневичъ не замѣтилъ у Туроца извѣстія (с. 61), что Коломанъ 1112 г. женился на Русской, которую вскорѣ прогналъ, обвиняя ее въ невѣрности. Она вернулась домой и ex adulterio peperit filium nomine *Borich*. Извѣстіе это, при сопоставленіи его съ извѣстіемъ лѣтописи (Ип. 197) подъ 1112 г. „ведоша Володимерну Офимью въ Угры за короля“, совершенно точно указываетъ, что матерью Бориса была дочь Мономаха.

Стр. 116. стр. 7 съверху: описка—Изяславъ Метиславичъ вмѣсто Метиславъ Изяславичъ.

Къ стр. 184 Лелевель (Numismatique du Moyen âge; не имѣя подъ руками этой книги, дѣлаю цитату по Савельеву, Мухаммед. Нумизм. СХСП), неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, указываетъ слѣд. пути изъ Польши въ Русь: 1) Черезъ Ольмуцъ, Краковъ, Вислицу, Сандомиръ, Владимиръ, Луцкъ, Дорогобужъ въ Кіевъ; 2) Краковъ, Перемышль, Галичъ (отсюда въ Берладъ и Византию). Въ Polska W. Sr. II, 436 онъ (точно также безъ подкрѣпленія цитатами) говоритъ о слѣд. путяхъ изъ Польши въ Русь: изъ Гнѣзна черезъ Сандомиръ въ Перемышль, Самборъ, Галичъ, отсюда къ устью Днѣпра. 2) Изъ Кракова черезъ Сандомиръ въ Кіевъ (на Луцкъ и Пересопницу)—это и былъ главный торговый путь съ запада въ Кіевъ.

Къ стр. 190. Положеніе г. Волошинскаго невѣрно; русскія монеты удѣльнаго періода были находимы и за предѣлами Кіева. Такъ одна монета Владимира была найдена въ Мекленбургѣ (см. Der Silberfund in Schwann, 1861).

О Куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ Польшѣ и о вывозѣ восточныхъ произведеній на западъ см. Савельевъ, Мухам. Нумизм.

Къ стр. 192. Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтимъ, что въ вопросѣ о вліяніи Польши на Русь мы разумѣемъ лишь Южную Русь, гдѣ только и могло бы проявиться это вліяніе. Одинъ изъ наиболее безпристрастныхъ польскихъ историковъ (Bobrzyński, Dzieje Polski, 104) говоритъ согласно съ нами о культурномъ вліяніи Руси на древнюю Польшу: „Stosunki z Rusią musiały oddziaływać cywilizacyjnie na Polskę, a to tem więcej, że w niej obok łacynskiego i wschodni (w Chrobacyi) spotykały obrządek. Za pośrednictwem Rusi przedzierały się do Polski bizantynskie wpływy.....

Но вообще мысль о вліяніи Польши на южную Русь (особенно въ XIII и XIV ст.) стала общимъ мѣстомъ у польскихъ писателей. Извѣстный историкъ (недавно почившій) Іосифъ Шуйскій гов. слѣдующее (Die Polen und Ruthenen in Galizien, 1882 p. 81): Was auch der neuruthenische Chauvinismus über den einstigen Glanz Rothruslands unter Danilo und Lew schwärmen mag: Thatsache bleibt es jedenfalls, dass die Segnungen der Civilisation dem unter tatarischer Botmässigkeit siechenden Lande von Polen aus gebracht wurden, dass von einer Bedrückung ruthenischen Wesens und ruthenischer Sprache

Niemand in einer Zeit gedacht, ¹⁾ wo das fruchtbare und doch grösstenteils brachliegende Land auf einer Kulturstufe sich befand, die jede Nationalität und jedes Sprachidiom dem Bedürfniss ackerbauender Hände gegenüber, willkommen machte.

Къ отдѣлу о религіозныхъ отношеніяхъ Руси и Польши.

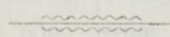
Католическіе писатели усиленно стараются доказать, что Русь первоначально приняла христіанство по западному обряду, и даже ведутъ счетъ русскимъ католическимъ епископамъ, начиная отъ Либуціи (см. напр. посмертный трудъ кс. Добшевича, *O pierwszem biskupstwie kijowskiem rzymsko katol.* 1883.) Изъ этого списка латинскихъ епископовъ для насъ интересенъ Рейпбернъ, епископъ колобережскій, (см. выше р. 45.) сопровождавшій въ Русь дочь Болеслава, вышедшую за Святополка I замужъ. Католическіе писатели, основываясь на словахъ Титмара, говорятъ о большомъ успѣхѣ его пропаганды на Руси. Рейпбернъ будто бы, при покровительствѣ Святополка, обратилъ въ католичество всю Туровскую область. (Dobsz. 105). Все это основано на невѣрномъ переводѣ словъ Титмара. Слова послѣдняго что Рейпбернъ: *fana idolorum destruens incendit et mare daemonibus cultum, immisis quatuor lapidibus, sacro crismate perunctis, et aqua purgans benedicta, novam Domino omnipotenti propaginem in infructuosa arbore, id est in populo nimis insulso Sanctae praedicationis plantationem eduxit*, несомнѣнно относятся къ дѣятельности Рейпберга въ Колобрегѣ, на что ясно указываетъ въ этомъ текстѣ *mare*, ибо о какомъ же морѣ можетъ быть рѣчь въ Туровской области! Слова Титмара, что *urbs Kitava Bolizlaum et quem diu amiserat Zentepulcum seniore suum, cujus gratia et nostrorum timore omnis haec regio conversa est, suscepit*, опять неправильно переводятся: *conversa est* значить здѣсь покорена, а вовсе не обращена въ католичество (притомъ эти слова Титмара относятся не къ Туровской области, а ко всей русской землѣ). Главная цѣль пребыванія Рейпберна на Руси состояла не столько въ пропагандѣ католичества, сколько въ едва ли похвальной миссіи устройства политическаго заговора Святополка противъ отца.

Что касается отношеній Изяслава Ярославича къ католицизму,

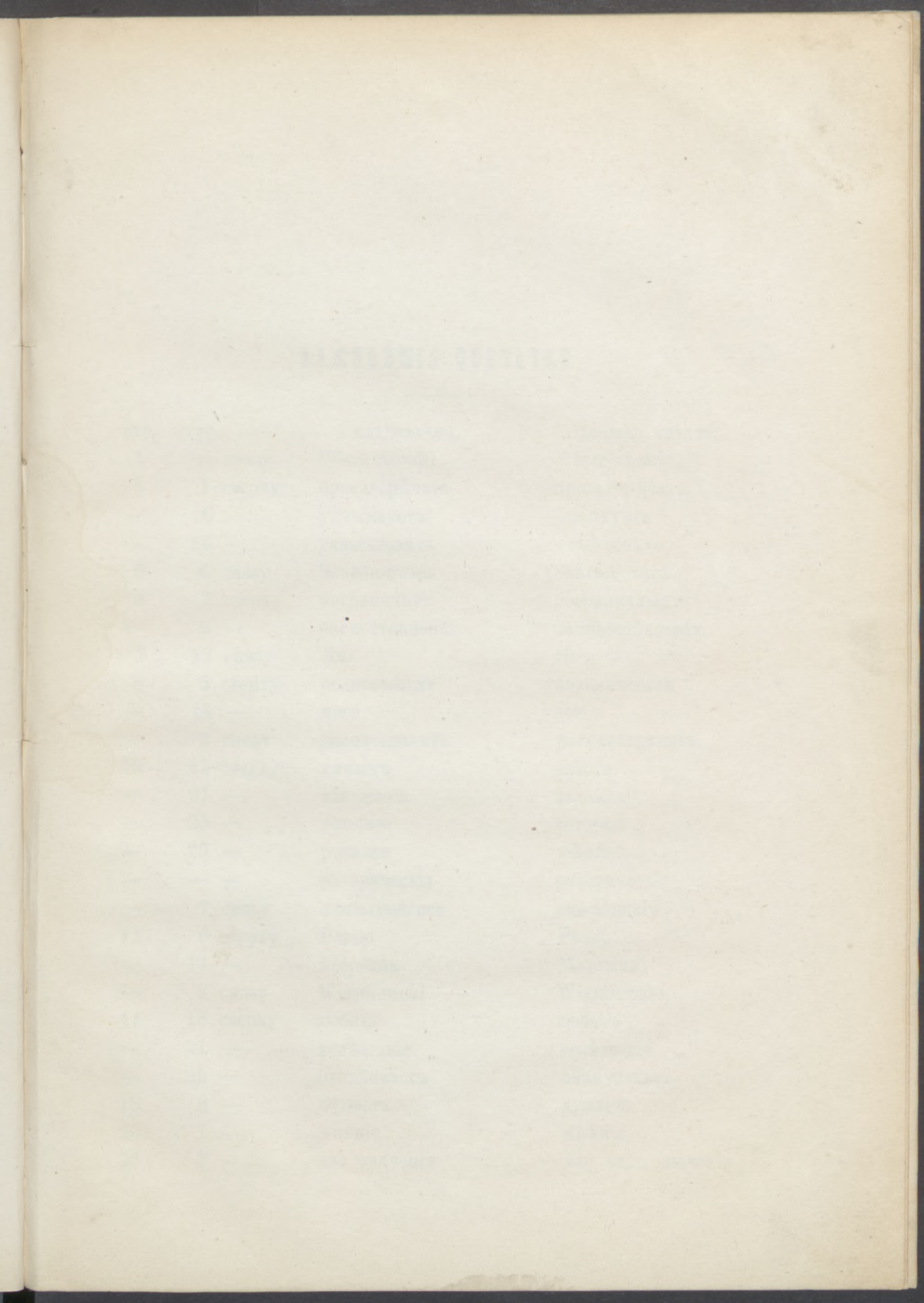
¹⁾ Страннымъ является такое утверждение въ устахъ ученаго писателя, знакомаго съ источниками.

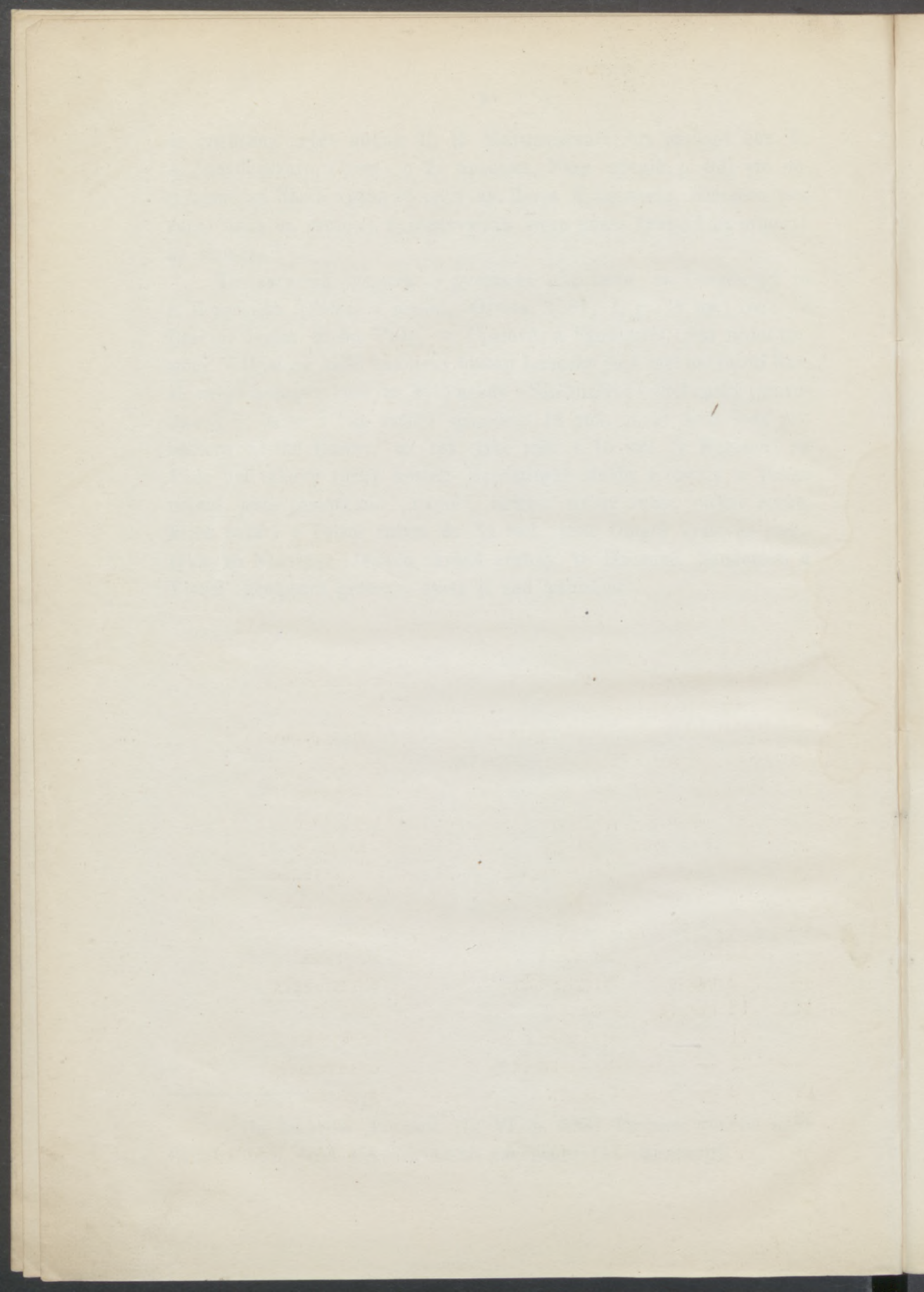
то отмѣтимъ здѣсь мнѣніе И. И. Малышевскаго (въ разборѣ соч. Е. А. Голубинскаго, Отчетъ о 24 присуд. Увар. премій, р. 93) что построение въ Кіевѣ храма въ честь ап. Петра Ярополкомъ Изяславичемъ могло быть въ связи съ путешествіемъ этого князя (вмѣстѣ съ отцемъ) на западъ.

Что касается вопроса о русскомъ населеніи въ Сандомирѣ то г. Первольфъ (Poláci a Rusini, Osvěta, 1881, I, p. 31 пр.) гов.: „o Rusi na levém břehu Visly, v. Opatově a Sandoměři, jest nedorozumění; V Opatově sídlil katolický biskup Lubusky jenž mel navraceti Rus, ale nebyl biskupem ruským; bylí nekdy v Sandoměři i kostel ruský (pravoslavný ¹⁾), jakoz o tom svědčí spisavatel 18 stol, mohl býti leda pro někteře blizké Rusiny, as tak, jako ještě v 15 stol. v Kaziměři na Visle byl takový ruský kostel; Byzantinske stavby i obrazy w Polště nejsou ještě pamatkami „ruské“ cirkve, nýbrž vubec cirkve řecke, která byla i v Polště známa do XI stol, jeste Dlugoš výslovne podotýká, ze Vladislav Jagailo okrášil kostely ve Hnězdně, Sandoměři a Vislici „sculptura graeca“, stavě ji nad latinskou“.

¹⁾ По извѣстію Длугоша (L. VI. p. 598) Романъ, убитый подъ Завихостомъ, былъ первоначально похороненъ въ Сандомирѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	стр.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
1	4 снизу	Wischniewshi	Wiszniewski
3	1 сверху	противорѣчатъ	противорѣчать
—	6 —	участвуетъ	участвуеть
—	10 —	участвоваль	участвовалъ
4	6 снизу	Szazaniewiez	Szaraniewicz
5	7 сверху	пограничную	пограничныя
—	9 —	распространенія	распространенія
7	12 снизу	Яль	Янь
8	5 сверху	полетическая	полемическая
—	14 —	него	нею
—	2 снизу	распространить	распространить
12	13 сверху	иннымъ	инымъ
—	21 —	изложенія	изложеніе
—	23 —	которые	которыя
—	25 —	pokazae	pokazać
—	— —	риторическія	риторическіе
—	7 снизу	лишающагося	лишающаго
13	6 сверху	Possio	Passio
—	14 —	Мортина	Мартина
—	2 снизу	Wiszniewski	Wiszniewski
14	18 сверху	любить	любить
—	21 —	вслѣдствіи	вслѣдствіе
—	22 —	окончиваетъ	оканчиваетъ
18	8 —	бумаеть	думаетъ
20	1 —	мнѣніе	мнѣнія
23	7 —	для значенія	для насъ значеніе

II

23	11	сверху	для Руси	для исторіи Руси
27	1	снизу	Ка	Къ
—	—	—	доходятъ	доходить
31	2	сверху	уже	же
—	7	снизу	заботяся	заботятся
32	17	сверху	наерканіямъ	нареканіямъ
40	17	—	украины	украиной
42	6	снизу	свидѣтельсвъ	свидѣтельствъ
43	4	сверху	указоненіямъ	узаконеніямъ
—	3	снизу	основананъ	основанъ
46	7	сверху	указываатъ	указываетъ
53	16	—	Ярославичевъ	Ярославичей
58	1	снизу	Orbliebi	Ortliebi
60	4	—	однѣ	одинъ
64	17	сверху	Святотославъ	Святославъ
66	4	снизу	Бѣроятнѣ	Вѣроятно
67	7	сверху	близкагъ	близкаго
67	17 и 15	сн.	Мартынъ звиф.	Ортлибъ звиф.
—	18	—	весьможи	вельможи
68	2	сверху	Grassogun	Graesogun
—	3	—	богатѣйшагъ	богатѣйшаго
—	12	—	кнѣзя	кнѣзя
—	15	снизу	Мартынъ звиф.	Ортлибъ звиф.
—	18	сверху	богоугодныхъ	богоугодныя
—	19	—	Стефана	Стефана
—	11	снизу	женою	жену
—	—	—	Петру	Петра
—	1	—	Gecsh.	Gesch.
69	12	сверху	во	но
—	5 и 10	—	Мартынъ Звиф.	Ортлибъ Звиф.
82	3	—	стремились	стремилась
90	8	—	Ннормановъ	Нормановъ
108	8	—	вмѣшателься	вмѣшаться
121	21	—	борбѣ	борьбѣ
122	11	—	обѣды	обиды
128	13	—	жс	же
129	7	—	Владимира	Владимиръ

III

131	8	снизу	подъ	надъ
136	17	сверху	удовлетворенія	удовлетвореніе
140	6	—	междоусобіяхъ	междоусобіяхъ
146	3	—	сбытіи	событіи
160	4	снизу	Влодимирѣ	Владимирѣ
162	16	сверху	только	только
166	7	—	Изяславъ Мстиславичъ	Мстиславъ Изяславичъ
168	2	сверху	чувствовала себѣ	чувствовала себя
—	13	—	Обстоятельство	Обстоятельства
170	16	снизу	владѣніямъ	владѣніямъ
—	17	сверху	слабая	слабая
—	9	снизу	кіевскія	кіевскіе
—	5	—	соперницей	соперницей
176	11	снизу	участвовала	участвовала
178	6	—	А. Шараневича	Ис. Шараневича.
179	11	сверху	Извѣстіе нашей лѣт.	2) Извѣстія нашей лѣт.
185	12	снизу	Здѣсь въ извѣстіи	Въ этомъ извѣстіи
—	7	—	Патерики	Патерика
186	15	сверху	главнымъ товаромъ	главными товарами
187	5	—	о живитсья	оживитсья
—	8	снизу	Гербортъ	Гербордъ
188	9	—	annis	annis
189	8	сверху	Галииной	Галицкой
—	1	—	soll	Soll
—	15	—	o źródłach służących	o źródłach służących
—	17	—	Warsawa	Warszawa
193	6	снизу	съ матеріальной сто- роной	съ матеріальной стороной культуры народовъ болѣе развитыхъ.
194	5	сверху	Если результатомъ	Но если результатомъ
196	15	—	поляковъ	Поляковъ
197	5	снизу	изъ польскимъ	изъ польскихъ
198	5	сверху	чиновниковъ	чиновниковъ
199	2	—	галицкаю	галицкую
—	8	—	претендентовъ	претендентовъ
209	4	—	Къ сожаленію	Къ сожалѣнію
210	3	снизу	льтьская	лядская

210	2 снизу	Матвея	Матвѣя
212	13 —	Но отъ этого част- наго знакомства съ языкомъ польскимъ	Но отъ этого практическаго знанія польскаго языка
—	7 —	А. Перушевича	А. Петрушевича
213	18 —	жительство	жительство
—	— —	на родинѣ,	на родинѣ.
215	17 —	началось	началась
—	10 —	стоять въ томъ по- ложеніи, въ кото- ромъ находились въ XIV в.	находятся въ томъ же по- ложеніи, что и въ XIV в.
216	1 сверху	германизирующаго	германизирующему

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Raro Lectori.

Предисловіе.

Глава I. Источники. Титмаръ Мерзебургскій. 1. Лѣтопись. 3. Общая характеристика польско-латинскихъ анналовъ и хроникъ. 11. Мартинъ Галль. 13. Кадлубекъ. 17. Хроника Mięrow'ы. 19. Годиславъ. 20. Венгеро-польская хроника. 23. Хроника о Петрѣ Властѣ. 24. Іоаннъ Длугошъ. 25. Общія выводы о достовѣрности польско-латинскихъ источниковъ. 30. Венгерскія лѣтописи. 30. Татищевъ. 32.

Глава II. Брачныя союзы. Значеніе брачныхъ союзовъ въ отношеніяхъ политическомъ и этнографическомъ. 35—45. Брачныя союзы между княжескими домами русскимъ и польскимъ. 45—67. Святополкъ Владимировичъ, жена—дочь Болеслава Храбраго. 45. Казимиръ, сынъ Мѣшка II, жена—дочь Владимира св. 48. Изяславъ Ярославичъ, жена—дочь Мѣшка II, 52. Болеславъ Смѣлый, жена—дочь русскаго князя. 53. Мстиславъ, сынъ Болеслава Смѣлаго, жена—дочь русскаго князя. 54. Дочь Владислава Германна за русскимъ княземъ. 55. Болеславъ Кривоустый, жена-Сбыслава, дочь Святополка Изяславича, 56. Всеволодъ Давыдовичъ—жена Ляховица. 58. Болеславъ Кудрявый, жена—дочь Всеволода Мстиславича, Верхуслава. 59. Мѣшко старый, жена—русская княжна, 61. Сынъ Мѣшка стараго, жена—дочь Галицкаго князя, 62. Казимиръ справедливый, жена—сестра Мстислава Изяславича. 64. Всеволодъ Святославича, жена—дочь Казимира Справ. 64. Василько Ярополковичъ Дорогичинскій, жена—дочь русскаго князя. 66. Бракъ Петра Власта на дочери русскаго князя. 67. Браки русскихъ и польскихъ боярскихъ фамилій. 70.

Глава III. Политическія отношенія. Судьбы древней Хорватіи. 72. Подчиненіе Хорватіи Владимиромъ св. 77. Эпоха Болеслава Храбраго. 79. Борьба изъ за Черв. земли между Владимиромъ св. и Болеславомъ Хр. 82. Походъ Болеслава Храбр. на Кіевъ, критическій сводъ извѣстій и значеніе этого похода. 85—100. Отношенія Руси къ Польшѣ при Мѣшеѣ I и Казимирѣ Мнихѣ 111—107. Время Бо-

леслава Смѣлаго. 107. Походы Болеслава См. въ Русь 108—120. Общій обзоръ отношеній Польши къ Волини, Галичу и Кіеву въ XI и XII вв. 121—126. Судьбы Черв. области во 2-й половинѣ XI в. 127. Борьба между Ярополкомъ Изяславовичемъ и Ростиславичами. 128—131. Борьба Ростиславичей со Святополкомъ Изяславичемъ и участіе Поляковъ въ ней. 131—135. Отношенія Польши къ Руси при Болеславѣ Кривоустомъ. 135—140. Дѣло Ярослава Святополковича. 140—144. Плѣнъ Володаря Ростиславича. 145—147. Дѣло Бориса Коломановича. 148—150. Отношеніе Руси къ Польщѣ во время междоусобій въ послѣдней по смерти Болеслава Крив. 151—159. Отношеніе Руси и Польши при Болеславѣ Кудрявомъ и Мѣшеѣ Старомъ. 160—169. Общіе выводы изъ содержанія 3 й главы. 169—174.

Глава IV. Отношенія экономическія, культурныя и религіозныя.

Границы между Русью и Польшей. 175—182. Пути изъ Польши въ Русь. 182—185. Торговья сношенія Руси съ Польшей. 185—191. Отношенія культурныя между Русью и Польшей. 192—200. Религіозныя отношенія Польши къ Руси. 200—212. Заключительное слово. 212—216.

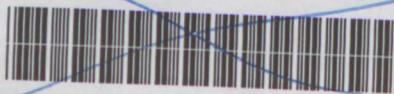
Плѣнъ Володаря и Петръ Власть.

Дополненія и поправки.

Важнѣйшія печатки.

Biblioteka Główna UMK

300000258110